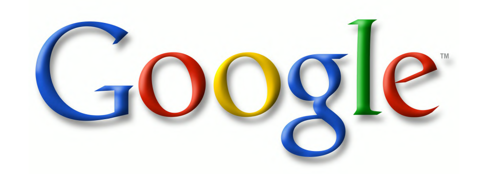
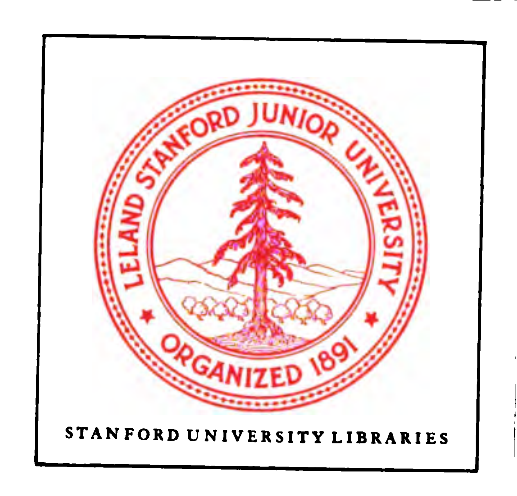
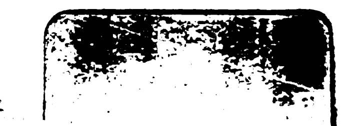


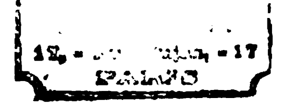

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



前言

Voskresenskii, V. A.

В. ВОСКРЕСЕНСКІЙ.



РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ.

СБОРНИКЪ
СКАЗОКЪ, БЫЛИНЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ И БЫТОВЫХЪ ПѢСЕНЪ, ОБРЯДОВЪ, ПОСЛОВИЦЪ, ЗАГАДОКЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

(Подъ редакціей **В. Яковлева**).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. КАРБАСНИКОВА.
1902.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая № 27.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагая въ *Сборникѣ* пособіе при изученіи народной словесности, мы считали необходимымъ остановиться на такомъ *количествѣ* произведеній, которое дало бы хотя нѣкоторое представленіе о замѣчательномъ богатствѣ и разнообразіи формъ народнаго творчества, о чуткости поэзіи къ историческимъ и бытовымъ явленіямъ жизни, о ея глубокомъ и серьезномъ значеніи въ быту нашего народа. Для теоретическаго изученія формъ народной поэзіи достаточно, разумѣется, взять одну-двѣ былины, двѣ-три сказки и пѣсни, и на этомъ матеріалѣ показать отличіе народной поэзіи отъ художественной и однѣхъ поэтическихъ формъ отъ другихъ; но для знакомства съ народомъ,—его вѣрованіями и убѣжденіями, историческими судьбами и идеальными стремленіями,—насколько все это выразилось въ поэзіи,—такого количества болѣе чѣмъ недостаточно: заключенія, основанныя на незначительномъ числѣ фактовъ, въ лучшемъ случаѣ, должны отличаться односторонностью и случайностью.

При *выборѣ* произведеній обращалось одинаковое вниманіе и на *содержаніе*, и на *форму*, т. е. на языкъ и художественность изложенія. Въ народномъ произведеніи форма съ содержаніемъ расходится несравненно рѣже, чѣмъ въ художественномъ: сказка или былина, замѣчательная по языку и изложенію, обыкновенно бываетъ многозначительна и по содержанію; въ тѣхъ же немногихъ случаяхъ, когда содержаніе не отвѣчало формѣ, преимущество отдавалось этой послѣдней; недостатки же со стороны содержанія восполнялись варіантами изъ другихъ пьесъ.

Расположеніе матеріала, за исключеніемъ развѣ пѣсенъ, не представляетъ существенныхъ отступленій отъ общепринятаго дѣленія народной поэзіи на роды и виды: намъ принадлежитъ только детальная группировка матеріала и многочисленныя рубрики, которымъ мы придаемъ исключительно школьное значеніе. Въ одномъ и томъ же произведеніи обыкновенно выражаются различныя стороны народнаго духа, разнообразныя черты нравовъ и быта, слѣды исторіи, элементы національные и общечеловѣческіе, свои и извнѣпришедшіе; но, разумѣется, чаще всего въ одномъ произведеніи яснѣе обнаруживаются или легче поддаются изученію одни элементы, въ другихъ—другіе. Предложенныя нами рубрики

указываютъ только, на какую сторону слѣдуетъ обратить вниманіе въ данной группѣ, какія свойства народной фантазіи и какія особенности народнаго ума и чувства обнаружились въ ней съ особенной яркостью; но это указаніе, конечно, не устраняетъ необходимости изученія и другихъ сторонъ, если нельзя считать ихъ уже извѣстными *).

Ниже указанъ матеріалъ, которымъ мы пользовались при составленіи *Сборника.*

Примѣчанія, за исключеніемъ немногихъ, и описаніе обрядовъ заимствованы изъ тѣхъ же сборниковъ.

Передѣлки и исправленія поэтическаго матеріала безусловно не допускались. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ встрѣтятся пропуски, отмѣченные точками. Опускались или повторенія, съ оговоркою въ примѣчаніи, или отдѣльныя слова и выраженія, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ умѣстныя въ книгѣ, предназначенной для школы и семьи. Пропуски во всякомъ случаѣ настолько маловажны, что не нарушаютъ ни полноты содержанія, ни характера формы цѣлаго.

Въ орѳографическомъ отношеніи заимствованія сдѣланы съ *буквальною* точностію изъ сборниковъ *Аѳанасьева, Гильфердинга, Рыбникова, Кирѣевскаго* и *Кирши Данилова* (въ послѣднемъ—за исключеніемъ прописныхъ буквъ и—иногда—знаковъ препинанія); въ заимствованіяхъ изъ остальныхъ допускались незначительныя орѳографическія отступленія въ направленіи общепринятаго правописанія.

При составленіи Сборника мы пользовались слѣдующимъ матеріаломъ:

Сокращенія:

Арист.	*Аристовъ, Н.* Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ. Воронежъ. 1875.
Аѳ. Ск.	*Аѳанасьевъ, А. Н.* Народныя русскія сказки. 4 книги. Изданіе второе, вновь пересмотрѣнное, К. Солдатенкова. М. 1873.—*Его-же.* Народныя русскія легенды. Изданіе Н. Щепкина и К. Солдатенкова. М. 1859.
Бусл.	*Буслаевъ, Ѳ.* Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861.
Варенц.	*Варенцовъ, В.* Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860.
Варенц., Сб. п.	*Варенцовъ, В.* Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края. Изд. Н. А. Серно-Соловьевича. Спб. 1862.
Г.	*Гильфердингъ, А. Ѳ.* Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Г. лѣтомъ 1871 г. Съ двумя портретами онежскихъ рапсодовъ и напѣвами былинъ. Спб. 1873 (стр. LVI+1336).
Даль.	*Даль, Владиміръ.* О повѣрьяхъ, суевѣріяхъ и предразсудкахъ русскаго народа. Изд. второе, безъ перемѣнъ (Изд. М. О. Вольфа). Спб. 1880.

*) Во второмъ изданіи нѣкоторыя рубрики измѣнены.

Сокращенія:

Д — *Даль*, *В*. Пословицы русскаго народа. Сборникъ пословицъ, поговорокъ, реченій, присловій, частоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и пр. Изд. Имп. О. И. и Др. Р. при Моск. Университетѣ. М. 1862 (Стр. XL+1095+6).

Кирша. — *Древнія россійскія стихотворенія*, собранныя *Киршею Даниловымъ*. Изд. третье Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, состоящей при Москов. Гл. Архивѣ М. И. Д., по 2-му полному изданію, съ нотами. М. 1878. (Стр. XXV+296).

Кирѣевск. — *Пѣсни*, собранныя П. В. *Кирѣевскимъ*, изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности (подъ редакціей и съ дополненіемъ П. Безсонова). 10 выпусковъ. М. 1860—1874.

(Выпуск. 1—7: *Былины и пѣсни до XVII в. включительно;* выпускъ 8: *Государь царь Петръ Алексѣевичъ*; выпускъ 9: *Восемнадцатый вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ;* выпускъ 10: *Нашъ вѣкъ въ р. истор. пѣсняхъ*).

Миллеръ, *О*. Христоматія къ Опыту историческаго обозрѣнія русской словесности. Изд. 2-е, дополненное. Ч. 1. В. 1. Отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины. Спб. 1866.

П. Сб. — *Пермскій Сборникъ*. Повременное изданіе. Кн. I. М. 1859. Кн. II. М. 1860

(Весьма обстоятельное описаніе свадебнаго обряда гор. Чердыни).

Рыбн. — Пѣсни, собранныя *П. Н. Рыбниковымъ*. Народныя былины, старины, побывальщины (и пѣсни IV ч.). IV части. М. 1861—1867.

Сад Заг. — *Садовниковъ*, *Д*. Загадки русскаго народа. Сборникъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ. Спб. 1875.

Сахаровъ. Сказан. — *Сахаровъ*, *И*. Сказанія русскаго народа. 2 т. Спб. 1841. (т. 1-й)—1841 (т. 2-й).

(Т. 1 й Р. народн. литература.—Очерки семейной р. жизни.—Русскія народныя пѣсни.—Памятники древн. р. литер. (Былины; Сл. о полку Игор. и др.); Т. 2-й: Старые словари р. яз. —Р. народныя свадьбы.—Р. народ. годовщина.—Путешествія р. людей).

Сн. — *Снегиревъ*, *И*. Русскія народныя пословицы и притчи; изданныя И. С-мъ, съ предисловіемъ и дополненіями. М. 1884.

Сн. Р. пр. пр. — *Снегиревъ*, *И*. Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. IV выпуска. М. 1837—1839.

(В. 1-й: Общій обзоръ. Введеніе. В. 2-й: Святки. Авсень. Масляница. В. 3-й: Красная горка. Семикъ и мн. др. В. 4-й: Русалія. Купало. Ярило и мн. др. Свадьбы).

Терещ. Б. Р. Н. — *Терещенко*, *А*. Бытъ русскаго народа. VI частей. Спб. 1848.

(Ч. 1 я: Народность. Жилища. Домоводство и др. Ч. 2-я. Свадьбы. Ч. 3-я: Времясчисленіе. Крещеніе. Похороны и др. Ч. 4-я: Игры. Хороводы. Ч. 5—7: Простонародные обряды).

Учитель.	*Учитель.* Журналъ для наставниковъ, родителей и пр., издаваемый I. Паульсономъ и Н. Весселемъ. Т. III. Спб. 1863.
	Худяковъ, И. А. Великорусскія загадки. М. 1861 (Вошли въ Сб. Садовникова).
Ш.	*Шейнъ, П. В.* Русскія народныя пѣсни. Изд. Имп. О. И. и Др. Р. при М. Университетѣ. 1860.
Якушк.	*Якушкинъ, П.* Русскія пѣсни. Спб 1860.

Кромѣ названныхъ, служили для сравненія *Р. сказки* И. А. Худякова, *лубочныя изданія сказокъ*, *Пѣсенникъ полный р.*, содержащій въ себѣ 500 пѣсенъ, М. 1878, изъ котораго взяты двѣ общеизвѣстныя пѣсни.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе „Русской народной поэзіи“ В. А. Воскресенскаго вышло въ свѣтъ въ 1881 году во время полнаго господства *миѳологической* теоріи. Сообразно съ этой теоріей и разбитъ составителемъ на рубрики христоматическій матеріалъ. Въ настоящее же время—какъ извѣстно—утвердилось въ наукѣ *историко-сравнительное* направленіе, во многихъ отношеніяхъ расшатавшее ученіе Гримма,—поэтому въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ (см. сказки, былины) рубрики пришлось видоизмѣнить. Кромѣ того, представилась возможность добавить примѣчанія, почерпнутыя изъ новѣйшихъ научныхъ трудовъ, которыми составитель „Русской народной поэзіи“ не могъ въ свое время воспользоваться. Что же касается до состава христоматическаго матеріала, то слѣдуетъ сказать, что въ общемъ онъ сохраняетъ прежній характеръ, несмотря на нѣкоторыя сокращенія и добавленія.

В. Я.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. СКАЗКИ.

А. Сказки—въ собственномъ смыслѣ.

Б. Сказки-побывальщины.

В. Сказки книжнаго происхожденія.

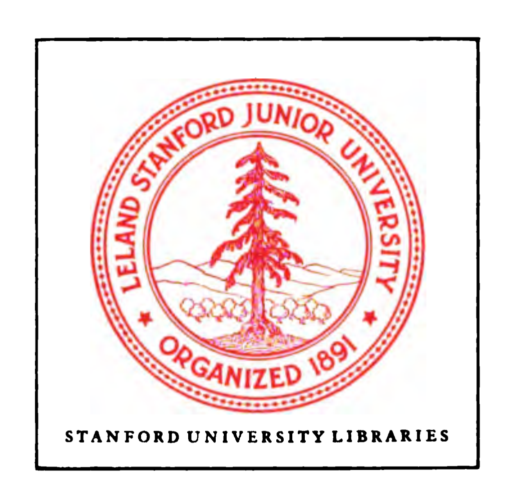
а) Историческія.

б) Бытовыя (сатирическія).

в) Религіозныя (легенды).

II. ПѢСНИ ЭПИЧЕСКІЯ.

1. Былины.



„ну коли такъ, пойдемъ дальше, и если первой, кто съ нами встрѣтится, скажетъ по твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда дѣлать нечего—съѣшь меня!“ Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая кобыла. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: „сдѣлай милость, кобылушка-матушка! разсуди насъ. Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня съѣсть!“ и разсказалъ ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и сказала: я жила у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ не въ мdroit работать — онъ взялъ да и стащилъ меня подъ яръ; ужь я лѣзла-лѣзла, насилу вылѣзла, и теперь вотъ плетусь, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!“ — Видишь, моя правда! молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобъ подождалъ до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это. Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ къ ней съ тѣмъ-же вопросомъ. Собака подумала-подумала и сказала: „служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину, а какъ состарѣлась и перестаа брехать [1]) — онъ прогналъ меня со двора, и вотъ плетусь я, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!“—Ну, видишь, моя правда! Мужикъ еще пуще опечалился и упросилъ бирюка обождать до третьей встрѣчи, а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не помнишь. Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить: „да какъ это можно, чтобы бирюкъ, эдакая большая туша, могъ помѣститься въ эдакомъ маломъ мѣшкѣ?“ И бирюкъ и мужикъ побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила, и сказала: „а ну-ка, мужичокъ, покажь, какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ-то!“ Мужикъ разставилъ мѣшокъ, а бирюкъ всунулъ туда голову. Лиса закричала: „да развѣ ты одну голову пряталъ въ мѣшокъ?“ Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. „Ну-ка, мужичокъ, продолжала лиса, покажи, какъ ты его завязывалъ?“ Мужикъ завязалъ. Ну-ка, мужичокъ, какъ ты въ полѣ хлѣбъ-то молотилъ?“ Мужикъ началъ молотить цѣпомъ по мѣшку. „Ну-ка, мужичокъ, какъ ты отворачивалъ?“ Мужикъ сталъ отворачивать, да задѣлъ лису по головѣ и убилъ ее до смерти, приговаривая: „старая хлѣбъ-соль забывается!“

(Аѳ. Ск. I, 43—45).
(Записана въ Черноярскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи).

3. Лиса и Журавль.

Лиса съ журавлёмъ подружились, даже покумились съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: „приходи, куманекъ! приходи, дорогой! ужь я какъ тебя угощу!“ Идетъ журавль на званой пиръ,

[1]) Лаять.

а лиса наварили манной каши и размазала по тарелкѣ. Подала и подчиваетъ: „покушай, мой голубчикъ-куманёкъ! сама стряпала“. Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучалъ-стучалъ, ничего не попадаетъ! а лисица въ это время лижетъ себѣ да лижетъ кашу, такъ всю сама и скушала. Каша съѣдена; лисица и говоритъ: „не безсудь, любезный кумъ! больше подчивать нечѣмъ“.— Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости. На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклалъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: „кушай, кумушка, право больше нечѣмъ подчивать“. Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина, и такъ зайдетъ, и этакъ, и лизнетъ его, и понюхаетъ-то, все ничего не достаетъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ да клюетъ, пока все поѣлъ. „Ну, не безсудь, кума! больше угощать нечѣмъ“. Взяла лису досада, думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла какъ несолоно хлебала. Какъ аукнулось, такъ и откликнулось! Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлемъ—врозь.

(Аѳ. Ск. I, 51—52). Записана въ Тверской губ.).

4. Мужикъ, медвѣдь и лиса.

Пахалъ мужикъ ниву; пришелъ къ нему медвѣдь и говоритъ ему: „мужикъ, я тебя сломаю!“—Нѣтъ, не замай (не трогай); я вотъ сѣю рѣпу, себѣ возьму хоть корешки, а тебѣ отдамъ вершки. „Быть такъ, сказалъ медвѣдь, а коли обманешь—такъ въ лѣсъ по дрова ко мнѣ хоть не ѣзди!“ Сказалъ и ушелъ въ дуброву. Пришло время: мужикъ рѣпу копаетъ, а медвѣдь изъ дубровы вылѣзаетъ. „Ну, мужикъ, давай дѣлить!“—Ладно, медвѣдюшка! давай я привезу тебѣ вершки—и отвёзъ ему возъ ботвы. Медвѣдь остался доволенъ честнымъ раздѣломъ. Вотъ мужикъ наклалъ свою рѣпу на возъ и повёзъ въ городъ продавать; а на встрѣчу ему медвѣдь: „мужикъ, куда ты ѣдешь?“—А вотъ, медвѣдюшка, ѣду въ городъ корешки продавать. Дай-ка попробовать, каковъ корешокъ!“ Мужикъ далъ ему рѣпу. Медвѣдь какъ съѣлъ—„а-а! заревѣлъ, ты меня обманулъ, мужикъ! корешки твои сладеньки. Теперь не ѣзжай ко мнѣ по дрова, а то задеру!“ Мужикъ воротился изъ города и боится ѣхать въ лѣсъ; пожогъ и полочки, и лавочки, и кадочки, наконецъ дѣлать нечего—надо въ лѣсъ ѣхать. Въѣзжаетъ потихонечку; откуда ни возьмись бѣжитъ лисица. „Что ты, мужичокъ, спрашиваетъ она, такъ тихо бредешь?“—Боюсь медвѣдя, сердитъ на меня, обѣщалъ задрать. „Небось медвѣдя, руби дрова, а я стану порскать [1]); коли спроситъ медвѣдь: что такое? скажи: ловятъ волковъ и медвѣдей“. Мужикъ принялся рубить; глядь—анъ медвѣдь бѣжитъ и мужику кричитъ: „Эй, старикъ! что это за крикъ?“ Мужикъ говоритъ: „волковъ ловятъ

---

[1]) Охотничій терминъ.

да медвѣдей". — Охъ, мужичокъ! положи меня въ сани, закидай дровами да увяжи веревкой; авось подумаютъ, что колода лежитъ. Мужикъ положилъ его въ сани, увязалъ веревкою, и давай обухомъ гвоздить его въ голову, пока медвѣдь совсѣмъ окачурился [1]). Прибѣжала лиса и говоритъ: „гдѣ медвѣдь?"—А вотъ околѣлъ! „Нучтожъ, мужичокъ, теперь нужно меня угостить".—Изволь, лисынька! поѣдемъ ко мнѣ, я тебя угощу. Мужикъ ѣдетъ, а лиса впередъ бѣжитъ; сталъ мужикъ подъѣзжать къ дому, свиснулъ своимъ собакамъ и притравилъ лисицу. Лиса пустилась къ лѣсу и юркъ въ нору; спряталась въ норѣ и спрашиваетъ: „охъ вы, мои глазоньки, что вы смотрѣли, когда я бѣжала?—Охъ, лисынька, мы смотрѣли, чтобъ ты не спотыкнулась. „А вы, ушки, что дѣлали?"—А мы все слушали, далеко ли псы гонятъ. „А ты, хвостъ, что дѣлалъ?"—Я-то, сказалъ хвостъ, все мотался подъ ногами, чтобъ ты запуталась да упала, да къ собакамъ въ зубы попала. „А-а, каналья! такъ пусть-же тебя собаки ѣдятъ". И высунувъ изъ норы свой хвостъ, лиса закричала: „ѣшьте, собаки, лисій хвостъ!" Собаки за хвостъ потащили и лисицу закамшили [2]). Такъ часто бываетъ: отъ хвоста и голова пропадаетъ.

(Аѳ. Ск. I, 37—38).

(Записана въ Тульской губ.).

[1]) Издохъ. [2]) Задавили.

5. Лиса-плачея.

Жилъ-былъ старикъ со старухою, была у нихъ дочка. Разъ ѣла она бобы и уронила одинъ наземь. Бобъ росъ-росъ и выросъ до неба. Старикъ полѣзъ на небо; влѣзъ туда, ходилъ-ходилъ, любовался-любовался, и говоритъ себѣ: „дай принесу сюда старуху; то-то она обрадуется!" Слѣзъ наземь, посадилъ старуху въ мѣшокъ, взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ опять на-верхъ; лѣзъ, лѣзъ, усталъ да и выронилъ мѣшокъ. Спустился поскорѣе, открылъ мѣшокъ, — лежитъ старуха, зубы ощерила, глаза вытаращила. Онъ и говоритъ: „что ты, старуха, смѣешься? что зубы-то оскалила?" да какъ увидѣлъ, что она мертвая, такъ и залился слезами. Жили они одни-одинёхоньки, среди пустыря: некому и поплакать-то по старухѣ. Вотъ взялъ мѣшокъ съ тремя парами бѣленькихъ курочекъ и пошелъ искать плачеи [1]). Видитъ— идетъ медвѣдь, онъ и говоритъ: „поплачь-ко, медвѣдь, по моей старухѣ! я дамъ тебѣ двѣ бѣленькихъ курочки". Медвѣдь заревѣлъ: „ахъ ты, моя родимая бабушка! какъ тебя жалко". Нѣтъ, говоритъ старикъ, ты не умѣешь плакать. И пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и повстрѣчалъ волка; заставилъ его причитать, и волкъ не умѣетъ. Пошелъ еще и повстрѣчалъ лису, заставилъ ее причитать за пару бѣленькихъ курочекъ. Она и запѣла: „туру-туру, бабушка! убилъ тебя дѣдушка". Му-

[1]) Плачея—женщина, оплакивающая, по обычаю, покойника съ разными причитаньями.

жику понравилась пѣсня, онъ заставилъ лису пѣть въ другой, третій и четвертой разъ: хвать, а четвертой пары курочекъ и не достаетъ. Старикъ говоритъ: „лиса, лиса! я четвертую пару дома забылъ; пойдемъ ко мнѣ". Лиса пошла за нимъ слѣдомъ. Вотъ пришли домой; старикъ взялъ мѣшокъ, положилъ туда пару собакъ, а сверху заложилъ лисанькинними шестью курочками, и отдалъ ей. Лиса взяла и побѣжала; немного погодя, остановилась около пня и говоритъ: „сяду на пенёкъ, съѣмъ бѣлую курочку". Съѣла и побѣжала впередъ; потомъ еще на пенёкъ сѣла и другую курочку съѣла, затѣмъ третью, четвертую, пятую и шестую. А въ седьмой разъ открыла мѣшокъ, собаки на нее и выскочили. Лиса ну бѣжать, бѣжала, бѣжала, и спряталась подъ колоду, спряталась и начала спрашивать: ушки, ушки! что вы дѣлали? — Мы слушали да слушали, чтобъ собаки лисаньку не скушали. Глазки, глазки! что вы дѣлали?—Мы смотрѣли да смотрѣли, чтобъ собаки лисаньку не съѣли. Ножки, ножки! что вы дѣлали? — Мы бѣжали да бѣжали, чтобъ собаки лисаньку не поймали. А ты, хвостище, что дѣлалъ?—Я по пнямъ, по кустамъ, по колодамъ зацѣплялъ, чтобъ собаки лисаньку поймали да разорвали. А, ты такой! такъ вотъ-же, нате, собаки! ѣшьте мой хвостъ! — и высунула хвостъ, а собаки схватили за хвостъ, и самое лисицу вытащили и разорвали.

(Аѳ. Ск. I, 35—38).

(Записана въ Кольск. у.).

6. Лихо одноглазое.

Жилъ одинъ кузнецъ. „Что, говоритъ, я горя никакого не видалъ. Говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; пойду, поищу себѣ лихо". Взялъ и пошелъ, выпилъ хорошенько и пошелъ искать лихо. На встрѣчу ему портной. „Здравствуй!"—Здравствуй. „Куда идешь?"—Что, братъ, всѣ говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; я никакого лиха не видалъ, иду искать. „Пойдемъ вмѣстѣ. И я хорошо живу и не видалъ лиха; пойдемъ, поищемъ". Вотъ они шли, шли; зашли въ лѣсъ, въ густой, темный, нашли маленькую дорожку, пошли по ней — по узенькой дорожкѣ. Шли, шли по этой дорожкѣ, видятъ: изба стоитъ большая. Ночь; некуда идти. „Сѣмъ, говорятъ, зайдемъ въ эту избу". Вошли: никого тамъ нѣту, пусто, нехорошо. Сѣли себѣ и сидятъ. Вотъ и идетъ высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. „А! говоритъ, у меня гости. Здравствуйте". —Здравствуй, бабушка! мы пришли ночевать къ тебѣ. „Ну, хорошо; будетъ что поужинать мнѣ!" Они перепугались. Вотъ она пошла, беремя дровъ большое принесла; принесла беремя дровъ, поклала въ печку, затопила. Подошла къ нимъ, взяла одного, портнаго, и зарѣзала, посадила въ печку и убрала. Кузнецъ сидитъ и думаетъ: что дѣлать, какъ быть? Она взяла поужинала. Кузнецъ смотритъ въ печку и говоритъ: „Бабушка, я кузнецъ".—Что умѣешь дѣлать-ковать? „Да я все умѣю".—Скуй мнѣ глазъ. „Хорошо,

говоритъ; да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься, я бы тебѣ вковалъ глазъ". Она пошла, принесла двѣ веревки, одну потоньше, а другую толще. Вотъ онъ связалъ ее одною, которая была потоньше. „Ну-ка, бабушка, повернися!" Она повернулась и разорвала веревку. „Ну, говоритъ, нѣтъ, бабушка! эта не годится". Взялъ онъ толстую веревку да этою веревкою скрутилъ ее хорошенько: „повернись-ка, бабушка!" Вотъ она повернулась—не порвала. Вотъ онъ взялъ шило, разжогъ его, наставилъ на глазъ-то ей, на здоровый, взялъ топоръ да обухомъ какъ ударитъ по шилу. Она какъ повернется и разорвала веревку, да и сѣла на порогѣ. „А, злодѣй, теперича не уйдешь отъ меня!" Онъ видитъ, что опять лихо ему; сидитъ, думаетъ: что дѣлать? Потомъ пришли съ поля овцы; она загнала овецъ въ свою избу ночевать. Вотъ кузнецъ ночевалъ ночь. Поутру стала она овецъ выпускать. Онъ взялъ шубу да вывернулъ шерстью вверхъ, да въ рукава-то надѣлъ и подлѣзъ къ ней какъ овечка. Она все по одной выпускала; какъ хватитъ за спину, такъ и выкинетъ ее. И онъ подползъ; она и его хватила за спину и выкинула. Выкинула его, онъ всталъ и говоритъ: „прощай, Лихо! натерпѣлся я отъ тебя лиха; теперь ничего не сдѣлаешь". Она говоритъ: „постой, еще натерпишься, ты не ушелъ!"

И пошелъ опять кузнецъ въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ. Смотритъ: въ деревѣ топорикъ съ золотой ручкой; захотѣлъ себѣ взять. Вотъ онъ взялся за этотъ топорикъ, рука и пристала къ нему. Что дѣлать? никакъ не оторвешь. Оглянулся назадъ: идетъ къ нему Лихо и кричитъ: „вотъ ты, злодѣй, и не ушелъ!" Кузнецъ вынулъ ножичекъ, въ карманѣ у него былъ, и давай эту руку пилить; отрѣзалъ ее и ушелъ. Пришелъ въ свою деревню и началъ показывать руку, что теперь видѣлъ Лихо. „Вотъ говоритъ, посмотрите—каково оно: я, говоритъ, безъ руки, а товарища моего совсѣмъ съѣла". Тутъ и сказкѣ конецъ.

(Аѳ. Ск. III, 100—101).

(Записана въ Воронежск. г., въ Нижнедѣвицк. у.).

7. Морской Царь и Василиса Премудрая.

За тридевять земель въ тридесятомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; дѣтей у нихъ не было. Поѣхалъ царь по чужимъ землямъ, по дальнымъ сторонамъ, долгое время домой не бывалъ; на ту пору родила ему царица сына Ивана-царевича, а царь про то и не вѣдаетъ. Сталъ онъ держать путь въ свое государство, сталъ подъѣзжать къ своей землѣ, а день-то былъ жаркой-жаркой, солнце такъ и пекло! и напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрѣлся кругомъ и видитъ невдалекѣ большое озеро; подъѣхалъ къ озеру, слѣзъ съ коня, прилегъ на брюхо и давай глотать студёную воду. Пьётъ и не чуетъ бѣды: а Царь Морской ухватилъ

его за бороду. „Пусти!“ проситъ царь. „Не пущу, не смѣй пить безъ моего вѣдома!“ — Какой хочешь, возьми окупъ—только отпусти! „Давай то, чего дома не знаешь“. Царь подумалъ-подумалъ, чего онъ дома не знаетъ? кажись, все знаетъ, все ему вѣдомо, и согласился. Попробовалъ — бороду никто не держитъ, всталъ съ земли, сѣлъ на коня и поѣхалъ восвояси.

Вотъ пріѣзжаетъ домой, царица встрѣчаетъ его съ царевичемъ такая радостная; а онъ какъ узналъ про свое милое дѣтище, такъ и залился горькими слезами. Разсказалъ царицѣ, какъ и что съ нимъ было, поплакали вмѣстѣ, да вѣдь дѣлать-то нечего, слезами дѣла не поправишь. Стали они жить по старому; а царевичъ ростетъ себѣ да ростетъ, словно тѣсто на опарѣ—не по днямъ, а по часамъ, и выросъ большой. „Сколько ни держать при себѣ, думаетъ царь, а отдавать надобно: дѣло не минучее!“ Взялъ Ивана-царевича за руку, привелъ прямо къ озеру: „поищи здѣсь, говоритъ, мой перстень; я ненарокомъ вчера обронилъ“. Оставилъ одного царевича, а самъ повернулъ домой. Сталъ царевичъ искать перстень, идетъ по берегу, и попадается ему на встрѣчу старушка. „Куда идешь, Иванъ-царевичъ?“ — Отвяжись, не докучай, старая вѣдьма! и безъ тебя досадно. „Ну, оставайся съ Богомъ!“ и пошла старушка въ сторону. А Иванъ-царевичъ пораздумался: „за что обругалъ старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! авось что и доброе скажетъ“. И сталъ ворочать старушку: воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Вѣдь я съ досады вымолвилъ: заставилъ меня отецъ перстня искать, хожу-высматриваю, а перстня нѣтъ какъ нѣтъ!“—Не за перстнемъ ты здѣсь; отдалъ тебя отецъ Морскому Царю: выйдетъ Морской Царь и возьметъ тебя съ собою въ подводное царство. Горько заплакалъ царевичъ. „Не тужи, Иванъ-царевичъ! будетъ и на твоей улицѣ праздникъ; только слушайся меня старухи. Спрячься вонъ за тотъ кустъ смородины и притаись тихохонько. Прилетятъ сюда двѣнадцать голубицъ — все красныхъ дѣвицъ, а вслѣдъ за ними и тринадцатая; станутъ въ озерѣ купаться; а ты тѣмъ временемъ унеси у послѣдней сорочку и до тѣхъ поръ не отдавай, пока не подаритъ она тебѣ своего колечка. Если не сумѣешь этого сдѣлать, ты погибъ на вѣки: у Морского Царя кругомъ всего дворца стоитъ частоколъ высокій на цѣлыя на десять верстъ, и на каждой спицѣ по головѣ воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!“ Иванъ-царевичъ поблагодарилъ старушку, спрятался за смородиновый кустъ, и ждетъ поры-времени.

Вдругъ прилетаютъ двѣнадцать голубицъ: ударились о сыру землю и обернулись красными дѣвицами, всѣ до единой красоты несказанныя: ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать! Поскидали платья и пустились въ озеро: играютъ, плещутся, смѣются, пѣсни поютъ. Вслѣдъ за ними прилетѣла и тринадцатая голубица; ударилась о сыру

землю, обернулась красной дѣвицей, сбросила съ бѣлаго тѣла сорочку и пошла купаться: и была она всѣхъ пригожѣе, всѣхъ красивѣе! Долго Иванъ-царевичъ не могъ отвести очей своихъ, долго на нее заглядывался; да припомнилъ, что говорила ему старуха, подкрался тихонько и унесъ сорочку. Вышла изъ воды красная дѣвица, хватилась—нѣтъ сорочки, унесъ кто-то; бросились всѣ искать, искали-искали—не видать нигдѣ. „Не ищите, милыя сестрицы! полетайте домой; я сама виновата—не досмотрѣла, сама и отвѣчать буду". Сестрицы, красныя дѣвицы, ударились о сырую землю, сдѣлались голубками, взмахнули крыльями и полетѣли прочь. Осталась одна дѣвица, осмотрѣла кругомъ и промолвила: „кто бы ни былъ таковъ, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старой человѣкъ—будешь мнѣ родной батюшка, коли среднихълѣтъ —будешь братецъ любимой, коли ровня мнѣ — будешь милой другъ!" Только сказала послѣднее слово, показался Иванъ-царевичъ. Подала она ему золотое колечко и говоритъ: „ахъ, Иванъ-царевичъ! что давно не приходилъ? Морской Царь на тебя гнѣвается. Вотъ дорога, что ведетъ въ подводное царство; ступай по ней смѣло! Тамъ и меня найдешь; вѣдь я дочь Морского Царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетѣла отъ царевича. А Иванъ-царевичъ отправился въ подводное царство; видитъ: и тамъ свѣтъ такой-же, какъ у насъ; и тамъ поля и луга, и рощи зеленыя, и солнышко грѣетъ. Приходитъ онъ къ Морскому Царю. Закричалъ на него Морской Царь: „что такъ долго не бывалъ? за вину твою вотъ тебѣ служба: есть у меня пустошь на тридцать вёрстъ и въ длину и въ поперёкъ — одни рвы, буераки да каменьё острое! Чтобъ къ завтраму было тамъ какъ ладонь гладко, и была бы рожь посѣяна и выросла-бъ къ раннему утру такъ высока, чтобы въ ней галка могла схорониться. Если того не сдѣлаешь — голова твоя съ плечъ долой!" Идетъ Иванъ-царевичъ отъ Морскаго Царя, самъ слезами обливается. Увидала его въ окно изъ своего терема высокаго Василиса Премудрая и спрашиваетъ: „здравствуй, Иванъ-царевичъ! что слезами обливаешься?" — Какъ-же мнѣ не плакать? отвѣчаетъ царевичъ; заставилъ меня Царь Морской за одну ночь сравнять рвы, буераки и каменьё острое, и засѣять рожью, чтобъ къ утру она выросла и могла въ ней галка спрятаться. „Это не бѣда, бѣда впереди будетъ! Ложись съ Богомъ спать; утро вечера мудренѣе, все будетъ готово!" Легъ спать Иванъ-царевичъ, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громкимъ голосомъ: „гей вы, слуги мои вѣрные! ровняйте-ка рвы глубокіе, сносите каменьё острое, засѣвайте рожью колосистою, чтобъ къ утру поспѣло!" Проснулся на зарѣ Иванъ-царевичъ, глянулъ—все готово; нѣтъ ни рвовъ, ни буераковъ, стоитъ поле какъ ладонь гладкое и красуется на немъ рожь—столь высока, что галка схоронится. Пошелъ къ Морскому Царю съ до-

кладомъ. „Спасибо тебѣ, говоритъ Морской Царь, что сумѣлъ службу сослужить. Вотъ тебѣ другая работа: есть у меня триста скирдовъ, въ каждомъ скирду по триста копенъ — все пшеница бѣлоярая; обмолоти мнѣ къ завтраму всю пшеницу чисто-на̀чисто до единаго зёрнушка, а скирдовъ не ломай и сноповъ не разбивай. Если не сдѣлаешь—голова твоя съ плечъ долой!“—Слушаю, ваше величество! сказалъ Иванъ-царевичъ; опять идетъ по двору, да слезами обливается. „О чемъ горько плачешь?“ спрашиваетъ его Василиса Премудрая.—Какъ-же мнѣ не плакать? Приказалъ мнѣ Царь Морской за одну ночь всѣ скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдовъ не ломать и сноповъ не разбивать“. Это не бѣда, бѣда впереди будетъ! Ложись спать съ Богомъ; утро вечера мудренѣе“. Царевичъ легъ спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: „гей вы, муравьи ползучіе! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть—всѣ ползите сюда и повыберите зерно изъ батюшкиныхъ скирдовъ чисто-начисто“. Поутру зоветъ Морской Царь Ивана-царевича: „сослужилъ-ли службу?“—Сослужилъ, ваше величество! „Пойдемъ, посмотримъ“. Пришли на гумно—всѣ скирды стоятъ нетронуты, пришли въ житницы — всѣ закрома полнёхоньки зерномъ. „Спасибо тебѣ, братъ! сказалъ Морской Царь; сдѣлай мнѣ еще церковь изъ чистаго воску, чтобъ къ разсвѣту была готова: это будетъ твоя послѣдняя служба“. Опять идетъ Иванъ-царевичъ по двору и слезами умывается. „О чемъ горько плачешь?“ спрашиваетъ его изъ высокаго терема Василиса Премудрая.—Какъ мнѣ не плакать доброму молодцу? Приказалъ Морской Царь за одну ночь сдѣлать церковь изъ чистаго воску. „Ну, это еще не бѣда, бѣда впереди будетъ. Ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе“. Царевичъ улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: „гей вы, пчелы работящія! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть — всѣ летите сюда и слѣпите изъ чистаго воску церковь божію, чтобъ къ утру была готова“. Поутру всталъ Иванъ-царевичъ, глянулъ—стоитъ церковь изъ чистаго воску, и пошелъ къ Морскому Царю съ докладомъ. „Спасибо тебѣ, Иванъ-царевичъ! Какихъ слугъ у меня ни было, никто не сумѣлъ такъ угодить, какъ ты. Будь-же за то моимъ наслѣдникомъ, всего царства оберегателемъ; выбирай себѣ любую изъ тринадцати дочерей моихъ въ жены“. Иванъ-царевичъ выбралъ Василису Премудрую; тотчасъ ихъ обвѣнчали и на радости пировали цѣлыхъ три дня.

Ни много, ни мало прошло времени, стосковался Иванъ-царевичъ по своимъ родителямъ, захотѣлось ему на святую Русь. „Что такъ грустенъ, Иванъ-царевичъ?“—Ахъ, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотѣлось на святую Русь. „Вотъ это бѣда пришла! Если уйдемъ мы, будемъ за нами погоня великая; Царь Морской разгнѣвается и предастъ насъ

смерти. Надо ухитряться!“ Плюнула Василиса Премудрая въ трехъ углахъ, заперла двери въ своемъ теремѣ, и побѣжала съ Иваномъ-царевичемъ на святую Русь. На другой день ранехонько приходятъ посланные отъ Морскаго Царя — молодыхъ подымать, во дворецъ къ царю звать. Стучатся въ двери: „проснитеся, пробудитеся! васъ батюшка зоветъ“.—Еще рано, мы не выспались; приходите послѣ! отвѣчаетъ одна слюнка. Вотъ посланные ушли, обождали часъ, другой, и опять стучатся: „не пора-время спать, пора-время вставать!“—Погодите немного; встанемъ, одѣнемся! отвѣчаетъ вторая слюнка. Въ третій разъ приходятъ посланные: „Царь де Морской гнѣвается, зачѣмъ такъ долго они прохлаждаются“.—Сейчасъ будемъ! отвѣчаетъ третья слюнка. Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться; нѣтъ отклика, нѣтъ отзыва! выломали двери, а въ теремѣ пусто. Доложили царю, что молодые убѣжали; озлобился онъ и послалъ за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая съ Иваномъ-царевичемъ уже далеко-далеко! скачутъ на борзыхъ коняхъ безъ остановки, безъ роздыху. „Ну-ка, Иванъ-царевичъ, припади къ сырой землѣ да послушай, нѣтъ ли погони отъ Морского Царя?“ Иванъ-царевичъ соскочилъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ, и говоритъ: „слышу я людскую молвь и конской топъ!“—Это за нами гонятъ! сказала Василиса Премудрая, и тотчасъ обратила коней зеленымъ лугомъ, Ивана-царевича старымъ пастухомъ, а сама сдѣлалась смирною овечкою. Наѣзжаетъ погоня: „эй, старичокъ! не видалъ ли ты — не проскакалъ ли здѣсь доброй молодецъ съ красной дѣвицей?“ — Нѣтъ, люди добрые, не видалъ, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ; сорокъ лѣтъ какъ пасу на этомъ мѣстѣ — ни одна птица мимо не пролетывала, ни одинъ звѣрь мимо не прорыскивалъ! Воротилась погоня назадъ: „ваше царское величество! никого въ пути не наѣхали, видѣли только: пастухъ овечку пасетъ“.—Что-жъ не хватали? вѣдь это они были! закричалъ Морской Царь, и послалъ новую погоню. А Иванъ-царевичъ съ Василисою Премудрою давнымъ-давно скачутъ на борзыхъ коняхъ. „Ну, Иванъ-царевичъ, припади къ сырой землѣ да послушай, нѣтъ ли погони отъ Морскаго Царя?“ Иванъ-царевичъ слѣзъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ, и говоритъ: „слышу я людскую молвь и конской топъ“.—Это за нами гонятъ! сказала Василиса Премудрая; сама сдѣлалась церквою, Ивана-царевича обратила старенькимъ попомъ, а лошадей деревьями. Наѣзжаетъ погоня: „эй, батюшка! не видалъ ли ты — не проходилъ ли здѣсь пастухъ съ овечкою?“—Нѣтъ, люди добрые, не видалъ; сорокъ лѣтъ тружусь въ этой церквѣ—ни одна птица мимо не пролетывала, ни одинъ звѣрь мимо не прорыскивалъ! Повернула погоня назадъ: ваше царское величество! нигдѣ не нашли пастуха съ овечкою; только въ пути и видѣли, что церковь да попа-старика.“—

Что-жъ вы церковь не разломали, попа не захватили? вѣдь это они самые были! закричалъ Морской Царь, и самъ поскакалъ въ догонь за Иваномъ-царевичемъ и Василисою Премудрою. А они далеко уѣхали. Опять говоритъ Василиса Премудрая: „Иванъ-царевичъ! припади къ сырой землѣ—не слыхать ли погони?“ Слѣзъ царевичъ съ коня, припалъ ухомъ къ сырой землѣ, и говоритъ: „слышу я людскую молвь и конской топъ пуще прежняго!“— Это самъ царь скачетъ. Оборотила Василиса Премудрая коней озеромъ, Ивана-царевича селезнемъ, а сама сдѣлалась уткою. Прискакалъ Царь Морской къ озеру, тотчасъ догадался, кто таковы утка и селезень; ударился о сыру землю и обернулся орломъ. Хочетъ орелъ убить ихъ до̀ смерти; да не тутъ-то было: что̀ ни разлетится сверху... вотъ-вотъ ударитъ селезня, а селезень въ воду нырнетъ; вотъ-вотъ ударитъ утку, а утка въ воду нырнетъ! Бился-бился, такъ ничего и не смогъ сдѣлать. Поскакалъ Царь Морской въ свое подводное царство, а Василиса Премудрая съ Иваномъ-царевичемъ выждали доброе время и поѣхали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, пріѣхали они въ тридесятое царство. „Подожди меня въ этомъ лѣсочкѣ, говоритъ царевичъ Василисѣ Премудрой; я пойду, доложусь напередъ отцу, матери“.—Ты меня забудешь, Иванъ-царевичъ! „Нѣтъ, не забуду“. — Нѣтъ, Иванъ-царевичъ, не говори, позабудешь! Вспомни обо мнѣ хоть тогда, какъ станутъ два голубка въ окна биться! Пришелъ Иванъ-царевичъ во дворецъ; увидали его родители, бросились ему на шею и стали цѣловать-миловать его; на радостяхъ позабылъ Иванъ-царевичъ про Василису Премудрую. Живетъ день и другой съ отцомъ, съ матерью, а на третій задумалъ свататься на какой-то королевнѣ. Василиса Премудрая пошла въ городъ и нанялась къ просвирнѣ въ работницы. Стали просвиры готовить; она взяла два кусочка тѣста, слѣпила пару голубковъ и посадила въ печь. „Разгадай, хозяюшка, что будетъ изъ этихъ голубковъ?“ — А что будетъ? съѣдимъ ихъ—вотъ и все! „Нѣтъ, не угадала!“ Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно — и въ ту-жъ минуту голуби встрепенулися, полетѣли прямо во дворецъ и начали биться въ окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничѣмъ не могла отогнать ихъ прочь. Тутъ только Иванъ-царевичъ вспомнилъ про Василису Премудрую, послалъ гонцовъ во всѣ концы разспрашивать да розыскивать, и нашелъ ее у просвирни; взялъ за руки бѣлыя, цѣловалъ въ уста сахарныя, привелъ къ отцу, къ матери, и стали всѣ вмѣстѣ жить да поживать, да добра наживать.

(Аѳ. Ск. II, 335—343).

(Записан. въ Тверск. г.).

8. Звѣриное молоко.

Жилъ-былъ царь, у него были сынъ да дочь. Въ сосѣднемъ государствѣ случилась бѣда немалая—

вымеръ весь народъ; проситъ Иванъ-царевичъ отца: „батюшка! благослови меня въ то государство на житье ѣхать“. Отецъ не согласенъ. „Коли такъ, я и самъ пойду!“ Пошелъ Иванъ-царевичъ, а сестра не захотѣла отъ него отстать и сама пошла. Шли они нѣсколько времени. Стоитъ въ чистомъ полѣ избушка на куриныхъ ножкахъ и повертывается; Иванъ-царевичъ сказалъ: „избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила“. Избушка остановилась, они взошли въ нее, а тамъ лежитъ баба-яга: въ одномъ углу ноги, въ другомъ голова, губы на притолкѣ, носъ въ потолокъ уткнула. „Здравствуй, Иванъ-царевичъ! что, дѣла пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?“—Гдѣ дѣла пытаю, а гдѣ и отъ дѣла лытаю; въ такомъ-то царствѣ народъ вымеръ, иду туда на житье. Она ему говоритъ: „самъ бы туда шелъ, а сестру напрасно взялъ; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ“. Напоила ихъ, накормила и спать положила. На другой день братъ съ сестрой собираются въ дорогу; баба-яга даетъ Ивану-царевичу собаку да синій клубочекъ: „куда клубочекъ покатится, туда и иди!“ Клубочекъ подкатился къ другой избушкѣ на куриныхъ ножкахъ. „Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила“. Избушка остановилась, царевичъ съ царевною взошли въ нее: лежитъ баба-яга и спрашиваетъ: „что, Иванъ-царевичъ, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?“ Онъ ей сказалъ, куда и зачѣмъ идетъ. „Самъ бы туда шелъ, а сестру напрасно взялъ; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ“. Напоила ихъ, накормила и спать положила. Наутро подарила Ивану-царевичу собаку и полотенце: будетъ у тебя на пути большая рѣка — перейдти нельзя: ты возьми это полотенце да махни однимъ концомъ — тотчасъ явится мостъ; а когда перейдешь на ту сторону, махни другимъ концомъ — и мостъ пропадетъ. Да смотри: махай украдкою, чтобъ сестра не видѣла“. Пошелъ Иванъ-царевичъ съ сестрою въ путь-дорогу: куда клубокъ катится, туда и идутъ. Подошли къ широкой-широкой рѣкѣ. Сестра говоритъ: „братецъ! сядемъ тутъ отдохнуть“. Сѣла и не видала, какъ царевичъ махнулъ полотенцемъ—тотчасъ мостъ явился. „Пойдемъ, сестрица! Богъ далъ мостъ, чтобы перейдти намъ на ту сторону“. Перешли за рѣку: царевичъ украдкой махнулъ другимъ концомъ полотенца—мостъ пропалъ, какъ не бывало! Приходятъ они въ то самое царство, гдѣ народъ вымеръ: никого нѣтъ, вездѣ пусто! Пообжилися немножко; вздумалось брату пойдти на охоту, и пошелъ онъ со своими собаками бродить по лѣсамъ, по болотамъ.

Въ это время прилетаетъ къ рѣкѣ Змѣй Горынычъ; ударился о сыру землю и сдѣлался такимъ молодцомъ да красавцемъ, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать. Зоветъ къ себѣ царевну: „ты, говоритъ, меня измучила, тоской изсушила; я безъ тебя жить не могу!“ Полюбился Змѣй Горынычъ царевнѣ, кричитъ ему: „лети

сюда черезъ рѣку!“—Не могу перелетѣть. „А я что-же сдѣлаю?“—У твоего брата есть полотенце, возьми его, принеси къ рѣкѣ и махни однимъ концомъ. „Онъ мнѣ не дастъ!“—Ну, обмани его; скажи, будто вымыть хочешь. Приходитъ царевна во дворецъ; на ту пору и братъ ея возвратился съ охоты. Много всякой дичи принесъ, и отдаетъ сестрѣ, чтобъ завтра къ обѣду приготовила. Она спрашиваетъ: „братецъ! нѣтъ ли у васъ чего вымыть изъ чорнаго бѣлья?“—Сходи, сестрица, въ мою комнату; тамъ найдешь—сказалъ Иванъ-царевичъ, и совсѣмъ забылъ о полотенцѣ, что баба-яга подарила да не велѣла царевнѣ показывать. Царевна взяла полотенце; на другой день братъ на охоту, она къ рѣкѣ, махнула однимъ концомъ полотенца—и въ ту-жъ минуту мостъ явился. Змѣй перешелъ по мосту. Стали они цѣловаться, миловаться; потомъ пошли во дворецъ. „Какъ-бы намъ, говоритъ змѣй, твоего брата извести?“—Придумай самъ, а я не вѣдаю, отвѣчаетъ царевна. „Вотъ что: притворись больною и пожелай волчьяго молока; онъ пойдетъ молока добывать—авось голову свернетъ!“ Воротился братъ, сестра лежитъ на постели, жалуется на болѣзнь свою, и говоритъ: „братецъ! во снѣ я видѣла, будто отъ волчьяго молока поздоровѣю; нельзя ли гдѣ добыть? а то смерть моя приходитъ“. Иванъ-царевичъ пошелъ въ лѣсъ—кормитъ волчиха волчонковъ, хотѣлъ ее застрѣлить; она говоритъ ему человѣческимъ голосомъ: „Иванъ-царевичъ! не стрѣляй, не губи меня, не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; лучше скажи: что тебѣ надобно?“—Мнѣ нужно твоего молока. „Изволь, надои; еще дамъ въ придачу волченка; онъ тебѣ станетъ вѣрою-правдою служить“. Царевичъ надоилъ молока, взялъ волченка, идетъ домой. Змѣй увидалъ, сказываетъ царевнѣ: „твой братъ идетъ, волченка несетъ; скажи ему, что тебѣ медвѣжьяго молока хочется“. Сказалъ и оборотился вѣникомъ. Царевичъ вошелъ въ комнату; за нимъ слѣдомъ собаки вбѣжали, услыхали нечистой духъ и давай теребить вѣникъ — только прутья летятъ! „Что это такое, братецъ! закричала царевна; уймите вашу охоту, а то завтра и подмести нечѣмъ будетъ!“ Иванъ-царевичъ унялъ свою охоту и отдалъ ей волчье молоко. Поутру спрашиваетъ братъ сестру: „каково тебѣ, сестрица?“ — Немножко полегчило; если-бъ ты, братецъ, принёсъ еще медвѣжьяго молока—я бы совсѣмъ выздоровѣла. Пошелъ царевичъ въ лѣсъ, видитъ: медвѣдиха дѣтей кормитъ, прицѣлился, хотѣлъ ее застрѣлить; взмолилась она человѣческимъ голосомъ? „не стрѣляй меня, Иванъ-царевичъ! не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; скажи: что тебѣ надобно?“—Мнѣ нужно твоего молока. „Изволь; еще дамъ въ придачу медвѣжонка“. Царевичъ надоилъ молока, взялъ медвѣжонка, идетъ назадъ. Змѣй увидалъ, говоритъ царевнѣ: „твой братъ идетъ, медвѣжонка несетъ; пожелай еще львинаго молока“. Вымолвилъ и обо-

ротился помеломъ; она сунула его подъ печку. Вдругъ прибѣжала охота Ивана-царевича, почуяла нечистой духъ, бросилась подъ печку и давай тормошить помело. „Уймите, братецъ, вашу охоту; а то завтра нечѣмъ будетъ печки замести“. Царевичъ прикрикнулъ на своихъ собакъ; онѣ улеглись подъ столъ, а сами такъ и рычатъ. Наутро опять царевичъ спрашиваетъ: „каково тебѣ, сестрица?“ — Нѣтъ, не помогаетъ, братецъ! а снилось мнѣ нынѣшнюю ночь: если-бъ ты добылъ молока отъ львицы — я бы вылѣчилась. Пошелъ царевичъ въ густой, густой лѣсъ, долго ходилъ — наконецъ увидѣлъ: кормитъ львица малыхъ львенковъ, хотѣлъ ее застрѣлить; говоритъ она человѣческимъ голосомъ: „не стрѣляй меня, Иванъ-царевичъ! не дѣлай моихъ дѣтушекъ сиротами; лучше скажи: что тебѣ надобно? — Мнѣ нужно твоего молока. „Изволь, еще одного львёнка въ придачу дамъ“. Царевичъ надоилъ молока, взялъ львенка, идетъ домой! Змѣй Горынычъ увидалъ, говоритъ царевнѣ: „твой братъ идетъ, львенка несетъ!“ и сталъ выдумывать, какъ-бы его уморить. Думалъ-думалъ, наконецъ выдумалъ послать его въ тридесятое государство; въ томъ царствѣ есть мельница за двѣнадцатью дверями желѣзными, разъ въ годъ отворяется — и то на короткое время; не успѣешь оглянуться, какъ двери захлопнутся. „Пусть-ка попробуетъ, достанетъ изъ той мельницы мучной пыли!“ Вымолвилъ эти рѣчи и оборотился ухватомъ; царевна кинула его подъ печку. Иванъ-царевичъ вошелъ въ комнату, поздоровался и отдалъ сестрѣ львиное молоко; опять собаки почуяли змѣиной духъ, бросились подъ печку и начали ухватъ грызть. „Ахъ, братецъ! уймите вашу охоту; еще разобьютъ что-нибудь!“ Иванъ-царевичъ закричалъ на собакъ; онѣ улеглись подъ столъ, а сами все на ухватъ смотрятъ да злобно рычатъ. Къ утру расхворалась царевна пуще прежняго, охаетъ стонетъ. „Что съ тобой, сестрица? спрашиваетъ братъ, али нѣтъ отъ молока пользы?“ — Никакой, братецъ! и стала его посылать на мельницу. Иванъ-царевичъ насушилъ сухарей, взялъ съ собой и собакъ и звѣрей своихъ, и пошелъ на мельницу. Долго прождалъ онъ, пока время настало и растворились двѣнадцать желѣзныхъ дверей; царевичъ взошелъ внутрь, наскоро námелъ мучной пыли и только что успѣлъ выйти, какъ вдругъ двери за нимъ захлопнулись, и осталась охота его на мельницѣ взаперти. Иванъ-царевичъ заплакалъ: „видно, смерть моя близка!“ Воротился домой; змѣй увидалъ, что онъ одинъ, безъ охоты, идетъ: „ну, говоритъ, теперь его не боюсь!“ выскочилъ къ нему на встрѣчу, разинулъ пасть и крикнулъ: „долго я до тебя добирался, царевичъ! ужъ и ждать надоѣло; а вотъ таки добрался-же — сейчасъ тебя съѣмъ!“ — Погоди меня ѣсть, лучше вели въ баню сходить да напередъ вымыться. Змѣй согласился и велѣлъ ему самому и воды натаскать, и дровъ нарубить, и баню истопить. Иванъ-царевичъ началъ дрова рубить, воду

таскать. Прилетаетъ воронъ и каркаетъ: „каръ-каръ, Иванъ-царевичъ! руби дрова, да не скоро; твоя охота четверо дверей прогрызла“. Онъ что нарубитъ, то въ воду покидаетъ. А время идетъ да идетъ; нечего дѣлать—надо баню топить. Воронъ опять каркаетъ: „какъ-каръ, Иванъ-царевичъ! топи баню, да не скоро; твоя охота восемь дверей прогрызла“. Истопилъ баню, началъ мыться, а на умѣ одно держитъ: „если-бъ моя охота да ко времени подоспѣла!“ Вотъ прибѣгаетъ собака; онъ говоритъ: „ну, двоимъ смерть не страшна!“ За той собакой и всѣ прибѣжали. Змѣй Горынычъ долго поджидалъ Ивана-царевича, не вытерпѣлъ и пошелъ самъ въ баню. Выскочила на него вся охота и разорвала на мелкіе кусочки. Иванъ-царевичъ собралъ тѣ кусочки въ одно мѣсто, сжегъ ихъ огнемъ, а пепелъ развѣялъ по чистому полу. Идетъ со своею охотою во дворецъ; хочетъ сестрѣ голову отрубить; она пала передъ нимъ на колѣни, начала плакать, упрашивать. Царевичъ не сталъ ее казнить, а вывелъ на дорогу, посадилъ ее на каменный столбъ, возлѣ положилъ вязанку сѣна да два чана поставилъ: одинъ съ водою, другой—порожній. И говоритъ: „если ты эту воду выпьешь, это сѣно съѣшь, да наплачешь полонъ чанъ слезъ, тогда Богъ тебя проститъ и я прощу“.

Оставилъ Иванъ-царевичъ сестру на каменномъ столбѣ и пошелъ съ своею охотою за тридевять земель; шелъ-шелъ, приходитъ въ большой, знатный городъ; видитъ—половина народа веселится да пѣсни поетъ, а другая горючими слезами заливается. Попросился ночевать къ одной старушкѣ, и спрашиваетъ: „скажи, бабушка, отчего у васъ половина народа веселится, пѣсни поетъ, а другая на взрыдъ плачетъ?“ Отвѣчаетъ ему старуха: „о-охъ, батюшка! поселился на нашемъ озерѣ двѣнадцатиглавой змѣй, каждую ночь прилетаетъ да людей поѣдаетъ; для того у насъ очередь положена—съ какого конца въ какой день на съѣденіе давать. Вотъ тѣ, которые отбыли свою очередь, веселятся, а которые—нѣтъ, тѣ рѣкой разливаются“. — А теперь за кѣмъ очередь? „Да теперь вынялъ жеребій на царскую дочь; только одна и есть у отца, и ту отдавать приходится. Царь объявилъ, что если выищется кто да убьетъ этого змѣя, такъ онъ пожалуетъ его половиною царства и отдастъ за него царевну замужъ; да гдѣ нынче богатыри то? за наши грѣхи всѣ перевелись!“ Иванъ-царевичъ тотчасъ собралъ свою охоту и пошелъ къ озеру, а тамъ ужъ стоитъ прекрасная царевна и горько плачетъ. „Не бойся, царевна; я твоя оборона!“ Вдругъ озеро взволновалося, всколыхалося, появился двѣнадцатиглавой змѣй. „А, Иванъ-царевичъ, русской богатырь! ты сюда зачѣмъ пришелъ? Драться, али мириться хочешь?“—Почто мириться? русской богатырь не за тѣмъ ходитъ, отвѣчалъ царевичъ, и напустилъ на змѣя всю свою охоту: двухъ собакъ, волка, медвѣдя и льва. Звѣри въ мигъ

его на клочки разорвали. Иванъ-царевичъ вырѣзалъ языки изо всѣхъ двѣнадцати змѣиныхъ головъ, положилъ себѣ въ карманъ, охоту гулять распустилъ, а самъ легъ на колѣни къ царевнѣ и крѣпко заснулъ. Рано утромъ пріѣхалъ водовозъ съ бочкою, смотритъ — змѣй убитъ, а царевна жива и у ней на колѣняхъ спитъ доброй молодецъ. Водовозъ подбѣжалъ, выхватилъ мечъ и снесъ Ивану-царевичу голову, а съ царевны вымучилъ клятву, что она признаетъ его своимъ избавителемъ. Потомъ собралъ онъ змѣиныя головы и повезъ ихъ къ царю; а того и не зналъ, что головы-то безъ языковъ были. Ни много, ни мало прошло времени, прибѣгаетъ на то мѣсто охота Ивана-царевича; царевичъ безъ головы лежитъ. Левъ прикрылъ его травою, а самъ возлѣ сѣлъ. Налетѣли вороны съ воронятами мертвечины поклевать; левъ изловчился, поймалъ вороненка и хочетъ его на двое разорвать. Старой воронъ кричитъ: „не губи моего дѣтенка; онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ! Коли нужно что, приказывай — все исполню“.— Мнѣ нужно мертвой и живой воды, отвѣчаетъ левъ; принеси, тогда и вороненка отдамъ. Воронъ полетѣлъ, и солнце еще не сѣло — какъ воротился и принесъ два пузырька мертвой и живой воды. Левъ разорвалъ вороненка, спрыснулъ мертвой водой — куски срослися, спрыснулъ, живой водой — вороненокъ ожилъ и полетѣлъ вслѣдъ за старымъ ворономъ. Тогда левъ спрыснулъ мертвою и живою водой Ивана-царевича; онъ всталъ и говоритъ: „какъ я долго спалъ!“ —Вѣкъ бы тебѣ спать, кабы не я! отвѣчалъ ему левъ и разсказалъ, какъ нашелъ его убитымъ и какъ воротилъ къ жизни.

Приходитъ Иванъ-царевичъ въ городъ; въ городѣ всѣ веселятся, обнимаются, цѣлуются, пѣсни поютъ. Спрашиваетъ онъ старуху: „скажи, бабушка, отчего у васъ такое веселье?“ — Да вишь какой случай вышелъ: водовозъ повоевалъ змѣя и спасъ царевну; царь выдаетъ теперь за него свою дочь замужъ. „А можно мнѣ посмотрѣть на свадьбу?“ — Коли умѣешь на чемъ играть, такъ иди; тамъ теперь всѣхъ музыкантовъ принаютъ. „Я умѣю на гусляхъ играть“.—Ступай! царевна до смерти любитъ слушать, когда ей на гусляхъ играютъ. Иванъ-царевичъ купилъ себѣ гусли и пошелъ во дворецъ. Заигралъ— всѣ слушаютъ, удивляются: откуда такой славной музыкантъ проявился? Царевна наливаетъ рюмку вина и подноситъ ему изъ своихъ рукъ; глянула и припомнила своего избавителя: слезы изъ глазъ такъ и посыпались! „О чемъ плачешь?“ спрашиваетъ ее царь. Она говоритъ: „вспомнила про своего избавителя“. Тутъ Иванъ-царевичъ объявилъ себя царю, разсказалъ все, какъ было, а въ доказательство вынулъ изъ кармана змѣиные языки. Водовоза подхватили подъ руки, повели и разстрѣляли, а Иванъ-царевичъ женился на прекрасной царевнѣ. На радостяхъ вспомнилъ онъ про свою сестру, поѣхалъ къ каменному столбу—она сѣно съѣла, воду выпила,

полонъ чанъ слезъ наплакала. Иванъ-царевичъ простилъ ее и взялъ къ себѣ; стали всѣ вмѣстѣ жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

(Аѳ. Ск. II, 209—218).
(Записан. въ Курск. г.)

8. Сивко-бурко.

Мы говоримъ, что мы умны, а старики спорятъ: нѣтъ, мы умнѣе васъ были; а сказка сказываетъ, что когда еще наши дѣды не учились и пращуры не родились, а въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ такой старичекъ, который трехъ своихъ сыновъ научилъ грамотѣ и всему книжному. „Ну, дѣтки! говорилъ онъ имъ; умру я—приходите ко мнѣ на могилу читать“.—Хорошо, хорошо, батюшка! отвѣчаютъ дѣти.

Старшіе два брата какіе были молодцы; и рослы, и дородны! а меньшой Ванюша, какъ недоросточекъ, какъ защипанной утеночекъ, гораздо поплоше. Старикъ отецъ умеръ. Въ ту пору отъ царя пришло извѣстіе, что дочь его, Елена—царевна Прекрасная, приказала себѣ выстроить храмъ о двѣнадцать столбовъ, о двѣнадцать вѣнцовъ; сядетъ она въ этомъ храмѣ на высокомъ тронѣ и будетъ ждать жениха, удалого молодца, который бы на конѣ-летунѣ, съ одного взмаха, поцѣловалъ ее въ губки. Всполошился весь молодой народъ, облизывается, почесывается и раздумываетъ: кому такая честь выпадетъ?—„Братья! говорилъ Ванюша, отецъ умеръ; кто изъ насъ пойдетъ на могилу читать!“ — А кого охота беретъ, тотъ пускай и идетъ! отвѣчали братья; Ваня пошелъ. А старшіе знай себѣ коней объѣзжаютъ, кудри завиваютъ, фабрятся, бодрятся, родимые . . . Пришла другая ночь. „Братья! я прочиталъ, говорилъ Ваня; ваша очередь, который пойдетъ?—А кто охочь, тотъ и читай; а намъ дѣла дѣлать не мѣшай. Сами заломили шапки, гикнули, ахнули, полетѣли, понеслись, загуляли въ чистомъ полѣ! Ванюша опять читалъ; на третью ночь тоже. А братья выѣздили коней, расчесали усы, собираются ныче-завтра пытать свое удальство передъ очами Елены Прекрасной. „Брать ли меньшого? думаютъ; нѣтъ, куда съ нимъ! онъ и насъ осрамитъ и людей насмѣшитъ; поѣдемъ одни“. Поѣхали; а Ванюшѣ очень хотѣлось поглядѣть на Елену—царевну Прекрасную; заплакалъ онъ, больно заплакалъ, и пошелъ на могилу къ отцу. Услышалъ его отецъ въ домовинѣ (въ гробѣ), вышелъ къ нему, отряхнулъ съ чела сыру землю и говоритъ: „не тужи, Ваня, я твоему горю пособлю“. Тотчасъ старикъ вытянулся, выпрямился, свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ голосомъ, соловейскимъ посвистомъ; откуда ни взялся — конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей—изъ ушей пламя пышетъ; порхонулъ и сталъ передъ старикомъ, какъ вкопаной, и спрашиваетъ; „что велишь?“ Влѣзъ Ваня коню въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, и сдѣлался такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни пе-

ромъ написать! Сѣлъ на коня, подбоченился и полетѣлъ что твой соколъ прямо къ палатамъ Елены царевны.

Размахнулся, подскочилъ—двухъ вѣнцовъ не досталъ; завился опять, разлетѣлся, скокнулъ—одного вѣнца не досталъ; еще закружился, еще завертѣлся, какъ огонь проскочилъ мимо глазъ, мѣтко нацѣлилъ и прямо въ губки чмокнулъ Елену Прекрасную! „Кто? кто? лови! лови!"— его и слѣдъ простылъ! Прискакалъ на отцову могилу, коня пустилъ въ чистое поле; а самъ въ землю да поклонъ, да проситъ совѣта родительскаго; старикъ и посовѣтовалъ. Домой пришелъ Иванъ, какъ нигдѣ не бывалъ; братья разсказываютъ, гдѣ были, что видѣли; а онъ какъ впервой слышитъ.

На другой день опять сборъ; и бояръ, и дворянъ у княжихъ палатъ глазомъ не окинешь! Поѣхали старшіе братья; пошелъ и меньшой братъ пѣшечкомъ, скромно, смирно, словно не онъ цѣловалъ царевну, и сѣлъ въ дальній уголокъ. Елена царевна спрашиваетъ жениха, Елена-царевна хочетъ его всему свѣту показать, хочетъ ему полъ-царства отдать, а женихъ не является! Его ищутъ между боярами, межъ генералами, всѣхъ перебрали—нѣту. А Ваня глядитъ, ухмыляется, улыбается, и ждетъ, что сама невѣста къ нему прійдетъ. „То, говоритъ, я полюбился ей молодцомъ, теперь она полюби меня въ кафтанѣ простомъ". Встала сама, повела яснымъ окомъ, освѣтила всѣхъ; увидѣла и узнала своего жениха, посадила его съ собой, и скоро съ нимъ обвѣнчалась; а онъ-то, Боже мой! какой сталъ умный да смѣлой, а какой красавецъ!... Сядетъ бывало на коня-летуна, сдвинетъ шапочку, подбочелится—король, настоящій король! взглядишься—и не подумаешь, что былъ когда-то Ванюша.

(Аѳ. Ск. II, 73—75).

(Записана въ Курской губ.).

9. Королевичъ и его дядька.

Жилъ-былъ король, у него былъ сынъ-подростокъ. Королевичъ былъ всѣмъ хорошъ—и лицомъ, и нравомъ, да отецъ-то его не больно: все его корысть мучила, какъ-бы лишній барышъ взять, да побольше оброку сорвать. Увидѣлъ онъ разъ старика съ соболями, съ куницами, съ бобрами, съ лисицами. „Стой, старикъ! откудова ты?" — Родомъ изъ такой-то деревни, батюшка! а нынѣ служу у мужика-лѣшаго. „Какъ вы звѣрей ловите?"—Да лѣшій-мужикъ наставитъ лѣсы [1]), звѣрь глупъ—и попадетъ. „Ну, слушай, старикъ! я тебя виномъ напою, и денегъ дамъ; укажи мнѣ, гдѣ лѣсы ставите." Старикъ соблазнился и указалъ. Король тотчасъ-же велѣлъ лѣшаго-мужика поймать и въ желѣзной столбъ заковать, а въ его заповѣдныхъ лѣсахъ свои лѣсы подѣлалъ. Вотъ сидитъ мужикъ-лѣшій въ желѣзномъ столбѣ да въ окошечко поглядываетъ, а тотъ столбъ въ саду стоялъ. Вошелъ королевичъ съ бабками, съ мамками, съ вѣр-

[1]) Сѣти, ловушки.

ными служанками погулять по саду; идетъ мимо столба, а мужикъ-лѣшій кричитъ ему; „королевское дитя! выпусти меня; я тебѣ самъ пригожусь“.—Да какъ-же я тебя выпущу? „А пойди къ своей матери и скажи ей: матушка моя любезная! поищи у меня... въ головкѣ. Да головку-та положь къ ней на колѣни; она станетъ у тебя въ головѣ искать, а ты улучи минуту, вытащи ключь у ней изъ кармана, да меня и выпусти“. Королевичъ такъ и сдѣлалъ; вытащилъ ключъ изъ кармана у матери, прибѣжалъ въ садъ, сдѣлалъ себѣ стрѣлку, положилъ на тугой лукъ и пустилъ ее далеко-далеко, а самъ кричитъ, чтобъ мамки и няньки ловили стрѣлу. Мамки и няньки разбѣжалися; въ это время королевичъ отперъ желѣзной столбъ и высвободилъ мужика-лѣшаго.

Пошелъ мужикъ-лѣшій рвать королевскія лѣсы! Видитъ король, что звѣри больше не попадаются, осерчалъ и напустился на свою жену: зачѣмъ ключъ давала, мужика-лѣшаго выпускала? И созвалъ онъ бояръ, генераловъ и думныхъ людей, какъ они присудятъ: голову ли ей на плахѣ снять, али въ ссылку сослать? Плохо пришлось королевичу—жаль родную мать, и признался онъ отцу, что это его вина: вотъ такъ-то и такъ-то все дѣло было. Взгоревался король, что ему съ сыномъ дѣлать? – Казнить нельзя; присудили: отпустить его на всѣ на четыре стороны, на всѣ вѣтры полуденные, на всѣ вьюги зимнія, на всѣ вихри осенніе; дали ему котомку и одного дядьку.

Вышелъ королевичъ съ дядькою въ чистое поле; шли они близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, и увидали колодезь. Говоритъ королевичъ дядькѣ: „ступай за водою!“—Нейду! отвѣчаетъ дядька. Пошли дальше, шли-шли, опять колодезь. „Ступай, принеси воды! мнѣ пить хочется“, проситъ дядьку королевской сынъ въ другой разъ.—Нейду! говоритъ дядька. Вотъ еще шли-шли, попадается третій колодезь; дядька опять нейдетъ, и пошелъ за водою самъ королевичъ. Спустился въ колодезь, а дядька захлопнулъ его крышкою и говоритъ: „не выпущу! будь ты слугой, а я—королевичемъ“. Нечего дѣлать, королевичъ согласился и далъ ему въ томъ росписку своей кровью; потомъ помѣнялись они платьями и отправились дальше.

Вотъ пришли они въ иное государство; идутъ къ царю во дворецъ—дядька впереди, а королевичъ позади. Сталъ дядька жить у того царя въ гостяхъ, и ѣстъ и пьетъ съ нимъ за единымъ столомъ. Говоритъ онъ ему: „ваше царское величество! возьмите моего слугу хоть на кухню“. Взяли королевича на кухню, заставляютъ его дрова носить, кострюли чистить. Немного прошло времени—выучился королевичъ готовить кушанье лучше царскихъ поваровъ. Узналъ про то государь, полюбилъ его и сталъ дарить золотомъ. Поварамъ показалось обидно, и стали они искать случая, какъ-бы извести его. Вотъ одинъ разъ сдѣлалъ королевичъ пирогъ и поставилъ въ печку, а повара до-

были яду, взяли да и посыпали на пирогъ. Сѣлъ царь обѣдать; подаютъ пирогъ, царь только было за ножъ взялся, какъ бѣжитъ главной поваръ: „ваше величество! не извольте кушать“. И насказалъ на королевича много всякой напраслины. Царь не пожалѣлъ своей любимой собаки, отрѣзалъ кусокъ пирога и бросилъ нàземь; собака съѣла да тутъ-же издохла. Призвалъ государь королевича, закричалъ на него грознымъ голосомъ: „какъ ты смѣлъ съ отравой пирогъ изготовить? сейчасъ велю тебя казнить лютою казнію!“ — Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, ваше величество! отвѣчаетъ королевичъ; видно, поварамъ въ обиду стало, что вы меня жалуете; нарочно меня подъ отвѣтъ подвели. Царь его помиловалъ, велѣлъ конюхомъ быть.

Повёлъ королевичъ коней на водопой, а на встрѣчу ему мужикъ-лѣшій: „здорово, королевской сынъ! пойдемъ ко мнѣ въ гости“.—Боюсь, кони разбѣгутся. „Ничего, пойдемъ!“ Изба тутъ-же очутилась. У лѣшаго-мужика три дочери; спрашиваетъ онъ старшую: „а что ты присудишь королевскому сыну за то, что меня изъ желѣзнаго столба выпустилъ?“ Дочь говоритъ: „дамъ ему скатерть-самобранку“. Вышелъ королевичъ отъ лѣшаго-мужика съ подаркомъ, смотритъ—кони всѣ на лицо; развернулъ скатерть—чего хочешь, того просишь: и питье, и ѣда! На другой день гонитъ онъ царскихъ коней на водопой, а мужикъ-лѣшій опять на встрѣчу: „пойдемъ ко мнѣ въ гости!“ Привелъ, и спрашиваетъ середнюю дочь: „а ты что королевскому сыну присудишь?“—Я ему подарю зеркальцо: что захочешь, все въ зеркальцѣ увидишь! На третій день опять попадается королевичу мужикъ-лѣшій, ведетъ къ себѣ въ гости и спрашиваетъ меньшую дочь: „а ты что королевскому сыну присудишь?“ — Я ему подарю дудочку—только къ губамъ приложи, сейчасъ явятся и музыканты, и пѣсельники. Весело стало жить королевскому сыну: ѣстъ-пьетъ хорошо, все, знаетъ, все вѣдаетъ, музыка цѣлой день гремитъ. Чего лучше? А кони-то, кони-то! чудо да и только: и сыты, и статны, и нà ногу рѣзвы. Началъ царь хвалиться своей любимой дочери, что послалъ ему Господь славнаго конюха. А прекрасная царевна и сама давнымъ-давно конюха заприкмѣтила; да какъ и не замѣтить красной дѣвицѣ добра молодца. Любопытно стало царевнѣ: отчего у новаго конюха лошади и рѣзвѣе, и статнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ? „Дай, думаетъ, пойду въ его горницу, посмотрю: какъ онъ бѣдняжка поживаетъ?“ А ужь извѣстно: чего баба захочетъ, то и сдѣлаетъ. Улучила время, когда королевичъ на водопой коней погналъ, пришла въ его горницу, и какъ глянула въ зеркальцо — тотчасъ все смекнула, и унесла съ собой и скатерть-самобранку, и зеркальцо, и дудочку.

Въ это время случилась у царя бѣда: наступилъ на его царство семиглавый Идолище, проситъ себѣ царевну въ замужество; „а если не выдадутъ, такъ и силой возьму!“

сказалъ онъ и разставилъ свое войско—тьму-тьмущую. Плохо пришлось царю; дѣлаетъ онъ кличь по всему своему царству, сзываетъ князей и богатырей: кто изъ нихъ побѣдитъ Идолища семиглаваго, тому обѣщаетъ дать половину царства и въ добавокъ дочь въ замужество. Вотъ собрались князья и богатыри, поѣхали сражаться противъ Идолища; отправился и дядька съ царскимъ войскомъ. И нашъ конюхъ сѣлъ на кобылу сиву и потащился вслѣдъ за другими. Ѣдетъ, а на встрѣчу ему мужикъ-лѣшій: „куда ты, королевской сынъ?"—Воевать. „Да на клячѣ далеко не уѣдешь! а еще конюхъ! Пойдемъ ко мнѣ въ гости". Привелъ въ свою избу, налилъ ему стаканъ водки. Королевичъ выпилъ. „Много-ль въ себѣ силы чувствуешь?" спрашиваетъ мужикъ-лѣшій.—Да еслибъ была палица въ пятьдесятъ пудовъ, я-бъ ее вверхъ подбросилъ да свою голову подставилъ, а удара и не почуялъ бы! Далъ ему другой стаканъ выпить: „а теперь много ли силы?"—Да еслибъ была палица во сто пудовъ, я-бъ ее выше облаковъ подбросилъ. Налилъ ему третій стаканъ: „а теперь какова твоя сила?" —Да если бы утвердить столбъ отъ земли до неба, я бы всю вселенную повернулъ! Мужикъ-лѣшій нацѣдилъ водки изъ другого крану и подалъ королевичу; королевичъ выпилъ—и поубавилось у него силы кабы на седьмую часть. Послѣ вывелъ его мужикъ-лѣшій на крыльцо, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ: отколь ни взялся—вороной конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей пламя, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ-подъ копытъ искры сыплются. Прибѣжалъ къ крыльцу и палъ на колѣнки. „Вотъ тебѣ конь!" Далъ ему еще палицу-буявицу да плеть шелковую. Выѣхалъ королевичъ на своемъ ворономъ конѣ супротивъ рати непріятельской; смотритъ, а дядька его на березу взлѣзъ, сидитъ да отъ страху трясется. Королевичъ стегнулъ его плёткою разъ-другой и полетѣлъ на вражее воинство; много народу мечемъ прирубилъ, еще больше конемъ притопталъ, самому Идолищу семь головъ снесъ. А царевна все это видѣла; не утерпѣла, чтобъ не посмотрѣть въ зеркальцо, кому она достанется. Тотчасъ выѣхала на встрѣчу, спрашиваетъ королевича: „чѣмъ себя поблагодарить велишь?"—Поцѣлуй меня, красна дѣвица! Царевна не устыдилася, прижала его къ ретиву сердцу и громко-громко поцѣловала, такъ что все войско услышало.

Королевичъ ударилъ коня — и былъ таковъ! вернулся домой и сидитъ въ своей горенкѣ, словно и на сраженіи не былъ; а дядька всѣмъ хвастаетъ, всѣмъ разсказываетъ: „это я былъ, я Идолище побѣдилъ!" Царь встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ, сговорилъ за него свою дочь и задалъ великой пиръ. Только царевна не будь глупа—возьми да и скажись, что у ней головушка болитъ, ретивое щемитъ. Какъ быть, что дѣлать нареченному зятю? „Батюшка! говоритъ онъ царю, дай мнѣ корабль, я поѣду за лѣкарствами для своей невѣсты; да прикажи и

конюху со мной ѣхать: я вить больно къ нему привыкъ!“ Царь послушался, далъ ему корабль и конюха. Вотъ они и поѣхали, близко-ли, далеко-ль отплыли — дядька приказалъ сшить куль, посадить въ него конюха и пустить въ воду. Царевна глянула въ зеркальцо, видитъ — бѣда! сѣла въ коляску и поскорѣй къ морю; а на берегу ужь мужикъ-лѣшій сидитъ да неводъ вяжетъ. „Мужичокъ! помоги мосму горю; злой дядька королевича утопилъ“.—Изволь, красна дѣвица! вотъ и неводъ готовъ! приложи-ка сама къ нему бѣлыя ручки. Вотъ царевна запустила неводъ въ глубокое море, вытащила королевича и повезла съ собою; а дома все дочиста отцу разсказала. Сейчасъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку; у царя ни медъ варить, ни вино курить — всего вдоволь! А дядька накупилъ разныхъ снадобій и воротился назадъ; входитъ во дворецъ, а тутъ его и схватили. Взмолился онъ, да поздно; духомъ [1]) его на воротахъ разстрѣляли. Свадьба королевича была веселая; всѣ кабаки и трактиры на цѣлую недѣлю были открыты для простого народа безденежно. И я тамъ былъ, медъ-вино пилъ; по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Аѳ. Ск. I, 233—239).

(Записана въ Воронежск. г.)

10. Баба-Яга.

Жили-были мужъ съ женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужикъ женился на другой, и отъ этой прижилъ дочь. Вотъ жена и не взлюбила падчерицу; нѣтъ житья сиротѣ. Думалъ, думалъ нашъ мужикъ, и повезъ свою дочь въ лѣсъ. Ѣдетъ лѣсомъ — глядитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ. Вотъ и говоритъ мужикъ: „избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Избушка и поворотилась. Идетъ мужикъ въ избушку, а въ ней баба-яга: впереди голова, въ одномъ углу нога, въ другомъ другая. „Русскимъ духомъ пахнетъ!“ говоритъ яга. Мужикъ кланяется: „баба-яга, костяная нога! я тебѣ дочку привезъ въ услуженье“.—Ну, хорошо! служи, служи мнѣ, говоритъ яга дѣвушкѣ; я тебя за это награжу. Отецъ простился и поѣхалъ домой. А баба-яга задала дѣвушкѣ пряжи съ коробъ, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вотъ дѣвушка хлопочетъ у печи, а сама горько плачетъ. Выбѣжали мышки и говорятъ ей: „дѣвица, дѣвица! что ты плачешь? дай кашки, мы тебѣ добренько скажемъ“. Она дала имъ кашки.— А вотъ, говорятъ, ты на всякое веретенцо по ниточкѣ напряди. Пришла баба-яга: „ну что, говоритъ, все ли ты припасла?“ А у дѣвушки все готово. „Ну, теперь поди-вымой меня въ банѣ“. Похвалила яга дѣвушку и надавала ей разной сряды [1]). Опять яга ушла, и еще труднѣе задала задачу. Дѣвушка опять плачетъ. Выбѣгаютъ мышки: „что ты, говорятъ, дѣвица красная, плачешь! дай каш-

[1]) Быстро, скоро.

[1]) Сряда—нарядное платье.

ки; мы тебѣ добренько скажемъ". Она дала имъ кашки, а онѣ опять научили ее, что и какъ сдѣлать. Баба-яга опять пришодчи ее похвалила и еще больше дала сряды... А мачеха посылаетъ мужа провѣдать, жива ли его дочь? Поѣхалъ мужикъ; пріѣзжаетъ и видитъ, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома; онъ и взялъ ее съ собой. Подъѣзжаютъ они къ своей деревнѣ, а дома собачка такъ и рвется: „хамъ, хамъ, хамъ! барыню везутъ, барыню везутъ!" Мачеха выбѣжала да скалкой собачку: „врешь, говоритъ, скажи: въ коробѣ косточки гремятъ!" А собачка все свое. Пріѣхали. Мачеха такъ и гонитъ мужа—и ея дочь туда-же отвезти. Отвезъ мужикъ.

Вотъ баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Дѣвка такъ и рвется съ досады и плачетъ. Выбѣгаютъ мышки: „дѣвица, дѣвица! о чемъ ты, говорятъ, плачешь?" А она не дала имъ говорить, то тоѣ скалкой, то другую; съ ними и провозилась, а дѣла-то не придѣлала. Яга пришла, разсердилась. Въ другой разъ опять тоже; яга изломала ее, да косточки въ коробъ и склала. Вотъ мать посылаетъ мужа за дочерью. Пріѣхалъ отецъ, и повезъ однѣ косточки. Подъѣзжаетъ къ деревнѣ, а собачка опять лаетъ на крылечкѣ: „хамъ, хамъ, хамъ! въ коробѣ косточки везутъ!" Мачеха бѣжитъ со скалкой: „врешь, говоритъ, скажи: барыню везутъ!" А собачка все свое: „хамъ, хамъ, хамъ! въ коробѣ косточки гремятъ!" Пріѣхалъ мужъ; тутъ-то жена взвыла! Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла.

(Аѳ. Ск I, 172—174).

(Записана въ Переяславльзалѣсскомъ).

11. Лутонька.

Въ нѣкоторой деревнѣ жилъ старикъ со старухой; дѣтей у нихъ не было. Однажды старикъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами; это было зимою. Старикъ нарубилъ дровъ, сколько нужно было, да срубилъ еще лутошку. Пріѣхалъ домой, дрова на дворѣ оставилъ, а лутошку въ избу принесъ и положилъ въ подпечекъ. На третій день что-то въ подпечкѣ зашумѣло, а потомъ кричитъ: „тятя! мама! выньте меня". Старикъ со старухой испугались; да слышатъ и въ другой разъ тотъ-же голосъ: „тятя! мама! выньте меня"; старикъ поглядѣлъ въ подпечекъ, и увидѣлъ тамъ небольшаго мальчика. Вынулъ его оттуда, показалъ старухѣ, и назвали его Лутонькою, стали его и кормить и поить. Пришло лѣто, сталъ мальчикъ промышлять рыбною ловлею, и тѣмъ промысломъ кормилъ старика со старухою. Старуха бывало прійдетъ къ нему на ловлю и кричитъ его: „Лутонь, Лутонь, Лутонюшка! пригрянь, пригрянь ко бережку, а я тебѣ дамъ пирожка съ начинкою". Лутоня какъ заслышитъ голосъ матери—и подъѣзжаетъ къ берегу; отъ матери беретъ кусокъ пирога, а ей даетъ рыбу. Однажды подглядѣла это ягабаба, пришла къ тому мѣсту и начала его манить къ себѣ такими-

же словами, какъ мать кликала; Лутонюшка услыхалъ толстый голосъ ягой-бабы и сказалъ ей въ отвѣтъ: „нѣтъ, не матушкинъ голосъ, очень толстъ! поди языкъ поточи". Съ тѣмъ ягая-баба и отправилась. Послѣ того приходитъ туда-же старуха, его мать названная, и начала манить: „Лутонь, Лутонь, Лутонюшка! пригрянь, пригрянь ко бережку, а я тебѣ дамъ пирожка съ начинкою". Лутонька услыхалъ материнъ голосъ, подъѣхалъ къ берегу, взялъ у нея пирогъ, а ей рыбу отдалъ. Старуха ушла, а ягая-баба выточила свой языкъ на точилѣ, и немного погодя прибѣжала на берегъ и стала манить Лутонюшку. Лутонька не узналъ ея голоса, подумалъ, что мать его зоветъ, подъѣхалъ къ берегу; ягая-баба схватила его и утащила въ свою избу. У ягой-бабы было три дочери. Она приказала бóльшей дочери истопить избу жарко-жарко, Лутоньку ожарить, а сама ушла въ поле гулять. Бóльшая дочь истопила избу, привела Лутоньку и велѣла ему садиться на лопату. Лутонька былъ не плохъ, началъ отговариваться, что не знаетъ — не вѣдаетъ, какъ сѣсть на лопату: „покажи, проситъ, какъ надо садиться!" Дочка ягой-бабы сѣла на лопату, а Лутонька взялъ лопату за черенъ [1]) и сунулъ ее въ печь, а самъ залѣзъ на подволоку [2]). Приходитъ ягая-баба и спрашиваетъ Лутоньку; дочери вынули изъ печи свою сестру и подали матери; она ее и скушала. Вышла на дворъ и говоритъ: „покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиныхъ косточкахъ!" а Лутонька сидитъ на подволокѣ да себѣ говоритъ: „покатайся, поваляйся на дочернихъ косточкахъ!" Ягая-баба увидѣла Лутоньку и закричала: „какъ ни встану, а достану тебя, Лутонька!" Достала Лутоньку и отдала дочерямъ, приказала его ожарить, а сама опять ушла. Дочери истопили избу; середняя хотѣла посадить Лутоньку на лопату, но онъ обманулъ ее и сунулъ самоё въ печь. Тоже сдѣлалъ онъ и съ младшею. Ягая-баба пришла домой, стала звать дочерей: нѣтъ никого. Вынула сама жареное и съѣла, потомъ вышла на дворъ и говоритъ: „покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиныхъ косточкахъ!" А Лутонька съ подволоки отвѣчаетъ: покатайся, поваляйся, дура, на дочернихъ косточкахъ!" Ягая-баба увидѣла его, осердилась и хотѣла достать. Лутонька закричалъ жалобнымъ голосомъ: „ахъ вы, гуси! ахъ вы, лебеди! прилетите ко мнѣ, вырвите по перушку". Гуси-лебеди прилетѣли, вырвали у себя по перушку, сдѣлали два крылушка и дали Лутонюшкѣ; Лутонька взялъ и улетѣлъ отъ ягой-бабы къ отцу, къ матери, и сталъ вмѣстѣ съ ними жить-поживать, да рыбку изъ воды таскать.

(Аѳ. Ск. I, 204—206).

(Записана въ Саратовской губ.).

---

[1]) Рукоятка.

[2]) Подволока—чердакъ, вышка.

12. Кощей.

Бывало-живало—въ нѣкоторомъ государствѣ былъ-жилъ царь и царица; у нихъ родился сынъ Иванъ-царевичъ. Няньки его качають, никакъ укачать не могутъ; зовутъ отца: „царь-великой государь! поди, самъ качай своего сына". Царь началъ качать: „спи, сынокъ! спи, возлюбленной! выростешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру". Царевичъ уснулъ и проспалъ троесутокъ; пробудился—пуще прежняго расплакался. Няньки качають; никакъ укачать не могутъ; зовутъ отца: „царь-великой государь! поди, качай своего сына". Царь качаетъ, самъ приговариваетъ: „спи, сынокъ! спи, возлюбленной! выростешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру". Царевичъ уснулъ, и опять проспалъ трое сутокъ; пробудился, еще пуще расплакался. Няньки качають, никакъ укачать не могутъ: „поди, великой государь! качай своего сына". Царь качаетъ, самъ приговариваетъ: спи, сынокъ! спи, возлюбленной! выростешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру". Царевичъ уснулъ, и опять проспалъ трое сутокъ. Пробудился и говоритъ: „давай, батюшка, свое благословеніе; я поѣду жениться".—Что ты дитятко! куда поѣдешь? ты всего девятисуточный! „Дашь благословеніе—поѣду, и не дашь—поѣду!"—Ну, поѣзжай! Господь съ тобой! Иванъ-царевичъ срядился и пошелъ коня доставать; отошелъ немало отъ дому и (в)стрѣтилъ стараго человѣка. „Куда, молодецъ, пошелъ? волей, али неволей?"—Я съ тобою и говорить не хочу! отвѣчалъ царевичъ, отошелъ немного и одумался: „что же я старику ничего не сказалъ? стары люди на умъ наводятъ". Тотчасъ настигъ старика: „постой, дѣдушка! про что ты меня спрашивалъ?"—Спрашивалъ: куда идешь, молодецъ? волей, али неволей? „Иду я сколько волею, а вдвое неволею. Былъ я въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня высватать Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру."—Хорошъ молодецъ, учливо говоришь! Только пѣшему тебѣ не дойдти — Ненаглядная Красота далеко живетъ. „Сколь далеко?"—Въ золотомъ царствѣ, по конецъ свѣту бѣлаго, гдѣ солнышко восходитъ. „Какъ-же быть-то мнѣ? Нѣтъ мнѣ молодцу по плечу коня неѣзжалаго, ни плѣточки шелковой-недержалой".—Какъ нѣтъ! у твоего батюшки есть тридцать лошадей — всѣ какъ одна; поди домой, прикажи конюхамъ напоить ихъ у синя моря: которая лошадь напередъ выдвинется, забредетъ въ воду по самую шею, и какъ станетъ пить — на синемъ морѣ начнутъ волны подыматься, изъ берега въ берегъ колыхаться, ту и бери! „Спасибо на

добромъ словѣ, дѣдушка!“ Какъ старикъ научилъ, такъ царевичъ и сдѣлалъ; выбралъ себѣ богатырскаго коня, ночь переночевалъ, поутру рано всталъ, растворилъ ворота и собирается ѣхать. Проговорилъ ему конь человѣческимъ языкомъ: „Иванъ-царевичъ! припади къ землѣ; я тя (тебя) трижды пихну“. Разъ пихнулъ, и другой пихнулъ, а въ третій не сталъ: „ежели въ третій пихнуть, насъ съ тобой земля не снесетъ!“ Иванъ-царевичъ выхватилъ коня съ цѣпей, осѣдлалъ, сѣлъ верхомъ — только и видѣлъ царь своего сына! Ѣдетъ далекимъ-далеко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что̀ городъ, изба что̀ теремъ. Пріѣхалъ на дворъ—прямо ко крыльцу, привязалъ коня къ мѣдному кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. „Ночуй, доброй молодецъ! говоритъ ему старуха; куды тя̀ Госсподь несетъ?“— Ахъ ты, старая ...! неучливо спрашиваешь. Прежде напой-накорми, ... втѣпоръ и вѣстей спрашивай. Она его напоила-накормила, ... и стала вѣстей выспрашивать. „Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру“. Хорошъ молодецъ! учливо говоришь. Я седьмой десятокъ доживаю, а про эту красоту слыхомъ не слыхала. Впереди по дорогѣ живетъ моя большая сестра, можетъ—она знаетъ; поѣзжай-ка завтра къ ней, а теперь усни: утро вечера мудренѣе! [1]) Иванъ-царевичъ ночь переночевалъ, поутру всталъ ранешенько, умылся бѣленько, вывелъ коня, осѣдлалъ, въ стремено ногу клалъ—только его и видѣла бабушка! Ѣдетъ онъ далекимъ-далеко, высокимъ-высоко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что городъ, изба что теремъ. Пріѣхалъ ко крыльцу, привязалъ коня къ серебряному кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. Говоритъ старуха: „фу-фу! доселева было̀ русской коски видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, а нонѣ русская коска сама на дворъ пріѣхала. Откуль, Иванъ-царевичъ, взялся?“—Что ты, старая ..., расфукалась, неучливо спрашиваешь? Ты бы прежде накормила-напоила, ... тожно бы вѣстей спрашивала. Она его за столъ посадила, накормила-напоила, ... и спрашиваетъ: „Куды тя̀ Богъ понесъ?“— Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру. „Хорошъ молодецъ! учливо говоришь. Я восьмой десятокъ доживаю, а про эту

---

[1]) *Варіантъ:* Входитъ Иванъ-царевичъ въ избу, а тамъ лежитъ баба-яга, костяная нога, изъ угла въ уголъ, носъ въ потолокъ. «Здравствуй, красавица!» — Здравствуй, Иванъ-царевичъ! куда путь держишь? «Ѣду сватать за себя царевну Ненаглядную Красоту».—Куда тебѣ! ее ни одинъ богатырь доступить не можетъ, а ты еще малъ, въ лѣта не вошелъ». «Эхъ ты, старая ...! не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать; сидючи на одномъ мѣстѣ, ты вся зацвѣла, заплѣсневѣла; тебя, проклятую, и смерть бѣгаетъ!» Плюнулъ царевичъ и поѣхалъ дальше..

красоту еще не слыхивала. Впереди по дорогѣ живетъ моя большая сестра, можетъ — она знаетъ; есть у ней на то отвѣтчики: первые отвѣтчики—звѣрь лѣсной, другіе отвѣтчики—птица воздушная, третьи отвѣтчики—рыба и гадъ водяной; что ни есть на бѣломъ свѣтѣ—все ей покоряется. Поѣзжай-ка завтра къ ней; а теперь усни: утро вечера мудренѣе!“ Иванъ-царевичъ ночь переночевалъ, всталъ раненько, умылся бѣленько, сѣлъ на коня—и былъ таковъ! Ѣдетъ далекимъ-далеко, высокимъ-высоко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ, что городъ, изба что теремъ. Пріѣхалъ ко крыльцу, прицѣпилъ къ золотому кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. Закричала на него старуха: „ахъ, ты, такой-сякой! желѣзнаго кольца недостоинъ, а къ золотому коня привязалъ“. — Хорошо, бабушка! не бранись: коня можно отвязать, за иное кольцо привязать. „Что, доброй молодецъ, задала тебѣ страху! а ты не страшись, да на лавочку садись, а я стану спрашивать: изъ какихъ ты родовъ, изъ какихъ городовъ?“ — Эхъ, бабушка! ты бы прежде накормила-напоила, втѣпоръ вѣстей поспрошала; видишь—человѣкъ съ дороги, весь день не ѣлъ. Въ тотъ часъ старуха столъ поставила, принесла хлѣба-соли, налила водки стаканъ, и принялась угощать Ивана-царевича. Онъ наѣлся-напился, на постелю повалился; старуха не спрашиваетъ, онъ самъ ей разсказываетъ: „былъ я въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ. сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру. Сдѣлай милость, бабушка! скажи: гдѣ живетъ Ненаглядная Красота и какъ до нея дойдти?“—Я и сама, царевичъ, не вѣдаю: вотъ ужъ девятой десятокъ доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Ну, да усни съ Богомъ; заутро соберу моихъ отвѣтчиковъ—можетъ, изъ нихъ кто знаетъ. На другой день встала старуха ранёнько, умылась бѣлёнько, вышла съ Иваномъ-царевичемъ на крылечко, и скричала богатырскимъ голосомъ, освистала молодецкимъ посвистомъ. Крикнула по морю: „рыбы и гадъ водяной! идите сюда“. Тотчасъ сине море всколыхалося, собирается рыба и большая и малая, собирается всякой гадъ, къ берегу идетъ—воду укрываетъ. Спрашиваетъ старуха: гдѣ живетъ Ненаглядная Красота, трехъ мамокъ дочка, трехъ бабокъ внучка, девяти братьевъ сестра? Отвѣчаютъ всѣ рыбы и гады въ одинъ голосъ: „видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!“ Крикнула старуха по землѣ: „собирайся, звѣрь лѣсной!“ Звѣрь бѣжитъ, землю укрываетъ, въ одинъ голосъ отвѣчаетъ: „видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!“ Крикнула старуха по поднебесью: „собирайся, птица воздушная!“ Птица летитъ, денной свѣтъ укрываетъ, въ одинъ голосъ отвѣчаетъ: „видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!“—Больше некого спрашивать! говоритъ старуха, взяла Ивана-царевича за руку и повела въ избу; только вошли туда, налетѣла Моголь-

птица, пала на землю—въ окнахъ свѣту не стало. „Ахъ ты, птица Моголь! гдѣ была-гдѣ летала, отчего запоздала?“ —Ненаглядную Красоту къ обѣднѣ сряжала. „Того мнѣ и надоть! сослужи мнѣ службу вѣрою-правдою: снеси туда Ивана-царевича“.—Рада бы—сослужила, много пропитанья надоть! „Сколь много?“—Три сороковки говядины да щ(ч)анъ воды. Иванъ-царевичъ налилъ щанъ воды, накупилъ быковъ, набилъ и наклалъ три сороковки говядины, уставилъ тѣ бочки на птицу, побѣжалъ въ кузницу и сковалъ себѣ копье длинное, желѣзное. Воротился и сталъ со старухой прощаться: „прощай, говоритъ, бабушка! корми моего добраго коня сыто—я тебѣ за все отплачу“. Сѣлъ на Моголь-птицу—въ ту-жъ минуту она поднялась и полетѣла. Летитъ, а сама безперечь оглядывается: какъ отглянется, Иванъ-царевичъ тотчасъ подаетъ ей на копьѣ кусъ говядины. Вотъ летѣла-летѣла не мало времени, царевичъ двѣ бочки скормилъ, за третью принялся, и говоритъ: „ой, птица-Моголь! пади на сыру землю, мало пропитанья стало“. — Что ты, Иванъ-царевичъ! здѣсь лѣса дремучіе, грязи вязучія—намъ съ тобой по конецъ вѣка не выбраться. Иванъ-царевичъ всю говядину скормилъ и бочки спихалъ, а Моголь-птица летитъ-оборачивается. Что дѣлать! думаетъ царевичъ, вырѣзалъ изъ своихъ ногъ икры и далъ птицѣ; она проглотила, вылетѣла на луга зеленые, травы шелковыя, цвѣты лазоревые, и пала наземь. Иванъ-царевичъ всталъ, идетъ по лугу—разминается, на обѣ ноги прихрамываетъ. „Что ты, царевичъ! али хромаешь?“—Хромаю, Моголь-птица! давеча изъ ногъ своихъ икры вырѣзалъ и тебѣ скормилъ. Моголь-птица выхаркнула икры, приложила къ ногамъ Ивана-царевича, дунула-плюнула, и икры приросли—и пошелъ царевичъ и крѣпко и бодро. Пришелъ въ большой городъ и присталъ отдохнуть къ бабушкѣ-задворенкѣ. Говоритъ ему бабушка-задворенка: „спи, Иванъ-царевичъ! заутро, какъ ударятъ въ колоколъ, я тебя разбужу“. Легъ царевичъ и тотчасъ уснулъ; день спитъ, ночь спитъ... зазвонили къ заутренѣ, прибѣжала бабушка-задворенка, стала его будить, что ни попадетъ въ руки—тѣмъ и бьетъ; нѣтъ, не могла сбудить. Отошла заутреня, зазвонили къ обѣднѣ, Ненаглядная Красота въ церковь поѣхала; прибѣжала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича, бьетъ его чѣмъ ни попадя, насилу-насилу разбудила. Вскочилъ Иванъ-царевичъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился и пошелъ къ обѣднѣ. Пришелъ въ церковь, образамъ помолился, на всѣ стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ въ особину; стоятъ они рядомъ да Богу молятся. На отходѣ обѣдни она первая подъ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ на рундукъ, глянулъ на сине море—идутъ корабли; наѣхало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну насмѣхаться: „ахъ ты, деревенская зобенка! не тебѣ-ль такая красавица? не стоишь ты ея

мизиннаго пальчика!“ Разъ говорятъ, и въ другой говорятъ, а въ третій сказали—ему бѣдно [1]) стало: рукой махнулъ—улица, другой махнулъ—чисто, гладко кругомъ! Самъ ушелъ къ бабушкѣ-задворенкѣ. „Что, Иванъ-царевичъ, видѣлъ Ненаглядную Красоту?“—Видѣлъ, по вѣкъ не забуду. „Ну, ложись спать; завтра она опять къ обѣднѣ пойдетъ; какъ ударитъ колоколъ, я тебя разбужу“. Легъ царевичъ; день спитъ, ночь спитъ.. зазвонили къ заутренѣ, прибѣжала бабушка задворенка, стала будить царевича, что ни попадетъ подъ руки—тѣмъ и бьетъ его; нѣтъ, не могла разбудить. Зазвонили къ обѣднѣ, она опять его бьетъ и будитъ. Вскочилъ Иванъ-царевичъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился и въ церковь. Пришелъ, образамъ помолился, на всѣ четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; она на него глянула—покраснѣла. Стоятъ они рядышкомъ да Богу молятся; на исходѣ обѣдни она первая подъ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ царевичъ на рундукъ, поглядѣлъ на сине море—плывутъ корабли, наѣхало двѣнадцать богатырей: стали тѣ богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на смѣхъ подымать: „ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ-ль такая красавица? не стоишь ты ея мизиннаго пальчика!“ Отъ тѣхъ рѣчей ему бѣдно показалося; махнулъ рукой—стала улица, махнулъ другой—чисто и гладко кругомъ! Самъ къ бабушкѣ-задворенкѣ ушелъ. „Видѣлъ-ли Ненаглядную Красоту?“ спрашиваетъ бабушка-задворенка. „Видѣлъ, по вѣкъ не забуду“.—Ну, спи; заутро я тебя опять разбужу. Иванъ-царевичъ день спитъ и ночь спитъ; ударили въ колоколъ къ заутренѣ, прибѣжала бабушка-задворенка будить его; чѣмъ ни попадя бьетъ его, не жалѣючи, а разбудить никакъ не можетъ. Ударили въ колоколъ къ обѣднѣ, она все съ царевичемъ возится. Насилу добудилась его! Иванъ-царевичъ вскочилъ скорехонько, умылся бѣлехонько, снарядился и въ церковь. Пришелъ, образамъ помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; она съ нимъ поздоровалась, поставила его по праву руку, а сама стала по лѣвую. Стоятъ они да Богу молятся; на исходѣ обѣдни онъ первый подъ крестъ, она вторая за нимъ. Вышелъ царевичъ на рундукъ, поглядѣлъ на сине море—плывутъ корабли, наѣхало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну надъ нимъ насмѣхаться: „ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ-ль такая красавица? ты не стоишь ея мизиннаго пальчика!“ Стали къ нему со всѣхъ сторонъ подступать да невѣсту отбивать; Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ: махнулъ рукой—улица, махнулъ другой—гладко и чисто кругомъ, всѣхъ до единаго перебилъ. Ненаглядная Красота взяла его за руку, повела въ свои терема, сажала за столы дубовые, за скатерти браныя, уго-

[1]) Обидно прискорбно.

щала его—подчивала, своимъ женихомъ называла. Вскорѣ потомъ собрались въ путь-дорогу и поѣхали въ государство Ивана-царевича. Ѣхали-ѣхали, и остановились въ чистомъ полѣ отдыхать. Ненаглядная Красота спать легла, а Иванъ-царевичъ ея сонъ сторожить. Вотъ она выспалась, пробудилась; говоритъ ей царевичъ: „Ненаглядная Красота! похрани моего тѣла бѣлаго, я спать лягу“.—А долго-ль спать будешь? „Девятеро сутокъ, съ боку на бокъ не поворочусь, станешь будить меня—не разбудишь, а время прійдетъ — самъ проснусь“. — Долго, Иванъ-царевичъ! мнѣ скучно будетъ „Скучно-нескучно, а дѣлать нечего!“ Легъ спать, и проспалъ какъ разъ девять сутокъ. Въ то время пріѣхалъ Кощей Безсмертной и увезъ Ненаглядную Красоту въ свое государство.

Пробудился отъ сна Иванъ-царевичъ, смотритъ—нѣту Ненаглядной Красоты; заплакалъ и пошелъ ни путемъ-ни дорогою. Долго-ли, коротко ли—приходитъ въ государство Кощея Безсмертнаго и просится на постой къ одной старухѣ. „Что, Иванъ-царевичъ, печаленъ ходишь?“ —Такъ и такъ, бабушка! былъ со всѣмъ, сталъ ни съ чѣмъ. „Худо твое дѣло, Иванъ-царевичъ! тебѣ Кощея не потребить (истребить)“. Я хоть посмотрю на мою невѣсту! „Ну ложись—спи до утра; завтра Кощей на войну уѣдетъ“. Легъ Иванъ-царевичъ, а сонъ и на умъ не йдетъ; поутру Кощей со двора, а царевичъ во дворъ—сталъ у воротъ и стучится. Ненаглядная Красота отворила, глянула и заплакала; пришли они въ горницу, сѣли за столъ и начали разговаривать. Научаетъ ее Иванъ-царевичъ: „спроси у Кощея Безсмертнаго, гдѣ его смерть?—Хорошо, спрошу. Только успѣлъ онъ со двора уйти, а Кощей во дворъ: „а! говоритъ, русской кос(т)кой пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ“.—Что ты, Кощей Безсмертной! гдѣ мнѣ Иванъ-царевича видать? остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри съѣли! Стали они ужинать; за ужиномъ Ненаглядная Красота спрашиваетъ: „скажи мнѣ, Кощей Безсмертной: гдѣ твоя смерть?“—На что тебѣ, глупая баба? Моя смертъ въ вѣникѣ завязана. Рано утромъ уѣзжаетъ Кощей на войну. Иванъ царевичъ пришелъ къ Ненаглядной Красотѣ, взялъ тотъ вѣникъ и чистымъ золотомъ ярко вызолотилъ. Только успѣлъ царевичъ уйти, а Кощей во дворъ: „а! говоритъ, русской коской пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ“.—Что ты, Кощей Безсмертной! самъ по Руси леталъ, русскаго духу нахватался—отъ тебя русскимъ духомъ и пахнетъ. А мнѣ гдѣ видать Ивана-царевича? остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри съѣли! Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама сѣла на стулъ, а его посадила на лавку; онъ взглянулъ подъ порогъ—лежитъ вѣникъ позолоченой. „Это что?“ — Ахъ, Кощей Безсмертной! самъ видишь, какъ я тебя почитаю: коли ты мнѣ дорогъ, такъ и смерть твоя

дорога". Глупая баба! то я пошутилъ, моя смерть вонъ въ дубовомъ тыну задѣлана". На другой день Кощей уѣхалъ, а Иванъ-царевичъ пришелъ, весь тынъ вызолотилъ. Къ вечеру ворочается Кощей Безсмертной: „а! говоритъ, русской коской пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ". — Что ты, Кощей Безсмертной! кажется, я тебѣ не разъ говаривала: гдѣ мнѣ видать Ивана-царевича? остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри растерзали. Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама сѣла на лавку, а его на стулъ посадила. Кощей взглянулъ въ окно — стоитъ тынъ позолоченой, словно жаръ горитъ! „Это что?" — Самъ видишь, Кощей Безсмертной! какъ я тебя почитаю: коли ты мнѣ дорогъ, такъ и смерть твоя дорога. Полюбилась эта рѣчь Кощею Безсмертному, говоритъ онъ Ненаглядной Красотѣ: „ахъ ты, глупая баба! то я пошутилъ; моя смерть въ яйцѣ, то яйцо въ уткѣ, та утка въ кокорѣ [1]), та кокора въ морѣ плаваетъ". Какъ только уѣхалъ Кощей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожковъ и разсказала, гдѣ искать смерть Кощееву. Иванъ-царевичъ пошелъ ни путемъ — ни дорогою пришелъ къ окіанъ-морю широкому, и не знаетъ, куда дальше идти, а пирожки давно вышли — ѣсть нечего. Вдругъ летитъ ястребъ. Иванъ-царевичъ прицѣлился: „ну, ястребъ! я тебя застрѣлю да сыркомъ съѣмъ [1])". — Не ѣшь меня, Иванъ-царевичъ! въ нужное время я тебѣ пригожусь. Бѣжитъ медвѣдь: „ахъ, Мишка косолапой! я тебя убью да сыркомъ съѣмъ". — Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! въ нужное время я тебѣ пригожусь. Глядь — на берегу щука трепещется: „а, щука зубастая, попалася! я тебя сыркомъ съѣмъ". — Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! лучше въ море брось; въ нужное время я тебѣ пригожусь. Стоитъ царевичъ и думаетъ: когда-то наступитъ нужное время, а теперь голодать пришлось! Вдругъ синё море всколыхалося, взволновалося, стало берегъ заливать; Иванъ-царевичъ бросился въ гору. Что есть силъ бѣжитъ, а вода за нимъ по пятамъ гонитъ; взбѣжалъ на самое высокое мѣсто и влѣзъ на дерево. Немного спустя начала вода сбывать; море стихло, улеглось, а на берегу очутилась большая кокора. Прибѣжалъ медвѣдь, поднялъ кокору, да какъ хватитъ о земь — кокора развалилася, вылетѣла оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдругъ, откуда ни взялся, — летитъ ястребъ, поймалъ утку и мигъ разорвалъ ее пополамъ. Выпало изъ утки яйцо, да прямо въ море; тутъ подхватила его щука, поплыла къ берегу и отдала Ивану-царевичу. Царевичъ положилъ яйцо за пазуху и пошелъ къ Кощею Безсмертному. Приходитъ къ нему во дворъ, и встрѣчаетъ его Ненаглядная Красота, въ уста цѣлуетъ, къ плечу припадаетъ. Кощей Безсмертной сидитъ у окна да ругается: „а, Иванъ-царевичъ! хочешь

[1]) Кокора — пень, лежащій на днѣ рѣки; выдолбленная колода.

[1]) Сырьемъ.

ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, такъ тебѣ живому не быть".— Ты самъ у меня ее отнялъ! отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, вынулъ изъ-за пазухи яйцо и кажетъ Кощею: „а это что?" У Кощея свѣтъ въ глазахъ помутился, тотчасъ онъ присмирѣлъ — покорился. Иванъ-царевичъ переложилъ яйцо съ руки на руку—Кощея Безсмертнаго изъ угла въ уголъ бросило. Любо показалось это царевичу: давай чаще съ руки на руку перекладывать; перекладывалъ-перекладывалъ и смялъ совсѣмъ—тутъ Кощей свалился и померъ. Иванъ-царевичъ запрёгъ лошадей въ золотую карету, забралъ цѣлые мѣшки серебра и золота, и поѣхалъ вмѣстѣ съ своею невѣстою къ родному батюшкѣ. Долго ли, коротко ли—пріѣзжаетъ онъ къ той самой старухѣ, что всякую тварь: рыбу, птицу и звѣря допрашивала, увидалъ своего коня: „слава Богу, говоритъ, воронко живъ!" и щедро отсыпалъ старухѣ золота за его прокормъ—хоть еще девяносто лѣтъ живи, и то не прожить! Тотчасъ снарядилъ царевичъ легкаго гонца и послалъ къ царю съ письмомъ, а въ письмѣ пишетъ: „батюшка! (в)стрѣчай сына; ѣду съ невѣстою Ненаглядной Красотою". Отецъ получилъ письмо, прочиталъ, и вѣры неймѣтъ: „какъ тому быть! вить Иванъ-царевичъ уѣхалъ отсель девятисуточной". Вслѣдъ за гонцомъ и самъ царевичъ пріѣхалъ; царь увидалъ, что сынъ истинную правду писалъ, выбѣжалъ на крыльцо встрѣчать и приказалъ въ барабаны бить, музыкѣ играть. „Батюшка! благослови жениться". У царей не пиво варить, ни вино курить — всего много; въ тотъ же день веселымъ пиркомъ да за свадебку. Обвѣнчали Ивана-царевича съ Ненаглядной Красотою и выставили по всѣмъ улицамъ большіе чаны съ разными напитками; всякой приходи и пей, сколько душа запроситъ! И я тутъ былъ, медъ, вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было.

(Аѳ. Ск. I. 451—463).

(Записана въ Архангельской губ.)

13. Разсказъ о вѣдьмѣ.

Позднимъ вечеромъ пріѣхалъ одинъ казакъ въ село, остановился у крайней избы и сталъ проситься: „эй, хозяинъ! пусти переночевать". —Ступай, коли смерти не боишься. „Что за рѣчь такая!" думаетъ казакъ. Поставилъ коня въ сарай, далъ ему корму и идетъ въ избу. Смотритъ: и мужики, и бабы, и малые ребятишки—всѣ навзрыдъ плачутъ да Богу молятся; помолились и стали надѣвать чистыя рубашки. „Чего вы плачете?" спрашиваетъ казакъ.— Да вишь, отвѣчаетъ хозяинъ, въ нашемъ селѣ по ночамъ смерть ходитъ; въ какую избу ни заглянетъ—такъ на утро клади всѣхъ жильцовъ въ гроба да вези на погостъ. Нынѣшнюю ночь за нами очередь. „Э, хозяинъ! не бойся; Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ". Хозяева полегли спать; а казакъ себѣ на умѣ—и глазъ не смыкаетъ. Въ самую полночь отворилось окно; у окна показалась вѣдьма—вся въ бѣломъ, взяла кропило, просунула руку въ избу и только хотѣла кропить—какъ вдругъ

казакъ размахнулся своею саблею и отсѣкъ ей руку по самое плечо. Вѣдьма заохала, завизжала, по-собачьи забрехала и убѣжала прочь. А казакъ поднялъ отрубленную руку, спряталъ въ свою шинель, кровь замылъ и легъ спать. Поутру проснулись хозяева, смотрятъ—всѣ до единаго живы—здоровы, и несказанно обрадовались. „Хотите, говоритъ казакъ, я вамъ смерть покажу? Соберите скорѣй всѣхъ сотниковъ и десятниковъ, да пойдемте ее по селу искать. Тотчасъ собрались всѣ сотники и десятники и пошли по домамъ; тамъ нѣту, здѣсь нѣту, наконецъ добрались до пономарской избы. „Вся ли семья твоя налицо?“ спрашиваетъ казакъ.—Нѣтъ, родимой! одна дочка больна, на печи лежитъ. Казакъ глянулъ на печь, а у дѣвки рука отсѣчена; тутъ онъ объявилъ все, какъ было, вынулъ и показалъ отрубленную руку. Міръ наградилъ казака деньгами, а эту вѣдьму присудилъ утопить.

Аѳ. Ск. III, 283—284.

(Записана въ Архангел. г.).

14. Коровья смерть [1]).

Мужикъ ѣхалъ съ мельницы позднею порою; на-встрѣчь ему плетется старуха и говоритъ: „подвези меня, дѣдушка!“—Да куда тебѣ?—„Вонъ до этого селенія, родимый, куда и ты, чай, ѣдешь“.—А кто же ты, бабушка?—„Лѣчейка, родимый, коровъ лѣчу“.—А гдѣ-жъ ты лѣчила?—„А вотъ лѣчила у Истоминой, да тамъ всѣ переколѣли. Что дѣлать! Недавно привезли меня, и я захватить не успѣла“.

Мужикъ посадилъ бабу на возъ и поѣхалъ; но, пріѣхавши къ *ростанямъ* (перекрестку), забылъ свою дорогу,—а ужъ затемнѣло. Мужикъ сотворилъ молитву, снялъ шапку и перекрестился. Глядь,—а бабы не бывало! Она, оборотясь въ черную собаку, бѣжала къ селенію, и на завтра въ крайнемъ дворѣ пали три коровы.—Мужикъ привезъ коровью смерть.

Терещ. Б. Р. Н. ч. IV, 42.

[1]) „Во многихъ мѣстахъ вѣрятъ, что коровья смерть (скотскій падежъ) или сама набѣгаетъ, или ее завозятъ“.

Терещ. VI, 42.

15. Сестрица Алёнушка, братецъ Иванушка.

Жили-были себѣ царь и царица; у нихъ были сынъ и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Алёнушкой. Вотъ царь съ царицею померли; остались дѣти одни и пошли странствовать по бѣлу свѣту. Шли, шли, шли... идутъ и видятъ прудъ, а около пруда пасется стадо коровъ. „Я хочу пить“, говоритъ Иванушка.—Не пей, братецъ! а то будешь телёночкомъ, говоритъ Алёнушка. Онъ послушался, и пошли они дальше. Шли, шли, и видятъ рѣку, а около ходитъ табунъ лошадей. „Ахъ, сестрица! еслибъ ты знала, какъ мнѣ пить хочется“.—Не пей, братецъ! а то сдѣлаешься жеребёночкомъ. Иванушка послушался, и пошли они дальше. Шли, шли и видятъ озеро, а около него гуляетъ стадо овецъ. „Ахъ, сестрица! мнѣ страшно пить хочется“.—Не пей, братецъ! а то будешь ба-

ранчикомъ. Иванушка послушался, и пошли они дальше. Шли, шли и видятъ ручей, а возлѣ стерегутъ свиней. „Ахъ, сестрица! я напьюся; мнѣ ужасно пить хочется“.—Не пей, братецъ! а то будешь поросеночкомъ. Иванушка опять послушался, и пошли они дальше. Шли, шли, и видятъ: пасется у воды стадо козъ. „Ахъ, сестрица! я напьюся“. —Не пей, братецъ! а то будешь козлёночкомъ. Онъ не вытерпѣлъ и не послушался сестры, напился и сталъ козлёночкомъ, прыгаетъ передъ Алёнушкой и кричитъ: мекеке! мекеке!

Алёнушка обвязала его шелковымъ поясомъ и повела съ собою, а сама-то плачетъ, горько плачетъ... Козлёночекъ бѣгалъ-бѣгалъ и забѣжалъ разъ въ садъ къ одному царю. Люди увидали и тотчасъ докладываютъ царю: „у насъ, ваше царское величество, въ саду козлёночекъ, и держитъ его на поясѣ дѣвица, да такая изъ себя красавица“. Царь приказалъ спросить, кто она такая. Вотъ люди и спрашиваютъ ее: откуда она и чьего роду-племени?—„Такъ и такъ, говоритъ Алёнушка, былъ царь и царица, да померли; остались мы дѣти: я—царевна, да вотъ братецъ мой, царевичъ; онъ не утерпѣлъ, напился водицы и сталъ козлёночкомъ“. Люди доложили все это царю. Царь позвалъ Алёнушку, разспросилъ обо всемъ; она ему приглянулась, и царь захотѣлъ на ней жениться. Скоро сдѣлали свадьбу и стали жить себѣ, и козлёночекъ съ ними — гуляетъ себѣ по саду, а пьетъ и ѣстъ вмѣстѣ съ царемъ и съ царицею.

Вотъ поѣхалъ царь на охоту. Тѣмъ временемъ пришла колдунья и навела на царицу порчу: сдѣлалась Алёнушка больная, да такая худая да блѣдная. На царскомъ дворѣ все пріуныло; цвѣты въ саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашиваетъ царицу: „али ты чѣмъ нездорова?“ — Да, хвораю, говоритъ царица. На другой день царь опять поѣхалъ на охоту. Алёнушка лежитъ больная: приходитъ къ ней колдунья и, говоритъ: „хочешь, я тебя вылѣчу? выходи въ такому-то морю столько-то зорь и пей тамъ воду“. Царица послушалась и въ сумеркахъ пошла къ морю, а колдунья ужъ дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и бросила въ море. Алёнушка пошла на дно; козлёночекъ прибѣжалъ и горько-горько заплакалъ. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворецъ. Царь пріѣхалъ и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали на столъ и сѣли обѣдать. „А гдѣ-же козлёночекъ?“ спрашиваетъ царь.—Не надо его, говоритъ колдунья; я не велѣла пускать; отъ него такъ и несетъ козлятиной! На другой день, только царь уѣхалъ на охоту, колдунья козлёночка била-била, колотила-колотила, и грозитъ ему: „вотъ воротится царь, я попрошу тебя зарѣзать“. Пріѣхалъ царь; колдунья такъ и пристаетъ къ нему: прикажи да прикажи зарѣзать козлёночка; онъ мнѣ надоѣлъ, опротивѣлъ совсѣмъ! Царю жалко было козлёночка, да дѣлать нечего—она такъ пристаетъ, такъ упрашиваетъ, что царь наконецъ согласился и

позволилъ его зарѣзать. Видитъ козлёночекъ: ужъ начали точить на него ножи булатные; заплакалъ онъ, побѣжалъ къ царю и просится: „царь! пусти меня на море сходить, водицы испить, кишо(е)чки всполоскать“. Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю, сталъ на берегу и жалобно закричалъ:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бѣрежокъ.
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушко-братецъ!
Тяжолъ [1]) камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воротился назадъ. Посерёдъ дня опять просится онъ у царя: „царь! пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.“ Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю и жалобно закричалъ.

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бѣрежокъ,
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушко-братецъ!
Тяжолъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воротился домой. Царь и думаетъ: что бы это значило, козлёночекъ все бѣгаетъ на море? Вотъ попросился козлёночекъ въ третій разъ: „царь! пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать“. Царь отпустилъ его, и самъ пошелъ за нимъ слѣдомъ; приходитъ къ морю и слышитъ — козлёночекъ вызываетъ сестрицу:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бѣрежокъ,
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушко-братецъ!
Тяжолъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ опять зачалъ вызывать сестрицу. Алёнушка всплыла кверху и показалась надъ водой. Царь ухватилъ ее, сорвалъ съ шеи камень и вытащилъ Алёнушку на берегъ, да и спрашиваетъ: какъ это сталося? Она ему все разсказала. Царь обрадовался, козлёночекъ тоже — такъ и прыгаетъ, въ саду все зазеленѣло и зацвѣло. А колдунью приказалъ царь казнить: разложили на дворѣ костеръ дровъ и сожгли ее. Послѣ того царь съ царицей и съ козлёночкомъ стали жить да поживать, да добра наживать, и по прежнему вмѣстѣ и пили и ѣли.

Аѳ. Ск. II, 507—511.

(Записана въ Бобровскомъ у. Воронежской губ.).

16. Объ Ужакѣ.

Жила была старуха, была у ней дочь. Пошла ея дочь съ дѣвками купаться въ прудъ. Поскидали онѣ рубахи, полѣзли купаться. Изъ пруда вылѣзъ ужакъ, легъ на рубаху

[1]) Слово это произносятъ на мѣстномъ нарѣчіи: „чижолъ“.

этой дочери. Дѣвки всѣ вылѣзли, надѣли рубахи, и старухина дочь хотѣла надѣть, а на ней ужакъ лежитъ. Она стала его сгонять. Онъ сидитъ, не пускаетъ. Ужакъ говоритъ: „пойди замужъ за меня, то отдамъ рубаху“. Она было не хотѣла за него замужъ пойти. А тѣ дѣвки говорятъ: „можно развѣ за него замужъ идти! скажи: пойду“. Она и сказала: „ну, пойду“. Ужакъ слѣзъ съ рубахи, прямо въ воду. Она надѣла рубаху, пошла домой. Пришла и сказываетъ матери“: „мамо, мамо, такъ и такъ, ужакъ на мою рубаху легъ и говоритъ: пойди за меня замужъ, а то не отдамъ рубаху; я и сказала: пойду“.—И, дура, что ты мелешь, развѣ можно за ужака идти! Такъ и оставили, забыли про это дѣло.

Недѣля проходитъ, видятъ: тутъ ужаковъ ползетъ много, большое стадо. А эта дѣвка говоритъ: „ахъ, мамо, за мной, за мной!“ Мать скорѣй ворота заперла, сѣнцы заперла. Ужаки кинулись было въ ворота—ворота заперты, въ сѣнцы кинулись — сѣнцы заперты. Какъ сейчасъ свернутся клубкомъ, ударились по окну, разбили окно и полѣзли всѣ въ избу. А дѣвка на печи. Они за ней. Сволокли съ печи и повели вонъ изъ избы. Мать такъ и воетъ, провожаетъ ее. Они доползли до пруда. Въ прудъ прямо нырнули съ этой дѣвкой и стали тамъ людьми. Мать осталась на плотинѣ, повыла да и пошла домой.

Прошло три года; нажила она дѣтей, сына да дочь. Стала она у мужа проситься въ гости къ матери своей. Вывелъ онъ ее изъ воды. Она и спрашиваетъ: „какъ же мнѣ тогда покликать тебя“? Онъ говоритъ: „ты меня покличь: Осипъ, Осипъ, выйди сюда; я и выйду“.—Она пошла къ матери, а онъ въ воду опять нырнулъ. Дѣвочку она понесла на рукахъ, а мальчика за руку ведетъ. Мать и встрѣчаетъ, такъ рада ей. „Здравствуй, матушка!“—Хорошо-ли тамъ тебѣ было жить?—„Хорошо, матушка, мнѣ тамъ жить, лучше вашего“. Посидѣли онѣ, погуторили. Собрала мать тамъ ей обѣдать. Она пообѣдала. Мать и спрашиваетъ: „какъ же твоего мужа зовутъ?“ Она говоритъ: „Осипомъ“.—А какъ же ты пойдешь домой?—Пойду къ плотинѣ, покличу: Осипъ, Осипъ, выйди сюда, онъ и выйдетъ.—Мать говоритъ: „лягь, дочка, отдохни“. Она легла и заснула. Мать сейчасъ взяла топоръ, остро наточила и пошла на плотину. Пришла на плотину, стала кликать: „Осипъ, Осипъ, выйди сюда“. Осипъ какъ только показалъ голову, какъ эта старуха махнетъ топоромъ и срубила ему голову. А вода въ рѣкѣ такъ кровью и задернулась. Старуха пошла домой. Приходитъ домой, а дочь проснулась.—Ой, говоритъ, матушка, скучно мнѣ что-то, пойду домой.—Ночуй у меня, дочка, можетъ не придется тебѣ еще побывать у меня. Осталась дочка. Переночевала. Поутру встала; мать ей собрала позавтракать. Она позавтракала, простилась съ матерью и пошла. Дѣвочку взяла на руки, а мальчикъ за ней идетъ. Пришла на плотину и кличетъ: Осипъ, Осипъ, выйди сюда. Кликала, кликала, а онъ нейдетъ. Взглянула въ воду, а голова плаваетъ по водѣ. Дочь

и догадалась. Ахъ, это мать моя убила! Выла, выла тутъ на берегу и говоритъ на свою дочку: „полети птичкой подкрапивничкой отнынѣ до вѣку“. А на сына говоритъ: „ты полети, сыночекъ, соловейчикомъ отнынѣ до вѣку. А я полечу отнынѣ до вѣку кукушкой куковать“.

О. Милл., Хр., 69—71.

(Изъ Эрленвейна. Нар. сказки, стр. — 6—8).

17. Правда и Кривда.

а. Однажды спорила Кривда съ Правдою: чѣмъ лучше жить—кривдой, или правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою; а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили-спорили, никто не переспоритъ. Говоритъ Кривда: „пойдемъ къ писарю, онъ насъ разсудитъ!“—Пойдемъ, отвѣчаетъ Правда. Вотъ пришли къ писарю. „Рѣши нашъ споръ, говоритъ Кривда: чѣмъ лучше жить —кривдою, али правдою?“ Писарь спросилъ: „о чемъ вы бьетеся?“—О ста рубляхъ. „Ну ты, Правда, проспорила; въ наше время лучше жить кривдою.“ Правда вынула изъ кармана сто рублей и отдала Кривдѣ, а сама все стоитъ на своемъ, что лучше жить правдою. „Пойдемъ къ судьѣ, какъ онъ рѣшитъ? „говоритъ Кривда:“ коли по твоему—я тебѣ плачу тысячу рублей, а коли по моему—ты мнѣ должна оба глаза отдать“.—Хорошо, пойдемъ. Пришли онѣ къ судьѣ, стали спрашивать: чѣмъ лучше жить? Судья сказалъ то же самое: „въ наше время лучше жить кривдою“.—Подавай-ка свои глаза! говоритъ Кривда Правдѣ; выколола у ней глаза и ушла—куда знала. Осталась Правда безглазая, пала лицомъ наземь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла въ травѣ. Въ самую полночь собралась туда невѣрная сила. Набольшой сталъ всѣхъ спрашивать: кто и что сдѣлалъ? Кто говоритъ: я душу загубилъ; кто говоритъ: я того-то на грѣхъ смутилъ; а Кривда въ свой чередъ похваляется: „я у Правды сто рублей выспорила да глаза выколола!“ — Что глаза! говоритъ набольшой; стоитъ потереть тутошней травкою—глаза опять будутъ! Правда лежитъ да слушаетъ. Вдругъ крикнули пѣтухи, и невѣрная сила разомъ пропала. Правда нарвала травки и давай тереть глаза; потерла одинъ, потерла другой—и стала видѣть по-прежнему; захватила съ собой этой травки и пошла въ путь-дорогу. Въ это время у одного царя ослѣпла дочь, и сдѣлалъ онъ кличъ: кто вылѣчитъ царевну, за того отдастъ ее замужъ. Правда приложила ей къ очамъ травку, потерла и вылѣчила; царь обрадовался, женилъ Правду на своей дочери и взялъ къ себѣ въ домъ...

Аѳ. Ск. I, 223—224.

б. Были два брата: одинъ богатой, другой бѣдной. Богатой сдѣлалъ пирушку, позвалъ гостей, позвалъ и брата. Братъ пришелъ всѣхъ наперво [1]); послѣ него начали собираться гости. Когда набралось ихъ много, хозяинъ началъ подвигать своего брата ниже; говоритъ ему: „поди-ка ты, братъ, по-

[1]) Прежде.

ниже!“ Братъ подвигался—подвигался, и додвинулся до самыхъ дверей; больше ужъ и мѣста нѣтъ! А гостей все прибываетъ... Говоритъ наконецъ богатой бѣдному: „поди-ка ты къ чорту, дай другимъ мѣсто!“ Бѣдной братъ вышелъ на улицу и побѣжалъ на рѣку. Ходитъ по берегу мельникъ; бѣдной его и спрашиваетъ: „скажи, гдѣ чортъ живетъ?“ Тотъ отвѣчаетъ; „вонъ, подискочи въ бучило!“ [1]) Вотъ бѣдной туда скочилъ, и объявился [2]) въ избѣ—въ той избѣ никого нѣтъ. Онъ запалъ [3]) тута, чтобъ его не видно было, и сидитъ себѣ смирно да тихо. Скоро собрались въ избу бѣсёнки; собрались и стали промежъ себя похвалятьоя. Одинъ хромой говоритъ: я мельницу прорылъ,—ни за что ее не укрѣпить!“ А другіе ему въ отвѣтъ: „какъ не укрѣпить? мельникъ укрѣпитъ!“—Чѣмъ? „Онъ накладетъ терновнику да шиповнику; тѣмъ дѣло и устроитъ!“ Мужикъ слушаетъ ихъ рѣчи... Когда бѣсы убѣжали изъ избы, а мужикъ остался одинъ—онъ тотчасъ выскочилъ оттуда, вынырнулъ изъ-подъ воды и очутился на-верху. Мельникъ все по берегу ходитъ, не знаетъ-не вѣдаетъ — чѣмъ укрѣпить мельницу. Бѣдной говоритъ: „награди меня, я укрѣплю твою мельницу.“ — Возьми, что угодно; хоть цѣлой возъ денегъ дамъ, только укрѣпи пожалуйста! „Натаскай терновника да шиповника, тѣмъ и устроишь!“ Мельникъ тотчасъ набилъ сваи, накидалъ терновнику, набросалъ шиповнику, сверху землей заровнялъ — и укрѣпилъ мельницу, а мужику цѣлой возъ денегъ насыпалъ. Бѣдной увезъ деньги домой; надо въ кладовую таскать, а не въ чемъ. Вотъ онъ посылаетъ своего сына къ богатому брату и наказываетъ попросить у него четуху [1]). Богатой спрашиваетъ: „на что четуху?“ — Деньги изъ телѣги въ кладовую носить. „Какія тамъ деньги? что вы смѣетесь надо мной — что ли? у васъ денегъ николи не водилось!“ и не далъ четухи. Мальчикъ пришелъ безо всего и говоритъ отцу: „дядя не далъ четухи, сказываетъ: на что вамъ!“ Отецъ посылаетъ сына въ другой разъ: поди еще, да хорошенько попроси“. Мальчикъ опять къ дядѣ: „дай, говоритъ четуху; надо деньги таскать“. Богатой дивится, не вѣритъ: „ступай я самъ принесу!“ Приноситъ къ бѣдному брату четуху, увидалъ полной возъ денегъ, и сталъ спрашивать: „скажи, братъ, гдѣ взялъ монету? Гляди-ка, у тебя ея цѣлые вороха набросаны!“—А помнишь, какъ ты послалъ меня къ чорту? Вотъ я къ чорту сходилъ, и добро получилъ. Богатому забѣдно [2]) стало, пошелъ искать чорта. Прибѣжалъ на рѣку; а мельникъ по берегу ходитъ да радуется, что укрѣпилъ свою мельницу. Спрашиваетъ его богатой: „гдѣ чортъ живетъ?“—Вонъ, поди въ бучило! Онъ бросился и объявился въ избѣ. Начали бѣсёнки опять собираться въ избу и разговариваютъ промежъ себя: „вотъ мельникъ укрѣпилъ-таки мельницу

[1]) Мѣсто внизу мельничныхъ колесъ.— [2]) Очутился.—[3]) Спрятался.

[1]) Четверикъ. [2]) Завидно.

и терновникомъ, и шиповникомъ; теперь не разломать!" Хромой бѣсёнокъ сталъ говорить: „а что, братцы! не подслушиваетъ ли кто наши рѣчи? Давай искать вездѣ". И нашли богатаго брата въ углу. „А! дакъ это ты переносишь наши рѣчи?" Взяли его—задавили и бросили въ омутъ.

Ае. Ск. I, 226—228.

18. Горе.

Въ одной деревушкѣ жили два мужика, два родные брата: одинъ былъ бѣдной, другой богатой. Богачъ переѣхалъ на житье въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ и записался въ купцы; а у бѣднаго иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки—малъ-мала меньше—плачутъ да ѣсть просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Говоритъ онъ однова своей женѣ: „дай-ка пойду въ городъ, попрошу у брата: не поможетъ ли чѣмъ!" Пришелъ къ богатому: „ахъ, братецъ родимой! помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, по цѣлымъ днямъ голодаютъ". — Проработай у меня эту недѣлю, тогда и помогу! Что дѣлать? принялся бѣдной за работу: и дворъ чиститъ, и лошадей холитъ, и воду возитъ, и дрова рубитъ. Черезъ недѣлю даетъ ему богатой одну ковригу хлѣба: „вотъ тебѣ за труды!" — И за то спасибо! сказалъ бѣдной, поклонился и хотѣлъ было домой идти. „Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости, и жену приводи: вѣдь завтра—мои именины". — Эхъ, братецъ! куда мнѣ? самъ знаешь: къ тебѣ придутъ купцы въ сапогахъ да въ шубахъ, а я въ лаптяхъ хожу да въ худенькомъ сѣромъ кафтанишкѣ. „Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто". — Хорошо, братецъ! приду. Воротился бѣдной домой, отдалъ женѣ ковригу, и говоритъ: „слушай, жена! назавтрее насъ съ тобой въ гости звали".— Какъ въ гости? кто звалъ? „Братъ; онъ завтра именинникъ". — Ну, что-жъ! пойдемъ. Наутро встали и пошли въ городъ, пришли къ богатому, поздравили его и усѣлись на лавки. За столомъ ужъ много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата и его жену и думать забылъ—ничего имъ не даетъ; они сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ да ѣдятъ. Кончился обѣдъ; стали гости изъ-за стола вылазить да хозяина съ хозяюшкой благодарить, и бѣдной тоже — поднялся съ лавки и кланяется брату въ поясъ. Гости поѣхали домой пьяные, веселые; шумятъ, пѣсни поютъ. А бѣдной идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ; „давай-ка, говоритъ женѣ, и мы запоемъ пѣсню!" — Эхъ ты, дуракъ! люди поютъ оттого, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего пѣть вздумалъ? „Ну, все-таки у брата на именинахъ былъ; безъ пѣсенъ мнѣ стыдно идти. Какъ я запою, такъ всякой подумаетъ, что и меня угостили..." — Ну, пой, коли хочешь, а я не стану! Мужикъ запѣлъ пѣсню, и послышалось ему два голоса; онъ перересталъ

и спрашиваетъ жену: „это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?“ — Что съ тобой? я вовсе и не думала. „Такъ кто-же?“ — Не знаю, сказала баба; а ну, запой, я послушаю. Онъ опять запѣлъ; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: „это ты, Горе, мнѣ пѣть пособляешь?“ Горе отозвалось: „да, хозяинъ! это я пособляю“.—Ну, Горе, пойдемъ съ нами вмѣстѣ. „Пойдемъ, хозяинъ! я теперь отъ тебя не отстану“. Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: „у меня денегъ нѣтъ!“—Охъ, ты, мужичокъ! да на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто будетъ, все равно носить не станешь! пойдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку... Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе заохало, съ похмелья голова болитъ, и опять зоветъ хозяина винца испить. „Денегъ нѣтъ!“ говоритъ мужикъ. „Да на что намъ деньги? возьми сани да телѣгу— съ насъ и довольно!“ Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Горя; взялъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропилъ вмѣстѣ съ Горемъ. Наутро Горе еще больше заохало, зоветъ хозяина опохмелиться; мужикъ пропилъ и борону, и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снесъ. Горе опять пристаетъ къ нему: „пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!“—Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего. „Какъ нечего? у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно“. Мужикъ взялъ сарафанъ, пропилъ и думаетъ: „вотъ когда чисть! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!“

Поутру проснулось Горе, видитъ, что у мужика нечего больше взять, и говоритъ: „хозяинъ!“—Что, Горе? „А вотъ что: ступай къ сосѣду, попроси у него пару воловъ съ телѣгою“. Пошелъ мужикъ къ сосѣду: „дай, проситъ, на времячко пару воловъ съ телѣгою; я на тебя хоть недѣлю за то проработаю“. // На что тебѣ? „Въ лѣсъ за дровами съѣздить“. — Ну, возьми; только не великъ возъ накладывай. „И, что ты, кормилецъ!“ Привелъ пару воловъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ на телѣгу и поѣхалъ въ чистое поле. „Хозяинъ! спрашиваетъ Горе, знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?“ — Какъ не знать! „А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему“. Пріѣхали они на то мѣсто, остановились и вылѣзли изъ телѣги. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ поднимаетъ, Горе пособляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золотомъ насыпана. „Ну, что глядишь? сказываетъ Горе мужику; таскай скорѣй въ телѣгу“. Мужикъ принялся за работу и насыпалъ телѣгу золотомъ, все изъ ямы повыбралъ до послѣдняго червонца; видитъ, что ужъ больше ничего не осталось, и говоритъ: „посмотри-ко, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?“ Горе наклонилось: „гдѣ? я что-то не вижу!“ — Да вонъ въ углу свѣтятся! „Нѣтъ,

не вижу“.—Полѣзай въ яму, такъ и увидишь. Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. „Вотъ эдакъ-то лучше будетъ! сказалъ мужикъ; не то коли взять тебя съ собою, такъ ты, Горе-горемычное, хоть не скоро, а все-же пропьешь и эти деньги!“ Пріѣхалъ мужикъ домой, свалилъ деньги въ подвалъ, воловъ отвелъ къ сосѣду, и сталъ думать, какъ бы себя устроить; купилъ лѣсу, выстроилъ большіе хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Долго ли, коротко ли—поѣхалъ онъ въ городъ просить своего брата съ женой къ себѣ на именины. „Вотъ что выдумалъ! сказалъ ему богатой братъ; у самого ѣсть нечего, а ты еще именины справляешь!“—Ну, когда-то было нечего ѣсть, а теперь, слава Богу! имѣю не меньше твоего; пріѣзжай—увидишь. „Ладно, пріѣду!“ На другой день богатой братъ собрался съ женою, и поѣхали на именины; смотрятъ, а у бѣднаго-то голыша хоромы новые, высокіе: не у всякаго купца такіе есть! Мужикъ угостилъ ихъ, употчивалъ всякими наѣдками, напоилъ всякими медами и винами. Спрашиваетъ богатой у брата: „скажи, пожалуй, какими судьбами разбогатѣлъ ты?“ Мужикъ разсказалъ ему по чистой совѣсти, какъ привязалось къ нему Горе-горемычное, какъ пропилъ онъ съ Горемъ въ кабакѣ все свое добро до послѣдней нитки: только и осталась, что душа въ тѣлѣ! какъ Горе указало ему кладъ въ чистомъ полѣ, какъ онъ забралъ этотъ кладъ, да отъ Горя избавился. Завистно стало богатому; дай, думаетъ, поѣду въ чистое поле, подниму камень да выпущу Горе—пусть оно до тла разоритъ брата, чтобъ не смѣлъ нередо мной своимъ богатствомъ чваниться! Отпустилъ свою жену домой, а самъ въ поле погналъ; подъѣхалъ къ большому камню, своротилъ его въ сторону и наклонился посмотрѣть, что тамъ подъ камнемъ? Не успѣлъ порядкомъ головы нагнуть—а ужъ Горе выскочило и усѣлось ему на шею: „а! кричитъ, ты хотѣлъ меня здѣсь уморить! Нѣтъ, теперь я отъ тебя ни за что не отстану“.—Послушай, Горе! сказалъ купецъ; вовсе не я засадилъ тебя подъ камень... „А кто же, какъ не ты?“—Это мой братъ тебя засадилъ, а я нарочно пришелъ, чтобъ тебя выпустить. „Нѣтъ, врешь! одинъ разъ обманулъ, въ другой не обманешь!“ Крѣпко насѣло Горе богатому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе ужъ съ утра за свое принимается, кажной день зоветъ купца опохмелиться; много добра въ кабакъ ушло! „Эдакъ несходно жить! думаетъ про себя купецъ; кажись, довольно потѣшилъ я Горе; пора-бъ и разстаться съ нимъ, да какъ?“ Думалъ-думалъ, и выдумалъ: пошелъ на широкой дворъ, обтесалъ два дубовыхъ клина, взялъ новое колесо и на-крѣпко вбилъ клинъ съ одного конца въ тулку. Приходитъ къ Горю: „что ты, Горе, все на боку лежишь?“ — А что-жъ мнѣ больше дѣлать? „Что дѣлать! пойдемъ на дворъ въ гулючки играть“. А Горе и радо; вышли на дворъ. Сперва купецъ спрятался—Горе сей-

часъ его нашло, послѣ того чередъ Горю прятаться: „ну, говоритъ, меня не скоро найдешь! я хоть въ какую щель забьюсь!“—Куда тебѣ! отвѣчаетъ купецъ; ты въ это колесо не влѣзешь, а то—въ щель! „Въ колесо не влѣзу? смотри-ка, еще какъ спрячусь!“ Влѣзало Горе въ колесо; купецъ взялъ да и съ другого конца забилъ въ тулку дубовой клинъ, поднялъ колесо и забросилъ его вмѣстѣ съ Горемъ въ рѣку. Горе потонуло, а купецъ сталъ жить по старому, по прежнему.

Аѳ. Ск. III, 102—106.

(Записана въ Новгородской г.).

19. Горшечникъ.

Ѣдетъ дорогою горшечникъ; навстрѣчу ему прохожій: „найми, говоритъ, меня въ работники!“—Да умѣешь ли ты горшки дѣлать? „Еще какъ умѣю-то!“ Вотъ порядились, ударили по рукамъ и поѣхали вмѣстѣ. Пріѣзжаютъ домой, работникъ и говоритъ: „ну, хозяинъ! приготовь сорокъ возовъ глины, завтра я за работу примусь!“ Хозяинъ приготовилъ сорокъ возовъ глины; а работникъ-то былъ—самъ нечистой, и наказываетъ онъ горшечнику: „я стану по ночамъ работать, а ты ко мнѣ въ сарай не ходи!“—Отчего такъ? „Ну, да ужъ такъ! Придешь—бѣды наживешь!“ Наступила темная ночь; какъ разъ въ двѣнадцать часовъ закричалъ нечистой громкимъ голосомъ—и собралось къ нему чертенятъ видимо-невидимо, начали горшки лѣпить; пошелъ громъ, стукъ, хохотъ по всему двору. Хозяинъ не вытерпѣлъ: „дай пойду—посмотрю!“ Приходитъ къ сараю, заглянулъ въ щелочку—сидятъ черти на корточкахъ да горшки лѣпятъ; только одинъ хромой не работаетъ, по сторонамъ смотритъ, увидалъ хозяина, схватилъ комъ глины да какъ пуститъ—и попалъ ему прямо въ глазъ! Окривѣлъ хозяинъ на одинъ глазъ и вернулся въ избу, а въ сараѣ-то гамъ да хохотъ пуще прежняго! Наутро говоритъ работникъ: „эй, хозяинъ! ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано“. Хозяинъ сосчиталъ—сорокъ тысячъ наработано. „Ну, теперь готовь мнѣ десять саженъ дровъ; въ эту ночь стану обжигать горшки“. Ровно въ полночь опять закричалъ нечистой громкимъ голосомъ; съѣхались къ нему со всѣхъ концовъ чертенята, перебили всѣ горшки, покидали черепье въ печь и давай обжигать. А хозяинъ закрестилъ щелочку и смотритъ; „ну, думаетъ, пропала работа!“ На другой день зоветъ его работникъ: „погляди, хорошо ли сдѣлалъ?“ Хозяинъ приходитъ смотрѣть—всѣ сорокъ тысячъ горшковъ стоятъ цѣлы, одинъ одного лучше! На третью ночь созвалъ нечистой чертенятъ, раскрасилъ горшки разными цвѣтами, и всѣ до послѣдняго на одинъ возъ уклалъ. Дождался хозяинъ базарнаго дня и повезъ горшки въ городъ на продажу; а нечистой приказалъ своимъ чертенятамъ бѣгать по всѣмъ домамъ, по всѣмъ улицамъ, да народъ скликать — горшки покупать. Сейчасъ повалилъ народъ на базаръ: обступили со всѣхъ сторонъ горшечника и въ полчаса весь товаръ разобрали.

Пріѣхалъ мужикъ домой, и полонъ мѣшокъ денегъ привезъ. „Ну, говоритъ ему нечистой, давай барыши дѣлить". Подѣлили пополамъ. Чортъ взялъ свою часть, распрощался съ хозяиномъ и пропалъ. Черезъ недѣлю поѣхалъ мужикъ съ горшками въ городъ; сколько ни стоялъ онъ на базарѣ, никто не покупаетъ; всѣ обходятъ его мимо, да еще всячески ругаютъ: „знаемъ мы твои горшки, старой хрѣнъ! съ виду казисты, а нальешь воды — сейчасъ и развалятся! Нѣтъ, братъ! теперь не надуешь". Перестали брать у него горшки; совсѣмъ обѣднялъ мужикъ, запилъ съ горя и сталъ по кабакамъ валяться.

Ао. Ск. III, 298—299).

20. Морозко.

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: умница! а падчерица какъ ни угождаетъ—ничѣмъ не угодитъ, все не такъ, все худо; а надо правду сказать, дѣвочка была золото, въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумитъ да затихнетъ, а старая баба расходится—не скоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: „вези, вези, старикъ, ее—куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши объ ней не слыхали; да не вози къ роднымъ въ теплую хату, а во чисто поле на трескунъ-морозъ!" Старикъ затужилъ, заплакалъ; однако посадилъ дочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой—и то побоялся; повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобъ глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творитъ. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!"—Добро пожаловать, Морозъ! знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную. Морозъ хотѣлъ ее тукнуть и заморозить; но полюбились ему ея умныя рѣчи, жаль стало! бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, поджала ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ." — Добро пожаловать, Морозъ! знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную. Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу, онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокой да тяжелой, полной всякаго приданаго. Усѣлась она въ шубочкѣ на сундучкѣ, такая весёленькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье шитое и серебромъ, и золотомъ. Надѣла она и стала такая красавица, такая нарядница! Сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачеха по ней поминки справляетъ; напекла блиновъ. „Ступай, мужъ! вези хоронить свою дочь". Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ:

„тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!“ —Молчи, дура! На блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой— однѣ косточки привезутъ! Собачка съѣла блинъ да опять: „тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!“ Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое: „старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!“

Скрипнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокой, тяжелой, идетъ падчерица — панья паньей сіяетъ! Мачеха глянула— и руки врозь! „Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! Посади на то-же поле, на то-же мѣсто“. Пришелъ и Морозъ-красной носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождалъ; разсердился, хватилъ ее и убилъ. —„Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!“ А собачка подъ столомъ: „тявъ! тявъ! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!“ —Не ври! На пирогъ, скажи: старухину въ златѣ, въ серебрѣ везутъ! Растворились ворота, старуха выбѣжала встрѣчать дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!

Аѳ. Ск. I, 159—161.

(Записана въ Курской губ.).

21. Три царства: мѣдное, серебряное и золотое.

Бывало да живало—жили-были старикъ да старуха; у нихъ было три сына: первой—Егорушко Залетъ, второй — Миша Косолапой, третій—Ивашко Запечникъ. Вотъ вздумали отецъ и мать ихъ женить; послали бо̀льшаго сына присматривать невѣсту, и онъ шелъ да шелъ— много времени, гдѣ ни посмотритъ на дѣвокъ, не можетъ прибрать себѣ невѣсты, все не глянутся [1]). Потомъ встрѣтилъ на дорогѣ змѣя о трехъ головахъ и испугался, а змѣй говоритъ ему: „куда, доброй человѣкъ, направился?“ Егорушко говоритъ: „пошелъ свататься, да не могу невѣсты пріискать“. Змѣй говоритъ: „пойдемъ со мной; я поведу тебя, можешь ли достать невѣсту?“ Вотъ шли да шли, дошли до большого камня. Змѣй говоритъ: „отвороти камень; тамъ, чего желаешь, то и получишь“. Егорушко старался отворотить, но ничего не могъ сдѣлать. Змѣй сказалъ ему: „такъ нѣтъ-же тебѣ невѣсты!“ И Егорушко воротился домой, сказалъ отцу и матери обо всемъ. Отецъ и мать опять думали-подумали, какъ жить да быть, послали средняго сына Мишу Косолапаго. Съ тѣмъ то же самое случилось. Вотъ старикъ и старушка думали-подумали, не знаютъ, что дѣлать: если послать Ивана Запечнаго, тому ничего не сдѣлать!

А Ивашко Запечникъ сталъ самъ проситься посмотрѣть змѣя; отецъ

[1]) Т. е. не нравятся.

и мать сперва не пускали его, но послѣ пустили. И Ивашко тоже шелъ да шелъ, и встрѣтилъ змѣя о трехъ головахъ. Спросилъ его змѣй: „куда направился, доброй человѣкъ?“ Онъ сказалъ: „братья хотѣли жениться, да не смогли достать невѣсту; а теперь мнѣ чередъ выпалъ“.—Пожалуй, пойдемъ, я покажу; сможешь ли ты достать невѣсту? Вотъ пошли змѣй съ Ивашкомъ, дошли до того же камня; и змѣй приказалъ камень отворотить съ мѣста. Ивашко хватилъ его, и камень какъ не бывалъ—съ мѣста слетѣлъ; тутъ сказалась дыра въ землю и близъ нея утверждены ремни. Вотъ змѣй и говоритъ: „Ивашко! садись на ремни; я тебя спущу, и ты тамъ пойдешь и дойдешь до трехъ царствъ, а въ каждомъ царствѣ увидишь по дѣвицѣ“.

Ивашко спустился и пошелъ; шелъ да шелъ, и дошелъ до мѣднаго царства; тутъ зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекрасную изъ себя. Дѣвица говоритъ: „добро пожаловать, небывалой гость! приходи и садись, гдѣ мѣсто просто [1]) видишь; да скажись, откуда идешь и куда?“—Ахъ, дѣвица красная! сказалъ Ивашко, не накормила, не напоила, да стала вѣсти спрашивать. Вотъ дѣвица собрала на столъ всякаго кушанья и напитковъ; Ивашко выпилъ и поѣлъ, и сталъ разсказывать, что иду-де искать себѣ невѣсты; если милость твоя будетъ—прошу выйтить за меня. „Нѣтъ, доброй человѣкъ, сказала дѣвица; ступай ты впередъ, дойдешь до серебрянаго царства, тамъ есть дѣвица еще прекраснѣе меня!“—и подарила ему серебряной перстень. Вотъ доброй молодецъ поблагодарилъ дѣвицу за хлѣбъ за соль, распростился и пошелъ. Шелъ да шелъ, и дошелъ до серебрянаго царства; зашелъ сюда и увидалъ: сидитъ дѣвица прекраснѣе первой. Помолился онъ Богу и билъ челомъ: „здорово, красная дѣвица!“ Она отвѣчала: „добро пожаловать, прохожій молодецъ! садись да хвастай: чей да откуль, и какими дѣлами сюда зашелъ?“—Ахъ, прекрасная дѣвица! сказалъ Ивашко, не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать. Вотъ собрала дѣвица столъ, принесла всякаго кушанья и напитковъ; тогда Ивашко попилъ, поѣлъ, сколько хотѣлъ, и началъ разсказывать, что онъ пошелъ искать невѣсты, и просилъ ее замужъ за себя. Она сказала ему: „ступай впередъ, тамъ есть еще золотое царство, и въ томъ царствѣ есть еще прекраснѣе меня дѣвица!“—и подарила ему золотой перстень. Ивашко распростился и пошелъ впередъ. Шелъ да шелъ, и дошелъ до золотого царства, зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекраснѣе всѣхъ. Вотъ онъ Богу помолился, и какъ слѣдуетъ—поздоровался съ дѣвицей. Дѣвица стала спрашивать его: откуда и куда идетъ? „Ахъ, красная дѣвица! сказалъ онъ, не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать“. Вотъ она собрала на столъ всякаго кушанья и напитковъ; чего лучше требовать нельзя. Ивашко Запечникъ угостился всѣмъ хорошо, и сталъ разсказывать: „иду я, себѣ

[1]) Пусто, не занято.

невѣсты ищу; если ты желаешь за меня замужъ, то пойдемъ со мною". Дѣвица согласилась и подарила ему золотой клубокъ, и пошли они вмѣстѣ. Шли да шли, и дошли до серебрянаго царства—тутъ взяли съ собой дѣвицу; опять шли да шли, и дошли до мѣднаго царства — и тутъ взяли дѣвицу, и всѣ пошли до дыры, изъ которой надобно вылѣзать, и ремни тутъ висятъ; а старшіе братья уже стоятъ у дыры, хотятъ лѣс(зт)ь туда-же искать Ивашку.

Вотъ Ивашко посадилъ на ремни дѣвицу изъ мѣднаго царства и затрясъ за ремень; братья потащили и вытащили дѣвицу, а ремни опять опустили. Ивашко посадилъ дѣвицу изъ серебрянаго царства, и ту вытащили, а ремни опять опустили; потомъ посадилъ онъ дѣвицу изъ золотого царства, и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и самъ Ивашко сѣлъ; братья потащили и его, тащили-тащили, да какъ увидѣли, что это—Ивашко, подумали: „пожалуй, вытащимъ его, дакъ онъ не дастъ ни одной дѣвицы!" и обрѣзали ремни; Ивашко упалъ внизъ. Вотъ, дѣлать нечего, поплакалъ онъ, поплакалъ и пошелъ впередъ. Шелъ да шелъ, и увидѣлъ: сидитъ на пнѣ старикъ—самъ съ четверть, а борода съ сажень, и разсказалъ ему все, какъ и что съ нимъ случилось. Старикъ научилъ его идти дальше: „дойдешь до избушки, а въ избушкѣ лежитъ длинной мужчина изъ угла въ уголъ, и ты спроси у него, какъ выйти на Русь". Вотъ Ивашко шелъ да шелъ, и дошелъ до избушки, зашелъ туда и сказалъ: „сильной Идолищо! не губи меня, скажи, какъ на Русь попас(т)ь?"—„Фу, Фу! преговорилъ Идолищо, русскую коску [1]) никто не звалъ, сама пришла. Ну, пойди-же ты за тридцать озеръ; тамъ стоитъ на куриной ножкѣ избушка, а въ избушкѣ живетъ ега-баба; у ней есть орелъ-птица, и она тебя вынесетъ". Вотъ доброй молодецъ шелъ, да шелъ, и дошелъ до избушки; зашелъ въ избушку, ега-баба закричала: „фу, фу, фу! русская коска, зачѣмъ сюда пришла?" Тогда Ивашко сказалъ: „а вотъ, бабушка, пришелъ я по приказу сильнаго Идолища попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила меня на Русь".—Иди же ты, сказала ега-баба, въ садокъ; у дверей стоитъ караулъ, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; какъ будешь отпирать послѣднія двери—тогда орелъ встрепенется крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми съ собою говядины, и когда онъ станетъ оглядываться, ты давай ему по куску мяса. Ивашко сдѣлалъ все по приказанью егой-бабки, сѣлъ на орла и полетѣлъ; летѣлъ, летѣлъ, орелъ оглянулся—Ивашко далъ ему кусокъ мяса; летѣлъ, летѣлъ, и часто давалъ орлу мяса, ужъ скормилъ все, а еще летѣть не близко. Орелъ оглянулся, а мяса нѣтъ; вотъ орелъ выхватилъ у Ивашка изъ холки кусокъ мяса, съѣлъ, и вытащилъ его въ ту-же дыру на Русь. Когда сошелъ Ивашко съ орла, орелъ выхаркнулъ кусокъ мяса и велѣлъ ему

[1]) Костку, кость.

приложить къ холкѣ. Иванько приложилъ и холка заросла. Пришелъ Иванько домой, взялъ у братей дѣвицу изъ золотого царства, и стали они жить да быть, и теперь живутъ. Я тамъ былъ, пиво пилъ; пиво-то по усу текло, да въ ротъ не попало.

Аѳ. Ск. I, 264—268.

(Записана въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губ.).

22. Иванушко-дурачокъ.

Былъ-жилъ старикъ со старухою; у нихъ было три сына: двое—умные, третій — Иванушко-дурачокъ. Умные-то овецъ въ полѣ пасли, а дуракъ ничего не дѣлалъ, все на печкѣ сидѣлъ да мухъ ловилъ. Въ одно время наварила старуха аржаныхъ клёцокъ, и говоритъ дураку: „на-ка, снеси эти клёцки братьямъ; пусть поѣдятъ". Налила полной горшокъ и дала ему въ руки; побрелъ онъ къ братьямъ. День былъ солнечной; только вышелъ Иванушко за околицу, увидалъ свою тѣнь сбоку, и думаетъ: „что это за человѣкъ со мной рядомъ идетъ? ни на шагъ не отстаетъ: вѣрно клёцокъ захотѣлъ!" И началъ онъ бросать на свою тѣнь клёцки, такъ всѣ до единой и повыкидалъ; смотритъ, а тѣнь все сбоку идетъ: „эка ненасытная утроба!" сказалъ дурачокъ съ сердцемъ, и пустилъ въ нее горшкомъ—разлетѣлись черепки въ разныя стороны. Вотъ приходитъ съ пустыми руками къ братьямъ; тѣ его спрашиваютъ: „ты, дуракъ, зачѣмъ?" — Вамъ обѣдъ принесъ. „Гдѣ-же обѣдъ? давай живѣе".—Да вишь, братцы, привязался ко мнѣ дорогою незнамо-какой человѣкъ, да все и поѣлъ! „Какой-такой человѣкъ?" — Вотъ онъ! и теперь рядомъ стоитъ! Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овецъ пасти, а сами ушли на деревню обѣдать. Принялся дурачокъ пасти: видитъ, что овцы разбрелись по полю, давай ихъ ловить да глаза выдирать—всѣхъ переловилъ, всѣмъ глаза выдолбилъ. Собралъ стадо въ одну кучу, и сидитъ себѣ радехонёкъ; словно дѣло сдѣлалъ. Братья пообѣдали, воротились въ поле: „что ты, дуракъ, натворилъ? отчего стадо слѣпое?" — Да почто имъ глаза-то? Какъ ушли вы, братцы, овцы-то врозь разсыпались; я и придумалъ; сталъ ихъ ловить, въ кучу сбирать, глаза выдирать; во какъ умаялся! „Постой, еще не такъ умаешься!" говорятъ братья, и давай угощать его кулаками; порядкомъ-таки досталось дураку на орѣхи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушку дурачка въ городъ къ празднику по хозяйству закупать. Всего закупилъ Иванушко: и столъ купилъ, и ложекъ, и чашекъ, и соли; цѣлой возъ навалилъ всякой всячины. Ѣдетъ домой, а лошаденка была такая, знать, неудáлая, везетъ—не везетъ! „А что, думаетъ себѣ Иванушко, вѣдь у лошади четыре ноги, и у стола тожъ четыре; такъ столъ-отъ и самъ добѣжитъ!" Взялъ столъ и выставилъ на дорогу. Ѣдетъ-ѣдетъ, близко ли, далеко ли, а вороны такъ и вьются надъ нимъ да все каркаютъ. „Знать сестрицамъ по-

ѣсть-покушать охота, что такъ раскричались!" подумалъ дурачокъ; выставилъ блюда съ ѣствами наземь и началъ потчивать: „сестрицы голубушки! кушайте на здоровье". А самъ все впередъ да впередъ подвигается. Ѣдетъ Иванушко перелѣскомъ; по дорогѣ все пни обгорѣлые. „Эхъ, думаетъ, ребята-то безъ шапокъ; вѣдь озябнутъ сердечные!" [1]). Взялъ — понадѣвалъ на нихъ горшки да корчаги. Вотъ доѣхалъ Иванушко до рѣки, давай лошадь поить, а она не пьетъ. Знать безъ соли не хочетъ!" и ну солить воду. Высыпалъ полонъ мѣшокъ соли, лошадь все не пьетъ. „Что-жъ ты не пьешь, волчье мясо! развѣ задаромъ я мѣшокъ соли высыпалъ?" Хватилъ ее полѣномъ, да прямо въ голову, и убилъ на-повалъ. Остался у Иванушки одинъ кошель съ ложками, да и тотъ на себѣ понесъ. Идетъ; ложки назади такъ и брякаютъ: брякъ, брякъ, брякъ! а онъ думаетъ, что ложки-то говорятъ: "Иванушко-дуракъ!" бросилъ ихъ, и ну топтать да приговаривать: „вотъ вамъ Иванушко-дуракъ! вотъ вамъ Иванушко-дуракъ! Еще вздумали дразнить, негодныя!" Воротился домой и говоритъ братьямъ: „все искупилъ, братики!" — Спасибо, дуракъ, да гдѣ-жъ у тебя закупки-то? „А столъ-отъ бѣжитъ, да знать отсталъ, изъ блюдъ сестрицы кушаютъ, горшки да корчаги ребятамъ въ лѣсу на головы понадѣвалъ, солью-то пойво лошади посолилъ, а ложки дразнятся — такъ я ихъ по дорогѣ покинулъ".—Ступай, дуракъ, поскорѣе! собери все, что разбросалъ по дорогѣ. Иванушко пошелъ въ лѣсъ, снялъ съ обгорѣлыхъ пней корчаги, повышибалъ днища и надѣлъ на батогъ корчагъ съ дюжину—всякихъ: и большихъ, и малыхъ. Несетъ домой. Отколотили его братья; поѣхали сами въ городъ за покупками, а дурака оставили доновничать. Слушаетъ дуракъ, а пиво въ кадкѣ такъ и бродитъ, такъ и бродитъ. „Пиво, не броди! дурака не дразни!" говоритъ Иванушко. Нѣтъ, пиво не слушается; взялъ да и выпустилъ все изъ кадки, самъ сѣлъ въ корыто, по избѣ разъѣзжаетъ да пѣсенки распѣваетъ.

Пріѣхали братья, крѣпко осерчали, взяли Иванушку — зашили въ куль и потащили къ рѣкѣ. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ѣхалъ какой-то баринъ мимо на тройкѣ бурыхъ; Иванушко и ну кричать: „садятъ меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умѣю!" — Постой, дуракъ! сказалъ баринъ; я умѣю и судить, и рядить; вылѣзай изъ куля! Иванушко вылѣзъ изъ куля, зашилъ туда барина, а самъ сѣлъ въ его повозку и уѣхалъ изъ виду. Пришли братья, спустили куль подъ ледъ, и слушаютъ, а въ водѣ такъ и буркаетъ. „Знать бурка ловитъ!" проговорили братья и побрели домой. Навстрѣчу имъ, откуда ни возьмись, ѣдетъ на тройкѣ Иванушко, ѣдетъ да прихвастываетъ: „вотъ-ста какихъ поймалъ я лошадушекъ! а еще остался тамъ сивко—такой славной!" Завидно стало братьямъ; говорятъ дураку: „зашивай теперь

[1]) Вар. „братцы родные! что жъ вы безъ шапокъ стоите? дождь пойдетъ—вымочитъ".

насъ въ куль да спускай поскорѣй въ пролубь! Не уйдетъ отъ насъ сивко...“ Опустилъ ихъ Иванушко-дурачокъ въ пролубь и погналъ домой пиво допивать да братьевъ поминать. Былъ у Иванушки колодецъ, въ колодцѣ рыба елецъ, а моей сказкѣ конецъ.

Ае Ск. III, 371—375.
(Записана въ Вологодской губ.).

23. Золотая рыбка.

На морѣ-на окіянѣ, на островѣ-на Буянѣ стояла небольшая ветхая избушка; въ той избушкѣ жили старикъ да старуха. Жили они въ великой бѣдности; старикъ сдѣлалъ сѣть и сталъ ходить на море да ловить рыбу: тѣмъ только и добывалъ себѣ дневное пропитаніе. Разъ какъ-то закинулъ старикъ свою сѣть, началъ тянуть и показалось ему такъ тяжело, какъ доселева никогда не бывало: еле-еле вытянулъ. Смотритъ, а сѣть пуста: всего-на-всего попалась одна рыбка, за то рыбка не простая—золотая. Возмолилась ему рыбка человѣчьимъ голосомъ: „не бери меня, старичокъ! пусти лучше въ синее море; я тебѣ сама пригожусь: что пожелаешь, то и сдѣлаю“. Старикъ подумалъ-подумалъ и говоритъ: „мнѣ ничего отъ тебя не надобно: ступай—гуляй въ морѣ!“ Бросилъ золотую рыбку въ воду и воротился домой. Спрашиваетъ его старуха: „много ли поймалъ, старикъ?“—Да всего-на-всего одну золотую рыбку, и ту бросилъ въ море; крѣпко она возмолилась: отпусти, говорила, въ синее море; я тебѣ у (въ) пригоду стану: что пожелаешь, все сдѣлаю! Пожалѣлъ я рыбку, не взялъ съ нея выкупа, даромъ на волю пустилъ. „Ахъ ты, старой . . . ! попалось тебѣ въ руки большое счастье, а ты и владѣть не сумѣлъ“. Озлилась старуха, ругаетъ старика съ утра до вечера, не даетъ ему спокоя: „хоть бы хлѣба у ней выпросилъ! вѣдь скоро сухой корки не будетъ; что жрать-то станешь?“ Не выдержалъ старикъ, пошелъ къ золотой рыбкѣ за хлѣбомъ; пришелъ на море и крикнулъ громкимъ голосомъ: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Рыбка приплыла къ берегу: „что тебѣ, старикъ, надо?“ — Старуха осерчала, за хлѣбомъ прислала. „Ступай домой, будетъ у васъ хлѣба вдоволь“. Воротился старикъ: „ну что, старуха, есть хлѣбъ?“—Хлѣба-то вдоволь; да вотъ бѣда: корыто раскололось, не въ чемъ бѣлье мыть; ступай къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новое дала. Пошелъ старикъ на море: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Приплыла золотая рыбка: „что тебѣ надо, старикъ?“—Старуха прислала, новое корыто проситъ. „Хорошо, будетъ у васъ и корыто.“ Воротился старикъ, только въ дверь, а старуха опять на него накинулась: „ступай, говоритъ, къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новую избу построила; въ нашей жить нельзя, того и смотри, что развалится!“ Пошелъ старикъ на море: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.“ Рыбка приплыла, стала къ нему головой, въ море хвостомъ, и спрашиваетъ: „что тебѣ, старикъ, надо?“ — Построй намъ новую избу; старуха ругается,

не даетъ мнѣ спокою; не хочу, говоритъ, жить въ старой избушкѣ: она — того и смотри — вся развалится! „Не тужи, старикъ! ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано.“ Воротился старикъ — на его дворѣ стоитъ изба новая, дубовая, съ вырѣзными узорами. Выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу старуха, пуще прежняго сердится, пуще прежняго ругается: „ахъ ты, старой . . ! не умѣешь ты счастьемъ пользоваться. Выпросилъ избу, и чай думаешь — дѣло сдѣлалъ! Нѣтъ, ступай-ка опять къ золотой рыбкѣ да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтобъ меня добрые люди слушались, при встрѣчахъ въ поясъ кланялись.“ Пошелъ старикъ на море, говоритъ громкимъ голосомъ: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Приплыла рыбка, стала въ море хвостомъ, къ нему головой: „что тебѣ, старикъ, надо?“ Отвѣчаетъ старикъ: „не даетъ мнѣ старуха спокою, совсѣмъ вздурилась; не хочетъ быть крестьянкою, хочетъ быть воеводихой“. „Хорошо, не тужи! ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано“. Воротился старикъ, а вмѣсто избы каменной домъ стоитъ, въ три этажа выстроенъ; по двору прислуга бѣгаетъ, на кухнѣ повара стучатъ, а старуха въ дорогомъ парчевомъ платьѣ на высокихъ креслахъ сидитъ да приказы отдаетъ. „Здравствуй, жена!“ говоритъ старикъ.—Ахъ ты, невѣжа эдакой! какъ смѣлъ обозвать меня, воеводиху, своею женою! Эй, люди! взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетьми какъ можно больнѣе. Тотчасъ прибѣжала прислуга, схватила старика за шиворотъ и потащила въ конюшню; начали конюхи угощать его плетьми, да такъ угостили, что еле на ноги поднялся. Послѣ того старуха поставила старика дворникомъ; велѣла дать ему метлу, чтобы дворъ убиралъ, а кормить и поить его на кухнѣ. Плохое житье старику; цѣлой день дворъ убирай, а чуть гдѣ нечисто — сейчасъ на конюшню; „Экая вѣдьма! думаетъ старикъ! далось ей счастье, а она какъ свинья зарылась; ужъ и за мужа меня не считаетъ!“ Ни много, ни мало прошло времени; придокучило старухѣ быть воеводихой, потребовала къ себѣ старика и приказываетъ: „ступай, старой...., къ золотой рыбкѣ, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею.“ Пошелъ старикъ на море: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.“ Приплыла золотая рыбка: „что тебѣ, старикъ, надо?“ —Да что! вздурилась моя старуха пуще прежняго: не хочетъ быть воеводихой, хочетъ быть царицею. „Не тужи! ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано.“ Воротился старикъ, а вмѣсто прежняго дома высокой дворецъ стоитъ, подъ золотою крышею; кругомъ часовые ходятъ да ружьями выкидываютъ; позади большой садъ раскинулся, а передъ самымъ дворцомъ — зеленой лугъ; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балконъ съ генералами да съ боярами, и начала дѣлать тѣмъ войскамъ смотръ и разводъ: барабаны бьютъ, музыка гремитъ, сол-

даты „ура“ кричать. Ни много, ни мало прошло времени, придокучило старухѣ быть царицею, велѣла разыскать старика и представить предъ свои очи свѣтлыя. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бѣгають: „какой-такой старикъ?“ Насилу нашли его на заднемъ дворѣ, повели къ царицѣ. „Слушай, старой . . . . ! говоритъ ему старуха; ступай къ золотой рыбкѣ, да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы всѣ моря и всѣ рыбы меня слушались.“ Старикъ было отнѣкиваться, куда тебѣ! коли не пойдешь — голова долой! Скрѣпя сердце, пошелъ старикъ на море, пришелъ и говорить: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.“ Золотой рыбки нѣтъ какъ нѣтъ! Зоветъ старикъ въ другой разъ — опять нѣту! Зоветъ въ третій разъ — вдругъ море зашумѣло, взволновалося; то было свѣтлое, чистое, а тутъ совсѣмъ почернѣло. Приплываетъ рыбка къ берегу: „что тебѣ, старикъ, надо?“ — Старуха еще пуще вздурилася: ужъ не хочетъ быть царицею, хочетъ быть морскою владычицей, надъ всѣми водами властвовать, надъ всѣми рыбами повелѣвать! Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла въ глубину моря. Старикъ воротился назадъ, смотритъ и глазамъ не вѣритъ: дворца какъ не бывало, а на его мѣстѣ стоитъ небольшая ветхая избушка, а въ избушкѣ сидитъ старуха въ изодранномъ сарафанѣ. Начали они жить по прежнему; старикъ опять принялся за рыбную ловлю; только какъ часто ни закидывалъ сѣтей въ море, не удалось больше поймать золотой рыбки.

Аѳ. Ск. I, 116—120.

24. Знахарь.

Жилъ бѣдный да продувной мужичокъ, по прозванью Жучокъ; укралъ у бабы холстину и спряталъ ее въ омётѣ соломы, а самъ расхвастался, что ворожитъ мастеръ. Пришла къ нему баба и проситъ погадать. Мужикъ спрашиваетъ: „а что за работу дашь?“ —Пудъ муки да фунтъ масла. „Ладно!“ Сталъ гадать; погадалъ-погадалъ и сказалъ ей, гдѣ холстъ спрятанъ. Дня черезъ два, черезъ три пропалъ у барина жеребецъ: онъ-же плутъ его и увелъ да привязалъ въ лѣсу къ дереву. Посылаетъ баринъ за этимъ мужикомъ; сталъ мужикъ гадать и говоритъ: „ступайте скорѣй, жеребецъ въ лѣсу къ дереву привязанъ“. Привели жеребца изъ лѣсу; далъ баринъ знахарю сто рублевъ, и пошла объ немъ слава по всему царству. Вотъ на бѣду пропало у царя его вѣнчальное кольцо; искать-искать — нѣтъ нигдѣ! Послалъ царь за знахаремъ, чтобы какъ можно скорѣй во дворецъ его привезли. Взяли его, посадили въ повозку и привезли къ царю. „Вотъ когда пропалъ-то! думаетъ мужикъ; какъ мнѣ узнать, гдѣ дѣвалось кольцо, Ну какъ царь опалится да туда зашлетъ, куда Макаръ и телятъ не гонялъ!“ „Здравствуй, мужичокъ! говоритъ царь; поворожи-ка мнѣ; отгадаешь — деньгами награжу, а коли нѣтъ — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!“

Тотчасъ приказалъ отвести знахарю особую комнату: „пускай де цѣлую ночь ворожитъ, чтобъ къ утру отвѣтъ былъ готовъ". Знахарь сидитъ въ той комнатѣ да думаетъ: „какой отвѣтъ дамъ я царю? Лучше дождусь глухой полночи, да убѣгу— куда глаза глядятъ; вотъ какъ пропоютъ третьи пѣтухи, сейчасъ и задамъ тягу!" А кольцо-то царское стащили три дворовыхъ человѣка: лакей, кучеръ да поваръ. „Что, братцы! говорятъ они межъ собой, какъ этотъ ворожейка да узнаетъ насъ? Вѣдь тогда намъ смерть неминучая... Давайте-ка подслушивать у дверей: коли онъ ничего—и мы молчокъ; а коли узнаетъ насъ, такъ ужъ дѣлать нечего—станемъ просить его, чтобъ царю-то не доказывалъ". Пошелъ лакей подслушивать; вдругъ пѣтухи запѣли, мужикъ и промолвилъ: „слава тебѣ, Господи! одинъ уже есть, остается двухъ ждать". У лакея душа въ пятки ушла; прибѣжалъ онъ къ своимъ товарищамъ: „ахъ, братцы! вѣдь меня узналъ; только я къ двери, а онъ кричитъ: одинъ уже есть, остается двухъ ждать!"—Постой, я пойду! сказалъ кучеръ; пошелъ подслушивать. Запѣли вторые пѣтухи, а мужикъ; „слава тебѣ, Господи! и два есть, остается одного ждать".— Эхъ, братцы! и меня узналъ. Поваръ говоритъ: „ну, если и меня узнаетъ, такъ пойдемъ прямо къ нему, бросимся въ ноги, и станемъ упрашивать". Пошелъ подслушивать поваръ; третьи пѣтухи запѣли, мужикъ перекрестился: „слава Богу, всѣ три есть!" да поскорѣй къ двери—бѣжать хочетъ; а воры къ нему навстрѣчу, пали въ ноги, и просятъ и молятъ: „не погуби, не сказывай царю; вотъ тебѣ кольцо!" — Ну, такъ и быть, прощаю васъ! Взялъ мужикъ кольцо, поднялъ половицу и бросилъ его подъ полъ. Наутро царь спрашиваетъ: „что, мужичокъ, какъ твои дѣла?"—Выворожилъ; кольцо твое укатилось подъ эту половицу. Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро наградилъ знахаря деньгами и велѣлъ накормить-напоить его до отвала, а самъ пошелъ въ садъ гулять. Идетъ по дорожкѣ, увидалъ жука, поднялъ его и воротился къ знахарю: „ну, коли ты знахарь, такъ узнай, что у меня въ рукѣ?" Мужикъ испугался и говоритъ самъ себѣ: „что̀, попался, Жучокъ, царю въ руки!"—Такъ, такъ, твоя правда! сказалъ царь; еще больше его наградилъ и съ честью домой отпустилъ.

Аѳ. Ск. III, 318—320.

25. Дока на доку.

Пришелъ солдатъ въ деревню и просится ночевать къ мужику. „Я бы тебя пустилъ, служивой! говоритъ мужикъ, да у меня свадьба заводится, негдѣ тебѣ спать будетъ".—Ничего, солдату вездѣ мѣсто! „Ну, ступай!" Видитъ солдатъ, что у мужика лошадь въ сани запряжена, и спрашиваетъ: „куда, хозяинъ, отправляешься?"—Да вишь у насъ такое заведеніе: у кого свадьба, тотъ и поѣзжай къ колдуну да вези подарокъ! Самой бѣдной безъ двадцати рублевъ не отдѣлается, а коли богатъ, такъ и пятидесяти мало;

а не отвезешь подарка, всю свадьбу испортитъ! „Послушай, хозяинъ! не вози, и такъ сойдетъ!" Крѣпко увѣрилъ мужика, тотъ послушался и не поѣхалъ къ колдуну съ гостинцами. Вотъ начали свадьбу играть, повезли жениха съ невѣстою законъ принимать; ѣдутъ дорогою, а навстрѣчу поѣзду быкъ несется, а солдатъ усомъ не мигнетъ: гдѣ ни взялася — выскочила изъ-подъ него собака, бросилась на быка и прямо за глотку вцѣпилась—быкъ такъ и грохнулся на̀ земь. Ѣдутъ дальше, а навстрѣчу поѣзду огромной медвѣдь. „Не бойтесь", кричитъ солдатъ, я худа не допущу!" Опять гдѣ ни взялася — выскочила изъ-подъ него собака, кинулась на медвѣдя и давай его душить; медвѣдь заревѣлъ и издохъ. Миновала та бѣда, снова ѣдутъ дальше, а навстрѣчу поѣзду заяцъ выскочилъ и перебѣжалъ дорогу чуть-чуть не подъ ногами передней тройки. Лошади остановились, храпятъ, а съ мѣста не трогаются! „Не дури, заяцъ! крикнулъ на него солдатъ; мы опосля поговоримъ съ тобою!"—и тотчасъ весь поѣздъ легко двинулся. Пріѣхали къ церкви благополучно, обвѣнчали жениха съ невѣстою, и отправились назадъ въ свою деревню. Стали ко двору подъѣзжать, а на воротахъ черный воронъ сидитъ да громко каркаетъ—лошади опять стали, ни одна съ мѣста не тронется. „Не дури, воронъ! крикнулъ на него солдатъ; мы съ тобой опосля потолкуемъ". Воронъ улетѣлъ, лошади въ ворота пошли. Вотъ посадили молодыхъ за столъ; гости и родичи свои мѣста заняли — какъ слѣдуетъ, по порядку; начали ѣсть, пить, веселиться. А колдунъ крѣпко осердился: гостинцевъ ему не дали, пробовалъ было страхи напускать— и то дѣло не выгорѣло! Вотъ пришелъ самъ въ избу, шапку не ломаетъ, образамъ не молится, честнымъ людямъ не кланяется; и говоритъ солдату: „я на тебя сердитъ!"—А за что на меня сердиться? ни я не занималъ у тебя, ни ты мнѣ не долженъ! Давай-ка лучше пить да гулять. „Давай!" Взялъ колдунъ со стола ендову пива, налилъ стаканъ и подноситъ солдату: „выпей, служивой!" Солдатъ выпилъ—у него всѣ зубы въ стаканъ выпадали! „Эхъ, братецъ! говоритъ солдатъ, какъ мнѣ безъ зубовъ-то быть? чѣмъ будетъ сухари грызть?" Взялъ да и бросилъ зубы въ ротъ—они опять стали по-прежнему. „Ну, теперь я поднесу! выпей-ка отъ меня стаканъ пива!" Колдунъ выпилъ—у него глаза вылѣзли! Солдатъ подхватилъ его глаза и забросилъ невѣдомо куда. Остался колдунъ на всю жизнь слѣпымъ и закаялся страхи напускать, надъ людьми мудрить; а мужики и бабы стали за служиваго Бога молить.

Аѳ. Ск. III 310—312.

Б. Сказки—побывальщины [1]).

1. Изъ сказки: Исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ-Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ.

Въ славномъ было городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ—жилъ крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ. У него было любимое дѣтище Илья-Муромецъ; сидѣлъ онъ сиднемъ тридцать лѣтъ, и какъ минуло тридцать лѣтъ, то сталъ онъ ходить на ногахъ крѣпко, и ощутилъ въ себѣ силу великую, и сдѣлалъ себѣ сбрую ратную и копье булатное, и осѣдлалъ коня добраго, богатырскаго. Приходитъ къ отцу и матери и сталъ у нихъ просить благословенія: „государи мои, батюшка и матушка! отпустите меня въ славный городъ Кіевъ Богу помолиться, а Князю кіевскому поклониться“. Отецъ и мать его даютъ ему благословеніе, кладутъ на него заклятіе великое и говорятъ такія рѣчи: „поѣзжай ты прямо на Кіевъ-градъ, прямо на Черниговъ-градъ, и на пути своемъ не дѣлай никакой обиды, не проливай напрасно крови христіанской“. Илья-Муромецъ принялъ у отца и матери благословеніе, Богу молится, съ отцомъ и съ матерью прощается, и поѣхалъ въ путь свой.

И такъ далеко заѣхалъ во темны лѣса, что наѣхалъ на таборы разбойничьи; и тѣ разбойники увидѣли Илью-Муромца и разгорѣлись у нихъ сердца разбойническія на коня богатырскаго, и стали между себя разговаривать, чтобы лошадь отнять, что такой лошади ни въ которыхъ мѣстахъ не видывали, а нынѣ ѣдетъ на такомъ добромъ конѣ незнамо-какой человѣкъ. И стали на Илью-Муромца напущать человѣкъ по десяти [1]) и по двадцати; и сталъ Илья-Муромецъ остановлять [2]) коня своего богатырскаго, и вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу и накладываетъ на тугой лукъ. Пустилъ онъ калену стрѣлу понадъ землею, калена стрѣла стала рвать на косую сажѣнь. И видя то, разбойники испужались и собирались во единъ кругъ, пали на колѣни и стали говорить: „государь ты нашъ батюшка, удалъ добрый молодецъ! виноваты мы передъ тобою, и за такую вину нашу бери казны, сколько надобно, и платья цвѣтного, и табуны лошадей, сколько угодно“. Илья, усмѣхнувшись, сказалъ: „некуды мнѣ дѣвать!.. а если хотите живы быть, такъ впередъ не отважьтесь!“ и поѣхалъ въ путь свой къ славному граду Кіеву.

. . . .

. . . .

Илья-Муромецъ поѣхалъ ко граду Кіеву прямою дорогою отъ Чернигова, которую заложилъ Соловей-разбойникъ ровно тридцать лѣтъ, не пропущалъ ни конваго, ни пѣ-

[1]) Варіантъ: по пяти. [2]) Вар. останавливать.

*) Пересказы былинъ.

шаго, а убивалъ не оружіемъ, но своимъ свистомъ разбойничьимъ. Выѣхалъ Илья-Муромецъ въ чисто поле и увидѣлъ поприски богатырскіе и по нихъ поѣхалъ, и пріѣхалъ на тѣ лѣса Брянскіе, на тѣ грязи топучія, на тѣ мосты калиновы и къ той рѣкѣ Снородинкѣ [1]). Соловей-разбойникъ послышалъ себѣ кончину и безчастіе великое и, не допуская Илью-Муромца за двадцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойническимъ крѣпко; но богатырское сердце не устрашилось. И не допуская еще за десять верстъ, засвисталъ онъ громче того, и съ того свисту подъ Ильею-Муромцемъ конь спотыкнулся. Пріѣхалъ Илья-Муромецъ подъ самое гнѣздо, которое свито на двѣнадцати дубахъ; и Соловей-разбойникъ, на гнѣздѣ сидя, увидѣлъ свѣторусскаго богатыря и засвисталъ во весь свистъ, и хотѣлъ Илья-Муромца убить до смерти.

Илья-Муромецъ снимаетъ съ себя тугой лукъ, накладываетъ калену стрѣлу и пускаетъ на то гнѣздо Соловьиное, и попалъ ему въ правой глазъ и вышибъ вонъ; Соловей-разбойникъ свалился съ гнѣзда, что овсяной снопъ. Илья-Муромецъ беретъ Соловья-разбойника; привязалъ его крѣпко къ стремени булатному и поѣхалъ къ славному граду Кіеву. На пути стоятъ палаты Соловья-разбойника, и какъ поровнялся Илья-Муромецъ противъ палатъ разбойническихъ, у которыхъ окны были растворены, и въ тѣ окны смотрѣли разбойничьи три дочери,—увидѣла его меньшая дочь и закричала своимъ сестрамъ: „вонъ нашъ батюшка ѣдетъ съ добычею и везетъ къ намъ мужика, привязаннаго у стремени булатнаго". А большая дочь посмотрѣла и горько заплакала: „это не батюшка нашъ ѣдетъ; это ѣдетъ незнамо-какой человѣкъ и везетъ нашего батюшку". И закричали онѣ мужьямъ своимъ: „мужья наши милые! поѣзжайте къ мужику навстрѣчу и отбейте у него нашего батюшку, не кладите намъ родъ въ такомъ позорѣ". Мужья ихъ, сильные богатыри, поѣхали противъ свѣторусскаго богатыря; кони у нихъ добрые, копья острыя, и хотятъ они Илью на копьяхъ поднять. И увидѣлъ Соловей-разбойникъ, и сталъ говорить: „зятьи мои милые! не позорьтесь вы и не дразните такого сильнаго богатыря, чтобы всѣмъ вамъ не принять отъ него смерти; лучше съ покорностію попросите его въ домъ мой выпить чару зелена вина". По просьбѣ зятей поворотилъ Илья въ домъ, не вѣдая ихъ злобы. Большая дочь подняла желѣзную на цѣпяхъ подворотню, чтобъ его пришибить. Но Илья усмотрѣлъ ее на воротахъ; ударилъ копьемъ и ушибъ до смерти.

И какъ пріѣхалъ Илья-Муромецъ въ Кіевъ градъ, въѣзжаетъ прямо на княженецкой дворъ и входитъ въ палаты бѣлокаменныя, Богу молится и князю кланяется. Князь Кіевской спрашиваетъ: „скажи, доброй молодецъ, какъ тебя зовутъ и изъ котораго города ты уроженецъ?" Отвѣтъ держитъ Илья-Муромецъ: „меня, государь, зовутъ Ильюшкою, а по отечеству Ивановъ, уроженецъ города Мурома, села Карачарова".

[1]) Вар. Смородинѣ.

Князь спрашиваетъ: „которою дорогою ѣхалъ ты изъ Мурома?“— На Черниговъ-градъ, и подъ Черниговомъ побилъ войска басурманскія, что̀ и смѣты нѣтъ, и очистилъ Черниговъ-градъ; а оттуда поѣхалъ прямою доро̀гою, и взялъ сильнаго богатыря Соловья-разбойника и привелъ его съ собою у стремени булатнаго. Князь, осердясь, сказалъ: „что ты обманываешь!“ Какъ услышали это богатыри Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ, они бросились смотрѣть и, увидѣвъ, князя увѣрили, что справедливо такъ. И приказалъ князь поднести чару [1]) зелена вина доброму молодцу. Захотѣлось князю разбойническаго свисту послушать. Илья князя со княгинею обернулъ въ шубу соболью, и поставя [2]) ихъ подъ мышки, призвалъ Соловья и приказалъ въ полсвиста засвистать соловьемъ. А Соловей-разбойникъ засвисталъ во весь разбойнической свистъ и оглушилъ богатырей такъ, что они упали на полъ; и за то убилъ его Илья-Муромецъ.

. . . .

Аѳ. Ск. III, 119—124.

(Напечатана съ лубочнаго изданія).

2. Алёша-Поповичъ.

На небесахъ зародился младъ-свѣтелъ мѣсяцъ, на землѣ-то у стараго соборнаго у Леонтья-попа зародился сынъ—могучій богатырь; а имя нарекли ему младъ Алёша-Поповичъ—имячко хорошенькое. Стали Алёшу кормить-поить: у кого недѣльной, онъ денной такой; у новыхъ [1]) годовой, Алёша недѣльной такой. Сталъ Алёша по улочкѣ похаживати, сталъ съ малыми ребятками поигрывати: кого возьметъ за ручку—ручка прочь; кого за ножку—ножка прочь; игра-то у него не користно пошла! кого за середку [2]) возьметъ—живота лишитъ. И сталъ Алёша на возрастѣ: учалъ у отца-матери просить благословеньица ѣхать—гулять во чисто поле. Отецъ говоритъ: „Алёша-Поповичъ! поѣзжаешь ты во чисто поле; есть у насъ и посильнѣе тебя; ты возьми себѣ въ слуги вѣрные Марышка Паранова сына“. И садились добры молодцы на добрыхъ коней; какъ поѣхали они во чисто̀ поле—пыль столбомъ закурилася: только добрыхъ молодцовъ и видѣли!

Пріѣзжали добры молодцы ко князю ко Владиміру; тутъ Алёша-Поповичъ прямью [3]) идетъ въ бѣлокаменны палаты ко князю ко Владиміру, крестъ кладетъ по писанному, поклоняется по ученому на всѣ на четыре стороны, а князю Владиміру на особицу. И встрѣчаетъ добрыхъ молодцевъ Владиміръ-князь и сажаетъ ихъ за дубовый столъ: хорошо добрыхъ молодцевъ поитъ-кормитъ и вта̀поръ вѣстей поспроситъ; учали добры молодцы ѣсть пряники печатные, запивать винами крѣпкими. Тутъ спросилъ добрыхъ мо̀лодцевъ Владиміръ-князь: „кто вы, добры мо̀лодцы? сильные ли богатыри удалые, или путники-перехожіе—сумки перемётныя? Не знаю я вамъ ни имени,

---

1) Вар. кубокъ. 2) Вар. подхватя.

1) Т. е. иныхъ. 2) Поперекъ. 3) Прямо.

ни отчины". Отвѣтъ держитъ Алёша-Поповичъ: „я сынъ стараго соборнаго Леонтья-попа Алёша-Поповичъ младъ, а въ товарищахъ слуга Марышко Парановъ сынъ". Какъ поѣлъ да попилъ Алёша-Поповичъ, учалъ прáвиться на кирпичну печь, легъ полудновать [1]), а Марышко за столомъ сидитъ. Въ тѣ поры да въ то времячко наѣзжалъ Змѣевичъ-богатырь и облатынилъ все царство князя Владиміра. Идетъ Тугаринъ-Змѣевичъ въ палаты бѣлокаменны ко князю Владиміру; онъ лѣвой ногой на порогъ ступилъ, а правой ногой за дубовый столъ; онъ пьетъ и ѣстъ и съ княгиней обнимается, а надъ княземъ Владиміромъ играется и ругается; онъ кладетъ ковригу за щеку, а другую за другую кладетъ; на языкъ кладетъ цѣлаго лебедя, пирогомъ попихнулъ—все вдругъ проглотнулъ. Лежитъ Алёша-Поповичъ на кирпичной печи и говоритъ такія рѣчи Тугарину-Змѣевичу: „было у нашего батюшки у стараго у Леонтья-попа—было коровищё, было обжорищё, ходило по пивоварнямъ и съѣдало цѣлые кадцы пивоварные съ гущею; дошло коровищё, дошло обжорищё до озера, всю воду изъ озера выпило—взяло его тутъ и разорвало; а и тебя бы Тугарина такъ за столомъ-то всего прирвало!" Разсердился Тугаринъ на Алёшу-Поповича, бросилъ въ его булатнымъ ножомъ; Алёша-Поповичъ увертливъ былъ, увернулся отъ его за дубовый столбъ. Говоритъ Алёша таково слово: „спасибо тебѣ, Змѣевичъ-Тугаринъ-богатырь; подалъ ты мнѣ булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я тебѣ очи ясныя, засмотрю я твоего ретивà сердца". Въ тѣ поры выскакалъ Марышко Парановъ сынъ изъ-за стола изъ-за дубоваго на рѣзвы ноги и хватилъ Тугарина за вáворотъ, выхватилъ изъ-за стóлья и бросилъ о палату бѣлокаменну—и посыпались оконницы стекольчатыя. Какъ возгóворитъ Алёша-Поповичъ съ кирпичной печи: „ой ты Марышко, Марышко, Парановъ сынъ, ты вѣрная слуга, неизмѣнная!" Отвѣчаетъ Марышко Парановъ сынъ: „подай-ка ты мнѣ, Алёша-Поповичъ, булатный ножъ; распорю я Тугарину-Змѣевичу груди бѣлыя, застелю я ему очи ясныя, засмотрю его ретивà сердца". Отвѣтъ держитъ Алёша съ кирпичной печи: „охъ ты, Марышко Парановъ сынъ! не рýди [1]) ты палатъ-то бѣлокаменныхъ, отпусти его во чистó поле; некуда онъ тамъ дѣвается; съѣдемся за нимъ заутро во чистомъ полѣ".

Поутру раннимъ-ранёшенько подымался вмѣстяхъ съ солнышкомъ Марышко Парановъ сынъ, выводилъ онъ рѣзвыхъ коней пить воды на быстру рѣку. Летаетъ Тугаринъ-Змѣевичъ по поднебесью и проситъ Алёшу-Поповича во чистó поле. И пріѣзжалъ Марышко Парановъ сынъ къ Алёшѣ-Поповичу: „Богъ тебѣ судья, Алёша-Поповичъ! не далъ ты мнѣ булатнаго ножа; распоролъ бы я поганцу груди бѣлыя, застлалъ бы я его очи ясныя, высмотрѣлъ бы я его ретивà сердца; те-

[1]) Отдыхать послѣ обѣда.

[1]) Не марай.

перя что возьмешь у него у Тугарина? летаетъ онъ по поднебесью". Говоритъ Алёша таково слово: „не замѣна моя, все измѣна!". Выводилъ Алёша своего добра коня, обсѣдлалъ во черкасское сѣдло, подтянулъ двѣнадцатью подпругами шелковыми— ради басы [1]), не ради крѣпости; поѣхалъ во чисто̀ поле. Ѣдетъ Алёша по чисту полю и видитъ Тугарина-Змѣевича: онъ летаетъ по поднебесью. И взмолился Алёша-Поповичъ: „пресвятая мати Богородица! накати-ко ты тучу черную; дай Богъ изъ тучи черной часта дождичка крупенистаго! смочило бы у Тугарина крыльица бумажныя". У Алёши была мольба доходная: накатилася туча черная; изъ той тучи грозной далъ Богъ дождичка частаго, частаго да крупенистаго, и смочило у Тугарина крыльица бумажныя; палъ онъ на сыру землю и поѣхалъ по чисту полю. Не двѣ горы вмѣстѣ скатаются, то Тугаринъ съ Алёшей съѣзжалися; палицами ударились—палицы по чѝвьямъ [2]) поломалися, копьями соткнулися— копья къ чѝвьямъ извернулися, саблями махнулися—сабли исщербилися. Тутъ-то Алёша-Поповичъ валился съ сѣдла, какъ овсяной снопъ; и тутъ Тугаринъ-Змѣевичъ учалъ бить Алёшу-Поповича, а тотъ-ли Алёша увертливъ былъ, увернулся Алёша подъ конное чѐрево, съ другой стороны вывернулся изъ-подъ чѐрева и ударилъ Тугарина булатнымъ ножомъ подъ правую пазуху, и спихнулъ Тугарина съ добра коня, и учалъ Алёша-Поповичъ кричать Тугарину: „спасибо тебѣ, Тугаринъ-Змѣевичъ, за булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я твои очи ясныя, засмотрю я твоего ретива̀ сердца". Отрубилъ ему Але́ша буйну голову, и повезъ онъ буйну голову ко князю ко Владиміру; ѣдетъ да головушкой поигрываетъ, высоко головушку вымётываетъ, на востро копье головушку подхватываетъ. Тутъ Владиміръ ополо̀хнулся [1]): „везетъ-де Тугаринъ буйну голову Алёши-Поповича! Поплѣнитъ онъ теперь наше царство христіанское!" Отвѣтъ держитъ Марышко Парановъ сынъ: „не тужи ты, красно солнышко-Владиміръ стольный кіевскій! Если ѣдетъ по земли, а не летаетъ по поднебесью поганый Тугаринъ, сложитъ онъ свою буйну голову на мое копье булатное; не печалуйся, князь Владиміръ: какова̀ пора—я съ нимъ побра̀таюсь!" Посмотрѣлъ тутъ Марышко Парановъ сынъ въ трубочку подзорную, опозналъ онъ Алёшу-Поповича: „вижу я ухватку богатырскую, поступку молодецкую: на̀круто Алёша коня поворачиваетъ, головушкой поигрываетъ, высоко головушку вымётываетъ, на востро копье головушку подхватываетъ. Ѣдетъ это не Тугаринъ поганый, а Алёша-Поповичъ, сынъ Леонтья-попа стараго соборнаго; везетъ онъ головушку поганаго Тугарина-Змѣевича".

Аѳ. Ск. III, 136—140.

(Записана въ Шенкурскѣ Архан. губ.).

[1]) Красоты, щегольства.
[2]) Чивье—рукоятка.

[1]) Испугался, устрашился.

В. Сказки книжнаго происхожденія.

а) Историческія.

1. Сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ.

Жилъ на свѣтѣ царь; имя его было Александръ Македонскій. Это было въ старину, давно-давно, такъ что ни дѣды, ни прадѣды, ни прапрадѣды, ни пращуры наши не запомнятъ. Царь этотъ былъ изъ богатырей богатырь. Никакой силачъ въ свѣтѣ не могъ побѣдить его. Онъ любилъ воевать, и войско у него было все начисто богатыри. На кого ни пойдетъ войною царь Александръ Македонскій—все побѣдитъ. И покорилъ онъ подъ свою власть всѣ царства земныя. И зашелъ онъ на край свѣта и нашелъ такіе народы, что самъ, какъ ни былъ храбръ, ужаснулся ихъ: свирѣпы пуще лютыхъ звѣрей и ѣдятъ живыхъ людей: у иного изъ нихъ одинъ глазъ—и тотъ во лбу, а у иного три глаза; у иного одна только нога, а у иного три, и бѣгаютъ они такъ быстро, какъ летитъ изъ лука стрѣла. Имя этихъ народовъ было: Гоги и Магоги. Однакожъ царь Александръ Македонскій отъ этихъ дивіихъ [1]) народовъ не струсилъ; началъ онъ съ ними воевать. Долго ли, коротко ли онъ съ ними велъ войну—это не вѣдомо; только диві народы струсили, и пустились отъ него бѣжать. Онъ за ними, гнать-гнать, и загналъ ихъ въ такія трущобы, пропасти и горы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Тамъ-то они и скрылись отъ царя Александра Македонскаго. Что-же сдѣлалъ съ ними царь Александръ? Онъ свёлъ надъ ними одну гору съ другою сводомъ, и поставилъ на сводѣ трубы, и ушелъ назадъ въ свою землю. Подуютъ вѣтры въ трубы, и подымется страшный вой; они, сидя тамъ, кричатъ: о, видно еще живъ Александръ Македонскій. Эти Гоги и Магоги до сихъ поръ еще живы и трепещутъ Александра, а выйдутъ оттудова передъ самою кончиною свѣта.

Аѳ. III 173—174.

(Записана въ Саратовской губ.).

[1]) Дикихъ.

2. Изъ сказки: Про Мамая-безбожнаго.

На Русѣ было на православной княжилъ князь тутъ Димитрій Ивановичъ. Засылалъ онъ съ даньей русскаго посла Захарья Тютрина къ Мамаю-безбожному, псу смердящему. Правится путемъ-дорогой русской посолъ Захарій Тютринъ; пришелъ онъ къ Мамаю-безбожному, псу смердящему; „давай—примай, говоритъ, дань отъ русскаго князя Дмитрія Ивановича!“ Отвѣчаетъ Мамай-безбожный: „покуль не омоешь ногъ моихъ и не поцѣлуешь бахилъ [1]), не приму я дани князя

[1]) Обувь, сапоги.

Дмитрія Ивановича“. Взадь [1]) отвѣчаетъ русской посолъ Захарко Тютринъ: „чѣмъ бы съ дороги напоить-накормить, въ банѣ выпарить, втѣпоръ вѣстей попросить; а ты, Мамай-безбожный, песъ смердящій, того-пѣрво велишь мыть твои басурманскія ноги и цѣловать бахилы; не слѣдъ мыть ноги и цѣловать бахилы русскому послу Захарью Тютрину. Пусть поганой татаринъ, Мамай безбожный, буде есть вѣра, цѣлуетъ ноги русскаго посла Захарья Тютрина!“ Разъярился собака-татаринъ, рвалъ свои черныя кудри, металъ ихъ на̀ земь—по застолью, княжескія бумаги придралъ, и писалъ свои ярлыки скорописчатые: „когда будетъ овесъ кудрявъ, баранъ мохнатъ, у коня подъ копытомъ трава и вода, втѣпоръ Мамай-безбожный будетъ съ святой Русью воевать: втѣпоръ мнѣ ни воды, ни хлѣба не надо!“. . . . .

Не золота трубочка вострубила, Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ сталъ рѣчь держать: „Воины мои любимые! не на попойку призывалъ я васъ, не на радостный пиръ вы ко мнѣ собиралися; собиралися вы ко мнѣ за печальной вѣсточкой. Мамай-безбожный, песъ смердящій, со всѣми своими ордами некрещеными, идетъ святую Русь воевать; будетъ намъ отъ Мамая-собаки пить горькая чаша! Пойдемте, мои любимые воины, къ океану-морю, изладимъ легкіе струги и побѣжимъ мы изъ океанъ-моря въ море Хвалынское къ соловецкимъ чудотворцамъ; запремся тамъ—и нечего съ насъ будетъ взять Мамаю-безбожному, псу смердящему; въ другую сторону [1]) онъ насъ полонитъ, очи выкопаетъ и злой смерти предастъ. Отвѣчаютъ князи и бояре, буйны головы понуривши: „Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! одно солнушко катится по небу—одинъ князь княжитъ надъ Русью православною; не перечить мы пришли твоему слову крѣпкому; позволь насъ заставить рѣчь-отвѣтъ держать, какъ на̀дать ладить съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ. Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ! пойдемъ мы къ океанъ-морю, прирубимъ легкіе струги, скало̀пки [2]) смечемъ въ океанъ-море, сами соберемъ рать-силу великую, и будемъ драться съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови—и будетъ на Мамая-безбожнаго побѣда!“ — Что за слыхъ, что за громъ грянулъ по трапезѣ? говоритъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ. Отвѣчаетъ калика перехожая—сумка переметная: „это, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, нечистая, непріятная сила (что̀ тебѣ подъ ухо шептала, чтобъ шелъ ты къ океанъ-морю строить легкіе струги, изъ океанъ-моря въ море Хвалынское), когда ты Бога прославилъ, изъ терема побѣжала“.

Задонской князь Дмитрій Ивановичъ чинилъ крѣпкіе наказы, чтобъ собирали рать-силу несмѣтную по городамъ съ пригородками и по всѣмъ дальнимъ печищамъ [3]), оставляли-бъ до̀ма только слѣпыхъ да

[1]) Наоборотъ.

[1]) Иначе, въ противномъ случаѣ.
[2]) Отрубки, щепки.
[3]) Деревнямъ.

хронныхъ, да малыхъ ребятъ-недоростковъ имъ въ печальники. Собрали со всѣхъ концевъ Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москвѣ бѣлокаменной, расклали силу по жеребьямъ: Семену Тупику, Ивану Квашнину, русскому послу Захарью Тютрину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ. Пошла сила на поле на Куликово, Москвы не хватаючи. На полѣ на Куликовѣ учали думу думать, какъ надо силу смѣтить? Русской посолъ Захарій Тютринъ садился на своего добраго коня, объѣзжалъ округъ силы три дня и три часа—не могъ силы смѣтить: на сколько верстъ стоитъ?...

Первый жребій выпалъ русскому послу Захарью Тютрину, съ мохначами-бородачами — донскими казаками; другой — Семену Тупику, Ивану Квашнину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ; третій жеребій выпалъ Задонскому князю Дмитрію Иванову.

Втѣпоръ заслышалъ шведской король про великое побоище, набралъ силы сорокъ тысячъ: „подите, воины мои любимые, на поле на Куликово, Москвы не хватаючи; станьте, мои воины, на бугры на высокіе: станетъ Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ побивать Мамая-безбожнаго—ко Дмитрію Ивановичу пристаньте; буде Мамай-безбожный будетъ побивать Дмитрія Ивановича—ко Мамаю пристаньте“. Лукавъ былъ шведской король, велѣлъ ко правой силѣ приставать! Турецкой король заслышалъ про великое побоище, приказалъ набрать силы сорокъ тысячъ и посылалъ ихъ на поле на Куликово—самъ наказывалъ: „воины мои любимые! какую силу побивать будутъ, ко той пристаньте“. Простъ былъ турецкой король, ко виноватой силѣ велѣлъ приставать!

Засряжалась рать-сила могучая на полѣ на Куликовѣ на кровавое побоище; перѣдъ держалъ русской посолъ Захарій Тютринъ съ мохначами-бородачами — донскими казаками. Пàлась имъ встрѣчу сила Мамая-безбожнаго: когда сила съ силою сходилась, мать-сыра земля подгибалась, вода подступалась. Втѣпоръ выскочилъ изъ земли Кроволинъ-татаринъ — вышина семь саженъ; скричалъ татаринъ зычнымъ голосомъ: „Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! давай мнѣ-ка поединщика; буде не поставишь мнѣ поединщика, я твою силу одинъ побью-вырублю, грязьёй сдѣлаю!“ Говоритъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ: „не на кого мнѣ-ка надѣяться, самому пришло идти супротивникомъ-поединщикомъ на Кроволина-татарина!“ Оболокàетъ онъ свои латы крѣпкія, застегаетъ пуговицы воальянскія; обсѣдлали ему добра коня во сѣдло черкасское, беретъ онъ съ собой палицу боевую, поѣзжаетъ къ Кроволину-татарину. Палъ ему встрѣчу незнамый воинъ: „осади лошадь, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! пойду я на Кроволина-татарина, отрублю ему по плечъ басурманскую голову!“ Сѣдлалъ онъ своего добраго коня, подтягивалъ двѣнадцатимя подпругами шелковыми не ради басы, ради крѣпости. „Обороню я тебя, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, отъ первыя смерти! Буде я побью Кроволина-татарина, то бейся и дерись

съ окаяннымъ врагомъ, съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мамая-безбожнаго побѣда!“ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ съ незнакомымъ воиномъ обмѣнялись конями, простились, и благословилъ его князь Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, на побоище смертное. Съѣхались два сильные, могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-дракѣ перевѣдаться. Палицами ударились—палицы по чівья поломались; копьями соткнулись—копья извернулись; саблями махнулись — сабли исщербились: скакали они со добрыхъ коней и бились они рукопашнымъ боемъ, и бились они три дня, три ночи, три часа не пиваючи бились, не ѣдаючи; на четвертой день оба тутъ и упокоились. И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: незнакомый воинъ правую руку на тулово [1]) Кроволина-татарина накинулъ. Князь своего воина срядилъ, похоронилъ, надъ нимъ крестъ поставилъ и вызолотилъ.

У Мамая-безбожнаго, пса смердящаго, выскочилъ изъ земли другой воинъ, и звопилъ своимъ зычнымъ голосомъ: „Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! подавай мнѣ-ка супротивника; въ другую сторону я твою силу побью, и тебѣ, князю, глаза выкопаю—свѣтъ отниму!“ Понурилъ буйну голову Задонской князь Дмитрій Ивановичъ: „не на кого мнѣ-ка надѣяться, самому пришло идти на Кроволина-татарина“. Садился онъ на своего добра коня, поѣзжалъ на Кроволина-татарина. Палъ ему встрѣчу другой воинъ: „осади лошадь, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! избавлю я тебя отъ скорыя смерти. Буде я побью собаку-татарина, бейся и дерись со Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мамая-безбожнаго побѣда. А буде Квашниновъ-богатырекъ (sic) побьетъ меня, садись на моего добраго коня: увезетъ онъ тебя отъ смерти отъ скорыя“. Князь Дмитрій Ивановичъ и незнамый воинъ обмѣнялись конями, простились, и благословилъ его Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, на побоище смертное. Съѣхались два сильные могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-дракѣ перевѣдаться. Впервые палицами они ударились — палицы по чівья поломались, копьями кололись—копья извернулись, вострыми саблями рубились—сабли исщербились; скочили они со добрыхъ коней, бились-дрались рукопашнымъ боемъ, бились-дрались три дня, три ночи и три часа, не пиваючи, не ѣдаючи и ясныхъ глазъ не смыкаючи; на четвертой день оба тутъ и упокоились. И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: у воина князева правая пола на поганаго татарина накинулась. Князь своего воина честно срядилъ, похоронилъ, и на могилѣ крестъ поставилъ и вызолотилъ.

Втѣпоръ русской посолъ Захарій Тютринъ, съ мохначами-бородачами—донскими казаками, напущался на силу Мамая-безбожнаго. Свѣтлый день идетъ ко вечеру, а бой-

[1]) Туловище.

драка еще не кончилась; когда кончилась драка, учали смѣчать: у кого сколько силы палої У русскаго посла Захарья Тютрина на одного кохнача-бородача — донского казака по двѣ тысячи по двѣсти татаровей выпало . . . .

(Не такъ былъ счастливъ отрядъ Тупика, Квашнина и Бѣлозерцевъ: „нашу силу побивать стали". На помощь выступилъ князь Дмитрій Ивановичъ. „Живетъ (дѣйствуетъ) онъ въ силѣ Мамаябезбожнаго, какъ острая коса въ сѣностáвъ въ мягкой травѣ". Наконецъ не въ моготу стало биться Задонскому князю: забрызгалъ онъ свои ясныя очи поганою татарскою кровью, отемнѣлъ и взмолился своему коню: „увези ты меня, конь, отъ скорыя смерти!" Конь вывезъ князя въ чистое поле къ кудрявой березѣ. Дмитрій Ивановичъ отпустилъ коня, а самъ сѣлъ на кудрявую березу. Битва окончилась).

Спохватилась рать-сила могучая Задонскаго князя Дмитрія Ивановича. Русской посолъ Захарій Тютринъ, Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ учали силу спрашивать: не помѣтилъ ли кто пути-дороги Задонскаго князя Дмитрія Ивановича? Молчитъ рать-сила могучая; ни отъ кого отвѣта нѣтъ. Русской посолъ Захарій Тютринъ, Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ понурили свои буйны головы; положили они на скопѣ [1]): погибъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ въ бою-дракѣ отъ поганыхъ татаровей. Взадь пошла рать-сила могучая по чистому полю. Увидѣлъ русской посолъ Захарій Тютринъ въ чистомъ полѣ кудрявую березу, а на той кудрявой березѣ чернизину [1]); походилъ Захарко на чернизину, признавалъ онъ Задонскаго князя Дмитрія Ивановича. Въ ноги палъ онъ князю Дмитрію Ивановичу: „возрадуйся, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! постояли мы за матушку Русь православную, побѣдили Мамая-безбожнаго, пса смердящаго!" Соходитъ князь Дмитрій Ивановичъ съ кудрявыя березы; на востокъ онъ три раза земно кланяется. Настигали они рать-силу могущую, находили въ томъ радость-веселіе.

Аѳ. Ск. III, 168—173.
(Записана въ Архангельской губ. Шенкурскомъ уѣздѣ).

[1]) На общемъ собраніи.

[1]) Отдаленный предметъ, чернѣющій вдали.

б) Бытовыя (сатирическія).

1. Списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ.

„Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой-рыбицѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера енинчишко баярской Лещъ съ товарищи. Жалоба, господа, вамъ на злого человѣка, на Ерша Щетинника и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ злой человѣкъ, Щетинникъ(овъ) наслѣдникъ, лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ [2]); расплодился тотъ Ершъ по рѣкамъ и по озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него, аки лютыя рогатины, и онъ свидится съ нами на стану—

[2]) Жира, жирова—хорошее житье, довольство.

и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа христіански! лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями".

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаешь-ли?" Отвѣтчикъ Ершъ рече: „отвѣчаю, господа! за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ, а (и) нынѣ наше, и онъ Лещъ жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ. А я, господа, Ершъ, Божіею милостію, отца своего благословеніемъ и матерними молитвами, не смутщикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ нигдѣ не бывалъ, воровского у меня ничего не вынимывали; человѣкъ я добрый, живу я своею силою, а не чужою; знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городахъ князи и бояре, стольники и дворяне, жильцы московскіе, дьяки и подьячіе и всякихъ чиновъ люди, и покупаютъ меня дорогою цѣною и варятъ меня съ перцомъ и съ шав(ф)раномъ и ставятъ предъ собою честно, и многіе добрые люди кушаютъ съ похмелья и кушавши поздравляютъ".

Судьи спрашивали истца Леща: „ты, Лещъ, чѣмъ его уличаешь?" Истецъ Лещъ рече: „уличаю его Божіею правдою да вами праведными судьями". Судьи спрашивали истца Леща: „кому у тебя вѣдомо про Ростовское озеро и о рѣкахъ и востокахъ [1]), и на кого шлешься?" Истецъ Лещъ рече: шлюся я, господа! изъ виноватыхъ [2]) на добрыхъ людей разныхъ городовъ и области(ей); есть, господа, человѣкъ добрый, живетъ въ Нѣмецкой области подъ Иваномъ-городомъ въ рѣкѣ Нарвѣ, по имени рыба Сигъ; да другой, господа, человѣкъ добрый, живетъ въ Новгородской области въ рѣкѣ Волховѣ, по имени рыба Лодуга". Спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, шлешься-ли на Лещеву правду, на таковыхъ людей?" И отвѣтчикъ Ершъ рече: „слатися, господа, намъ на таковыхъ людей не умѣть; Сигъ и Лодуга — люди богатые, животами прожиточны, а Лещъ такой-же человѣкъ заводной, шлется въ послушеству(о)" [3]). И судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „почему у тебя такіе люди недрузья и какая у тебя съ ними недружба?" Отвѣтчикъ Ершъ рече: „господа мои судьи! недружбы у насъ съ ними никакой не было, а слатися на нихъ не смѣемъ—для того, что Сигъ и Лодуга люди великіе, а Лещъ такой же человѣкъ заводной; они хотятъ насъ маломочныхъ людей испродать [4]) напрасно".

Судьи спрашивали истца Леща: „еще кому у тебя вѣдомо Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокахъ, и на кого шлешься?" Истецъ Лещъ рече: „шлюсь я, господа! изъ виноватыхъ есть человѣкъ доброй, живетъ въ Переславскомъ озерѣ,

---

[1]) Истокахъ. [2]) Т. е. изъ прикосновенныхъ дѣлу, вѣдающихъ о дѣлѣ.
[3]) Ссылается на свидѣтельство.
[4]) Разорить тяжбою.

рыба Сельдь". Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, шлешься ли на лещевую правду?" Отвѣтчикъ же Ершъ рече: „Сигъ и Лодуга и Сельдь сплемяни [1]), а Лещъ такой-же человѣкъ заводной: въ сусѣдствѣ имаются, гдѣ судятся—ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, про насъ не молвятъ".

И судьи послали пристава Окуня и велѣли взять съ собою въ понятыхъ Мня [2]), приказали взять въ правдѣ переславскую Сельдь. Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Мня, и Мень Окуню-приставу сулитъ посулы великіе, и рече: „господине Окуне! азъ не гожуся въ понятыхъ быть: брюхо у меня велико—ходить не могу, а се глаза малы—далеко не вижу, а се губы толсты—передъ добрыми людьми говорить не умѣю". Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Головля и Е(я)зя. И Окунь поставилъ въ правдѣ переславскую Сельдь. И судьи спрашивали въ правдѣ у переславской Сельди: „Сельдь, скажи ты намъ про Леща и про Ерша и промежъ ими про Ростовское озеро". Сельдь же рече въ правдѣ: „Леща съ товарищи знаютъ; Лещъ человѣкъ доброй, христіанинъ Божій, живетъ своею, а не чужою (силою); а Ершъ, господа, злой человѣкъ, Щетинникъ" [3]).

...знаешь-ли его? Осетръ же рече: „азъ, господа [4]), не въ правдѣ [5]) и не въ послушествѣ, а вправѣ (скажу): слышалъ про того Ерша, что сварятъ его въ ухѣ, а столько не ѣдятъ, сколько расплюютъ. Да еще, господа, вамъ скажу Божіею правдою о своей обидѣ: когда я шелъ изъ Волги-рѣки въ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ меня встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече мя братомъ; а я лукавства его не ви(ѣ)далъ, а спрошать про него, злого человѣка, никого не лучилось, и онъ меня вопроси: братецъ Осетръ, гдѣ идеши? И азъ ему повѣдалъ: иду въ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать. И рече ми Ершъ: братецъ Осетръ, когда азъ шелъ Волгою-рѣкою, тогда азъ былъ толще тебя и дόлѣ (дόлѣе, т. е. длиннѣе), бока мои терли у Волги-рѣки береги (а), очи мои были аки полная чаша, хвостъ же мой былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скуденъ, иду изъ Ростовскаго озера. Азъ же, господа, слышавъ такое его прелес(т)ное слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ морилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ. Да еще, вамъ, господа, скажу: тотъ-же Ершъ обманулъ меня Осетра, стараго мужика, и приведе меня къ неводу и рече ми; братецъ Осетръ, пойдемъ въ неводъ; есть тамъ рыбы много. И я его нача посылати напредь. И онъ Ершъ мнѣ рече: братецъ Осетръ, коли мѣньшей братъ ходитъ напредь боль-

[1]) Тоже, что—„сродни".

[2]) Налима.

[3]) Здѣсь въ рукописи опущена ссылка Леща на новое свидѣтельство. Такимъ образомъ выведенъ Осетръ; въ началѣ же сказки онъ поставленъ судьею: очевидная запутанность въ текстѣ рукописи.

[4]) Въ рукописи: „господа вы".

[5]) Т. е. не ради суда.

шаго? [1]) И я на его, господа, прелестное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да увязъ, а неводъ что боярской дворъ—итти (войти) ворота широки, а вытти узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ е(я)чею [2]), а самъ мнѣ насмѣхался: ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся! А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощатися: братецъ, братецъ Осетръ! прости, не попинай лихомъ. А какъ меня мужики на берегу стали бить дубинами по головѣ, и я нача стенать, и онъ Ершъ рече ми: братецъ Осетръ, терпи Христа ради!"

Конецъ судного дѣла. Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: Леща съ товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велѣли казнить торговою казнію—бити кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своей заднею клещою, а у печати сидѣлъ Вандышъ [3]) переславской. Да на того-же Ерша выдали правую грамоту: гдѣ его застанутъ въ своихъ вотчинахъ, тутъ его безъ суда казнить.

Речетъ Ершъ судьямъ: „господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по издѣ. Леща съ товарищи оправили, а меня обвинили". Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли!

Аѳ. Ск. I, 135—139.

(Изъ рукописнаго сборника XVIII столѣтія).

в) Сказки религіозныя (легенды).

1. Объ отцѣ Николаѣ.

Въ одномъ городѣ былъ вороватой человѣкъ и надѣлалъ уже много бѣдъ. Однажды случилось ему обокрасть богатаго человѣка; дѣло это подмѣтили и послали въ погоню. Долго онъ бѣжалъ лѣсомъ, а впереди того лѣса была чистая степь верстъ по крайней мѣрѣ на десять. Какъ пробѣжалъ весь лѣсъ, остановился, и не знаетъ, что ему дѣлать? Если бѣжать по степи, то сейчасъ поймаютъ, потому что версты на двѣ все видно, а погоня, слышитъ, уже близко. Тогда-то онъ началъ молиться: „Господи! прости мою душу грѣшную; батюшко отецъ Николай! сокрой меня—я тебѣ гривенную свѣчку поставлю".

Вдругъ не откуда взялся—предсталъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, и спрашиваетъ вора: „что ты теперь говорилъ?" Воръ отвѣчаетъ: „вотъ что я говорилъ: батюшко отецъ Николай! сокрой меня въ этой глуши. И обѣщался ему свѣчку поставить". Тутъ онъ покаялся старичку въ своемъ грѣхѣ. Старикъ ему сказалъ: „если хочешь, полѣзай въ это па-

[1]) Въ рукописи слѣдуетъ за этимъ слова: кои честь.
[2]) Ячей—пространство клѣтокъ у мережи.
[3]) Снятокъ, маленькая рыбка.

далище!“ А тутъ неподалеку лежала падаль. Нечего дѣлать было вору, надо было лѣзть въ падаль, потому что пойману быть не хочется. Залѣзъ онъ туда, а старичокъ въ ту-же минуту невидимъ сталъ. Тотъ старичокъ былъ самъ отецъ Николай. Вотъ приближается погоня; выѣхали люди на степь, отъѣхали съ полверсты—никого не видать! и воротилися обратно; а воръ лежитъ въ падалищѣ, еле дышетъ—такой гнилой духъ! Когда проѣхала погоня мимо, онъ вылѣзъ оттуда и видитъ опять того же старичка—стоитъ неподалечку и собираетъ воскъ. Воръ подходитъ къ нему, благодаритъ за избавленіе; тогда старичокъ снова спросилъ: „а что ты обѣщалъ отцу Николаю, когда искалъ убѣжища?“ Воръ отвѣчаетъ, „я обѣщался смѣнить гривенную свѣчу“.—То-то и есть! какъ тебѣ было душно лежать въ падалищѣ, такъ и отцу Николаю было бы душно отъ твоей свѣчи. И далъ ему старичокъ наставленіе: „никогда не проси Господа Бога и святыхъ его угодниковъ на злыя дѣла; потому что Господь не благословляетъ злыхъ дѣлъ. Да смотри-же, помни мои слова, да и прочимъ скажи, чтобъ никогда не просили Бога въ худыхъ дѣлахъ!“ Сказалъ это, и скрылся изъ глазъ.

Аѳ. Ск. III, 466—467.

2. Аника-воинъ.

Жилъ-былъ Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви Божіи разорять; взялъ мечъ и копье, и выѣхалъ въ чистое поле на большую дорогу. А навстрѣчу ему Смерть съ острою косою [1]). „Что это за чудище!“ говоритъ Аника-воинъ: „царь ли ты-царевичъ, король ли-королевичъ?“—Я не царь-царевичъ, не король-королевичъ, я твоя Смерть — за тобою пришла! „Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу—тебя раздавлю!“—Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ могучихъ богатырей—я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку!—и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала. Разсердился Аника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего борзаго коня, хочетъ поднять ее на копье булатное; но рука не двигается. Напалъ на него великій страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: „Смерть моя Смерточка, дай мнѣ сроку на одинъ годъ“. Отвѣчаетъ Смерть: — нѣтъ тебѣ сроку и на полгода.—„Смерть моя Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца“.—Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли.— „Смерть моя Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три дня“.—Нѣтъ, тебѣ сроку и на три часа.—И говоритъ Аника-воинъ: „много

---

[1]) Варіантъ: Ѣздилъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по темнымъ лѣсамъ, никого не наѣзжалъ, не съ кѣмъ силы попробовать. „Съ кѣмъ бы мнѣ побиться?“ думаетъ Аника-воинъ: „хотя бы Смерть пришла“. Глядь—идетъ къ нему страшная гостья: тощая, сухая, кости голыя! и несетъ въ рукѣ серпъ, косу, грабли и заступъ.

есть у меня и сребра и злата, и каменья драгоцѣннаго; дай сроку хоть на одинъ часъ—я бы раздалъ нищимъ все свое имѣніе". Отвѣчаетъ Смерть:—какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!—Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвой.

Аѳ. Легнд. 154—155.

II. ПѢСНИ ЭПИЧЕСКІЯ.

---

1. Былины.

Непосредственность русскаго былиннаго эпоса. „Въ большинствѣ случаевъ съ былиннымъ эпосомъ индо-европейскихъ народовъ приходится знакомиться не по первоисточникамъ, не непосредственно изъ устъ народа, а по болѣе или менѣе литературнымъ обработкамъ и даже переработкамъ его. Назовемъ Книгу царей, Иліаду и Одиссею, Пѣснь о Роландѣ, Нибелунги и др. Не то мы замѣчаемъ у славянскихъ народовъ, въ частности у русскихъ.

Со своимъ народнымъ эпосомъ мы имѣли возможность познакомиться прямо изъ устъ народа, такъ какъ если у русскаго народа въ настоящее время иссякла былая творческая производительность, то всетаки не забылись еще созданные въ дни разцвѣта послѣдней высокохудожественные образы.

Сохраненіе народнаго эпоса въ живой народной передачѣ имѣетъ весьма важное значеніе, потому что, благодаря этому, чище и рѣзче могли удержаться духъ и черты подлинной, неприкрашенной народности, въ литературныхъ обработкахъ всегда нѣсколько сглаживающейся и подчасъ даже подчиняющейся различнымъ литературнымъ вліяніямъ, направленіямъ и модамъ. Всякая обработка, даже самая осторожная и добросовѣстная, налагаетъ на произведеніе печать искусственности, преднамѣренности; русскія народныя эпическія пѣсни, за очень и очень ничтожными исключеніями, чужды этихъ качествъ и вольно и плавно льются, отражая въ себѣ долголѣтнюю жизнь русскаго народа со всѣми ея горестями и радостями. Подъ таинственнымъ покровомъ поэтической передачи передъ нашимъ взоромъ вырисовываются очертанія многихъ вѣковъ русской исторіи, отмѣчавшіяся подъ созданіемъ новыхъ пѣсенъ, сопровождавшихъ всякое крупное событіе вплоть по XIX столѣтіе, такъ и отдѣльными наслоеніями на старыхъ, ранѣе сложившихся пѣсняхъ. Въ общемъ получается цѣль-

ная, замѣчательная по своему богатству и разнообразію, картина внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній Руси, его идеаловъ, культурныхъ обобщеній, неписанная исторія, не признающая хронологіи и съ своеобразными пріемами изложенія, но тѣмъ не менѣе полная внутренней правды".

А. М. Лобода. Русскій богатырскій эпосъ. 1896 г.

Гдѣ, кѣмъ и какъ поются былины. „Побывавши въ Олонецкой губерніи (говоритъ Гильфердингъ), легко уяснить себѣ причины, по которымъ могла сохраниться здѣсь въ народной памяти эпическая поэзія, давно исчезнувшая въ другихъ мѣстахъ Россіи. Этихъ причинъ двѣ, и необходимо было ихъ совмѣстное дѣйствіе: эти причины — *свобода* и *глушь*.

Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного рабства. Ощущая себя свободнымъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемыхъ въ старинныхъ былинахъ. Напротивъ того, что могло остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ?

Въ то же время свободный крестьянинъ Заонежья жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникалъ ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, такъ что грамотный человѣкъ между крестьянами этого края до послѣдняго времени былъ рѣдкимъ исключеніемъ.

Такимъ образомъ здѣсь могли держаться въ полной силѣ условія, необходимыя для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное. Какъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ должно оставаться и теперь: понятно, какое это благопріятное условіе для сохраненія древнихъ преданій и былинъ. Безъ вѣры въ чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнію эпическая поэзія: когда человѣкъ усумнится, чтобы богатырь могъ носить палицу въ сорокъ пудъ, или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско — эпическая поэзія въ немъ убита. А множество признаковъ убѣдило меня, что сѣверно-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинахъ изображаются.

Былины сохранились только въ средѣ крестьянъ, при чемъ всѣ сказители—люди неграмотные.

Затѣмъ весьма замѣчательно, что знаніе былинъ составляетъ какъ бы преимущество наиболѣе исправной части крестьянскаго населенія. Разспрашивая этихъ крестьянъ про обстоятельства ихъ жизни, я могъ вывести заключеніе, что сохраненію былинъ особенно благопріятствовали нѣкоторыя мастерства. Сами крестьяне не разъ объясняли мнѣ, что, сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразной работой шитья или плетенья сѣтей,

приходитъ охота пѣть „старины“, и онѣ тогда легко усвоиваются; напротивъ того, земледѣліе и другія тяжелыя работы, а также такія занятія, какъ звѣриный промыселъ, лѣсныя работы, не оставляютъ досуга для пѣсенъ.

Когда слушаешь нашихъ народныхъ пѣвцовъ, прежде всего дивишься тому, до какой степени всѣ они, всѣ безъ исключенія, вѣрно выдерживаютъ характеры дѣйствующихъ въ былинахъ лицъ. Пѣвцы эти далеко не равны по достоинствамъ: они представляютъ цѣлый рядъ переходовъ отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачкуновъ, такъ что собраніе былинъ, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картинной галлереею, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная отъ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ мараньемъ. Но каковъ бы ни былъ рисунокъ, обликъ каждой физіономіи въ этой галерeѣ вездѣ сохраняетъ свои типическія черты. Ни разу князь Владиміръ не выступаетъ изъ роли благодушнаго, но не всегда справедливаго правителя, который самъ лично совершенно безсиленъ; ни разу Илья Муромецъ не измѣнитъ типу спокойной, увѣренной въ себѣ, чуждой всего напускного и хвастливаго, но требующей себѣ уваженія силы; вездѣ Добрыня явится олицетвореніемъ вѣжливости и изящнаго благородства, а Алёша-Поповичъ — нахальства и подлости. Сѣвернорусскому крестьянину, сохраняющему въ памяти эпическія сказанія, очевидно, присущи не какія-нибудь общія неопредѣленныя представленія объ его герояхъ, но живыя очертанія ихъ характеровъ; иначе наши былины, въ которыхъ мы такъ часто встрѣчаемъ путаницу въ обстоятельствахъ описываемыхъ дѣйствій, искажали и путали бы характеры дѣйствующихъ лицъ: а этого никогда не бываетъ. И это потому, что въ сохраненіи и преемственной передачѣ былинъ, кромѣ механическаго дѣйствія памяти, участвуетъ какое-то, свойственное всѣмъ, поэтическое чутье въ народѣ. Память есть единственная сила, которая сознательно для самихъ пѣвцовъ дѣйствуетъ въ усвоеніи и воспроизведеніи ихъ пѣсенъ; участія личнаго творчества никто изъ нихъ и не подозрѣваетъ. Изъ разговора съ самимъ сказителемъ вы сейчасъ увидите, что онъ вполнѣ чуждъ сочинительства: онъ старается пѣть именно такъ, какъ пѣлъ его отецъ, дѣдъ или учитель; если онъ чего-нибудь не упомнилъ, то либо пропускаетъ, либо разсказываетъ словами, никогда не рѣшаясь возстановлять забытое стихами“.

Гильфердингъ. Онежскія былины.

Старинныя, мѣстныя и личныя черты въ современномъ исполненіи былинъ. „Только благодаря тому, что каждый сказитель считаетъ себя обязаннымъ пѣть былину такъ, какъ самъ ее слышалъ, а его слушатели довольствуются тѣмъ, что „такъ поется“, и объясненій никакихъ

не требуютъ,—только благодаря этому и могла удержаться въ былинахъ такая масса древнихъ, ставшихъ непонятными народу, словъ и оборотовъ; только благодаря этому могли удержаться бытовыя черты другой эпохи, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что окружаетъ крестьянина: подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ, картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы вполнѣ понять, какъ велика твердость преданія, обнаруживаемая въ народѣ его былинами. Мы, жители менѣе сѣверныхъ широтъ, не находимъ ничего особенно для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ богатырскимъ эпосомъ, въ этихъ „сырыхъ дубахъ", въ этой „ковыль-травѣ", въ этомъ „раздольѣ-чистомъ полѣ", которые составляютъ обстановку каждой сцены нашихъ былинъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки приднѣпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ, напр., сохраненіе образа „гнѣдого тура", давно исчезнувшаго, или облика богатыря съ шеломомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ „палицею боевою". Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ? Дубъ ему знакомъ столько же, сколько намъ какая-нибудь банана. Знаетъ ли онъ, что такое ковыль-трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку „раздолье-чистое поле"? Нѣтъ; поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскакать, есть представленіе для него совершенно чуждое: ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькія, по большей части усѣянныя каменьемъ или пнями клочки пашни или сѣнокосу, окруженныя лѣсомъ; если же виднѣется чистое гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна, это — трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человѣкъ. А крестьянинъ этого края продолжаетъ пѣть про раздолье чистое поле, какъ будто бы онъ жилъ на Украйнѣ!

Но само собою разумѣется, что, кромѣ завѣщаннаго преданіемъ, сѣверно-русская былина носитъ на себѣ и мѣстныя, и личныя стихіи. Когда сказитель поетъ, что добрый конь богатырскій

Мхи, болота перескакивалъ,
Мелкія озера промежъ ногъ пущалъ,

то онъ рисуетъ картину, которая составилась на мѣстѣ. Такихъ чертъ можно найти не мало. Я думаю, что вліянію мѣстной жизни слѣдуетъ приписать и то, что въ Онежскомъ краѣ сохранился, рядомъ съ богатыремъ-мужчиною, образъ богатыря-женщины, или *поляницы*. Это представленіе до такой степени стало чуждо намъ, что при изданіи въ Москвѣ перваго тома сборника Рыбникова тамъ даже ученые не поняли, что такое поляница.

Не стану дѣлать гипотезу о томъ, имѣетъ ли преданіе о женщинахъ-богатыряхъ въ нашемъ эпосѣ связь съ женщинами-воительницами, о которыхъ говорятъ писатели древности у племенъ, обитавшихъ въ Чер-

поморскихъ краяхъ, или съ воинственными дѣвами чешскихъ легендъ; но какъ бы образъ женщины-богатыря ни сложился, сохраненію его въ живомъ представленіи народа способствовали несомнѣнно бытовыя условія въ сѣверной части Олонецкой губерніи. Здѣсь отъ женщины требуется не только равная доля физическаго труда, но требуется та же неустрашимость и отвага, что̀ отъ мужчины. Здѣсь женщина въ бурю должна умѣть грести и править лодкою, въ осеннюю непогоду тянуть невода, въ зимнія мятели отправляться въ извозъ къ Бѣлому морю. Олицетворяя въ богатырѣ мужскую силу и отвагу, крестьянинъ этихъ мѣстъ не могъ отдѣлять его отъ такого же героическаго типа женщины; потому такъ ясно и сохранилось здѣсь понятіе о *поляницѣ*, которое въ другихъ мѣстахъ Россіи потеряло свою опредѣленность.

Кромѣ мѣстныхъ вліяній, въ былинѣ участвуетъ *личная* стихія, вносимая въ нее каждымъ пѣвцомъ; участіе это чрезвычайно велико, — гораздо больше, чѣмъ можно бы предполагать, послушавъ увѣренія самихъ сказителей, что они поютъ именно такъ, какъ переняли отъ стариковъ.

Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: *мѣста типическія* [1], по большей части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первыя изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранится только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варіанты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвыкшаго отъ своихъ былинъ, и заставьте его пропѣть два раза одну и ту же былину, — вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ".

Гильфердингъ. Онежскія былины.

Научныя изслѣдованія русскихъ былинъ. „Нерѣдко случается въ исторіи науки (говоритъ г. Вс. Миллеръ [2]), что нѣкоторыя ученія, считающіяся въ извѣстное время прочно установленными и вошедшія въ учебники, въ послѣдующее время оказываются шаткими и подрываются критикой со всѣхъ сторонъ. Всего чаще такія крушенія наблюдаются въ области изученія отдаленнаго прошлаго человѣчества. Конечно, открытіе новыхъ источниковъ для познанія исторіи того или другого народа всего

[1]) Или *общія* (loci communes).
[2]) „Очерки русской народной словесности", стр. 22 и слѣд.

чаще измѣняетъ взгляды, казавшіеся раньше прочно научно обоснованными. Но нерѣдко наше пониманіе прошлаго измѣняется и безъ такихъ открытій. Матеріалъ, на основаніи котораго была создана извѣстная теорія, можетъ не увеличиваться количественно, не подновиться новыми открытіями, но комбинація раньше извѣстныхъ фактовъ можетъ быть иная, сдѣланная подъ другимъ угломъ зрѣнія, и прежняя теорія неизбѣжно перестаетъ удовлетворять изслѣдователей новаго поколѣнія.

Такой случай въ исторіи науки имѣемъ мы въ ученіи о русской народной былинѣ или, какъ любили выражаться изслѣдователи 60 и 70-хъ годовъ, о русскомъ богатырскомъ эпосѣ. Мы могли еще недавно твердо и отчетливо отвѣтить на цѣлый рядъ интереснѣйшихъ вопросовъ: ни одинъ хорошій ученикъ гимназіи не затруднился бы уяснить отличіе народной устной поэзіи отъ поэзіи культурной, литературно-художественной. Онъ сказалъ бы (со словъ О. Миллера и А. Галахова), что народная поэзія есть произведеніе и общее достояніе всего народа, что она возникла въ періодъ господства наивныхъ вѣрованій и юношеской фантазіи, когда народъ еще не распадался на классы и сословія, когда всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, „совершаемыхъ не замысломъ и волею одного какого-либо человѣка, а инстинктомъ и силою цѣлаго народа“. Отдѣльный человѣкъ, слагавшій и пѣвшій пѣсню, былъ органомъ, голосомъ всего народа; онъ не творилъ чего-либо новаго, а выражалъ лишь то единственно, что извѣстно было каждому. Самодѣятелность его не простиралась на созданіе сюжета поэтическаго произведенія. Онъ не вносилъ въ пѣсню ни личныхъ лирическихъ изліяній, ни сатиры, не ставилъ себѣ задачею изобразить характеръ того или другого класса народа или поучать своихъ ближнихъ. Увѣренный въ сочувствіи своихъ слушателей, пѣвецъ „не допускаетъ никакихъ украшеній и эффектовъ. Да они и излишни, такъ какъ народная поэзія служила и служитъ народу не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія. Народъ понимаетъ ее не какъ особую сферу духовной дѣятельности, сферу искусства, которое образованный человѣкъ отличаетъ явственно отъ другихъ областей жизни—религіи, гражданской дѣятельности, науки. Естественная поэзія касается всего народнаго быта: обнимаетъ и религіозные, и нравственные его интересы“. Поэтому „народъ видитъ въ своей поэзіи драгоцѣнное достояніе, которое, въ теченіе многихъ столѣтій, одни поколѣнія завѣщевали другимъ. Она имѣетъ смыслъ священной старины, неприкосновеннаго преданія, которое должны усвоивать люди молодые съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь передать его потомкамъ“.

Таковы, приблизительно, отвѣты, которые бойкій ученикъ гимназіи, не затрудняясь, даетъ на предложенный вопросъ объ отличіи устной народной поэзіи отъ художественной личной. Конечно, его не можетъ интересовать вопросъ, какимъ путемъ, на основаніи изученія какого матеріала добыты эти научныя положенія, которыя для ученика составляютъ

какъ бы аксіому. Но такой вопросъ долженъ быть поставленъ всякимъ „научнымъ слѣдователемъ“, желающимъ дать себѣ отчетъ въ томъ, насколько приведенныя общія положенія вытекаютъ изъ изученныхъ наукой фактовъ. Онъ спроситъ себя, знаетъ ли наука дѣйствительно поэзію того періода какого-нибудь народа, когда этотъ народъ не представлялъ никакой матеріальной и духовной дифференціаціи, когда всѣ члены его принимали равное участіе въ подвигахъ и каждый испытывалъ одинаково возбужденное и одинаково направленное духовное настроеніе. На такой вопросъ послѣдуетъ немедленно отрицательный отвѣтъ: окажется, что такого народа этнографія, а тѣмъ менѣе исторія не можетъ указать, что такой народъ—созданіе теоріи. Далѣе окажется такою же научною фикціею поэтъ-пѣвецъ этого предполагаемаго народа,—поэтъ, который не творитъ чего-либо новаго, но выражаетъ лишь то единственно, что извѣстно каждому, и не можетъ создать новаго сюжета. Спрашивается, на чемъ основано предположеніе, что душевная жизнь примитивнаго человѣка такъ рѣзко расходилась съ нашей? Мы алчемъ новыхъ впечатлѣній, цѣнимъ то, чего раньше не слыхали; первобытный же пѣвецъ почему-то долженъ пѣть лишь старое, общеизвѣстное. Какъ же представить намъ себѣ появленіе многочисленныхъ сюжетовъ? Кѣмъ они были измышлены? Коллективнымъ творчествомъ массы? Но вѣдь и это фикція, такъ какъ человѣческій опытъ такого творчества никогда не наблюдалъ. Далѣе спрашивается, на чемъ основано положеніе, будто первобытный поэтъ-пѣвецъ былъ настолько увѣренъ въ сочувствіи слушателей, что не допускалъ никакихъ украшеній и эффектовъ? Почему теорія лишаетъ его естественныхъ свойствъ всякаго художника всѣхъ временъ и народовъ—стремленія произвести впечатлѣніе, украсить по мѣрѣ силъ свое твореніе? Какъ же, однако, объяснить происхожденіе обычныхъ украшеній произведеній такъ называемой народной поэзіи—размѣренной рѣчи, эпитетовъ, сравненій и пр.? Тою же фикціей коллективнаго творчества, которое, если мы отъ фразы перейдемъ къ представленію, сведется къ творчеству отдѣльныхъ лицъ, хотя бы имя имъ было легіонъ. Имѣемъ ли мы какое-нибудь научное основаніе предполагать, что всѣ эти безыменные первобытные поэты по психологическимъ свойствамъ совершенно отличались отъ современныхъ? Это было бы равносильно предположенію, что вообще духовная жизнь примитивнаго человѣка слѣдовала другимъ законамъ, а не тѣмъ, которымъ подчиняется психика современнаго человѣка. Въ такомъ случаѣ, конечно, онъ навсегда останется для насъ загадкою.

Наконецъ, теорія безыскусственной народной поэзіи видитъ различіе въ самомъ отношеніи примитивнаго народа къ его поэзіи отъ отношенія къ ней современнаго образованнаго человѣка. Мы относимъ творенія поэта въ сферу искусства. Первобытному (фиктивному) народу пѣсня служитъ не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія: есте-

ственная поэзія обнимаетъ и религіозные, и нравственные, и умственные интересы; ее нельзя отдѣлить отъ его вѣрованій и убѣжденій. Здѣсь опять за фразами скрывается какое-то недоразумѣніе. Вѣдь поэтическое произведеніе и нашего времени можетъ выражать религіозные, нравственные и умственные интересы поэта и читающаго его общества, но это нисколько не препятствуетъ этому произведенію удовлетворять и эстетическимъ интересамъ. Какое же основаніе мы имѣемъ предполагать, что того же самаго не было въ первобытномъ народѣ? Пусть онъ теоретически не относилъ пѣсню въ сферу искусства, пусть въ его языкѣ даже не было слова для выраженія понятія поэзіи, но все же пѣсня, удовлетворяя его духовнымъ (нравственнымъ и умственнымъ) интересамъ, могла нравиться ему и съ эстетической стороны. Въ чемъ же здѣсь различіе примитивнаго человѣка отъ современнаго?

Если отъ этого общаго опредѣленія народной поэзіи мы перейдемъ къ изученію произведеній устной поэзіи какого-нибудь не фиктивнаго, а историческаго народа, напримѣръ къ изученію русскихъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, загадокъ, этихъ „разрозненныхъ членовъ обширнаго эпическаго преданія“, то немедленно убѣдимся, что многое въ этомъ опредѣленіи какъ будто не подходитъ къ матеріалу, который оно должно обнять. Да иначе и не можетъ быть, такъ какъ опредѣленіе не является выводомъ, сдѣланнымъ изъ изученія нашей народной поэзіи, начавшагося сравнительно недавно, а взято на вѣру изъ господствовавшей въ Германіи теоріи народнаго эпоса, созданнаго Яковомъ Гриммомъ и его послѣдователями. Геніальный ученый, оказавшій въ свое время громадную услугу дѣлу изученія народной поэзіи, представлялъ себѣ просто и ясно всѣ ступени ея развитія. Предки европейскихъ народовъ вынесли изъ общей прародины, которую во время Гримма искали въ Азіи, запасъ основныхъ религіозныхъ понятій, выражавшихся въ миѳахъ о божествахъ. Божества олицетворяли стихіи природы, миѳы изображали похожденія боговъ, борьбу свѣта и тьмы, явленія грозы, смѣну временъ года и пр. На самой ранней ступени эпосъ можетъ быть названъ *миѳологическимъ*: героями разсказовъ или пѣсенъ являются боги. Но въ жизни народа затѣмъ наступаетъ періодъ борьбы упорной, продолжительной, сопровождающей его на пути его блужданій и осѣданія на новыхъ мѣстахъ. Поэзія почерпаетъ содержаніе въ этой борьбѣ, воспѣваетъ подвиги народныхъ героевъ, становится *героическою*. Герои идеализируются, на нихъ переносятся свойства боговъ, событія, дѣйствительно случившіяся, получаютъ миѳическую окраску. Съ принятіемъ христіанства древніе боги исчезаютъ, но слѣды „убѣгающихъ“ боговъ еще долго хранятся въ народныхъ сказаніяхъ, въ богатырскомъ эпосѣ: древніе боги преобразились въ героевъ. При наступленіи періода положительной исторіи, съ распространеніемъ письменности и культуры, дѣйствующими героями въ эпосѣ являются уже *историческія* лица: эпосъ достигъ своей третьей ступени;

но какъ раньше доисторическіе народные герои заимствовали свои краски отъ боговъ, такъ и теперь подъ историческими именами нерѣдко скрываются прежніе, прастарые миѳы.

Съ точки зрѣнія этой теоріи разсматривались сторонниками Гримма и наши былины. Русскій народный эпосъ представляетъ вторую ступень развитія этого рода поэзіи. Наша былина есть позднѣйшая переработка „тѣхъ первоначальныхъ основъ эпическихъ, въ корнѣ которыхъ предполагается миѳъ“. Чудесность и сверхъестественность, унаслѣдованныя отъ поры первобытныхъ вѣрованій, во всей силѣ сказываются и въ былинѣ; но это не мѣшаетъ *народу* величать ее этимъ именемъ. Народъ сознаетъ и выражаетъ различіе пѣсни (въ томъ числѣ и былины) и сказки пословицей: сказка—складка, пѣсня—быль. Наша былина относится къ эпосу героическому, она воспѣваетъ героевъ, которыхъ называетъ богатырями. Сказанія о нихъ твердо пріурочены къ землѣ русской и къ ея древнѣйшей исторіи.

Изъ такого опредѣленія нашей былины получалось смутное и туманное представленіе о ней, какъ о богатырскомъ эпическомъ сказаніи, созданномъ коллективнымъ творчествомъ народа въ глубокой древности и дошедшимъ, наконецъ, до нашихъ дней путемъ преемственной традиціи, хранившейся въ средѣ народа, котораго предки сложили это сказаніе... Пораженные обиліемъ и высокимъ интересомъ нашихъ былинъ, изслѣдователи перваго поколѣнія (Безсоновъ, Буслаевъ, Ор. Миллеръ, Квашнинъ-Самаринъ) не находили словъ для возвеличенія этого наслѣдія предковъ, открывая въ немъ таинственный смыслъ (Безсоновъ), слѣды древней русской миѳологіи (Ор. Миллеръ) и изумляясь передъ чудомъ народнаго творчества и памяти, донесшей до насъ, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ, сказанія чуть ли не эпохи князя Владиміра Святого. Когда миновалъ періодъ „лиризма“, который обыкновенно сопровождаетъ въ исторіи науки какія-нибудь важныя открытія, когда началось болѣе спокойное, трезвое изученіе нашихъ былинъ при помощи *историко-сравнительнаго* метода, нашъ эпосъ сталъ выступать въ надлежащемъ освѣщеніи, и священное наслѣдіе предковъ при этомъ не осталось въ накладѣ. Лишившись своей таинственной чудесности, нашъ эпосъ въ глазахъ историка литературы получилъ высокій научный интересъ, но не въ томъ, въ чемъ его видѣли первые изслѣдователи, увлеченные теоріей Гримма. Въ наше время едва ли кто-нибудь изъ изслѣдователей былинъ вѣритъ въ миѳологическую ихъ основу или въ полную самостоятельность народа въ созданіи ихъ сюжетовъ, которую такъ энергично отстаивалъ покойный Ор. Миллеръ отъ всякихъ покушеній „теоріи заимствованія“. Но зато детальныя изслѣдованія содержанія нашего эпоса подняли цѣлый рядъ интереснѣйшихъ историко-литературныхъ вопросовъ, имѣющихъ не только домашнее, но и европейское значеніе: напримѣръ, какъ относится эпосъ къ положительной исторіи, какъ усвояетъ и перерабатываетъ народъ

бродячіе сюжеты, какое отношеніе между сказочными фабулами и историческими именами нашего эпоса, какое вліяніе оказала „книга" на народныя сказанія, въ какой культурно-исторической связи находится нашъ эпосъ съ европейскимъ средневѣковымъ фольклоромъ, кто были слагатели былинъ и какова среда, въ которой онѣ распространялись и т. п.

Не имѣя въ виду въ настоящей статьѣ разсмотрѣть всѣ эти вопросы, я ограничусь только немногими, находящимися въ связи съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ нашей былины, сдѣланнымъ Ор. Миллеромъ. Начну, впрочемъ, съ вопроса наименѣе важнаго, съ названія *былины*, только потому, что въ объясненіи этого названія существуетъ фактическая ошибка, переходящая, по традиціи, изъ одного учебника въ другой.

Ор. Миллеръ, какъ мы выше видѣли, говоритъ, что народъ свои богатырскія пѣсенныя сказанія величаетъ *былинами*. Здѣсь покойный профессоръ повторяетъ только общепринятое мнѣніе, которое никогда не было доказано и „завелось" въ литературѣ какъ бы tacito consensu... Мы имѣемъ нѣсколько показаній лицъ, записывавшихъ былины въ Олонецкой губерніи, очагѣ нашей эпической традиціи, что такъ называемые *сказители*, знатоки былинъ, называютъ ихъ не былинами, а „старинами", „старинками", „старинушками", не различая историческихъ пѣсенъ отъ былинъ въ нашемъ смыслѣ этого термина...

Спрашивается, однако, если народъ не знаетъ термина *былина* въ нашемъ употребленіи, откуда же онъ взялся въ научной литературѣ, кто первый пустилъ его въ оборотъ? Думаю, что единственный источникъ для этого термина—„Слово о полку Игоревѣ", котораго выраженіе *по былинамъ сего времени*, невѣрно истолкованное, послужило для обогащенія научной терминологіи по части народной пѣсни. Почерпнувъ отсюда это слово, извѣстный народолюбецъ 30-хъ и 40-хъ годовъ И. Сахаровъ, издавая богатырскія пѣсни, первый прикрѣпилъ къ этому отдѣлу своихъ „Сказаній русскаго народа" торжественное заглавіе: „Былины русскихъ людей"... Поэтому совершенно неосновательно повторять, что народъ назвалъ свои старинныя эпическія пѣсни *былинами* (отъ слова быль), сознавая ихъ отличіе отъ сказки—складки. Этимъ я, однако, не хочу сказать, чтобы народъ не вѣрилъ въ возможность фактовъ, разсказываемыхъ былинами. Но не слѣдуетъ приписывать народу такую терминологію, которой у него нѣтъ.

Перехожу къ другому вопросу, имѣющему болѣе важное значеніе для установленія взгляда на наши былины. Нашъ эпосъ обыкновенно называютъ героическимъ или богатырскимъ, такъ какъ онъ воспѣваетъ подвиги богатырей. Дѣйствительно, если мы припомнимъ былины о подвигахъ Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алёши-Поповича, то найдемъ это названіе соотвѣтствующимъ содержанію этихъ былинъ. Но при подробномъ просмотрѣ всего нашего былиннаго репертуара, обнимающаго отъ 35—40 сюжетовъ, мы убѣдимся, что злоупотребляемъ терминомъ *бога-*

тырскій эпосъ лишь по привычкѣ. По характеру содержанія въ нашемъ былинномъ репертуарѣ намѣчаются *два* крупные отдѣла: а) былины *богатырскаго* характера, въ которыхъ изображаются подвиги богатырей, ихъ битвы съ татарами и разными чудищами: Змѣемъ-Горынычемъ, Тугариномъ, Идолищемъ и т. п.; б) былины не-воинскаго характера, напоминающія иногда новеллы, иногда фабліо, — такія, которыхъ сюжетомъ служатъ событія городской жизни, напримѣръ—случаи непомѣрной роскоши и богатства, распри фамилій, любовныя приключенія, похищеніе невѣстъ и т. п. Конечно, есть былины смѣшаннаго содержанія, которыя можно отнести и къ той и къ другой рубрикѣ, но подчинить строгой регламентаціи человѣческое творчество нельзя, и съ насъ достаточно и того, что вообще обѣ названныя рубрики намѣчаются довольно прочно въ нашемъ былинномъ инвентарѣ. Къ первому, *богатырскому*, отдѣлу могутъ быть отнесены былины объ Ильѣ Муромцѣ, нѣкоторыя о Добрынѣ и объ Алешѣ Поповичѣ, о Василіи Казиміровичѣ, Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ, Михаилѣ Казарянинѣ, Сухманѣ, Суровцѣ, Василіи Пьяницѣ, Батыгѣ и былина о походѣ Вольги на Индѣйское царство. Къ отдѣлу *былинъ-новеллъ* принадлежатъ былины о многихъ другихъ эпическихъ лицахъ: Садкѣ, Василіи Буслаевѣ, Добрынѣ и Маринѣ, Добрынѣ и Аленѣ, Ставрѣ Годиновичѣ, Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Соловьѣ Будиміровичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Михаилѣ Потокѣ, Микулѣ Селяниновичѣ, гостѣ Терентьищѣ. Колебаться при отнесеніи былинъ въ тотъ и другой отдѣлъ возможно относительно такихъ сюжетовъ, гдѣ дѣло идетъ о добываніи женщинъ, сопровождающемся боемъ; таковы былины: Дунай Ивановичъ, Иванъ Годиновичъ, бой Добрыни съ поленицей и его женитьба на ней. Наконецъ, въ былинахъ и побывальщинахъ, прикрѣпленныхъ къ имени Святогора-Самсона, сквозятъ черты то апокрифовъ (смерть Святогора за похвальбу, Святогоръ и гробъ), то сказокъ о судьбѣ (женитьба Святогора) и о невѣрныхъ женахъ (Илья и жена Святогора).

Такимъ образомъ, второй отдѣлъ по числу сюжетовъ и дѣйствующихъ лицъ нисколько не уступаетъ первому, *богатырскому*... Въ примѣненіи къ нашимъ былинамъ не слѣдуетъ поэтому злоупотреблять названіемъ „богатырскій эпосъ“ и не слѣдуетъ забывать, что самъ народъ далеко не всѣхъ „героевъ“ былинъ причисляетъ къ богатырямъ и называетъ этимъ именемъ. Между тѣмъ, примѣненіе термина „богатырей“, въ связи съ представленіями, навѣянными теоріей Якова Гримма, придавало нашему эпосу какой-то архаическій колоритъ, который далеко не подходитъ къ большинству нашихъ былинъ. Представлялось, будто былины—наслѣдіе того отдаленнаго періода, когда „всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, совершаемыхъ не замысломъ и волею одного какого-нибудь человѣка, а инстинктомъ и силою цѣлаго народа“. Отстаивая древнѣйшія миѳическія основы нашего эпоса, повторяя туманныя фразы

о принадлежности его всему народу, изслѣдователи 60-хъ и 70-хъ годовъ либо вовсе не ставили вопроса о томъ, кто были слагатели дошедшихъ до насъ былинъ, либо отвѣчали на него неопредѣленными соображеніями о всенародномъ творчествѣ, которыя ничего не объясняютъ. Вообще во взглядахъ изслѣдователей этого періода замѣчается идеализація прошлаго: русскому народу отдаленныхъ временъ мысленно приписывались далеко не тѣ свойства, которыя мы наблюдаемъ у современнаго. Казалось вѣроятнымъ и правдоподобнымъ то, что русскій крестьянинъ въ прежніе вѣка могъ создать богатырскую пѣснь, воспѣвшую подвиги національныхъ героевъ. А между тѣмъ какъ удивлены были бы тѣ же изслѣдователи, еслибъ современный крестьянинъ, не научившійся грамотѣ, откликнулся эпическою пѣснью на подвиги какого-нибудь современнаго русскаго полководца! Такое же преувеличенное понятіе существуетъ о памятливости народа. Житейскій опытъ показываетъ, что въ неграмотной народной средѣ событія, случившіяся лѣтъ сто или полтораста тому назадъ, спутываются и основательно забываются. А между тѣмъ въ дѣлѣ сохраненія былинъ народной памяти приписываются чудеса: считается правдоподобнымъ, что олонецкіе крестьяне нашего времени сохраняютъ въ былинахъ наслѣдіе, переданное имъ длиннымъ рядомъ поколѣній ихъ предковъ, нѣкогда сложившихъ эти пѣсни. Надъ вопросомъ, какъ могло дойти до насъ столько отдаленной старины въ былинахъ (а она дѣйствительно въ нихъ оказывается), какъ-то мало задумывались. Вспомнимъ, что состояніе традиціи въ Олонецкой губерніи не таково, чтобы могло гарантировать сохранность старинной пѣсни. Въ Олонецкой губерніи нѣтъ сказителей по профессіи, нѣтъ сколько-нибудь организованнаго обученія былинамъ, и онѣ усвояются крестьянами при случаѣ другъ отъ друга. Очевидно, такая случайная передача былинъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, еслибъ она всегда была только такова, не могла бы донести до насъ стариннаго былевого репертуара не только отдаленныхъ временъ, но даже XVI или XVII вѣка. Поэтому, совершенно естественно, мы приходимъ къ мысли, что у насъ на Руси, какъ у большинства народовъ, имѣющихъ эпическія сказанія, были профессіональные ихъ хранители, обрабатывавшіе ихъ, исполнявшіе ихъ въ народѣ и передававшіе ихъ въ своей средѣ новымъ поколѣніямъ профессіональныхъ пѣвцовъ. Они разносили свои былевыя пѣсни (какъ и многія другія) въ народѣ, содѣйствуя такимъ образомъ распространенію интереса къ эпической исторіи Руси. Записанныя въ наше время былины не что иное, какъ разошедшійся въ народѣ былевой репертуаръ старинныхъ профессіональныхъ пѣвцовъ.

Предполагаю, что такими профессіональными пѣвцами были, главнымъ образомъ, древне-русскіе *скоморохи*.

Скомороховъ давно приводятъ въ связь съ представителями народнаго веселья въ греко-римскомъ мірѣ, мимами, проявлявшими свое разнообразное искусство при народныхъ празднествахъ. Институтъ мимовъ

является наслѣдіемъ древней культуры, уцѣлѣвшимъ отъ погрома народныхъ передвиженій начала среднихъ вѣковъ. Они умѣли играть на разнообразныхъ музыкальныхъ инструментахъ, пѣть всякія пѣсни, разыгрывать сцены, надѣвая *личины*, ходили по канату, прыгали черезъ кольца, играли мечомъ и пр. Впослѣдствіи литературная сторона ихъ дѣятельности начинаетъ сильнѣе проявляться. Въ репертуаръ нѣмецкихъ шпильмановъ входятъ эпическія и историческія пѣсни, новеллы, басни, загадки, пословицы. Французскіе жонглёры также соединяли искусство фигляра съ литературными вкусами.

Бродячіе потѣшники съ такимъ же разнообразнымъ репертуаромъ уже давно являются въ славяно-русскомъ мірѣ подъ разными именами. Нѣмецкое слово шпильманъ зашло къ славянамъ, по мнѣнію Востокова, еще въ X—XI в. съ приходившими отъ нѣмцевъ представителями этой профессіи. Но еще большее распространеніе получило названіе *скомрахъ*, русское *скоморохъ*, зашедшее къ славянамъ, повидимому, изъ Византіи. Каково бы ни было происхожденіе названія скомороховъ [1]), на Руси они были, несомнѣнно, людьми захожими, какъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, ихъ наружный костюмъ. Суздальскій лѣтописецъ говоритъ объ ихъ латинскомъ костюмѣ и кретополіи. Зашедши на Русь вмѣстѣ съ другими атрибутами культуры Византіи, скоморохи скоро акклиматизировались въ народѣ и начали уже рано вербовать въ свои труппы охочихъ людей изъ русскихъ, такъ что хотя среди нихъ традиціонно сохранялись типическіе костюмы и пріемы ихъ искусства, однако содержаніе въ этихъ прежнихъ формахъ близко примыкало уже къ русскому народному обычаю...

Передѣлка общества на европейскій покрой, вызвавшая уже иные вкусы, иныя потребности, убила древне-русское скоморошество, и послѣдніе представители этого класса доживали свой вѣкъ уже не при княжескихъ и боярскихъ хоромахъ, а гдѣ-нибудь въ захолустьяхъ провинціи, поближе къ тѣмъ классамъ населенія, которые оставались и послѣ реформы вѣрны старинѣ и преданію. Преслѣдуемые администраціей въ городахъ, тамъ, гдѣ они были на виду, скоморохи уходили подальше, въ деревни, гдѣ еще былъ спросъ на ихъ искусство, и передали не малую долю по крайней мѣрѣ своего музыкальнаго и литературнаго репертуара простонародью, отъ котораго въ настоящее столѣтіе и были людьми науки записаны эти остатки въ видѣ былинъ, пѣсенъ, прибаутокъ, загадокъ, сказокъ и т. п.“.

---

[1]) Г. Веселовскій возводитъ къ арабскому слову *masca͡ra*—шутка, шутъ, гистріонъ.

1. Оника-Воинъ.

Жилъ-былъ Оника-Воинъ,
Жилъ-былъ не долго,—
Жилъ триста тридцать единое лѣто.
И сколько онъ землей проѣждялъ,
И много онъ землей разорялъ,
Божьи домы на днимъ спущалъ,
Божество иконы на ладанъ.
И говоритъ онъ Господу Богу,
И говоритъ онъ рѣчь похвальню,
Похвальню рѣчь, Господу противну:
„Кабы далъ да мни-ка, Господи,
„Съ небеси во столби колечюшко булатно,
«Повернулъ бы я всю землю на синё море,
„А синё море на сыру землю:
„На міру бы смерти не было
„И народъ бы былъ весь живъ.
Да не полюбились эти рѣчи Господу Богу.
Посылалъ онъ двѣ сумочки переметны:
Одну сумочку онъ клалъ противъ неба,
А другу сумочку клалъ противъ земли.
А послалъ Онъ своихъ скорыихъ Апостоловъ,
И куды идти Акини ѣхати.
И вотъ поѣхалъ Аника-Воинъ,
Поѣхалъ чистымъ полемъ
Да широкіимъ раздольемъ.
И на той пути да на дороженькѣ
Лежатъ то двѣ сумочки переметныи,
И стоятъ тутъ люди добрыи.
„Обернитe-тко вы, люди добрыи,
„Обернитe-тко свои сумочки переметныи:
„Если я задѣну ножкой лѣвою,
„То негдѣ сумочекъ будетъ искати;
„И если я задѣну ножкой правою,
„То негдѣ будетъ сумочекъ искати“
— Ахъ ты, Оника-пустохвалишко!
Ты ѣздишь, Оника, похваляешься,
А тебя съ дѣла не выхватывать.—
Разсердился Оника-Воинъ,
Задѣлъ онъ за сумочку ножкой лѣвою,—
И не могъ онъ сумочки повыздынуть;
Задѣлъ Оника ноженькой правою,—
И не могъ онъ сумочки повыздынуть.
Соскочилъ Оника со добра коня
И принимался во всю силу богатырскую:
И по колѣно ушелъ во матушку во сыру землю,
И не могъ онъ сумочекъ повыздынуть.
Разсердился Оника по сердиному,
И разозлился Оника по звѣриному.
И принимался всею силою богатырскою:
И не могъ онъ сумочекъ повыздынуть.
И принимался Оника не на шуточку:
И по грудей ушелъ онъ во матушку во сыру землю,
И не могъ онъ сумочекъ повыздынуть.
И надорвалъ онъ свое ретивое сердечюшко
И со стыдомъ садился на добра коня,
На добра коня на Обахмата.
И поѣхалъ Оника-Воинъ чистымъ полемъ,
Широкіимъ раздольемъ.
А на той пути на дороженьки
Лежитъ тутъ Чюдо-чюдное,
Лежитъ тутъ Диво-дивное:
Руки-ноги лошадиныи,
А голова лежитъ звѣриная,
И туша человѣческа.
„Что же ты лежишь, Чюдо-чюдное?
Али ты чюдилица есть пречюдная,
Али ты полякъ есть, поленскій сынъ [1]),

[1]) То же, что «поляница», только въ формѣ мужескаго рода.

Али ты поленица удалая?“
А не Чюдо есть я чюдное,
Не чюдилиця есть пречюдная,
Не полякъ, не поленскій сынъ,
Не поленица я есть удалая:
Оника-Воинъ, я есть Смерть скорая,
Скорая есть Смерть скропостижная.—
„Ай же ты, душегубка!
У меня есть сабля вострая:
Отмахну же буйну голову!“
— А не хвастай, Оника-Воинъ:
У меня есте́ шилья вострыя,
И подпилю я у тя жилочки.—
Замахнулся Оника вострой саблею:
Во плечи рука застоялася,
Никуды рука не сгибалася,
Вострa сабля съ руки выпала
И чють добра коня не изрѣзала.
„Ай же ты, Смертка скорая!
Дай ми строку хоть на три годы:
Свой животъ по церквамъ разнесть
И золоту казну по нищей братіи,
Мни своя душенька набъ [1]) покаяти“.
— Не дамъ я тебѣ строку и на три часы:
Твой животъ есть неправедной,
Золота казна не заработана,
И твоей души не будетъ помочи.—
„И дай ты строку хоть на три часы:
Мни-ка свой животъ по церквамъ разнесть,
Золоту казну по нищей братіи,
И свою душу набъ покаяти“.
— Не дамъ я ти строку ни на три минуты:
Твой животъ есть неправедной
Золота казна не заработана,

[1]) Надобы.

И твоей души не будетъ помочи.—
Зашатался Оника-Воинъ на добри коня,
И упалъ онъ на сыру землю:
И бидто вѣкъ души не было.

(Рыбн. II ч., 255 — 258).

2. Самсонъ-богатырь.

(Первый эпизодъ) [1]).

Славный Самсонъ, богатырь святорусьскій,
Ѣхалъ на добромъ конѣ богатырскоемъ
По славному раздольицу по чисту полю.
И говоритъ Самсонъ таковы слова:
„Аще бы въ небеси было бы кольцо,
И притянута оттуда цѣпь желѣзная,
Притянулъ бы я небо во сырой земли
И своею бы силой богатырскою
Смѣшалъ бы земныхъ съ небесными;
И есть бы было кольцо во матушки сырой земли,
Могъ бы я повернуть матушку сыру землю,
Повернулъ бы краемъ кверху
И опять бы перемѣшалъ земныхъ съ небесными“.
И усмотрѣлъ Самсонъ идучись по чисту полю
Дородня добра молодца пѣхотою.
Какъ припуститъ скакать коня богатырскаго
Во всю силу лошадиную,—
Идетъ добрый молодецъ пѣхотою,
Во слѣдъ не останется;
Поѣдетъ Самсонъ тихою вольготою,

[1]) Въ этомъ эпизодѣ мы нѣсколько измѣнили послѣдовательность разсказа. В. Я.

Добрый молодецъ во слѣдъ не наступываетъ:
Становилъ добра коня богатырскаго
И ожидалъ къ себѣ добра молодца;
Оны съ этымъ человѣкомъ въ полѣ съѣхались;
Говорили разговоръ промежду собой:
„Что ты, удаленькій дородній добрый молодецъ!
Ходишь по чистому полю пѣхотою:
Какъ принущу на добромъ конѣ богатырскоемъ
Ѣхать во всю силу лошадиную,
Ты отъ меня не остаёшься;
Когда ѣду тихою вольготою,
Тогда ты на меня не наступываешь?“
Тутъ-то по Божью повелѣньицу
Супротивъ ихъ явился камень синенькой,
Камень синенькой, плита зеленая.
Этотъ удаленькой, дородный добрый молодецъ
Полагаетъ онъ малыя сумочки
Со своихъ плечъ со могучіихъ
На эту плиту на зеленую
И говоритъ Самсону богатырю:
— Ай же ты, славный богатырь святорусьскій!
Отвѣдай взять мою ношицу
На свои на плечи могучіи
И побѣжать по славному раздольицу чисту полю.—
Тутъ славный богатырь святорусьскій
Опущался со своего добра коня,
Принимался онъ за эты за сумочки,
За эты за сумочки одной рукой,
Никакъ этыя сумочки малыя
На камешкѣ не сворохнутся.
Принимался онъ со всей своей силой богатырскою,
И припалъ своею грудью бѣлою
Ко этимъ ко сумочкамъ ко маленькимъ,
И схватилъ всей силой великою,
По колѣну онъ угрязнулъ во зеленъ камень,
Столько могъ подпустить малый духъ
Подъ эты подъ сумочки подъ малыя.
И говоритъ Самсонъ таковы слова:
„Отъ роду я эдакой ношицы не здымывалъ!
Кто ты есть какой человѣкъ,
Какого ты рода-племени,
Откуда идешь, куда путь держишь?“
— Ай же ты, славный богатырь святорусьскій!
Посланъ я ангелъ отъ Господа
Поотвѣдать твоей силы великія:
Погружена вся тягота въ эти сумочки.

Самсонъ-богатырь.

(Второй эпизодъ).

Затѣмъ ангелъ „утаился“ отъ Самсона-богатыря, а богатырь поѣхалъ по славному раздольицу чисту полю и наѣхалъ на „судъ Божій“, на кузнеца; и выковалъ ему кузнецъ жениться въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки-калѣки, которая тридцать лѣтъ лежала въ гноищѣ. Чтобы не исполнилась судьба, Самсонъ разыскалъ свою суженую и во время сна ударилъ ее въ грудь мечомъ. Больная проснулась, исцѣлѣла и обратилась въ красавицу. Самсонъ женился на ней и послѣ свадьбы долженъ былъ признаться, что „суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати“.

Самсонъ-богатырь.

(Третій и четвертый эпизоды).

Когда жена Самсона изъ мужнина разсказа узнала, что Самсонъ хотѣлъ-было разрубить ее на-полы, когда она лежала въ гноищѣ, то крѣпко озлобилась на мужа.

Со той поры стала вывѣдывати:
„Боятся тебя, Самсонъ, всѣ земли,
Всѣ земли боятся и всѣ орды.
Отчего-жъ ты силенъ и славенъ,
Силенъ и славенъ и громокъ?“
— Оттого я силенъ, и славенъ, и громокъ,
Что имѣю на головѣ семь волосъ ангельскихъ.—
И сдѣлался Самсонъ имянинщикомъ,
И сталъ править имянины своему ангелу,
И заводилъ пированьице, почестенъ пиръ:
Всѣ на пиру наѣдалися,
И всѣ на пиру напивалися,
Самсонъ богатырь пуще всѣхъ.
И стала [1]) наливать ему хмельныхъ напиточковъ;
Собирала друзей любимыхъ
И стригла ему голову до-нага,
И связала ему ручки бѣлыя,
И выкопали очи ясныя.
Онъ какъ би пробудился отъ крѣнкаго сна,
Во бѣлыхъ ручушкахъ не стало силы молодецкія,
Въ ясныхъ очушкахъ не стало бѣла свѣта:
„Ай же ты жена, змѣя лютая!
Погубила ты меня на вѣки вѣчные“.
Дала ему крѣпостную служаночку,
И выгнала скитаться между дворамы
Со этой крѣпостной служаночкой.
И ходилъ онъ скитаться между дворамы,
Проходилъ поры-времени ровно три годы,
Пріотростилъ на голову желты кудри,
Сталъ въ плечахъ имѣть силушку великую,
А только не имѣлъ въ ясныхъ очахъ свѣту бѣлаго.
Говорилъ онъ своей вѣрной служаночкѣ:
„Ай же ты, служаночка моя вѣрная!
„Веди-ко во мой великій градъ,
„Ко моимъ палатамъ бѣлокаменнымъ:
„У меня ли были палаты построены
„На двѣнадцати столбахъ на каменныхъ“.
Этая дѣвица служаночка
Приводила его во великой градъ,
Къ тымъ палатамъ бѣлокаменнымъ.
Славный Самсонъ богатырь святорусьскій
Не видитъ онъ въ очахъ свѣту бѣлаго,
А имѣетъ во плечахъ силу великую.
И услышалъ онъ въ палатахъ великое танцеваніе:
Сидитъ его жена любимая
Забавляется, тѣшится съ друзьями любимыми.
Славный богатырь святорусьскій
Подошелъ ко столбу ко каменному
Подъ самый подъ большой-уголъ,
Схватилъ ручками бѣлыма

[1]) Т. е. жена.

Поразсыпалъ палаты бѣлокаменны,
И тутъ убило Самсона-богатыря.
И тутъ ему, Самсону, славы поютъ.
(Рыб. III, 1—5.)

3. Святогоръ.

(Четвертый эпизодъ).

На тыхъ горахъ высокіихъ,
На той на Святой Горы,
Былъ богатырь чюдный,
Что ль во весь же міръ онъ дивный,
Во весь же міръ былъ дивный.
Не ѣздилъ онъ на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля.
Хотѣлъ узнать казакъ нашъ Илья Муромецъ
Славнаго Святогора нунь (т. е. *нынъ*) богатыря.
Отправляется казакъ нашъ Илья Муромецъ
Къ тому же Святогору тутъ богатырю
На тыи было горы на высокія.
Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
А на тыи было горушки высокія
Къ тому же Святогору да богатырю;
Пріѣзжаетъ-то къ ему да поблизёхонько,
А и поклонъ ведётъ да понизёхонько:
„Здравствуй, богатырище порный (т. е. *крѣпкій*),
Порный богатырь ты да дивный!“
— Ты откуда, добрый молодецъ,
Какъ тебя нарекаютъ по отечеству?—
„Я есть города нунь Муромля,
А села да Карачаева,
А старый казакъ да Илья Муромецъ.
Захотѣлъ я посмотрѣть Святогора, нунь богатыря:
Онъ не ѣздитъ нунь на матушку сыру землю,
Къ намъ богатырямъ да онъ не явится“.
Отвѣчаетъ богатырь было порный:
— Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сыру землю,—
Не носитъ меня мать сыра земля,
Мнѣ не придано тутъ ѣздить на святую Русь,
Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ да по высокіимъ
Да по щёлейкамъ (т. е. *по скаламъ*) по толстыимъ.
А ты, старый казакъ да Илья Муромецъ,
Мы съѣздимъ же-ко нуночу по щёлейкамъ,
А поѣздимъ-ко со мной да по Святымъ Горамъ.—
Ѣздили оны было по щёлейкамъ,
Разъѣзжали тутъ оны да до Святыихъ Горамъ,
Ѣздили оны по многу времени,
Ѣздили оны да забавлялися.
Находили тутъ оны да чюдо чюдное,
Находили тутъ оны да диво дивное,
Находили площаницу (т. е. *гробъ*) да огромную.
Говоритъ богатырь Ильи Муромцу:
— Ахъ ты, старый казакъ да Илья Муромецъ!
Ты ложись-ка во площаницу да во огромную,
Что она тебѣ не поладится-ль?—
Спускается казакъ да Илья Муромецъ,
Опускался тутъ казакъ да и съ добра коня
А ложился было во гробъ въ этотъ въ огромный,—
А этотъ гробъ-то Ильи Муромцу да дологъ есть.

Опускается богатырь Святогорскія
А съ того было съ добра коня,
А ложился въ площаницу онъ во дивную,—
Та же площаница да по немъ пришла,
Самъ же съ площаницы тутъ не выстанетъ.
— Ахъ ты, старый казакъ да Илья Муромецъ!
Ты повыздынь съ площаницы да огромныи.—
Приставае тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Къ Святогору да богатырю,—
Да не могъ поднять онъ Святогора тутъ богатыря
А съ того гроба глубокаго.
Говоритъ же тутъ богатырь Святогорскіи:
— Ты сломай-ка эти щелья да высокіи
А повыздынь-ко со гроба меня глубокаго.—
Старый казакъ да Илья Муромецъ
Какъ ударилъ онъ своей палицей
Да по щелейки да по толстыи
А по той горы да по высокіи, —
Ставился тутъ обручъ да желѣзныи
Черезъ тотъ да гробъ еще высокіи,
Черезъ ту площаницу было дивную.
Бьетъ тутъ Илья Муромецъ да другой разъ,
Что ударитъ, тутъ же обручъ было ставится.
Отвѣчаетъ тутъ богатырь Святогорскіи:
— Видно тутъ же есть богатырь да кончается!
Ахъ ты, старый казакъ да Илья Муромецъ,
А ты съѣзди-тко да къ моему было родителю
Къ древнему да батюшку,
Къ древнему да темному (т. е. *слѣпому)*,
Ты проси-ка у мойго родителя у батюшка
Мнѣ-ка вѣчнаго прощеньица.—
Отправляется казакъ да Илья Муромецъ
Отъ того же Святогора прочь богатыря
На ту гору на Палавбнскую
А къ тому же старичку да было древнему,
Хоть бы древнему да темному.
Пріѣзжае Илья Муромецъ
На ту гору Паловбнскую
Къ древнему да къ темному:
„Здравствуешь, престарѣлыи да дѣдушка,
Древныи ты темныи!
Я привезъ тебѣ поклонъ да челомъ-битьица
Отъ твоего сына любимаго
Отъ того же Святогора я богатыря:
Проситъ онъ прощеньица да вѣчнаго.
Какъ легъ же въ площаницу онъ огромную
Да во тотъ было во гробъ во каменной,
Я оттуль не могъ его повыздынуть“.
Разсердился тутъ старикъ да было темныи,
Темныи старикъ да было древніи:
— Знать убилъ же Святогора ты богатыря,
Пріѣзжаешь нунь ко мнѣ-ка совѣдома,
Ты привозишь мнѣ-ка вѣсточку нерадостну. —
Какъ хватитъ тутъ же палицу да богатырскую

Да помахне во богатыря,
Ай богатырь тутъ увёрнется,
Да старикъ туто образумится.
Далъ ему да вѣчное прощеньицо
Святогору да богатырю
Да и сныу да любезному.
Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья
Муромецъ
Къ Святогору да богатырю,
Онъ привозитъ тутъ прощенье ему
вѣчное.
Съ имъ же онъ да тутъ прощается,
Святогоръ же тутъ же онъ кончается.

(Г. I. 4—8).

Примѣчанія къ былинамъ: „Аника-Воинъ", „Самсонъ" и „Святогоръ".

Первоисточникъ былинъ о трехъ названныхъ богатыряхъ г. Ждановъ [1]) видитъ въ одномъ памятникѣ древне-русской письменности, въ „Прѣніи живота (т. е. жизни) со смертію" [2]). По мѣрѣ распространенія этого памятника въ народѣ, неопредѣленный образъ „Живота" постепенно обращается въ конкретнаго воина-богатыря, который съ одной стороны сливается съ греческимъ Дигенисомъ-Аникитой (Аника-воинъ), а съ другой—съ библейскимъ Самсономъ. Святогоръ же (въ сущности „Святогорскій") въ началѣ эпитетъ Самсона, затѣмъ эпитетъ отдѣлился отъ имени и въ формѣ „Святогора" сталъ на мѣстѣ собственнаго—Самсона.

По апокрифическому разсказу Іосифа Флавія Самсонъ, послѣ убіенія челюстью тысячи человѣкъ, слишкомъ зазнался. Это убіеніе онъ сталъ приписывать не Божьей помощи, а собственной силѣ. Въ наказаніе онъ едва не погибъ отъ жажды. Тогда онъ убѣждается, что человѣческая доблесть—ничто, и молится. Господь открываетъ тогда изъ-подъ камня источникъ воды, и Самсонъ спасенъ: къ нему вернулась сила.

Въ этой похвальбѣ библейскаго Самсона г. Ждановъ видитъ источникъ похвальбы нашего одноименнаго богатыря (т. е. Самсона—Святогора); въ камнѣ—прототипъ сумки, которую напрасно силится поднять нашъ Самсонъ, а за нимъ и Аника. Дальнѣйшими указаніями на связь нашихъ былинныхъ сказаній съ библейскою легендою служатъ „семь власовъ ангельскихъ", прозвище Манойловичъ (очевидно, отъ Моноя—имени Самсонова отца) и гибель богатыря подъ развалинами зданія.

Г. Веселовскій, признавая въ нашей былинной поэзіи смѣшеніе двухъ именъ (т. е. Самсона и Святогора), все-таки предполагаетъ ихъ первоначальную раздѣльность. „Ни семи власовъ ангельскихъ (говоритъ г. Веселовскій), ни ихъ остриженія, ни гибели подъ развалинами дома, ни прозвища Манойловича мы не встрѣчаемъ въ былинахъ при имени Святогора; наоборотъ, что̀ поется о послѣднемъ, встрѣчается отчасти и съ именемъ Самсона, но далеко не все. Если присоединить къ этому и цѣльность, въ которой представляется намъ пѣсенная біографія Святогора, то вмѣстѣ съ тѣмъ оправдана и точка отправленія слѣдующаго положенія: не отъ Самсона къ Святогору, а наоборотъ".

По мнѣнію г. Веселовскаго, въ былинахъ о Святогорѣ можно установить слѣдующій внутренній распорядокъ: 1) суженая, 2) невѣрность жены, 3) похвальба и сумочки, 4) необойденый гробъ.

Первые два эпизода—несомнѣнно сказочнаго происхожденія; сюжетъ принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ въ народной поэзіи. Для объясненія третьяго эпизода г. Веселовскій, повидимому, допускаетъ вліяніе библейско-апокрифическихъ сказаній о Самсонѣ. „Переметная сумочка", въ которой лежитъ земная тяга (по мнѣнію г. Веселовскаго), есть символъ человѣческой бренности. „Неподъемныя

[1]) „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи". 1881 г.
[2]) Г. *Ждановъ* открылъ нѣмецкій источникъ этого памятника.

сужи съ землею на пути хвастливаго богатыря могутъ означать лишь одно: ты возвратишься въ землю; это—предупрежденіе смерти, которая тотчасъ и является. Впрочемъ, по другимъ пѣснямъ, Святогоръ умеръ иначе. Смерть его въ „необойденномъ гробу" составляетъ четвертый эпизодъ его былинной біографіи. Этотъ эпизодъ принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ легендарныхъ сказаній. Такъ напр. мусульманская легенда, воспроизводящая такую же еврейскую, разсказываетъ: Явился Моисею ангелъ и повелѣлъ ему отправиться вмѣстѣ съ Аарономъ на высокую гору. Когда они поднялись на вершину горы, нашли тамъ пещеру, а посреди ея гробъ съ надписью: „Я назначенъ для того, кому буду впору". Легъ сначала Моисей, но гробъ оказался для него малъ. Легъ затѣмъ Ааронъ,—гробъ пришелся какъ разъ по его росту. Ааронъ умеръ. „Вообще (продолжаетъ г. Веселовскій) эпизоды о суженой Святогора, объ измѣнѣ его жены и его смерти соединены, какъ видно, одною идеей—что отъ судьбы не уйдешь. Рядомъ съ этимъ фаталистическимъ міросозерцаніемъ—болѣе свободное въ пѣсняхъ о трехъ поѣздкахъ Ильи. Я указываю на эту параллель для характеристики двухъ противоположныхъ пѣсенныхъ освѣщеній."

Такимъ образомъ, не соглашаясь признать тожество Святогора съ Самсономъ, г. Веселовскій приходитъ все-таки къ тому заключенію, что этотъ богатырскій образъ сложился исключительно подъ вліяніемъ сказочныхъ и легендарныхъ стихій.—

Намъ кажется, что взглядъ г. Жданова имѣетъ болѣе прочное основаніе, и что научное изслѣдованіе надо вести отъ Самсона къ Святогору, а не наоборотъ. Біографія Самсона, по нашему мнѣнію, слагается изъ четырехъ эпизодовъ: 1) похвальба, 2) предопредѣленная женитьба, 3) ослѣпленіе, 4) смерть. Эти эпизоды, весьма логически связанные между собою, являются слѣдствіемъ одной причины—высокомѣрія богатыря: сначала унижена его гордость, затѣмъ слѣдуютъ дальнѣйшія наказанія: женитьба, ослѣпленіе и смерть.—

Біографія Святогора также слагается изъ четырехъ эпизодовъ: 1) похвальба, 2) предопредѣленная женитьба, 3) измѣна жены, 4) смерть въ необойденномъ гробу. Первые два эпизода, очевидно, взяты изъ біографіи Самсона, третій—сказочнаго характера, четвертый—легендарнаго.

4. Вольга́.

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря за широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу:
Порождался Вольга́ сударь Буслаевичь
На матушкѣ на святой Руси.
Росъ Вольга́ Буслаевичь до пяти годковъ,
Пошелъ Вольга́ сударь Буслаевичь по сырой земли:
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися.
И рыбы по синю морю разметалися.
И пошелъ Вольга́ сударь Буслаевичь
Обучаться всякихъ хитростей, мудростей,
И всякихъ языковъ разныихъ;
Задался Вольга́ сударь Буслаевичь на семь лѣтъ,
А прожилъ двѣнадцать лѣтъ.
Собиралъ дружину себѣ добрую,
Добрую дружину, хоробрую,
Собиралъ тридцать богатырей безъ единаго,
Самъ становился тридцатыимъ.
„Дружина, скаже, моя добрая, хоробрая!
Слухайте большаго братца, атамана-то:

Вейте веревочки шелковыя,
Становите веревочки по темну лѣсу,
Становите веревочку по сырой земли,
И ловите вы куницъ и лисицъ,
Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей.
И ловите по три дня и по трѝ ночи".
Слухали большаго братца, атамана-то
Дѣлали дѣло повелѣнное:
Вили веревочки шелковыя,
Становили веревочки по темну лѣсу,
По темну лѣсу, по сырой земли.
Ловили по три дни и по трѝ ночи,—
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольгà сударь Буслаевичь лёвымъ звѣремъ,
Поскочилъ по сырой земли, по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучiихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ.
И будетъ во градѣ во Кiевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольгà сударь Буслаевичь:
„Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
Слухайте большаго братца, атамана-то:
Вейте силышка шелковыя,
Становите силышка на темный лѣсъ,
На темный лѣсъ, на самый верхъ,
Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу,
И ловите вы по три дня и по трѝ ночи".
И слухали большаго братца атамана-то,
Дѣлали дѣло повелѣнное:
Вили силышка шелковыя,
Становили силышка на темный лѣсъ,
На темный лѣсъ, на самый верхъ;
Ловили по три дни и по трѝ ночи,—
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольгà сударь Буслаевичь Науй-птицей [1]),
Полетѣлъ по подоблачью,
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу.
И будутъ во городѣ во Кiевѣ,
Со своей дружинушкой хороброю,
Скажетъ Вольгà сударь Буслаевичь:
„Дружина моя добрая, хоробрая!
Слухайте большаго братца атамана-то,
Дѣлайте вы дѣло повелѣнное:
Возьмите топоры дроворубные,
Стройте судёнышко дубовое,
Вяжите путевья шелковыя,
Выѣзжайте вы на сине море,
Ловите вы рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученьку и плотиченку,
И дорогую рыбку осетринку.
И ловите по три дни и по трѝ ночи".
И слухали большаго братца атамана-то,
Дѣлали дѣло повелѣнное:
Брали топоры дроворубные,
Строили судёнышко дубовое,
Вязали путевья шелковыя,
Выѣзжали на сине море:
Ловили по три дни и по трѝ ночи,—
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольгà сударь Буслаевичь рыбой щучиной
И побѣжалъ по синю морю,
Заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученку и плотиченку,
Дорогую рыбу осетринку.

(Рыбн. I. 1—4.)

---

[1]) *Науй-птица* упоминается въ сказкѣ объ Александрѣ Македонскомъ, который на ней поднимается на небеса.

И скажетъ Вольга̀ сударь Буслаевичь:
Дружина мая добрая, хоробрая!
Вы слушайте большаго братца атамана-то:
Кого бы намъ послать въ Турецъземлю,
Провѣдать про думу про царскую,
И что царь думы думаетъ,
И думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
А стараго послать—будетъ долго ждать;
А середняго послать-то — виномъ запоятъ,
А малаго послать,—
Маленькой съ дѣвушками заиграется,
А со молодушками распотѣшится,
А со старыма старушками разговоръ держать,
И буде намъ долго ждать.
А видно буде́ Вольгѣ самому пойти!"
Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Малою птицею-пташицей,
Полетѣлъ ёнъ по подоблачью.
И будетъ скоро въ той землѣ Турецкоей,
Будетъ у сантала у турецкаго,
А у той полаты бѣлокаменной,
Противъ самыихъ окошечекъ,
И слухаетъ онъ рѣчи тайныя.—
Говоритъ царь со царицею:
Ай же ты, царица Панталовна!
А ты знаешь-ли про то, вѣдаешь?
На Руси-то трава растетъ не по старому,
Цвѣты растутъ не по прежнему,
А видно Вольги-то живого нѣтъ.
А поѣду я на святую Русь,
Возьму я себѣ девя̀ть городовъ,
Подарю я девя̀ть сыновъ,
А тебѣ, царица Панталовна,
Подарю я шубоньку до̀рогу".
Прого̀воритъ царица Панталовна:
— Ай же ты, царь Турецъ-санталъ!
А я знаю про то, вѣдаю:
На Руси трава все растетъ по старому,
Цвѣты-то цвѣтутъ все по прежному.
А ночѐсь спалось, во сняхъ видѣлось:
Бывъ сподъ восточныя сподъ сторонушки
Налетала птица малая пташица,
А сподъ западней сподъ стороронушки
Налетала птица черно̀й воронъ;
Слеталися оны во чисто̀мъ полѣ,
Промежду собой подиралися;
Малая птица-пташица
Чернаго ворона повыклевала,
И по перышку она повыщипала.
А на вѣтеръ все повы̀пускала.
То есть Вольга̀ сударь Буславлевичь,
А что черной воронъ — Турецъсанталъ.—
Проговоритъ царь Турецъ-санталъ:
Ай же ты, царица Панталовна!
А я думаю скоро ѣхать на святую Русь,
Возьму я девя̀ть городовъ,
Подарю девя̀ть сыновъ,
Привезу тебѣ шубоньку до̀рогу".
Говоритъ царица Панталовна:
— А не взять тебѣ девяти городовъ,
И не подарить тебѣ девяти сыновъ,
И не привезти тебѣ шубоньки до̀рогой!—
Проговоритъ царь Турецъ-санталъ;
„Ахъ ты, старый чортъ!
Сама спала—себѣ сонъ видѣла!"

И ударитъ онъ по бѣлу лицу,
И повернется, — по другому,
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,
И кинетъ ю второй-то разъ:
„А поѣду я на святую Русь,
Возьму я девять городовъ,
Подарю девять сыновъ,
Привезу тебѣ шубоньку дорогу!“
А повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичь,
Повернулся сѣрымъ волкомъ,
И поскочилъ то ёнъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней-тѣхъ всѣхъ пѐребралъ.
Глотки-то у всѣхъ у нихъ пѐрервалъ.
А повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичь
Малымъ горносталюшкомъ,
Поскочилъ во горницу въ оружейную,
Тугіе луки перѐломалъ,
И шелковыя тетивочки пѐрервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
Вострыя сабли повыщербилъ,
Палицы булатныя дугой согнулъ.
Тутъ Вольга̀ сударь Буславлевичь
Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичь
Малою птицею пташицей, —
И будетъ скоро во градѣ въ Кіевѣ,
И повернулся онъ добрымъ молодцомъ.
И будетъ онъ со своею со дружиною со доброю:
„Дружина моя добрая, хоробрая!
Пойдемте мы во Турецъ-землю“.
И пошли оны во Турецъ-землю,
И силу турецкую во полонъ брали:
„Дружина моя добрая, хоробрая!
Станемте теперь полону подѣлять!“
Что̀ было на̀дѣлу дорого?
Что̀ было на̀дѣлу дешево?
А добрые кони по семи рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
Вострыя сабли по пяти рублей,
Палицы булатныя по трѝ рубля.
А то было на̀дѣлу дешево — женскій полъ.
Старушечки были по полушечки,
А молодушечки по двѣ полушечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ.

(Г. 553—556).

(Записан. въ Петрозаводск. у. Олонецк. губ.).

Примѣчанія къ былинѣ „Вольга“.

Въ какомъ мѣстѣ русской земли сложились былины о Вольгѣ и по какимъ источникамъ?

„Мнѣ кажется (говоритъ г. Вс. Миллеръ), что былинныхъ подробностей о *ловахъ* Вольги достаточно, чтобы пріурочить сложеніе былины о немъ къ новгородскому культурному району. Какъ въ былинѣ о Василіи Буслаевѣ отразились черты новгородскихъ внутреннихъ смутъ и типъ буйной молодежи, которая поставляла ушкуйниковъ; какъ въ былинѣ о Садкѣ представлено новгородское купечество, богатое и предпріимчивое, — такъ въ разсматриваемой былинѣ воспѣто необычайное богатство новгородскихъ областей въ звѣриной и рыбной ловлѣ, предпринимаемой чудеснымъ ловцомъ съ его дружиною. Въ первой части былины въ изобиліи разсѣяны черты новгородской природы, фауны и флоры, потому что занятія Вольги-ловца — занятія родныя для новгородскаго населенія. Но какъ бѣдны являются краски во второй половинѣ, когда изображается походъ Вольги (Волха) на царство Индѣйское (Турецъ-землю). Здѣсь такъ и сквозитъ чужая фантастически размалеванная основа, и напрасно мы стали бы искать тѣхъ реальныхъ чертъ, какъ бы списанныхъ съ дѣйствительности, которыя мы на-

ходитъ, напримѣръ, въ былинномъ описаніи приступа татаръ (Мамая, Батыя) къ Кіеву. Во всемъ походѣ Вольги трудно отмѣтить какую-нибудь бытовую историческую подробность; но можно указать не мало мотивовъ сказочныхъ, зашедшихъ отчасти изъ Александровыхъ сказаній, отчасти изъ какихъ-нибудь другихъ сказокъ...

На созданіе образа Вольги-Волха могла не отстаться безъ вліянія и одна новгородская легенда, записанная въ XVII вѣкѣ. Волхъ былъ бѣсоугодный чародѣй, лютъ въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами *претворялся* въ *различные образы* и въ лютаго звѣря крокодила; и залегъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ тогда почиталъ его за бога и называлъ его Громомъ или Перуномъ... И поставилъ этотъ чародѣй ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, завомомъ Перынія, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ... И былъ этотъ окаянный чародѣй удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ; и мечтаніями бѣсовскими несено было тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено на берегъ противъ волховнаго его городка, что нынѣ зовется Перынія.

„Въ основѣ этой легенды (говоритъ г. Вс. Миллеръ) лежитъ глухое воспоминаніе о древнемъ языческомъ культѣ какого-то божества (книжникъ называетъ его Перуномъ), котораго капище находилось гдѣ-то на берегу Волхова. Въ христіанскія времена языческій богъ, ставши демономъ-чародѣемъ, принялъ обычный обликъ змѣя (у книжника — крокодила). Въ другой версіи того-же народнаго преданія, записанной П. Якушкинымъ, миѳическое существо носитъ названіе зміяки, и гибель его связана съ Перюнскимъ скитомъ. Какъ новгородскій зміяка далъ краски для Змѣя Горынича, поражаемаго Добрынею, такъ эта-же легендарная личность нѣкоторыми чертами своими—оборотничествомъ, змѣевидностью, а также именемъ (Волхъ) — отразилась на образѣ былиннаго Волха Сеславьича. Припомнимъ, что происхожденіе этого змѣя приписывается былинному богатырю именно въ той одной былинѣ (Кирши Данилова), въ которой онъ носитъ имя Волха, а не Вольги („Очерки рус. нар. словесносен". 167—168).

Такимъ образомъ, былины о Вольгѣ-Волхѣ могли сложиться подъ вліяніемъ природныхъ условій страны, подъ воздѣйствіемъ разнаго рода странствующихъ сказокъ (въ родѣ Александровыхъ сказаній) и, главнымъ образомъ, подъ воздѣйствіемъ мѣстныхъ легендъ.

Къ этимъ источникамъ нѣкоторые изслѣдователи причисляютъ еще смутныя преданія объ историческихъ князьяхъ-чародѣяхъ: о вѣщемъ Олегѣ и о Всеславѣ Полоцкомъ.—

5. Микула Селяниновичъ и Вольга̀ Святославговичъ.

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга̀,
Молодой Вольга̀ Святославговичъ.
Сталъ Вольга̀ растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему во глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ ббодока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за ббодока,
Убѣгали всѣ звѣри во темние лѣса.
Сталъ Вольга̀ растѣть-матерѣть,
Избирать себѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ ощё Вольга̀ въ тридцатыихъ.
Жаловалъ его родный дядюшка

Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
Тремя городами со крестьянами:
Пéрвыимъ городомъ—Гýрчевцомъ,
Другіимъ городомъ—Орѣховцемъ,
Третьіимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольгà Святославговичь
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ ѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чистó поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольгà до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своёю дружиношкой хороброей,
А не могъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольгà ощé дрýгой день,
Дрýгой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ,
Ѣхалъ Вольгà ощé третій день,
Третій день съ утра до пóбѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край куда онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великея-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобылка у ратая соловая [1]),
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольгà таковы слова:
„Божьи ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!“
Говорилъ оратай таковы слова:
Поди - тко, Вольгà Святославговичь
Со своею дружинушкой хороброю,
Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати!
Далече-ль, Вольгà, ѣдешь, куда путь держишь
Со своею со дружинушкой хороброю?—
„Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:
Ко первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу“.
Говорилъ оратай таковы слова:
—Ай же, Вольгà Святославговичь!
А недавно я былъ въ городѣ, третьéво-дни,
На своей кобылкѣ соловоей,
Увезъ я оттоль соли столько (только) два мѣха,
Два мѣха соли по сороку пудъ.

[1]) Варіантъ:
Оратай-то оретъ да посвистываетъ,
У оратаго сошка поскрыпливаетъ:
У оратаго сошка красна дерева,
А омѣшики серебреные,
А присошачекъ красна золота;
У оратаго сапожки на ножкахъ—зеленъ сафьянъ:
Шиломъ пяты, носы востры,
Пóдъ пяту-пятỷ воробей пролетитъ,
Около носа-носа яйцо прокатитъ;
Кудри у молодца качаются,—
Не скаченъ жемчугъ разсыпаются;
Брови чорнаго соболя,
Глаза—яснаго сокола.

Р. II, 317.

И живутъ-то мужики все разбойники,
Они просятъ грошéвъ подорожныихъ;
А былъ я съ шалыгой [1]) подорожною,
Платилъ имъ гроши подорожные:
Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.—
Говорилъ Вольгà таковы слова:
„Ай же ты, оратай, оратаюшко,
Поѣдемъ со мной во товарищахъ!“
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повысте(г)нулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
Ай же, Вольгà Святославговичь!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
А гля-ради мужика деревеньщины [2]):
Какъ-бы сошку съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути
И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?—
Молодой Вольгà Святославговичь
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцовъ могучіихъ,
Чтобы сошку изъ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцовъ могучіихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольгà Святославговичь
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили-бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ

[1]) То же, что *шелепуга*: плеть съ обвязанной пулей, кистень.

[2]) Они (мужики) сошку съ земельки повыдернуть,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнуть,
Изъ сошки омѣшики повыколнуть,—
Мнѣ нечѣмъ будетъ молодцу крестьянствовати.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ:
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга̀ тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга̀ сталъ помахивати:
„Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
Этая кобылка конькомъ бы была,
За эту кобылку пятьсотъ бы дали“.
Говорилъ оратай таковы слова:
—Глупый Вольга̀ Святославговичь!
Взялъ я кобылку жеребчикомъ
сподъ матушки
И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
Этая кобылка конькомъ бы была,—
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
Говорилъ Вольга̀ Святославговичь:
„Ай же ты, ратай-ратаюшко!
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отечеству?“
Говорилъ оратай таковы слова:
—Ай же ты, Вольга̀ Святославговичь!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиковъ напою,—
Станутъ мужички меня покликивати:
„Молодой Микулушка Селяниновичъ!“ —

(Р. I, з. 17—22).

(Записана въ Петроваводск. у. Олонецк. губ.).

Примѣчанія къ былинѣ: „**Микула** [1]) **Селяниновичъ**“.

По мнѣнію г. Вс. Миллера, многія бытовыя черты указываютъ, что былина о Микулѣ—по крайней мѣрѣ въ окончательной редакціи—сложилась въ Новгородской землѣ. Но опредѣленіемъ района, конечно, нисколько не предрѣшается вопросъ объ оригинальности самаго типа и фабулы, къ нему пристроенной. „Думаю по прежнему (говоритъ г. Вс. Миллеръ): фабула могла быть бродячимъ сюжетомъ, заимствованнымъ извнѣ, но какъ и въ другихъ случаяхъ—вполнѣ націонализованнымъ въ силу переработки, сквозь которую иногда, впрочемъ, сквозятъ нѣкоторыя черты не реальнаго новгородскаго мужика, а какого-то сказочнаго персонажа [2]). Микула оретъ сохою, черкающею о камни, выворачиваетъ коренья, ѣздитъ за солью въ Орѣховецъ на Невѣ, бьется съ русскими мужиками—все это черты глубоко-бытовыя, историческія; но къ нимъ тутъ же примѣшиваются другія, навѣянныя уже совсѣмъ не бытовыми условіями. Сошка Микулы дивно изукрашена дорогимъ рыбьимъ зубомъ, краснымъ золотомъ и серебромъ, а самъ онъ представленъ иногда записнымъ франтомъ не плоше Чурилы...

Въ такомъ роскошномъ нарядѣ Микула представляется не мужикомъ-пахаремъ

---

[1]) Микула—Микола—Никола.

[2]) Образъ Микулы можно сопоставить съ пашущимъ византійскимъ императоромъ Гугономъ въ западныхъ сказаніяхъ о хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь. „У царскаго плуга сошникъ и омѣшики золотые, ярмо изъ драгоцѣннаго камня; за волами Гугонъ не пѣшкомъ идетъ, а ѣдетъ на золотомъ стулѣ, везомомъ съ обѣихъ сторонъ мулами; подъ ногами у него скамейка серебряная, на рукахъ дорогія рукавицы, на головѣ золотой вѣнецъ, надъ головой шелковый балдахинъ отъ солнца, прикрѣпленный къ краямъ стула на рѣзныхъ золотыхъ жердяхъ; въ рукахъ онъ держитъ вмѣсто бича золотую трость“. (А. Веселовскій. Ж. М. Н. Пр. 1884. № 2).

по профессіи, а скорѣе какимъ-нибудь царевичемъ, взявшимся для виду за игрушечную соху и разыгрывающимъ изъ-себя земледѣльца. Далѣе, съ одной стороны Микула Селяниновичъ съ любовью говоритъ о своемъ трудѣ и о почетѣ отъ мужиковъ, которыхъ онъ угощаетъ и которые его за это величаютъ; съ другой—при первомъ приглашеніи Владимірова племянника Вольги ѣхать съ нимъ въ города за получкой дани для князя, бросаетъ свое обычное занятіе, повидимому, навсегда, такъ какъ иногда прощается съ сохою, и ѣдетъ съ княземъ собирать дань съ мужиковъ. Такая *невыдержанность* вполнѣ понятна, такъ какъ былина создана самимъ народомъ, а не учеными славянофилами, которые ее истолковывали. Народъ же въ своихъ произведеніяхъ весьма неподатливъ на проведеніе извѣстной тенденціи и въ этомъ отношеніи крайне непослѣдователенъ въ нашемъ кабинетномъ смыслѣ. Приладивъ какую-то заимствованную личность и фабулу къ своему быту, создавъ образъ чудеснаго пахаря, онъ вовсе не подумалъ объ идеализаціи своего крестьянскаго тяжелаго труда, не провелъ той идеи, что крестьянинъ долженъ прилѣпиться къ матери сырой землѣ, что въ этомъ его единственное благо, а допускаетъ съ легкимъ сердцемъ своего „представителя“ покинуть тяжелый земледѣльческій трудъ и поступить въ дружину князя,—совершенно согласно съ тѣмъ, какъ и теперь не прочь сбросить тягло, выписаться изъ міра и перейти къ болѣе доходнымъ и легкимъ занятіямъ“. (Очерки рус. нар. слов. 177—179).

6. Садко богатый гость.

Во славноемъ во Новѣ-градѣ
Какъ былъ Садкǒ [1]) купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусельки яровчаты;
По пирамъ ходилъ-игралъ Садкǒ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садкǒ соскучился:
Какъ пошелъ Садкǒ къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садкǒ перепался,

[1]) У Рыбн.—Садкé.

Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,

Не зовутъ на другой и третій день. Садко опять отправляется съ гусельками къ озеру, вода опять „колыбается“, но въ Новгородѣ по прежнему ему нѣтъ удачи.

Какъ пошелъ Садкǒ къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морскóй,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, Садко Новгородскиій!
Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
За твои за утѣхи за великія,
За твою-то игру нѣжную:
Аль безсчетной золотой казной?

А не то ступай въ Новгородъ
И ударь о великъ закладъ,
Заложи свою буйну голову,
И выряжай съ прочихъ купцовъ
Лавки товара краснаго,
И спорь, что въ Ильмень озерѣ
Есть рыба—золоты перья.
Какъ ударишь о великъ закладъ,
И поди—свяжи шелковой неводъ,
И пріѣзжай ловить въ Ильмень озеро:
Дамъ три рыбины—золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастливъ будешь [1]). —
Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера,
Какъ приходилъ Садко во свой во Новгородъ,
Позвали Садко на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садко Новгородскій,
Сталъ играть въ гусельки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садко попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать:
„Ай же вы, купцы Новгородскіе!
Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень озерѣ:
А есть рыба — золоты перья въ Ильмень озерѣ“.
Какъ тутъ-то купцы Новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
— Не знаешь ты чуда чуднаго,
Не можетъ быть въ Ильмень озерѣ рыбы—золоты перья.—

„Ай же вы, купцы Новгородскіе!
О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
Ударимъ-ка о великъ закладъ
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара краснаго.
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень озеро,
Закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли рыбку—золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.
Тутъ купцы Новгородскіе
Отдали по три лавки товару краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по небесному:
На небѣ солнце—и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяцъ—и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды—и въ палатахъ звѣзды.

Потомъ Садко купецъ, богатый гость,
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ Новгородскіихъ
И тыихъ настоятелей Новогородскіихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,

---

[1]) Варіантъ: Садко гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ и никакой надъ собой «притки и скорби не видывалъ,
Захотѣлось молодцу побывать въ Новѣгородѣ,
Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
«А спасибо тебѣ, матушка Волга рѣка!»
Волга послала съ Садко поклонъ своему брату озеру Ильменю, который, въ благодарность, и надѣлилъ Садко всякимъ добромъ.

Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Иный [1]) хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой — удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ,
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели Новогородскіе:
— Всѣ мы на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?—
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалитися?
У меня-ль золота казна не тощится,
Цвѣтно платьице не носится,
Дружина хоробра не измѣняется.
А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
На свою безсчетну золоту казну
Повыкуплю товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые!“
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели Новогородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казны
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.
Ставалъ Садко на другой день ранымъ ранò,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садко ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую Новогородскую.
Опять выкупалъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садко ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары Московскіе
На ту на великую на славу Новгородскую.

[1]) Единый, одинъ.

Какъ тутъ Садко пораздумался:
„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
Още повыкуплю товары Московскіе,
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ, богатъ Новогородскиій,—
Побогаче меня славный Новгородъ“.
Отдавалъ онъ настоятелямъ Новгородскіимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

—

На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садко тридцать караблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ;
На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары Новгородскіе,
Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары Новогородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синѐмъ морѣ:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ корабли черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость,
Ко своей дружины ко хоробрыя:
„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
Требуетъ дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
Спущайте бочку во сине море“.
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ корабли черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Тутъ его дружина хоробрая
Брали бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„Видно, царь морской требуетъ
Живой головы во сине море.
Дѣлайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я самъ сдѣлаю на красноемъ на золотѣ,
Всякъ свои имена подписывайте,
Спущайте жеребья на сине море:
Чей жеребей ко дну пойдетъ,
Таковому итти въ сине море“.
Дѣлали жеребья вольжаны,
А самъ Садко дѣлалъ на красноемъ на золотѣ,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья на сине море.
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,

А у Садка купца ключомъ на дно [1]).
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость.
„Ай же, братцы, дружина хоробрая,
Этыя жеребья не правильны:
Дѣлайте жеребья на красноемъ на золотѣ,
А я сдѣлаю жеребей вольжаный“.
Дѣлали жеребья на красноемъ на золотѣ,
А самъ Садко дѣлалъ жеребей вольжаный,
Всякъ свое имя подписывалъ.
Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя—
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно.
. . . .
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требуетъ
Самого Садко богатаго въ сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый)“.
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый).
Онъ сталъ имѣньице отписывать;
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей братіи,
Иное имѣнье молодой жены,
Остатнее имѣнье дружины хоробрыя.
Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гуселки яровчаты,
Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
Больше мнѣ въ гуселки не игрывати.
Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?“
Взимаетъ онъ гуселки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь [1]) мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ“.
Свалили дощечку дубову на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли, какъ черные вороны,
Остался Садко на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко, — во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная.
Заходилъ Садко въ палату бѣлокаменну:
Сидитъ во палатѣ царь морской,

---

[1]) Должно быть наоборотъ: Садковъ жеребій по водѣ плыветъ, жеребья дружины канули на дно.

Варіантъ:
«А и рѣжьте жеребья вы валжены,
А и всякъ-то пиши на имена,
И бросайте вы ихъ на сине море».
Садко покинулъ хмелево перо,
И на немъ то подпись подписана,
А и самъ Садко приговариваетъ:...
«Которые бы по верху (по)плывутъ,
А и тѣ бы душеньки правыя;
Что которые-то въ морѣ тонутъ,
А мы тѣхъ спихнемъ въ сине море».
А всѣ жеребья по морю плывутъ,
Кабы яры гоголи по заводямъ;
Единъ жеребій во морѣ тонетъ,
Во морѣ тонетъ хмелево перо
Самого Садки, гостя богатаго.
Кирша. 234—235.

[1]) Не такъ.

Голова у царя, какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:
Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
Мнѣ царю дани не плачивалъ,
—А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
Скажутъ [1]), мастеръ играть въ гуселки яровчаты.—
Какъ началъ играть Садко въ гуселки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
Какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садко сутки, игралъ и другіе,
Да игралъ ощé Садко и третьии,
А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныихъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому.
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
— Ай же ты, Садко Новогородскиій!
Полно играть въ гуселышки яровчаты!—
Обернулся — глядитъ Садко Новогородскиій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатый.
Говорилъ Садко Новогородскиій:

[1]) Сказываютъ.

„У меня воля не своя во синемъ морѣ,
Приказано играть въ гуселки яровчаты“.
Говоритъ старикъ таковы слова:
—А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай.
Скажи: „у меня струночекъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося,
Не во что больше играть:
Приломалися гуселки яровчаты“.
Скажетъ тебѣ царь морской:
„Не хочешь-ли жениться во синемъ морѣ
На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?“
Говори ему таковы слова:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ“.
Опять скажетъ царь морской:
„Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себѣ дѣвицу красавицу“.
Какъ станешь выбирать дѣвицу красавицу,
Такъ перво триста дѣвицъ пропусти,
И друго триста дѣвицъ пропусти,
И третье триста дѣвицъ пропусти:
Позади идетъ дѣвица красавица,
Красавица дѣвица Чернавушка,
Бери тую Чернаву за себя замужъ...
Будешь, Садко, во Новѣ-градѣ,
А на свою безсчетну золоту казну
Построй церковь соборную Миколы Можайскому. —
Садко струночки во гуселкахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.

Говоритъ ему царь морской:
— Ай же ты, Садко Новогородскиій!
Что же не играешь въ гуселки яровчаты? —
„У меня струночки во гуселкахъ выдернулись,
А шпенечки во яровчатыхъ повыломались:
А струночекъ запасныхъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося“.
Говоритъ царь таковы слова:
— Не хочешь-ли жениться во синемъ морѣ
На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ? —
Говоритъ ему Садко Новгородскиій:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ“.
Опять говоритъ царь морской:
—Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.—
Вставалъ Садко поутру ранешенько.
Поглядитъ,—идетъ триста дѣвушекъ красныихъ:
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
И друго триста дѣвицъ пропустилъ,
И третье триста дѣвицъ пропустилъ;
Позади шла дѣвица красавица,
Красавица дѣвица Чернавушка:
Бралъ тую Чернаву за себя замужъ...

Какъ проснулся Садко во Новѣградѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;
Какъ поглядитъ, ажно бѣжатъ
Свои черленые корабли по Волхову.
Поминаетъ жена Садко со дружиной во синемъ морѣ:
— Не бывать Садку со синя моря!—
А дружина поминаетъ одного Садка:
— Остался Садко во синемъ морѣ!—
А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова.
Тутъ его ли дружина сдивовалася:
— Остался Садко во синемъ морѣ,
Очутился впереди насъ во Новѣградѣ,
Встрѣчаетъ дружину со Волхова!“
Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
И повелъ въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена зрадовалася,
Брала Садка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарнія.
Началъ Садко выгружать со черленыхъ со кораблей
Имѣньице—безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыихъ кораблей,
Состроилъ церкву соборную Миколы Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садко на сине море,
Сталъ поживать Садко въ Новѣградѣ.

Рыбн. I, 370—380.
(Записана въ Пудожск. у. Олонецк. г.).

Примѣчанія къ былинѣ: „**Садко**“.

По дошедшимъ до насъ редакціямъ былинъ, Садко является идеальнымъ представителемъ новгородскаго купечества.

Въ основѣ былинъ, по всей вѣроятности, лежатъ воспоминанія о какомъ-то дѣйствительномъ лицѣ, богатомъ гостѣ новгородскомъ. Подъ 1167 годомъ въ первой новгородской лѣтописи занесено извѣстіе о постройкѣ каменной церкви: строитель называется Садко Сытинецъ. Въ третьей новгородской лѣтописи о томъ же событіи сообщается

слѣдующее: „Въ лѣто 6675 (1167) въ Великомъ Новгородѣ, на Софійской сторонѣ, заложи церковь каменну святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба въ Околоткѣ *Содко Сытиничъ*“.

На эту историческую основу съ теченіемъ времени наслоилось много легендарныхъ и сказочныхъ прикрасъ.

Эпизодъ о томъ, какъ Садко бросили по жребію въ море, и о его спасеніи благодаря заступничеству св. Угодника принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ легендъ подобнаго же рода. Такъ напр. въ житіи блаженнаго Исидора Ростовскаго разсказывается слѣдующее: Сотворися бо чудо дивно и незабвенія достойно. Купцы нѣцыи по морю съ куплею своею въ кораблѣ плаваніе творяху, и внезапу въ нѣкоемъ мѣстѣ корабль ста, и не можаше двинутися отуду, и разбивашеся волнами; вси же въ немъ бывшіи, отчаяшася живота своего и ожидаху смерти; таже умыслиша метнути жребія, кого ради корабль ста и волнами разбиваемый есть, и паде жребій на единаго отъ нихъ купца изъ града Ростова, идѣже святый Исидоръ жительствоваше. Посадиша убо купца того на доску, и пустиша во море, и двигнуся скоро корабль отъ онаго мѣста, а человѣкъ той на дсцѣ волнами носимый уже во вратѣхъ смертныхъ бѣ, ни отъ кого же чающи помощи. И се внезапу предста ему угодникъ Божій Исидоръ, по морю яко по суху ходяй и глаголяй къ нему: знаеши ли мя, человѣце? Купецъ же едва проглаголати возмогъ, рече: о рабе Божій Исидоре! въ нашемъ градѣ жительствуяй, не остави мене въ мори семъ погружаема, но помози мнѣ окаянному и избави мя отъ горькія смерти. Святый же взялъ его за руку и на дсцѣ оной посади и бяше ему дска, акія лодія, верху воды непогрязновенно плавающая. Святый же управляя ю погна скоро вслѣдъ корабля и достигъ до того, всади въ корабль человѣка цѣла, здрава и ничимъ же врежденна“. (Изъ Четьихъ Миней св. Димитрія Ростовскаго).

Въ нашей былинѣ блаж. Исидора замѣняетъ покровитель мореходовъ св. Николай, „скорый помощникъ на водахъ“.

Г. Веселовскій проводитъ еще одну параллель чудеснаго спасенія на морѣ изъ одного старипнаго французскаго романа. Эта параллель, восходящая, вѣроятно, къ еврейскимъ источникамъ, интересна особенно въ томъ отношеніи, что герой носитъ имя Sadoc (евр. Цадокъ-справедливый). Совпаденіе именъ, вѣроятно, дѣло случайное; но благодаря этому совпаденію еврейская легенда могла имѣть вліяніе на развитіе былины.

Къ эпизодамъ чисто-сказочнаго характера относятся два эпизода: 1) разсказъ о томъ, какъ разбогатѣлъ Садко, 2) пребываніе Садко у морского царя.

По однимъ варіантамъ былины, Садко угодилъ водяному царю озера Ильменя игрою на гусляхъ, по другимъ—принесъ ему поклонъ отъ сестры Волги и за это былъ щедро вознагражденъ. Первый варіантъ даетъ поводъ г. Вс. Миллеру сопоставить гусляра-Садко съ вѣщимъ Вейнемейненомъ финскаго эпоса.

Разсказы о пребываніи Садко у морского царя и о женитьбѣ на его дочери принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ мотивовъ сказочнаго эпоса (См. *Вс. Миллеръ*. Очерки рус. нар. словесности. 283—304).

7. Василій Буслаевъ.

а) Похожденія Василья въ Новгородѣ.

Во славномъ Великомъ Новѣградѣ
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ не перечился,
Со мужики Новогородскими
Поперегъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился —
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье-бытье
И все имѣніе дворянское;

Осталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна,
И оставалося чадо милое,
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будетъ Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его во грамотѣ,—
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,—
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
Во славномъ Новѣгородѣ,
Сопротивъ Василья Буслаева.
Поводился вѣдь Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, съ безумницы,
Съ веселыми удалыми добрыми молодцы,
До пьяна ужъ сталъ напиватися,—
А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго задѣнетъ за ногу,
То... ногу выломитъ;
Котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окарачь ползетъ.
Пошла-то жалоба великая;—
А и мужики Новгородскіе,
Посадскіе, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофеевнѣ
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить бранить,
Журить бранить, его на умъ учить,—
Журьба Васькѣ не взлюбила, [1])

[1]) Варіантъ:
Жилъ Буславьюшка — не старился,
Живучись Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо рожоное,

Пошелъ онъ Васька во высокъ теремъ,
Садился Васька на ременчатой стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
„Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,—
Тотъ пей и ѣшь готовое
И носи платье разноцвѣтное“.
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ [1])
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
(Въ то же время) поставилъ Васька чанъ среди двора,

Молодой Васильюшка Буславьевичь.
Сталъ Васильюшка на улочку похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возметъ—рука прочь,
За ногу возметъ—нога прочь;
А котораго ударитъ по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
И говорятъ мужики Новгородскіе:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь!
Тебѣ съ эстою удачей молодецкою
Наквасити рѣка будетъ Волхова».
Идетъ Василій въ (съ) широкія улочки,
Не веселъ домой идетъ, не радошенъ,
И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
—Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное.
Молодой Васильюшка Буслаевичь!
Что идешь не веселъ, не радошенъ?
Кто же ти на улушкѣ пріобидѣлъ?—
«А никто меня на улушкѣ не обидѣлъ.
Я кого возму за руку—рука прочь,
За ногу кого возму—нога прочь,
А котораго ударю по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
А говорили мужики Новгородскіе,
Что мнѣ съ эстою удачей молодецкою
Наквасити рѣка будетъ Волхова».
И говоритъ мать таковы слова:
—Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь!
Прибирай ка себѣ дружину хоробрую,
Чтобъ никто ти въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ.—
Рыбн., 1, 335—356.

[1]) Ярлычки привязывалъ ко стрѣлочкамъ
И стрѣлочки стрѣлялъ по Новуграду.
Р. 1, 336.

Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славномъ было во Новѣградѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ
Къ тому чану, зелену вину;
Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ Костя на широкой дворъ,
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ,
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинцу Чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ,—
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ,
Стоитъ тутъ Костя не шевельнится
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:

Рыбн., I 335—336.

„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названой братъ,
И паче мнѣ брата родимаго“.
А и мало время позамѣшкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дѣти боярскія,
Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ.
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
Тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенекъ.
Пришли тутъ мужики Залешена,
И не смѣлъ Василій показатися къ нимъ.
Еще тутъ пришло семь братовъ Сбродовичи—
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Онъ самъ Василій тридцатой сталъ;—
Какой зайдетъ, убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота бросятъ.
Послышалъ Васинька Буслаевичъ
У мужиковъ Новгородскіихъ
Канунъ варенъ, пива ячныя,
Пошелъ Василій со дружиною;
Пришелъ во братчину Никольщину:
„Не малу мы тебѣ сыпь платимъ,—
За всякаго брата по пяти рублевъ“.—
А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ;
А и тотъ-то староста церковной
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину;
А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить,
А и тѣ-то пива ячныя.
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
Бросился на царевъ кабакъ,
Со своею дружиною хороброю;
Напилися они туто зелена вина,
И пришли во братчину въ Никольщину.
А и будетъ день ко вечеру,
Отъ малаго до стараго,
Начали ужъ ребята боротися;
А въ иномъ кругу въ кулаки битися,
Отъ тое борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго,
Началася драка великая;
Молодой Василій сталъ драку разнимать,
А иной [1]) дуракъ зашолъ съ носка,
Его по уху оплелъ;
А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ:
„Гой еси ты Костя Новоторженинъ,
И Лука, Моисей, дѣти боярскія!
Уже Ваську—меня бьютъ“.
Поскакали удалы добры молодцы,

---

[1]) Иной—одинъ.

Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали,—
Кричатъ, ревутъ мужики посадскіе,
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, мужики Новогородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися,
Со всею дружиною хороброю;
Тако [1]) вы меня съ дружиною
побьете Новымъ городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы
по смерть свою,
На всякой годъ по три тысячи;
А буде же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритеся, —
То вамъ платить мнѣ такову же дань".
И въ томъ-то договорѣ руки они
подписали.
Началась у нихъ драка-бой великая,—
А мужики Новогородскіе,
И всѣ купцы богатые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада Васютку напущалися,
И дерутся они день до вечера, —
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Прибили они во Новѣгородѣ —
Прибили уже много до смерти;
А и мужики Новогородскіе догадалися,
Пошли они съ дорогими подарки,
Къ матерой вдовѣ Амелоѣ Тимофеевнѣ.
—Матера вдова Амелоа Тимофеевна!
Прими у насъ дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое
Василья Буслаевича.—
Матера вдова Амелоа Тимофеевна
Принимала у нихъ дороги подарочки,

[1]) Тако—если, буде.

Посылала дѣвушку чернавушку,
По того Василья Буслаева.
Прибѣжала дѣвушка чернавушка,
Сохватила Ваську во бѣлы руки,
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкій дворъ,
А и та старуха неразмышлена,
Посадила въ погреба глубокіе
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замки булатными.
А его дружина хоробрая
Со тѣми мужики Новогородскими
Дерутся, бьются день до вечера;
А и та-то дѣвушка чернавушка
На Волхъ рѣку ходила по воду,
А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
—Гой еси ты, дѣвушка чернавушка!
Не подай [1]) насъ у дѣла у ратнаго,
У того часа смертнаго.—
И тутъ дѣвушка чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ Новогородскіимъ,—
Прибила ужъ много до смерти,
И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя:
—А и спишь ли, Василій, или такъ лежишь?
Твою дружину хоробрую
Мужики Новогородскіе
Всѣхъ прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны.—
Ото сна Василій пробуждается,
Онъ выскочилъ на широкой дворъ,—
Не попала палица желѣзная,

[1]) Не оставь.

Что попала ему ось телѣжная.
Побѣжалъ Василій по Новугороду,
По тѣмъ по широкимъ улицамъ;
Стоитъ тутъ старецъ Пилигримища,
На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
А вѣсомъ тотъ колоколъ въ триста пудъ.
Кричитъ тотъ старецъ Пилигримища,
—А стой ты, Васька! не попорхивай,
Молодой глуздырь не полетывай,—
Изъ Волхова воды не выпити,
Во Новѣгородѣ людей не выбити;
Есть молодцовъ сопротивъ тебя,
Стоимъ мы молодцы, не хвастаемъ.—
Говорилъ Василій таково слово:
„А и гой еси, старецъ Пилигримища,
А и бился я о великъ закладъ
Со мужики Новогородскими,
Опричь тебя, старца Пилигримища,
Во задоръ войду—тебя убью“.
Ударилъ онъ старца во колоколъ
А и той-то осью телѣжною,—
Качается старецъ не шевелнится;
Заглянулъ онъ Василій старца подъ колоколъ,
А и во лбѣ глазъ—ужъ вѣку нѣту.
Пошелъ Василій по Волхъ рѣкѣ,
А идетъ Василій по Волхъ рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ;
Завидѣли добрые молодцы,
А его дружина хоробрая,
Молода Василья Буслаева,—
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.
Молодой Василій Буслаевичъ
Пришелъ - то молодцамъ на выручку,—
Со тѣми мужики Новогородскими
Онъ дерется, бьется день до вечера;
А ужъ мужики покорилися,
Покорился и помирилися—
Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелоѣ Тимофеевнѣ;
Насыпали чашу чиста серебра,
А другую чашу красна золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ, покланяются:
Осударыня матушка,
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и ради мы платить
На всякой годъ по три тысячи,
На всякой годъ будемъ тебѣ носить:
Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,
Съ калачниковъ по калачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
Опричь поповъ и дьяконовъ.—
Втапоры матера вдова
Амелоа Тимофеевна
Посылала дѣвушку чернавушку
Привести Василья со дружиною;
Пошла та дѣвушка чернавушка,
Бѣжавши та дѣвка запыхалася,
Нельзя пройти дѣвкѣ по улицѣ,
Что полтеи по улицѣ валяются
Тѣхъ мужиковъ Новогородскіихъ.
Прибѣжала дѣвушка чернавушка,
Сохватила Василья за бѣлы руки,
А стала ему разсказывати:
—Мужики пришли Новогородскіе,
Принесли они дороги подарочки,
И принесли записки заручныя
Ко твоей сударынѣ матушкѣ,
Къ матерой вдовѣ Амелоѣ Тимофеевнѣ.—
Повела дѣвка Василья со дружиною
На тотъ на широкой дворъ,
Привела-то ихъ къ зелену вину;
А сѣли они молодцы во единый кругъ,

Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,
Со того уразу молодецкаго
Отъ мужиковъ Новгородскiихъ;
Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:
—У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Неупито, неуѣдено,
Вкраснѣ хорошо неухожено,
А цвѣтнаго платья не уношено,
А увѣчье на вѣкъ залѣзено. —
И повелъ ихъ Василiй обѣдати
Къ матерой вдовѣ Амелоѣ Тимофеевнѣ.
Втапоры мужики Новогородскiе
Приносили Василью подарочки,
Вдругъ сто тысячей,—
И за тѣмъ у нихъ мирова пошла;
А и мужики Новогородскiе
Покорилися и сами поклонилися.

Кирша. 47—57.

б) Василiй Буслаевъ молиться ѣздилъ.

Подъ славнымъ, великимъ Новымъ-городомъ,
По славному озеру по Ильменю
Плаваетъ, поплаваетъ сѣръ селезень,
Какъ бы ярой гоголь поныриваетъ;
А плаваетъ, поплаваетъ червленъ корабль
Какъ бы молода Василья Буслаевича,
А и молода Василья, со его дружиною хороброю,
Тридцать удалыхъ молодцовъ:
Костя Никитинъ корму держитъ,
Маленькой Потаня на носу стоитъ,
А Василiй-то по кораблю похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
„Свѣтъ, моя дружина хоробрая,
Тридцать удалыхъ добрыхъ молодцовъ!
Ставьте корабль поперегъ Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Нову-городу“.
А и тычками къ берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережокъ.
Походилъ тутъ Василiй ко своему онъ двору дворянскому,
И за нимъ идетъ дружинушка хоробрая;
Только караулы оставили.
Приходитъ Василiй Буслаевичъ
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матерой Вдовѣ Амелоѣ Тимофеевнѣ,
Какъ вьюнъ около ее увивается,
Проситъ благословенiе великое:
„А свѣтъ ты, моя сударыня матушка,
Матера вдова Амелоа Тимофеевна!
Дай мнѣ благословенiе великое,
Идти мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ,
Со всею дружиною хороброю
Мнѣ ко Господу помолитися,
Святой святынѣ приложитися,
Во Ерданѣ рѣкѣ искупитися“.
Что взговоритъ матера вдова,
Матера Амелоа Тимофеевна:
—Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василiй Буславичъ!
То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословенiе великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенiя великаго,
А и не носи Василья сыра земля.—
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распущается;
И даетъ она много свинцу, пороху,

И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружіе долгомѣрное:
— Побереги ты, Василій, буйну голову свою.—
Скоро молодцы собираются,
И съ матерой вдовой прощаются.
Походили они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по озеру Ильменю;
Бѣгутъ они ужъ сутки—другіе,
А бѣгутъ уже недѣлю—другую,—
Встрѣчу имъ гости корабельщики:
— Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
Куда, молодецъ, поизволилъ погулять? —
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, гости корабельщики!
А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душа спасти.
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямого пути
Ко святому граду Іерусалиму“.
Отвѣчаютъ ему гости корабельщики:
— А и гой еси, Василій Буслаевичъ!
Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ градъ
Бѣжать семь недѣль,
А окольной дорогой полтора года. —

На прямомъ пути, по словамъ корабельщиковъ, „стоитъ застава крѣпкая, стоятъ атаманы козачіе... грабятъ бусы, галеры.“ —А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой червленой вязъ,—сказалъ Василій и велѣлъ бѣжать прямымъ путемъ. На горѣ Сорочинской нашелъ пустую голову и пнулъ ее съ дороги прочь. „Провѣщится пуста голова человѣческая!... гдѣ лежитъ пуста голова... лежать будетъ головѣ Васильевой.—Плюнулъ Василій, прочь пошелъ“. Побѣжали по морю Каспійскому на заставу корабельную. На пристани стояли „козаки разбойники“. Скочилъ Василій на берегъ, червленымъ вязомъ подпирается; разбойники перепугались и побѣжали съ пристани; атаманы просили его „за единый столъ хлѣба кушати,“ но Василій разспросилъ только о прямомъ пути въ Іерусалимъ, взялъ подарки и провожатаго и отправился дальше.

Будутъ они во Ердань рѣкѣ, —
Бросали якори крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ;
Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Іерусалимъ градъ;
Пришелъ во церковь соборную;
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буславьевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,—
Что съ молоду бито много, граблено,
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ,
Даетъ золотой казны не считаючи.
И походитъ Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль:
Втапоры его дружина хоробрая
Купалися во Ерданѣ рѣкѣ,
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:
— Почто вы купаетесь во Ерданѣ рѣкѣ?
А не кому купатися, опричь Василья Буслаевивьча.

Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ
Господь Іисусъ Христосъ;
Потерять его вамъ будетъ большаго
Атамана Василья Буслаевича.—
И они говорятъ таково слово:
„Нашъ Василій тому не вѣруетъ
ни въ сонъ, ни въ чохъ".
И мало время поизойдучи,
Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ устья Ердань рѣки;
Подняли тонки паруса полотняны...
. . . .
А и ѣдутъ недѣлю споряду,
А и ѣдутъ уже другую;
И завидѣлъ Василій гору высокую
Сорочинскую,
Захотѣлось Василью на горѣ побывать, —
Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору.
Пошелъ Василій со дружиною
И будетъ онъ въ полъ-горы,
И на пути лежитъ пуста голова,
человѣчья кость,
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова:
—Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
Къ чему меня голову попихываешь,
И къ чему побрасываешь?
Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
Да умѣю валятися на той горѣ
Сорочинскія;
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Лежать будетъ и Васильевой головѣ. —
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.
Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокой камень,
Въ вышину три сажени печатныя,
И черезъ его только топоромъ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью;
И въ (на) томъ-то подпись подписана:
А кто-де у каменя станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будетъ буйну голову.
Василій тому не вѣруетъ;
Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперегъ каменю поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю,
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили.
Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы
На свой червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали ко Новугороду;
И будутъ у Новагорода,
Бросали съ носу якорь и съ кормы
другой,
Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ.
Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелфѣ
Тимофеевнѣ,
Пришли и поклонилися,
Всѣ письмо въ руки подали,
Прочитала письмо матера вдова,
сама заплакала,
Говорила таковы слова:
—Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;
Подите въ подвалы глубокіе,
Берите золотой казны не считаючи.—

Повела ихъ дѣвушка чернавушка
Къ тѣмъ подваламъ глубокіимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Взговорили таковы слова:
„Спасибо, матушка Амелѳа Тимофеевна!
„Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ".
Втапоры матера вдова Амелѳа Тимофеевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина.
Подноситъ дѣвушка чернавушка
Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотѣлося.

Кирша. 114—122.

Примѣчанія къ былинѣ „Василій Буслаевъ".

„Ничто такъ хорошо не изображаетъ новгородскихъ нравовъ и явленій древней общественной жизни, какъ превосходная пѣсня о Васькѣ Буслаевѣ. Хотя она сильно расцвѣчена сказочнымъ эпосомъ, но дѣйствительность проглядываетъ изъ-подъ фантастическихъ красокъ во всемъ существѣ своемъ. Буслаевъ изображается знатнымъ, богатымъ, можетъ быть - бояриномъ. Противники его—мужики,—слово позднѣйшаго быта, замѣнившее древнее названіе—простая чадь. Старый Буслай жилъ, по выраженію пѣсни, девяносто лѣтъ, т. е. долго, и соблюдалъ миръ съ простою чадью; онъ не перечился—поперекъ слова ей не говаривалъ, ладилъ съ народомъ новгородскимъ; а потому-то послѣ его смерти все житье-бытье его передалъ онъ въ цѣлости сыну.— Мать отдаетъ сына въ науку. Пѣсня говоритъ, чему учился Василій, сынъ Буслая, т. е. чему слѣдовало учиться по тогдашнему понятію: грамотѣ, письму, пѣнію церковному. Всему этому выучился Василій. Пѣніе церковное считалось верхомъ образованности. Пѣсня распространяется объ этомъ достоинствѣ своего героя:

А и нѣтъ у насъ такова пѣвца
Во славномъ Новѣгородѣ
Сопротивъ Василія Буслаевича.

Какъ сталъ онъ доходить до возраста юношескаго, стали его обучать и воинскимъ наукамъ; и ощутилъ онъ въ себѣ великую ратную силу, какъ познакомился съ копьемъ вострымъ, воинскою палицею и разрывчатымъ тугимъ лукомъ.

Наслѣдникъ богатства, оставленный подъ слабымъ надзоромъ матери, Василій ищетъ жизни, простора, приволья: хочется ногамъ расходиться, рукамъ размахнуться. И онъ сталъ ходить на улицу на Рогатицу, и сдѣлался приманкою для пьяницъ, гулякъ, которые составляли обычный образецъ новгородской вольной жизни. Это были тѣ, что при случаѣ дѣлались матеріальною силою партій и заговоровъ подъ покровительствомъ сильныхъ и богатыхъ, отваживались чинить смуты, а иногда и сами составляли шайки, на разбой ходили, городъ поджигали... ребята неразсудные, безумницы, не помышляли о будущемъ, пускались на отважное дѣло, хотя успѣха впереди не видѣли; люди веселые—не разсуждали, что за весельемъ часто горе бываетъ; люди добрые для тѣхъ, съ кѣмъ въ дружбѣ, грудью за нихъ станутъ; люди буйные, разудалые—и святыня храма ихъ не удержитъ; въ церковный подвалъ залѣзутъ, сторожа церковнаго убьютъ. Съ такими водился Василій; поитъ ихъ допьяна; самъ пьянъ напивается, шумитъ, буянитъ по улицѣ по Рогатицѣ, дерется со встрѣчными: въ рукахъ силы много, въ груди удали много; кровь молодая кипитъ, согрѣтая виномъ; словно сказочный Еруславъ Лазаревичъ — тому руку вывихнетъ,

этому ногу переломить. Мужики идутъ на него съ челобитною, да не къ посаднику, а къ матушкѣ: ясно, что его шалости преувеличены,—еще, видно, онъ не надѣлалъ большой бѣды, а только одному-другому далъ затрещину; тѣ съ нимъ не могли сладить: и самъ силенъ, и товарищи за него; идутъ къ матушкѣ: „Честная вдова! говорятъ ей: уйми ты свое чадо милое. Не хорошія шутки сталъ онъ пошучивать. А то вѣдь съ такой удачей молодецкой наквасить ему рѣка Волхова“. Мать стала журить сына. Удалецъ присмирѣлъ, покоряется матери, а самъ злится на мужиковъ: хочется имъ отплатить. Надобно себѣ запастись товарищами, дружиною,—а то враговъ много можетъ собраться. Прежде онъ водился съ ярыгами, гуляками по вдохновенію, съ кѣмъ придется встрѣтиться на улицѣ на Рогатицѣ. Но гуляки встрѣчные могли его оставить; они ему чужіе,—это такіе товарищи, что вечеромъ погуляютъ вмѣстѣ, а утромъ въ глаза не узнаютъ.

Есть въ народной жизни покрѣпче союзъ. Василій хочетъ подобрать себѣ названныхъ братьевъ, побратенниковъ. Это союзъ на жизнь и на смерть, такой союзъ, что измѣнить ему—грѣхъ смертный, все равно, что на роту идти не въ правду.

Издавна, еще въ языческія времена, былъ обычай, что богатыри устанавливали между собою названное братство, иначе побратенничество, у южныхъ славянъ побратимство. Одинъ передъ другимъ давали клятву быть вмѣстѣ какъ одинъ человѣкъ, другъ другу во всемъ помогать, другъ друга изъ бѣды выручать, жизнью за друга жертвовать, за смерть друга мстить.

Вотъ какъ удалецъ отыскиваетъ себѣ такихъ братьевъ. Василій Буслаевичъ ставитъ чанъ вина посреди двора и опускаетъ туда огромную чару, или ковшъ. Его слуги понесли по Новгороду записки:

Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Вались къ Васькѣ на широкій дворъ;
Тотъ пей и ѣшь готовое,
И носи платье разноцвѣтное.

Замѣчательно, какъ измѣнился древній обычай подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія жизни. Прежде названные братья были равны между собою, хотя бы и много ихъ было въ одномъ братствѣ; все у нихъ было общее: братъ считалъ братнее своимъ имуществомъ; самая жизнь принадлежала брату. Василій въ своихъ запискахъ предлагаетъ свое достояніе тѣмъ, кто придетъ къ нему на братство; но онъ не показываетъ притязанія самому имѣть право считать своимъ достояніемъ имущество названныхъ своихъ братьевъ. Названные братья ниже его по достоинству; они его пособники, его вассалы, его дружина. Онъ надъ ними старшина, онъ ихъ будетъ поить и кормить.

Вѣсть о призывѣ на братство разнеслась быстро. Въ славномъ Новгородѣ тогда были грамотны люди. Большой литературной образованности, конечно, не было: зато грамотность должна была быть тогда обычнымъ дѣломъ. Вѣчевыя дѣла производились письменно; концы, улицы составляли приговоры, другъ съ другомъ переписывались; торговыя и гражданскія сдѣлки совершались на письмѣ. Сами пастыри русскіе признавали за новгородцами то достоинство, что они были народъ книжный.

Когда созывались братья съ улицы, нельзя же было принимать всякаго охотника въ братство безъ опыта. Въ пѣснѣ Буслаевичъ испытываетъ своихъ названныхъ братьевъ такимъ способомъ: прихожій молодецъ подойдетъ къ поставленному посрединѣ двора чану съ виномъ, выпьетъ чару—Василій ударитъ его дубиною въ двѣнадцать пудъ. Молодецъ стоитъ, не шевельнется, и на буйной головѣ кудри его не тряхнутся. Это значило—годится молодецъ въ побратенники. Въ переводѣ на историческій языкъ этотъ эпическій образъ означаетъ, что Василій боролся съ каждымъ или дрался на палкахъ, по новгородскому обычаю. Такъ точно и у скандинавовъ,

8*

нерѣдко два богатыря сходились между собою на поединокъ; когда одинъ узнавалъ, что другой такъ же силенъ и неустрашимъ, какъ онъ самъ, то оба кидали оружіе, бросались другъ другу въ объятія и заключали взаимное братство.

Такъ сходились молодцы къ Василію.—И пошелъ Василій съ своими названными братьями искать приключеній и случая начать задоръ съ новгородцами— отмстить за то, что они на него жаловались.

Была братчина—Никольщина. Это было обычное увеселеніе на Руси. Братчина носила характеръ правильно организованной общины. Каждый участникъ давалъ отъ себя часть, и это называлось ссыпь. Избирали пирового старосту, который долженъ былъ учреждать пиръ и наблюдать порядокъ. Встарину, при соблюденіи патріархальныхъ отношеній, ссыпь давалась натурою—съѣстными припасами, солодомъ, ячменемъ, медомъ для напитковъ. Но впослѣдствіи стали ссыпщики давать свою часть деньгами, а пировой староста распоряжался покупкою. Сумма эта, какъ видно, хотя и опредѣлялась заранѣе, но иной ссыпщикъ могъ дать и больше другихъ, смотря по достатку и по щедрости. Братчина на этотъ разъ отправлялась въ приходѣ св. Николая—вѣрно по поводу храмового праздника. Церковный староста былъ старостою пира. Распорядители братчины не звали Василія; но Василій самъ пришелъ въ братчину со своими побратенниками. Спрашиваетъ: по сколько въ братчинѣ съ брата берется; и самъ даетъ за себя и за товарищей гораздо большую сумму, чѣмъ платилось вообще; но собственно за свою особу онъ даетъ вдесятеро больше, чѣмъ за каждаго товарища: за себя пятьдесятъ рублей, за каждаго названаго брата пять рублей. Здѣсь тоже видна потеря древняго равенства отношеній: Василій считаетъ себя въ десять разъ выше своихъ побратенниковъ.

На Василія была уже тайная злоба. Василій, заплатившн больше всѣхъ и притомъ окруженный своею дружиною, сознавалъ свое первенство между всѣми, раздвигалъ братчиковъ, садился на переднее мѣсто, усаживалъ около себя товарищей. Мужики взглянули на него съ искоса и стали задирать его:

Званому гостю хлѣбъ да соль,
А незваному гостю и мѣста нѣтъ.

Въ этомъ замѣчаніи была уже угроза. Василій отвѣчалъ имъ такою же двусмысленною угрозою:

Званому гостю много мѣста надо,
Много мѣста надо и честь большая;
А незваному какъ Богъ пошлетъ.

Когда ссыпщики поѣли, попили, начались забавы молодецкія, стали молодцы между собою бороться, драться на кулаки и примѣрно сражаться: то были новгородскія забавы; но онѣ нерѣдко переходили въ дѣло серьезное, подъ пьяную руку. „Отъ того боя кулачнаго—говоритъ пѣсня — учинилась драка великая“. Василій сталъ разнимать драку. Тутъ кто-то изъ мужиковъ, по прежней злобѣ, а можетъ быть и невзначай, оплелъ его по уху. Тогда Василій крикнулъ громкимъ голосомъ:

—Гой еси, ты, Костя Новоторженинъ,
И Лука, Моисей, дѣти боярскія!
Уже Ваську меня бьютъ!

Тутъ бросились къ нему молодцы. Вся толпа выхлынула на улицу. Пошла потѣха. Мужикамъ достается, они кричатъ, ревутъ; а Василій видитъ, что ему везетъ счастье, разгорячился, крикнулъ на весь міръ:

—Гой еси вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
Напущаюсь я на весь Новгородъ

Витися, дратися,
Со всею дружиною хороброю;
Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
На всякій годъ по три тысячи;
А буде я васъ побью,
И вы мнѣ покоритеся—
То вамъ платить мнѣ такову же дань.

Мужики новгородскіе смекнули, въ чемъ дѣло. Василій надѣется на свою дружину и думаетъ, что его противниковъ только и есть, что на братчинѣ; но мужики связаны со всѣмъ Новгородомъ. Такого народу много найдется, что станетъ за нихъ, если дѣло на то пойдетъ. У всѣхъ есть пріятели. Мужики говорятъ ему:

—Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ,
Загадываешь загадку великую;
Когда ты, Василій, удалъ с,
Пойдемъ же драться на мостикъ на Волхову:
Ты съ своими дружинами хоробрыми,—
А мы будемъ драться всѣмъ народомъ.

Василію нельзя было идти на попятную. И вотъ ударились объ закладъ; написали запись; приложили руки; заложили головы. Въ записи поставлено: „Василію идти на Волховскій мостъ. Поставить на мосту три заставы: Василій долженъ перейти всѣ заставы. Если его свалятъ гдѣ-нибудь на мосту, закладъ проигранъ, и его тогда казнить; а если онъ пройдетъ всѣ три заставы и собьетъ всѣхъ своихъ противниковъ, тогда ему заплатятъ“. Черта чрезвычайно любопытная, она открываетъ для насъ много въ старой дѣйствительности. Такіе заклады, какъ видно, были въ обычаѣ, и этимъ-то, быть можетъ, могли бы объясниться буйства въ Новгородѣ Историческая основа этого дѣла та, что тогда образовались двѣ удалыя партіи: одна Васильева, другая противная; одна подъ рукою знатнаго богатаго боярина; другая изъ толпы черни, молодчихъ людей; и держали они закладъ: чья сторона одолѣетъ въ дракѣ на мосту.

Обѣ стороны составили договоръ и подписались. Запись эта получила юридическій характеръ. Само новгородское правительство ее признало. Матушка, узнавши, что ожидаетъ ея сына, побѣжала къ новгородскому князю хлопотать: нельзя ли какъ-нибудь пріостановить споръ. Но что тутъ можетъ сдѣлать князь, когда договоръ написанъ и подписанъ съ обѣихъ сторонъ? Князю оставалось только казнить Василія, когда ему противная сторона выдастъ его. И князь отвѣчаетъ матушкѣ:

—Тогда прощу, когда голову срублю.

Началась свалка на мосту—правильная, законная. Храбрая дружина Буслаева одолѣваетъ. Тутъ противники, чтобы не проиграть окончательно заклада, побѣжали къ матери Василія, принесли ей подарки и стали просить:

—Матера вдова Амелѳа Тимофеевна!
Прими у насъ дороги подарочки:
Уйми свое чадо милое!

Старуха, естественно, склонна къ тишинѣ и спокойствію. Она посылаетъ дѣвушку-чернавушку — взять Васеньку съ побоища и привести къ ней домой. Богатырь, отъ котораго трясется вся улица, покоряется безропотно. Покорность эта въ духѣ тогдашнихъ нравовъ и понятій. Въ семейномъ быту власть матери считалась священнѣе и выше власти отца. Безъ материнскаго благословенія не было удачи въ жизни. Рьяный, неугомонный молодецъ дѣлался ниже травы, тише воды передъ матерью. Тутъ былъ чистый разсчетъ. Что же, если удалецъ не послушаетъ, какая отъ этого корысть?—Материнскаго благословенія не будетъ; и ему удачи не будетъ;

и сила его будетъ не въ силу. Оттого и Василій такъ покорно отправился вслѣдъ за дѣвушкой-чернавушкой. Мать заперла его. Пѣсня за то называетъ ее „неразмышленной". Дѣйствительно, старуха не разсудила, поступивши такъ съ Васильемъ. Закладъ былъ сдѣланъ; договоръ подписанъ. Драка не прекратится отъ того, что Василія нѣтъ на улицѣ. Противники его умышленно разсчитали, что безъ Василія дѣло обратится на ихъ сторону, а потому хитро и постарались отвлечь его отъ боя. Дружина осталась безъ атамана. Противники стали одолѣвать. Тутъ пошла дѣвушка чернавушка по Волхову, и проходила она мимо побоища, и видѣла, какъ одолѣвали мужики Васильевыхъ побратенниковъ. Они просили, чтобы она освободила Василья. Но мужики - противники, завидя ее, бросились на нее.

И тутъ дѣвушка-чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово;
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ новгородскимъ.

Какъ ни эпиченъ кажется этотъ образъ героини, но онъ не совсѣмъ лишенъ исторической дѣйствительности. Въ новгородскихъ женщинахъ была мужественность: въ судѣ, когда дѣло доходило до поля, жонка съ жонкою становилась на бой—дѣло было обычное и законное. Немудрено, если и дѣвушка - чернавушка изъ Буслаева дома богатырски отмахивалась отъ мужиковъ.

Дѣвушка-чернавушка освобождаетъ сама Василья. Но можетъ быть и матушка тогда не противилась: матушка должна же была одуматься и разсудить, что если Васильеву дружину побѣдятъ, то доберутся до ея дома, и тогда придется ея сынку плохо. Какъ бы то ни было, Василій, освобожденный изъ заключенія, бросился стремглавъ;—не попала—говоритъ пѣсня—палица желѣзная, попалась ему ось телѣжная—обычный образъ для означенія храбрости героя, который такъ силенъ и ловокъ, что и съ такимъ плохимъ оружіемъ можетъ творить чудеса. Выскочилъ Василій, и не достигъ еще моста, гдѣ дружина его, изнемогая, отдавала бока свои подъ мужичьи кулаки и палки... Вдругъ передъ нимъ явленіе—старчище-пилигримище; на плечахъ у него трехсотъ-пудовый колоколъ [1]). То его крестовый батюшка. Былъ онъ, какъ видно, когда-то и самъ молодецъ-богатырь, а теперь уже удалился отъ міра и уединился въ Кирилловъ монастырь. Мужики упросили его явиться посреди свалки и остановить Василія: они думали, что Василій, увидя передъ собою крестнаго отца и притомъ отшельника, посовѣстится ударить его.

Пилигримище даетъ знать, что сторону враговъ его приметъ цѣлый Новгородъ, что ему не сладить съ большою толпою; онъ его предупреждалъ не раздражать Новгорода. Василій отвѣчаетъ ему:

—Ай же ты, мой крестовый батюшка!
Тебя же чортъ несетъ во той поры
На своего любимаго крестника!
А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся.
А и бился я о великъ закладъ
Со мужики новгородскими,
Опричь почестныхъ монастырей
И тебя, старца-пилигримища;
Въ задоръ войду и тебя убью.

Это не только крестный отецъ, это—олицетвореніе церковнаго начала. Это—эпическое изображеніе тѣхъ владыкъ, отшельниковъ-угодниковъ, которые не разъ

[1]) Первоначально это слово означало плащъ, носимый пилигримами.

усмиряли волненіе толпы своимъ словомъ и своимъ достоинствомъ... Василій, говоря, что онъ держалъ закладъ опричь честнаго монастыря и старца-пилигримища, ясно даетъ знать, что онъ подъ этими двумя приведенными образами разумѣетъ Церковь... „Что тебѣ за дѣло, — какъ бы хочетъ сказать паломнику Василій: мы до тебя не касаемся; мы людей церковныхъ не трогаемъ; не трогай же и насъ грѣшныхъ. Мы васъ, церковниковъ, уважаемъ и въ нашихъ спорахъ васъ минуемъ, да и вы не подвертывайтесь намъ подъ руку“.

Пилигримище—крестовый батюшка Василія Буслаевича, по народному вѣрованію, лицо, противъ котораго идти все равно, что противъ отца родного. Но удалецъ въ пылу своей отваги ни передъ чѣмъ не долженъ останавливаться: долгъ, связи родства, все нипочемъ, когда разыграется его широкая удаль молодецкая. Разъярилось богатырское сердце; крикнулъ Василій:

—Ай же ты, крестовый мой батюшка!
Не далъ я ти яичко о Христѣ дни,
Дамъ тебѣ яичко о Петровѣ дни.

И хватилъ онъ осью желѣзною въ колоколъ.

Василій доходитъ до моста. Какъ только завидѣли побратенники своего атамана, у нихъ, молодцовъ, думушки прибыло, словно у соколовъ крылья отросли. Молодой Василій идетъ къ нимъ на выручку. Дѣло ихъ вдругъ поправляется. Бой разгорѣлся. Мужики подаются. Драка идетъ до вечера. Мужики побиты, смяты, мира просятъ. Они обращаются съ мировою не къ Василью, а къ его матери.

Бой прекратился.

И затѣмъ у нихъ мирова пошла;
А и мужики новгородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ властей,—онѣ не вмѣшиваются, не останавливаютъ безпорядки. Это братчина—повольное дѣло. А братчина, по судной новгородской грамотѣ, сама судитъ, какъ судьи.

Невольно приходитъ вопросъ: какіе же побудительныя причины всей этой кутерьмы? Все здѣсь является плодомъ внезапныхъ увлеченій, порыва страстей; нѣтъ ничего разсчитаннаго. Оно такъ и дѣлалось въ жизни вольнаго города. Здѣсь все безпричинно, какъ и въ разсказахъ лѣтописей, гдѣ такъ же не добьешься, изъ-за чего люди волнуются, за что князей выгоняютъ, другихъ приглашаютъ; сегодня одного возносятъ, завтра того же грабятъ, съ моста сбрасываютъ, потомъ опять честятъ. Точно такъ и въ нашей пѣснѣ все покажется непонятнымъ, если начнешь думать, что это совершалось по заданной мѣрѣ, сообразно принятымъ понятіямъ и убѣжденіямъ; но все станетъ понятно, если смотрѣть на эти событія, какъ на слѣдствіе движеній души, рождаемыхъ случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. „Планида набѣжала такая“,— говоритъ и теперь нашъ народъ о событіи, котораго причинъ отыскать трудно, потому что нѣтъ другихъ, кромѣ влеченій нрава и сердца: человѣкъ не знаетъ самъ утромъ—что сдѣлаетъ вечеромъ“.

(*Н. Костомаровъ.* „Сѣвернорусскія народоправства“).

8. Чурила Пленковичъ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, осударь, князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ,
На многи князи и бояра
И на русскіе могучіе богатыри.
Будетъ день въ половина дня,
А и будетъ столъ въ полу-столѣ,

Князь Владиміръ распотѣшился,—
А незнаемы люди къ нему появи-
лися:
Есть молодцовъ за сто человѣкъ,
Есть молодцовъ за другое сто—
Есть молодцовъ за третье сто:
Всѣ они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Свѣтъ, государь, ты Владиміръ
князь!
Ѣздили мы по полю по чистому,
Сверхъ тоя рѣки Череги,
На твоемъ государевомъ займищѣ;
Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,
Не наѣзживали звѣря прыскучаго,
Не видали птицы перелетныя, —
Только наѣхали во чистомъ полѣ
Есть молодцовъ за триста и за
пятьсотъ:
Жеребцы подъ ними латинскіе,
Кафтанцы на нихъ камчатные,
Однорядочки-то голубъ скурлатъ,
А и колпачки—золоты плаши;
Они соболи, куницы повыловили,
И печерски лисицы повыгнали,
Туры, олени выстрѣлили,
И насъ избили, изранили—
А и тебѣ, осударь, добычи нѣтъ —
А отъ васъ, осударь, жалованья
нѣтъ;
Дѣти, жены осиротѣли,
Пошли по міру скитатися".
А Владиміръ князь стольной-кіев-
ской,
Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и та толпа со двора не сошла,
А иная толпа появилася:
Есть молодцовъ за триста,
Есть молодцевъ за пятьсотъ,—
Пришли охотники рыболовные,
Всѣ избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками буйны головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Свѣтъ, государь, ты Владиміръ
князь!
Ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ:
На твои щаски княженецкія
Ничего не поимывали,—
Нашли мы людей: есть молодцовъ
За триста и за пятьсотъ, —
Всю они бѣлую рыбицу повыловили,
Щуки, караси повыловили-жъ
И мелкую рыбицу повыдавили,
Намъ въ томъ, государь, добычи
нѣтъ, —
Тебѣ, государю, приносу нѣтъ —
Отъ васъ, государь, жалованья
нѣтъ,
Дѣти, жены осиротѣли,
Пошли по-міру скитатися, —
И насъ избили, изранили".
Владиміръ князь стольной-кіевской
Пьетъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и тѣ толпы со двора не сошли,
Двѣ толпы вдругъ пришли:
Первая толпа молодцы сокольники,
Другіе молодцы кречетники,
И всѣ они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Свѣтъ, государь, Владиміръ князь!
Ѣздили мы по полю чистому,
Сверхъ тоя Череги,
По твоемъ государевомъ займищу,
На тѣхъ на потѣшныхъ островахъ,
На твои щаски княженецкія
Ничего не поимывали, не видали,
Сокола и кречета перелетнаго, —
Только наѣхали мы молодцовъ
За тысячу человѣкъ:

Всѣхъ они ясныхъ соколовъ повыхватали,
И бѣлыхъ кречетовъ повыловили,
А насъ избили, изранили:
Называются дружиною Чуриловою".
Тутъ Владиміръ князь за то слово спохватится:
—Кто это Чурила есть таковъ?—
Выступался туто старой Бермята Васильевичъ:
„Я-де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю;
Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
А живетъ онъ пониже малаго Кіевца.
Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзной тынъ,
На всякой тыпинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
Середи двора свѣтлицы стоятъ,—
Гридни бѣлодубовыя
Покрыты сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ черныхъ соболей,
Матица-то валженая,
Полъ середа одного серебра,
Крюки да пробои по булату злачены.
Первые у него ворота вальящатые,
Другіе ворота хрустальные,
Третьи ворота оловянные".
Втапоры Владиміръ князь и со княгинею
Скоро онъ снаряжается,
Скоря того поѣздку чинятъ;
Взялъ съ собою князей и бояръ
И могучихъ богатырей—Добрыню Никитича
И стараго Бермяту Васильевича;
Тутъ ихъ собралось пять сотъ человѣкъ,
И поѣхали къ Чурилѣ Пленковичу.
И будутъ у двора его,
Встрѣчаетъ ихъ старый Пленъ. —
Для князя и княгини
Отворяетъ ворота вальящатые,
А князьямъ и боярамъ хрустальные,
Простымъ людямъ ворота оловянные;
И наѣхало ихъ полонъ дворъ.
Старой Пленка Сароженинъ
Приступилъ ко князю Владиміру
И ко княгинѣ Апраксѣевнѣ,
Повелъ ихъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убранные столы, въ мѣсто почестное;
Принималъ, сажалъ князей и бояръ
И могучихъ русскихъ богатырей.
Втапоры были повары догадливые,
Носили ядства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія,
Чѣмъ бы князя развеселить, —
Веселая бесѣда, на радости день.
Князь со княгинею веселъ сидитъ,—
Посмотрѣлъ въ окошечко косящатое
И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
Говорилъ таково слово:
— По грѣхамъ надо мною княземъ учинилося,
Князя меня въ домѣ не случилося:
Ѣдетъ ко мнѣ король изъ Орды,
Или какой грозенъ посолъ. —
Старой Пленка Сароженинъ
Лишь только усмѣхается, самъ потчиваетъ:
„Изволь ты, осударь, Владиміръ князь со княгинею
И со всѣми своими князи и бояры кушати,
Что-де ѣдетъ не король изъ Орды
И не грозенъ посолъ,
Ѣдетъ-де дружина хоробрая сына моего,
Молода Чурилы сына Пленковича;
А какъ онъ, осударь, будетъ предъ тобою-жъ,
Будетъ пиръ во полу пирѣ,

Будетъ столъ во полу столѣ*.
Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются,—
Всѣ уже они безъ памяти сидятъ.—
А и на дворѣ день вечеряется,
Красное солнышко закатается.
Толпа въ полѣ сбирается,
Есть молодцовъ ихъ за пятьсотъ,
Есть и до тысячи.
Ѣдетъ Чурила ко двору своему,
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ[1]),
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.
И пріѣхалъ Чурила ко двору своему,
Перво его скороходъ прибѣжалъ,
Заглянулъ скороходъ на широкой дворъ,
А и некуда Чурилѣ на дворъ ѣхати
И стоять со своимъ промысломъ;
Поѣхали они на свой окольной дворъ,
Тамъ они становилися и со всѣмъ убиралися.
Втапоры Чурила догадливъ былъ,—
Беретъ золоты ключи,
Пошелъ во подвалы глубокіе,
Взялъ золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Другую сорокъ печерскихъ лисицъ,
И бралъ же камку бѣлохрущату,
А цѣна камкѣ сто тысячей,
Принесъ онъ ко князю Владиміру,
Клалъ передъ нимъ на убранной столъ.
Втапоры Владиміръ князь стольной-кіевской
Больно со княгинею возрадовалися,
Говорилъ ему таково слово:
— Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!
Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, князю служить.—
Втапоры Чурила князя Владиміра не ослушался,

[1]) Т. е. зонтикъ.

Приказалъ тотчасъ коня осѣдлать,
И поѣхали они всѣ въ тотъ стольной Кіевъ градъ
Ко ласкову князю Владиміру.—
Въ добромъ здоровьѣ ихъ Богъ перенесъ.—
А и будутъ на дворѣ княженецкіимъ,
Скочили они съ добрыхъ коней,
Пошли во свѣтлы гридни,
Садилися за убранные столы.
Посылаетъ Владиміръ стольной-кіевской
Молода Чурилу Пленковича
Князей и бояръ звать въ гости къ себѣ,
А съ зватаго приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ.
Обходилъ онъ Чурила князей и бояръ
И собралъ ко князю на почетной пиръ.
А и зайдетъ онъ Чурила Пленковичъ
Въ домъ ко старому Бермятѣ Васильевичу,
Ко его молодой женѣ, къ той Катеринѣ прекрасной [1]),
И тутъ онъ позамѣшкался.
Ожидаетъ его Владиміръ князь,
Что долго замѣшкался.
И мало время поизойдучи,
Пришелъ Чурила Пленковичъ;
Втапоры Владиміръ князь ни во что положилъ —
Чурила пришелъ и столъ пошелъ,
Стали пити, ясти, прохлаждатися,
Всѣ князи и бояра до пьяна напивалися
Для новаго стольника Чурилы Пленковича, —
Всѣ они напивалися и домой разъѣзжалися.

(Кирша. 107—113).

[1]) Впослѣдствіи Бермята, мужъ Катерины, убилъ Чурилу.

Примѣчанія къ былинѣ: „Чурило Пленковичъ“.

Г. Веселовскій видитъ въ Чурилѣ [1]) одного изъ тѣхъ греко-романскихъ „гостей-Сурожанъ, которые, являясь въ Кіевъ, изумляютъ своихъ болѣе грубыхъ сосѣдей блескомъ своихъ культурныхъ привычекъ и обстановки... Существеннымъ въ пѣсняхъ (о Чурилѣ) является: его появленіе въ Кіевѣ, въ блескѣ красоты и культурнаго щапленія [2]), впечатлѣніе, какое онъ производилъ на женщинъ и на Апраксію; его любовь къ Катеринѣ, мужа которой онъ еще прежде зналъ... Какъ видно — это матеріалъ новеллы, не фабліо о невѣрной женѣ гостя Терентьища, наставляемаго скоморохами, а новеллы съ трагической развязкой въ стилѣ Giraldi Cintio“.

Такимъ образомъ, видя въ Чурилѣ заѣзжаго гостя изъ франкскаго, т. е. итальянскаго, Сурожа, г. Веселовскій признаетъ за *типомъ* Чурилы весьма почтенную древность и созданіе его относитъ къ южно-русскому, или кіевскому, періоду нашей жизни; но не высказывается положительно относительно времени и мѣста сложенія *былины* [3]).

Г. Халанскій помѣщаетъ Чурилу въ число богатырей московскаго періода вмѣстѣ съ Дюкомъ, Соловьемъ Будиміровичемъ, Микулой Селяниновичемъ, Святогоромъ. „Въ мирное время, какимъ преимущественно представляется эпоха князей-собирателей Руси, естественно, идеальными образами являются лица съ совершенно мирными свойствами: крестьянинъ Микула Селяниновичъ, женихъ—добрый молодецъ Соловей Будиміровичъ, богачъ Дюкъ Степановичъ, наконецъ щеголь Чурило Пленковичъ и пр.... Въ богатырскихъ образахъ ранняго времени иногда удавалось отыскать дѣйствительныхъ историческихъ лицъ, геройскими подвигами стяжавшихъ себѣ славную память: героями былинъ московскаго періода являются идеальные образы, чистыя созданія народной фантазіи“ [4]). Итакъ, по мнѣнію г. Халанскаго, народная фантазія, создавшая типъ щеголя Чурилы, не опиралась въ своемъ творчествѣ на образъ пріѣзжаго изъ Сурожа фряга—итальянца, какъ думаетъ г. Веселовскій — главнымъ образомъ на основаніи своего толкованія имени отца Чурилы, Пленка (франка). „Прозваніе Чурилы стоитъ, по мнѣнію г. Халанскаго, вѣроятно, въ связи съ былевымъ характеромъ этого богатыря. Обыкновенно онъ прозывается Пленковичъ; но въ нѣкоторыхъ варіантахъ его отчество Щапъ Пленковичъ и Щапленковичъ. Послѣдняя форма, вѣроятно, наиболѣе древняя; она стоитъ несомнѣнно въ связи съ глаголомъ *щапить*, т. е. щеголять, и такимъ образомъ прозваніе Чурилы—Щапленковичъ или Щеголевичъ. Отсюда, съ одной стороны, какъ искаженія, явились формы Цыпленковичъ и сынъ Пленковичъ; съ другой, какъ забвеніе первоначальнаго значенія прозвища Чурилы, сложился образъ Пленка, гостя Сароженина, отца Чурилы“.

9. Дюкъ Степановичъ.

Снаряжался Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Изъ славнаго богатаго Волынъ-города,
Изъ тоя Индѣюшки богатыя;
Снаряжался Дюкъ во стольно-Кіевъ градъ,
Посмотрѣть хотитъ на князя на Владиміра
И на русскихъ могучихъ на богатырей.
(Р. I, 283).

Поѣхалъ молодой бояринъ ко городу ко Кіеву,
Поспѣлъ ко раннія обѣдни воскресенскія,

[1]) Чурило—Кириллъ.
[2]) Щапъ—щеголь.
[3]) „Южно русскія былины“, VI—XI.
[4]) „Велико-русскія былины кіевскаго цикла“

Подъѣзжалъ какъ онъ ко Божьей церкви,
Становилъ онъ добра коня ко столбику точеному,
Ко колечику золоченому;
Самъ шелъ во церковь Божію,
Крестъ клалъ по писаному,
Поклонъ велъ по ученому,
На всѣ на четыре стороны кланялся,
Стольному князю Владиміру
Со княгиной со Опраксою въ особину.
(Р. I, 279).

Не узналъ его солнышко Владиміръ стольно-кіевскій,—
Не бывалъ онъ во городѣ во Кіевѣ, —
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
Скажись, съ коей земли, съ коей орды,
Коего отца, коей матери?“
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я изъ той земли, богатой орды,
Со тоя Индѣи богатыя,
Есть я молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ. —
Какъ у солнышка князя Владиміра по правую рученьку
Стоялъ молодой Чурилушка Пленковичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ай же ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Это не молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
А эта есть халуина господская,
Либо волочà-голь кабацкая.
Уѣхалъ онъ отъ купца, либо отъ барина,
Угналъ онъ добра коня,
А пріѣхалъ сюда для того, чтобы ты
Забралъ столованье почестный пиръ[1]).“
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
„Ай же ты, удалой добрый молодецъ!
Скажись, съ коей земли, съ коей орды,
Коего отца, коей матери?“
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Что же ты сталъ у меня выспрашивать,
Выспрашивать у меня, вывѣдывать?
Вѣдь я пріѣхалъ не для вашихъ честныхъ пировъ,
Не для безсчетной золотой казны,
А пріѣхалъ посмотрѣть вашего города.
Скажутъ, вашъ городъ на красы стоитъ, на угожествѣ,
Скажутъ, солнышко Владиміръ князь богато живетъ;
Да още заѣхалъ Господу Богу помолиться,
Ко честнымъ крестамъ приложиться,
И поѣду я взадъ во чисто поле.
У меня хлѣба-соли дòма водится,
Золота казна не тощится,
Цвѣтно платьице не держится;
А още послалъ меня братецъ крестовый,
Старый казакъ Илья Муромецъ.—
Онъ какъ бралъ его за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарнія,
Называлъ молодымъ бояриномъ Дюкомъ Степановичемъ.
Отошла обѣдня ранняя воскресенская.
Бралъ его солнышко за бѣлы руки,

---

[1]) Вопросъ Владиміра, отвѣтъ Дюка и замѣчаніе Чурилы снова повторяются.

Повелъ его въ свои палаты бѣлокаменны.
Онъ иде, молодой бояринъ, на сапожки поглядыватъ,
Поглядыватъ на сапожки, на шубку посматриваетъ..
Говорилъ Чурилушка Пленковичъ:
„Заподлинно есть холопина дворянская:
Онъ вѣкъ этихъ сапожекъ не держивалъ,
Онъ вѣкъ этой шубки не нашивалъ“.
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же, молодой Чурилушка Пленковичъ!
У васъ все не по нашему:
Во той земли, богатой орды,
Во тоя Индѣи богатыя,
Отъ Божьей церкви до палатъ бѣлокаменнихъ
Настланы мостики калиновы,
Разостланы сукна карназинныя,
Не мараются сапожки сафьянные во грязи черныя.—
Какъ онъ ввелъ его въ палаты бѣлокаменны,
Для удалаго добра молодца забралъ почестенъ пиръ,
Какъ пошелъ столованье почестенъ пиръ,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Сидитъ молодой бояринъ не пьянъ, не веселъ,
Повѣшена буйна голова ниже плечъ могучіихъ,
Притуплены очи ясныя во кирпиченъ полъ;
Онъ калачикъ ѣлъ, другой подъ столъ металъ,
А чару пилъ, другу за окошко лилъ.
Какъ увидѣлъ солнышко Владиміръ стольно-кіевскій,
Говоритъ ему таковы слова:
„Что же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Калачикъ ѣшь, другой подъ столъ мечешь,
А чару пьешь, другу за окошко льешь?“
Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій!
Не могу ѣсть калачиковъ крупивчатыхъ,
Пить напиточекъ сладкіихъ:
Калачики пахнутъ на хвою сосновую,
А напиточки затхнулися [1]), пить непріятныя.
Какъ во той землѣ, въ богатой орды,
Во тоя Индѣи богатыя,
У моей государыни у матушки
Есть печки муравлены, помялчики шелковые,
Мочутъ помялчики въ росу медовую,
Пашутъ [2]) печки муравлены,
Пекутъ калачики крупивчаты:
Калачикъ съѣшь, другого съѣсть душа горитъ,
Другой съѣшь, третій съ ума нейдетъ.
А меда сладкіе, водочки стоялыя
Повѣшены въ бочки сороковки
Въ погреба глубокіе на цѣпи на серебрены,
Туда подведены вѣтры буйные:
Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
Пойдутъ воздухи по погребамъ,
Такъ загогочутъ бочки, будто лебеди,

[1]) Затхлые, сдохлись. *P.*
[2]) Пометаютъ. *P.*

Будто лебеди на тихіихъ на заводяхъ;
Такъ вѣкъ не затхнутся напиточки сладкіе:
Чару пьешь, другу пить душа горитъ,
Другу пьешь, третья съ ума нейдетъ.
Эта хвальба не похвальба:
У моей государыни у матушки
Цвѣтно платьице не держится,
Потому оно не держится,
Что швецы не выводятся:
Та толпа швецовъ со двора сошла,
А другая толпа на дворъ пришла.
Добры кони ѣздятъ—не ѣздятся:
Стоитъ безъ счету добрыхъ коней,
Зоблютъ пшеницу бѣлоярову,
Только выскочатъ проиграться въ чисто поле.
Эта похвальба еще не похвальба:
Есть насыпано двѣнадцать погребовъ глубокіихъ
Злата и серебра и мелкаго скатнаго жемчуга;
На одинъ на погребъ скуплю—продамъ
Стольный Кіевъ градъ и Черниговъ градъ.—

P. I. 279–282).

...Чурила Пленковичъ Щапливый
Говоритъ онъ князю таково слово: [1])
„Я богатѣе Дюка перещаплю:
Мнѣ всѣмъ Кіевомъ платья шьютъ".
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Обсѣдлывалъ добра коня и вывелъ во чисто поле,
Привязалъ къ сѣдлу ярлыкъ
И послалъ коня къ своей матушкѣ:

[1]) Варіантъ:
Говорилъ Владиміръ стольный-кіевскій:..
Ты ударь съ нашимъ Чурилою великъ закладъ,
По три года да еще по три дни,
Чтобы на всякій день кони были смѣнные,..
Чтобы на всякій день платья были смѣнныя,
Цвѣтныя платья перемѣнныя.

Г. 779.

—- Свѣтъ государыня моя матушка!
Пошли двѣ пары платья хорошія
Съ пуговицами золоченными.—
Посылала ему матушка
Двѣ пары платья хорошія
Съ пуговицами золоченными.
Онъ ударилъ рукою о бѣлую грудь,
О пуговицы золоченыя, —
Отъ тыхъ пуговицъ злаченныхъ
Пошелъ стукъ да громъ,
Какъ отъ звону колокольняго [1]).
Самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты, Чурила Пленковичъ!
А это платье у меня есть заѣзжее,
А заѣзжее есть и дорожнее.—
Тутъ говоритъ Чурила Пленковичъ:
„Владиміръ князь стольно-кіевскій!
Я на добромъ конѣ Дюка перещаплю".
Поѣхали они на добрыхъ коняхъ.
Чурилина хвала напередъ зашла;
Ему первому скочить черезъ быстру рѣку,
Какъ скочилъ черезъ рѣку,
Такъ и палъ середи рѣки.

[1]) Прощапивъ (прощеголявъ) условленные (см. прим. выше) три года и три дня, зашли они въ церковь Божію. Чурило сталъ на «правое крылосо», Дюкъ—на лѣвое.
Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать:
Онъ сталъ пуговка о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки
Да изъ петелки было въ петелку
Плыветъ Змиишечко-Горынчищо.
Тутъ всѣ въ церкви пріужахнулись,
Сами говорятъ таковó слово:
«Какъ у нашего Чурилки у Пленковича
Есть отмѣточка противъ молода боярина,
Что еще некуда бодрѣе ему выступить».
Закручинился бояринъ запечалился...
Онъ сталъ плетенькой по пуговкамъ поваживать:
Какъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ запѣли птицы тутъ пѣвучія,
Закричали звѣри тутъ рыкучія,
Тутъ вси во церкви да о зѣнь пали.
О зѣнь пали, да они обмерли.

Г. 780—781.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Скочилъ вслѣдъ за нимъ,
Ухватилъ его за желти кудри,
Перетащилъ его на другу сторону,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ты думаешь, Чурила, щапить,
Какъ въ Кіевѣ передъ дѣвками да передъ бабами,
А не съ нами молодцами богатырями. —
(P. IV, 51—52).

Тутъ Владиміръ князь стольно-кіевскій
Сталъ посылать общѣнщиковъ
Во тую Индѣюшку богатую,
Его Дюково имѣніе описывать и общѣнивать.
Отправляютъ туда тихаго Дунаюшку Иванова,
Во вторыхъ още Василья Казимірова,
А во третьихъ смѣлаго богатыря Алешеньку Поповича.
Сѣли оны на добрыхъ коней, поѣхали
И пріѣхали въ Индѣюшку богатую,
Къ Дюку Степановичу на широкій дворъ.
Не спущали оны коней на посыльный дворъ,
Ставили оны коней середи двора,
Пошли оны въ палату бѣлокаменну,
На пяту оны двери поразмахиваютъ,
Вошли-то въ палату бѣлокаменну,
Оны Господу Богу помолилися,
Крестъ оны клали по писаному,
Поклонъ-то вели по ученому,
На всѣ на три на четыре на стороики покланялися,
Честной вдовы Настасьи Васильевной въ особину:
„Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
Дюкова Степанова матушка!“
Говоритъ она таковы слова:
— Не есть я Дюковая матушка,
А есть я Дюковая рукомойница.—
Вошли оны въ другой покой,
Опять низенько покланяются:
„Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
Дюкова Степанова матушка!“
Говоритъ она таковыя слова
— Не есть я Дюковая матушка,
А есть я Дюковая портомойница.—
Вошли оны во третій покой,
Опять низенько покланяются:
„Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
Дюкова Степанова матушка!“
Говоритъ она таковы слова:
— Не есть я Дюковая матушка,
А есть я Дюковая стольница.—
Приводили ихъ красныя дѣвушки ко Дюковой матушки;
Покланяются оны и удивляются:
„Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
Дюкова Степанова матушка!“
Отвѣтъ держитъ Дюкова матушка:
—Вы, удаленькіе дородни добры молодцы!
Не знаю вамъ имени, ни изотчины,
Вы зачѣмъ сюда пріѣхали?
Знать сиротскаго имѣньица описывать? —
Говорятъ оны таковы слова:
„Послалъ-то насъ самъ Дюкъ Степановичъ
Описать свое имѣніе—богачество“.
Кормила ихъ ѣствушками сахарными,
Поила ихъ питьицами медвяними:
Чарочку выпьютъ, губы слипаются,
А другую выпьютъ, по третьей душа горитъ,

А четвертa чарочка съ ума вонъ нейдетъ.
Повела ихъ она во погреба глубокіе,
Посадила ко сбруи лошадиной описывать и обцѣнивать.
Описывали оны, обцѣнивали
Эту сбрую лошадиную ровно три года,
По три года обцѣнивали и по три дни, —
Не могли обцѣнить этой сбруи лошадиныя.
Повела она ихъ на погреба глубокіе
Описывать-обцѣнивать имѣніе-богачество.
Тутъ бочки висятъ чиста серебра,
А другія висятъ красна золота,
А третьи висятъ скатна жемчуга.
Эти мужики обцѣнщики
Не могутъ они смѣты дать,
Описать того имѣнія-богачества.
Тутъ писали оны во стольно-Кіевъ градъ
Ко славному ко князю ко Владиміру:
„Ты славный Владиміръ стольно-кіевскій!
Продай-ко свой стольно-Кіевъ градъ
На эты на бумаги (на гербовыя)
Да на чернила-перья продай еще Черниговъ градъ,
Тогда можешь Дюково имѣніе описывать“.

(Р. I, 293—295).
(Петрозаводск. у. Олонецк. г.).

Примѣчанія къ былинѣ „Дюкъ Степановичъ“.

Былина о заѣзжемъ щеголѣ (щапѣ) Дюкѣ Степановичѣ, несомнѣнно, литературнаго происхожденія. Источникомъ былины, по мнѣнію г. Веселовскаго, послужили средневѣковыя представленія объ Индіи богатой, выразившіяся первоначально въ извѣстной „Эпистоліи пресвитера Іоанна къ Мануилу Греческому“, а затѣмъ въ поэтическихъ памятникахъ, обусловленныхъ содержаніемъ этой эпистоліи.

Какъ бы въ отвѣтъ на эпистолію могла составиться пѣсня или повѣсть о хожденіи пословъ-богатырей въ Индѣйское царство съ цѣлью провѣрить слова пресвитера о чудесахъ Индіи богатой. Эта предполагаемая пѣсня, въ свою очередь, могла послужить родоначальницей позднѣйшихъ поэтическихъ разсказовъ, въ родѣ „Хожденія Карла Великаго въ Константинополь“ и нашей былины о Дюкѣ Степановичѣ.

Въ нашей былинѣ побудительной причиной для отправки посольства въ Индію служитъ уже не эпистолія, а пріѣздъ Дюка. Для провѣрки его похвальбы Владиміръ отправляетъ въ Индію своихъ богатырей, а по другой редакціи — отправляется самъ, подобно Карлу Великому.

Оцѣнка Дюкова имѣнія кончается сознаніемъ посланцевъ:

„А и велики вѣрно у Дюка животы:
Какъ намъ спродать надо весь городъ Кіевъ-отъ,
А еще разъ спродать—его повыкупить,
Накупить бумага да черниловъ-то,
То не хватитъ намъ у Дюка животовъ уписать“.

Подобнымъ же образомъ кончается и посланіе пресвитера въ старорусскомъ пересказѣ:

„Аще хощеши вѣдати всѣхъ силъ моихъ и вся чудеса моего индійскаго царства,— пишетъ онъ царю Мануилу Греческому,—то продай свое царство греческое, да купи

бумаги, да пріѣдь въ мое царство индѣйское со своими книжники, и я дамъ списать чудеса индѣйскія земли, и не мога тебѣ списати моего царства и до исхода души своея“.

Чудеса Дюковыхъ теремовъ и Гугонова дворца (въ „Хожденіи Карла Великаго“) весьма напоминаютъ чудеса, видѣнныя посланцами въ палатахъ пресвитера Іоанна.

„Гугонъ радушно принимаетъ пришельцевъ, дивящихся на богатства его дворца. На полу изваяны изображенія животныхъ, дикихъ и домашнихъ; у входа внизу—подобіе моря со всѣми его обитателями; на стѣнахъ написаны небо и птицы такъ искусно, словно онѣ летятъ въ воздухѣ. Верхняя часть палаты представляетъ форму и образъ неба, съ солнцемъ, луной и звѣздами вокругъ, загоравшимися на верху всякій разъ въ соотвѣтствіе съ временемъ года. Посреди палаты колонны, вокругъ стѣнъ пилястры: около каждаго изъ нихъ статуя человѣка изъ желтой мѣди, съ рогомъ, точно они тотчасъ готовы затрубить. Пока Карлъ и его спутники любовались этимъ видомъ, внезапно подулъ вѣтеръ со стороны моря, изображеннаго внизу палаты (!), и вся она завертѣлась на основной колоннѣ, какъ мельничное колесо; статуи затрубили. Карлъ, испуганный и не будучи въ состояніи удержаться на ногахъ, присѣлъ невольно, а его рыцари, пытавшіеся устоять, свалились со страха, закрывъ глаза и голову.

Всѣ эти чудеса—чудеса пресвитеровой Индіи: тѣ же палаты, вращающіяся на оси, съ движущимися луной, солнцемъ и другими свѣтилами. Дворецъ пресвитера стоитъ на 900 колоннахъ; у каждой колонны изображеніе царя и царицы, которыя играли на инструментахъ и наливали другъ другу вино въ кубки. Едва ли можно сомнѣваться, что здѣсь разумѣются механическія фигуры причудливаго органа, который игралъ, когда подуетъ вѣтеръ,—но, очевидно, не съ моря, какъ могло показаться наивному западному разсказчику, незнакомому съ устройствомъ органа.

Трубящія фигуры французскаго сказанія, несомнѣнно, такой же органъ, надуваемый мѣхами; но сказаніе соединяетъ въ томъ дѣйствіи вѣтра и вращательное движеніе палаты, отчего Карлъ и его паладины „окарачь наползались“. Представимъ себѣ, что изъ этой комбинаціи играющихъ, угощающихъ другъ друга фигуръ съ вращеніемъ палаты выпала именно вторая часть (вращеніе), а осталось неизбѣжное слѣдствіе: паденіе всѣхъ присутствующихъ. Разсказчикъ-пѣвецъ поспѣшилъ по своему пополнить логическій пробѣлъ, объяснивъ себѣ паденіе дѣйствіемъ пѣнья, крика, издаваемаго фигурами. Я имѣю въ виду извѣстный эпизодъ щапленія взапуски Дюка и Чурилы, когда оба являются въ церкви съ диковинными пуговицами и петельками на платьѣ: поведутъ по нимъ плеткой,—запоютъ на нихъ птички пѣвучія, заревутъ звѣри рыкучіе, и всѣ падаютъ о земь, иные обмираютъ. Изображенія на этихъ пуговкахъ и петелькахъ разнообразятся, но одно изъ нихъ прямо обращаетъ насъ къ прототипамъ, видѣннымъ нами въ дворцахъ пресвитера и Гугона:

„Во пуговки-то было влито по доброму молодцу,
А въ петелькахъ-то было влито по красной дѣвушкѣ:
По петелькамъ какъ поведетъ,
Такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина
И подносятъ добрымъ молодцамъ;
А по пуговкамъ поведетъ,—
Добрые молодцы играютъ во гусли яровчаты,
Развеселяютъ красныхъ дѣвушекъ“.

Это почти образы пресвитерова дворца, лишь спустившіеся съ пилястровъ къ пуговкамъ и петелькамъ.

Къ Индіи пресвитера примыкаютъ въ былинахъ о Дюкѣ и другія черты, не поддерживаемыя параллелью Хожденія. Такова „струйка золотая“ (Рыб. II), рѣка съ

золотомъ (Гильф. № 9), которую видятъ въ Индіи Владиміровы послы; таковы и чудесные *три камешка* (Гильф. № 218)". (*Веселовскій*: Ж. М. Н. Пр. 1884 г. № 2).

Вполнѣ соглашаясь съ изслѣдованіемъ г. Веселовскаго относительно источниковъ Дюковой былины, г. Халанскій добавляетъ: „Привитіе странствующей повѣсти объ Индѣйскомъ царствѣ тѣмъ легче могло состояться, что восточно-азіатская обстановка московскаго барства XVI и XVII вѣковъ своими акцессуарами напоминала нѣкоторыя чудеса сказаній объ Индіи. Дальнѣйшая судьба сказанія на Руси очевидна: перейдя въ устно-народную литературу, оно явилось въ передѣланномъ на русскій ладъ, на русскіе нравы видѣ, со многими чисто русскими бытовыми подробностями— въ формѣ былины о боярскомъ сынѣ Дюкѣ Степановичѣ".

Такимъ образомъ г. Халанскій относитъ былину о Дюкѣ къ Московской Руси (XVI—XVII вв.). По мнѣнію же г. Веселовскаго, она была сложена нѣкогда въ Галичѣ и затѣмъ, перейдя въ Кіевъ, внесла въ себя эпическаго князя Владиміра. Г. Истринъ („Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ". 1893 г.) идетъ еще дальше. Онъ полагаетъ, что древнѣйшая редакція пѣсни должна быть сложена на византійской почвѣ, гдѣ къ ней и прикрѣпилось популярное имя Дука (Δούκας). Дуки—представители аристократическаго рода, близкаго къ династіи Комненовъ.

9. Соловей Будиміровичъ

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.
Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де царя вѣдь заморскаго
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю якутскому,
И якутскому, вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія;
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе;
У того было сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено
На томъ было соколѣ караблѣ
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.—
Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру.
На томъ соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ:
Говорилъ Соловей таково слово:
„Гой еси вы, гости-корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые!
Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Чѣмъ мнѣ-ка будетъ князя дарить,

Чѣмъ свѣта жаловати?"
Отвѣчають гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые:
— Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
Есть, сударь, у васъ золота казна,
Сорокъ-сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Есть, сударь, дорога камка,
Что недорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости были Царя-града,
А и мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья Будиміровича;
На златѣ, на серебрѣ—не погнѣваться. —
Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ таможнѣ платили
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
Бралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ-сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ.
Пошелъ онъ ко ласкову князю Владиміру:
Идетъ во гридню во свѣтлую;
Какъ-бы на пяту двери отворялися;
Идетъ во гридню купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ,
Спасову образу молится,
Владиміру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевной на особицу,
И подноситъ князю свои дороги подарочки:
Сорокъ-сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую,
Не дорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будиміровича;
На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
А княгинѣ наипаче того;
Говорилъ ласковой Владиміръ князь:
— Гой еси ты, богатой гость,
Соловей, сынъ Будиміровичъ!
Займуй дворы княженецкіе,
Займуй ты боярскіе,
Займуй дворы и дворянскіе.—
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:
„Ненадо мнѣ дворы княженецкіе,
И ненадо дворы боярскіе,
И ненадо дворы дворянскіе;
Только ты дай мнѣ загонъ земли,
Непаханыя и неораныя,
У своей, осударь княженецкой племянницы,
У молоды Запавы Путятишной,
Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
Въ вишеньѣ, орѣшеньѣ,
Построить мнѣ Соловью снаряденъ дворъ".
Говорилъ сударь ласковый Владиміръ князь:
— На то тебѣ со княгинею подумаю, —
А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли,
Непаханыя и неораныя.
Походилъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говоритъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:
„Гой еси вы, мои люди работные!

Берите вы топорики булатные,
Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
Постройте мнѣ снаряденъ дворъ,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ".
Съ вечера, позднимъ поздно,
Будто дятлы въ дерево пощолкивали,
Работала его дружина хоробрая,—
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря —
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени, —
Ото сна-то Запава пробуждалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,
Въ вишенье, въ орѣшенье,
Въ свой вѣдь хорошій, во зеленой садъ;
Чудо Запавѣ показалося
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна:
— Гой еси, нянюшки и мамушки,
Красныя сѣнныя дѣвушки,
Подте-тко, посмотрите-тко [1]),
Что мнѣ за чудо показалося
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ? —
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки
И сѣнныя красныя дѣвушки:
„Матушка Запава Путятишна!
Изволь-ко сама посмотрѣть:
Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло".

[1]) Подьте-тко, посмотрите-тко.

Скоро-де Запава наряжается.
Надѣвала шубу соболиную,
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей, —
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой во хорошъ во зеленой садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ, молчитъ—
Лежитъ Соловьева золота казна;
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ, все молитву творятъ —
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя.
Отворяла двери на пяту, —
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря —
И вся красота поднебесная.
Подломились ея ноженки рѣзвыя;—
Втапоры Соловей—онъ догадливъ былъ—,
Бросилъ свои звончаты гусли,
Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки...
„Чего-де ты, Запава, испужалася?
Мы-де оба на возрастѣ".
— А и я-де дѣвица на выданьѣ,
Пришла-де сама за тебя свататься.—
Тутъ они и помолвили...

(Кирша. 1—6).

Примѣчанія къ былинѣ: „Соловей Будиміровичъ“.

„Былина о Соловьѣ Будиміровичѣ (говоритъ г. Халанскій) стоитъ въ самой тѣсной связи съ *великорусскими* свадебными пѣснями. Въ сравненіи съ символикой послѣднихъ выясняются какъ общій смыслъ былины, такъ и значеніе отдѣльныхъ частей ея.

Въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ пріѣзжаетъ изъ-за моря:

Государыня моя матушка!
Ты построй мнѣ новъ высокъ теремъ,
Съ треия окошками:
Какъ первое окошечко
На чистое поле смотрѣть;
А второе окошечко
На зеленый садъ смотрѣть;
А третье окошечко
На синее море смотрѣть.

Какъ на синемъ морѣ
Три корабля плыли:
Какъ первый корабль
Съ дорогими съ товарами;
А второй корабль
Съ брульянтами (?), конями;
А какъ третій корабль
Съ удалымъ молодцемъ NN.

Самъ Соловей—купецъ, его дружина—гости корабельщики, цѣловальники любимые; въ свадебныхъ пѣсняхъ сваты—купцы-корабельщики.

Ты, родимый мой батюшка!
Это что у насъ были за люди,
Что за гости торговые?....
Какіе-то были корабельщики

Среди зимы да студеныя?
То были да сваты свататься
По меня по молодешеньку
Съ чужой дальной сторонушки.

Одаривъ богато Владиміра и княгиню, Соловей Будиміровичъ проситъ у князя „загонъ земли“, чтобы построить въ зеленомъ саду Запавы „снаряденъ дворъ“. Символика свадебной пѣсни поясняетъ желаніе Соловья:

Не буйны вѣтры понавѣяли,
Незваны гости понаѣхали!
Обломились сѣни новыя,
Обломились съ переходами,
Растоптали, раздавили
Чару золоту, чару финисову [1])
Выпугали, выпугали
Въ саду соловья молодого, залетнаго.
Какъ расплакалась свѣтъ,
Да расплакалась великая княгиня NN [2]).
О своемъ высокомъ теремѣ:
„Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Изрубитъ сѣни новыя?
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Сольетъ чару золоту?
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Сольетъ чару финисову?
Кто же въ моемъ, кто же въ моемъ
Во саду сядетъ соловьемъ?
Кто же же меня, кто же меня
Рано будетъ будить?
. . . .

Отвѣтъ держалъ великій князь: [3])
Ты не плачь, не плачь и не тужи
Великая княгиня, боярыня NN
О своемъ высокомъ теремѣ:
Я самъ тебѣ изрублю сѣни новыя,
Я самъ тебѣ изрублю съ переходами,
Я самъ тебѣ солью чашу золоту,
Я самъ тебѣ солью чашу финисову,
Я самъ во твоемъ саду
Сяду *соловьемъ, молодымъ, залетнымъ*;
Я самъ тебя рано буду, свѣтъ, кликать,
Я самъ тебя рано буду будить“.

Украшенія теремовъ, выстроенныхъ Солодовьемъ (*На небѣ*...) г. Халанскій объясняетъ, съ одной стороны, символикой колядокъ (ясенъ мѣсяцъ—хозяинъ, заря—

[1]) Финифть—эмаль.
[2]) Т. е. невѣста.
[3]) Т. е. женихъ.

хозяйка, звѣзды—дочери), а съ другой стороны—реальными чертами московскаго быта (см. былину о Дюкѣ).

Посѣщеніе Запавой терема объясняется (по мнѣнію г. Халанскаго) обычаемъ „самокрутства", до сихъ поръ существующимъ въ Малороссіи: невѣста сама дѣлаетъ выборъ и отправляется къ родителямъ избраннаго ею жениха объявить о своемъ желаніи.

Такимъ образомъ можно думать, заключаетъ г. Халанскій, что „Соловей Будиміровичъ - идеальный великорусскій женихъ. Средства для созданія такого эпическаго образа были *всѣ у себя дома* въ области символовъ свадебной пѣсенной поэзіи". (Великорус. былины Кіевскаго цикла. 148—166).

По мнѣнію же г. Вс. Миллера, „Сходство въ нѣкоторыхъ деталяхъ обработки между былиной о Соловьѣ Будиміровичѣ и нашими свадебными пѣснями не устраняетъ вопроса о происхожденіи самаго сюжета, который въ основѣ можетъ оказаться заимствованнымъ изъ какой-нибудь сказки. Вѣдь сходные мотивы въ свадебныхъ пѣсняхъ могутъ восходить въ концѣ концовъ къ тѣмъ же странствующимъ сказкамъ, въ которыхъ дѣло идетъ о добываніи невѣстъ. Слагатели свадебныхъ пѣсенъ, иногда профессіональные пѣвцы, для пріукрашиванія, идеализированья бытовой стороны могли вплетать въ изображеніе отношеній жениха и невѣсты мотивы изъ сказокъ. А въ послѣднихъ очень часто какой-нибудь королевичъ пріѣзжаетъ свататься на пышномъ кораблѣ, строитъ—иногда по требованью отца невѣсты—чудныя палаты, которыя заинтересовываютъ и привлекаютъ невѣсту; или женихъ является искуснымъ музыкантомъ; или играетъ въ шахматы, причемъ невѣста является ставкой, и т. п. Можно согласиться со словами г. Халанскаго, что средства для созданія эпическаго образа (Соловья Будиміровича) были всѣ у себя дома, въ области символовъ свадебной пѣсенной поэзіи; но эти домашніе символы, представляющіе идеально житейскій бракъ, восходятъ—отчасти по крайней мѣрѣ—къ сказочнымъ мотивамъ, носившимся въ представленіи слагателей свадебныхъ пѣсенъ, и поэтому все же долженъ быть поставленъ историко-литературный вопросъ: не найдется ли такого сказочнаго сюжета, въ которомъ оказались бы въ такомъ же или сходномъ сочетаніи типичныя черты содержанія былины о Соловьѣ Будиміровичѣ?" (213).

Впослѣдствіи г. Халанскій, нѣсколько измѣнивъ свой первоначальный взглядъ на исключительно національное происхожденіе былины о Соловьѣ Будиміровичѣ, самъ указалъ соотвѣтствующую ей параллель въ старинной, передѣланной съ иноземнаго повѣсти о Василіи Златовласомъ, и призналъ возможнымъ предположить, что обѣ восходятъ къ какому-то общему западному прототипу.

Вотъ содержаніе этой повѣсти:

Королевичъ Василій Прекрасный, получивъ отказъ въ рукѣ дочери французскаго короля Полиместра, снаряжаетъ корабль, беретъ съ собою великіе дары и, переодѣтый простымъ матросомъ, ѣдетъ во Францію; какъ Соловей, онъ (точнѣе: по его приказу—гость Василій) проситъ у короля мѣста близъ королевскихъ палатъ; дворецъ его дивно разукрашенъ; Василій-королевичъ прельщаетъ королевну игрою на гусляхъ, какъ Соловей Запаву, и побуждаетъ ее придти къ нему во дворецъ. Слѣдуетъ наказаніе королевны, отвергшей раньше открытое сватовство Василія, и его отъѣздъ, хлопоты королевны о прощеніи, второй пріѣздъ Василія и свадьба.

Приведенныя же раньше самимъ г. Халанскимъ параллели свадебныхъ пѣсенъ къ былинамъ „теперь (по его словамъ) получаютъ иной смыслъ и значеніе. Онѣ любопытны, какъ цѣнныя откровенія изъ области явленій процесса подражательнаго творчества, который сопровождалъ усвоеніе великорусскимъ эпосамъ входившихъ въ него иностранныхъ сюжетовъ".

Въ основѣ сказокъ, давшихъ начало былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ, быть можетъ лежатъ бытовые мотивы: а) *похищеніе* дѣвушки при помощи какихъ-нибудь

хитростей; в) *отработокъ* отцу за неимѣніемъ соотвѣтствующаго вѣна. Оба эти мотива въ былинѣ перемѣшаны.

По всѣмъ вѣроятіямъ, герой былины—въ качествѣ жениха—первоначально назывался просто „Соловьемъ“ и „Соловьемъ Соловьевичемъ“—по предположенію Потебни [1]). Соловей же Будимировичъ—старинный богатырь, подвиги котораго нѣкогда воспѣвались наравнѣ съ подвигами Илья Муромца (см. примѣчанія къ былинамъ объ Ильѣ). Перенесеніе имени эпическаго богатыря на идеальнаго жениха принадлежитъ, конечно, тому времени, когда стали забываться былины о подлинномъ Соловьѣ Будимировичѣ.

Леденецъ—изъ котораго пріѣхалъ женихъ-Соловей—названіе, по всей вѣроятности, вымышленное.

---

10. Илья Муромецъ.

а) Исцѣленіе Ильи.

Во славномъ городѣ во Муромлѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Крестьянскій сынъ [1]),
Сиднемъ сидѣлъ цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики перехожія [2])
Подъ тое окошечко косявчето,
Говорятъ калики таковы слова:
„Ай же ты, Илья Муромецъ,
(Илья Муромецъ) крестьянскій сынъ,
Отворяй каликамъ ворота широкія,
Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ“.
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:

[1]) Илья Муромецъ крестьянскій сынъ.
[2]) Варіантъ:
Сидѣлъ Илья Муромецъ въ селѣ Карачаровѣ 30 лѣтъ,
Не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ.
И когда ходилъ Господь Іисусъ Христосъ
По землѣ по матери съ апостолами,
И приходитъ онъ въ село Карачарово
Къ Ильѣ Муромцу подъ окошечко
И попросилъ напиться.
Р. III, 16.

— Ай же вы, калики перехожія!
Не могу отворить воротъ широкіихъ,
Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
Не владаю ни руками, ни ногами. —
Опять говорятъ калики перехожія:
„Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкія,
Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ“.
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.
Приходили калики перехожія.
Они крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
Наливаютъ чарочку питьица медвянаго,
Подносятъ-то Ильѣ Муромцу.
Какъ выпилъ-то чару питьица медвянаго,
Богатырско его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося.
Воспроговорятъ калики таковы слова:
„Что чувствуешь въ собѣ, Илья?“
Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
— Слышу въ собѣ силушку великую. —

[1]) Соловей—символъ жениха; ср. „сяду *соловьемъ*, молодымъ, залетнымъ“.

Говорятъ калики перехожія [1]):
„Будешь ты, Илья, великій богатырь,
И смерть тобѣ на бою не писана:
Бейся - ратися со всякимъ богатыремъ
И со всею поленицею удалою;
А только не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
Его любитъ матушка-сыра земля;
Не ходи ощѐ на Вольгу Сеславьича:
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью-мудростью.
Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго, —
Выходи въ раздольице чисто поле,
Покупай перваго жеребчика,
Станови его въ срубу на три мѣсяца,
Корми его пшеномъ бѣлояровымъ,
А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
Ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай,
И въ три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его къ тыну ко высокому:
Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать,
И въ ту сторону, и въ другую сторону,
Поѣзжай на немъ, куда хочешь,
Будетъ носить тебя“.
Тутъ калики потерялися.
Пошелъ Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо поле отъ дубья-колодья:
Онъ дубье-колодье все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,
А самъ и ушелъ домой.
Встали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна—испужалися [1]):
„Что это за чудо подѣялось?
Кто-бы намъ это сработалъ работушку?“
Работа-то была подѣлана,
И пошли они домой.
Какъ пришли домой, видятъ:
Илья Муромецъ ходитъ по избы.
Стали его спрашивать,
Какъ онъ выздоровѣлъ.
Илья и разсказалъ имъ,
Какъ приходили калики перехожіе,
Поили его питьицемъ медвяннимъ:
И съ того онъ сталъ владать руками и ногами,
И силушку получилъ великую.
Пошелъ Илья въ раздольице чисто поле,
Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,
Бураго жеребчика косматенькаго.
Покупалъ Илья того жеребчика,
Что̀ запросилъ мужикъ, то и далъ;

---

[1]) Варіантъ:
Говорятъ старички:
— Богъ тя благословитъ, Илья Муромецъ,
Силой своей,
Такъ и стой за вѣру христіанскую
И за домъ Пресвятыя Богородицы;
На бою тебѣ смерть не писана... —
И далѣе:
— И дома не живи—не работай,
А поѣзжай во стольный Кіевъ градъ.
Рыбн. II, 4.

[1]) Стихъ вѣроятно таковъ:
Встали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна,
Встали они—испужалися.
Прим. Рыбн.

Становилъ жеребчика въ срубъ на три мѣсяца,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,
Поилъ свѣжей ключевой водой;
И прошло поры-времени три мѣсяца;
Сталъ Илья жеребчика по три ночи въ саду поваживать,
Въ три росы его выкатывалъ,
Подводилъ ко тыну ко высокому,
И сталъ бурушко черезъ тынъ перескакивать
И въ ту сторону, и въ другую сторону.

б) Подвиги Ильи Муромца. Первыя поѣздки Ильи Муромца.

(Илья подъ Черниговомъ. — Соловей Разбойникъ).

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Ни бумажныи листочьки растилаются:
Растилаетса сынъ передъ батюшкомъ;
Онъ и проситъ се(б)ѣ благословеньица:
„Охъ ты гой еси, родимой милой батюшка!
Дай ты мнѣ свое благословеньицо,
Я поѣду въ славный стольной Кѣевъ градъ,
Помолитьса чудотворцамъ Кѣевскимъ,
Заложитьса за князя Володиміра,
Послужить ему вѣрой—правдою,
Постоять за вѣру хрисьянскую“.
Отвѣчатъ старой хресьянинъ Иванъ Тимофеевичъ:
Я на добрыя дѣла те(б)ѣ благословленье дамъ,
— А на худыя дѣла благословленья нѣтъ.
Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
Ни помысли зломъ на татарина,
Ни убей въ чистыимъ полѣ хрисьянина. —
Поклонилея Илья Муромецъ отцу до-земли.

(Кирѣевск. 1, 34. Зап. въ Нижег. г.).

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣзжаетъ изъ города изъ Муромля,
Поѣзжаетъ въ ту субботу христосьскую,
А надоть поспѣть къ заутрени Христосьскія
Во стольный во городъ во Кіевъ-градъ.
Поѣзжаетъ Илья—самъ выговариваетъ,
Кладываетъ-то заповѣдь великую:
„Ѣхать-то мнѣ добру молодцу,
Во пути мнѣ-ка во дороженькѣ
Рукъ чтобы мнѣ не кровавити“.
Только видѣли молодца сядучись,
А не видѣли удалого поѣдучись,
И не знаютъ, въ кою сторону уѣхалъ онъ.
Какъ приправливалъ Ильюшенька добра коня,
Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную:
Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
„Первая поѣзка Ильи Муромца“.
Опять приправливалъ добра коня,
Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную:
Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
„Другая поѣзка Ильи Муромца“.
Третій разъ приправливалъ добра коня,
Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную:

Тутъ-то онъ на столбѣ подпись подписывалъ:
„Третія поѣзка Ильи Муромца“.
Пошелъ, поскакалъ его добрый конь,
Рѣки, озера перескакивалъ,
А темные лѣса промежъ ногъ пущалъ.

Рыбн. I. 45—46. Пудожск. у.

Да й подъѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнанό-то силушки чернымъ черно,
А й чернымъ черно какъ черна вброна;
Такъ пѣхотою никто тутъ не прохаживатъ,
На добрбмъ кони никто тутъ не проѣзживатъ,
Птица черной воронъ не пролетыватъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиватъ.
А подъѣхалъ какъ ко силушкѣ великоей [1]),
Онъ какъ сталъ то эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать, да сталъ копьемъ колоть,
А й побилъ онъ эту силу всю великую.
Ёнъ подъѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ градъ;
Выходили мужички да тутъ черниговски
Й отворяли-то ворота во Черниговъ градъ,
А й зовутъ его во Черниговъ воеводою.

---

[1]) Всякой-то, братцы, заповѣдь кладываетъ,
А не всякой заповѣдь исполняетъ,
замѣчаетъ Илья предъ побоищемъ.
Р. I, 46.

Говоритъ-то имъ Илья да таковы слова:
„Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ“.
Говорили мужики ему черниговски:
— Ты удаленькой дородній добрый молодецъ,
Ай ты славныя, богатырь святорусскіи!
Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,
Заколодѣла дорожка, замуравѣла,
Ай по той ли по дорожкѣ прямоѣзжою
Да й пѣхотою никто да не прохаживалъ:
На добрбмъ кони никто да не проѣзживалъ;
Какъ у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли рѣчки у Смородины,
У того креста у Леванидова,
Сиди Соловей розбойникъ во сырбмъ дубу,
Сиди Сбловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ.
А то свищетъ Сбловей да по соловьему,
Ёнъ кричитъ злодѣй разбойникъ по звѣриному,
Й отъ него ли-то пбсвисту соловьяго,
Й отъ него ли-то отъ пбкрику звѣринаго,
То всѣ травушки - муравы уплетаются,
Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,

Темни лѣсушки къ земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвы лежать.
Прямоѣзжею дороженькой пятьсотъ есть верстъ,
А й окольноёй дорожкой цѣла тысяща.—
Онъ спустилъ добрá коня да й богатырскаго
Онъ поѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею.
Ёго добрый конь да богатырскіи
Съ горы на гору сталъ перескакивать,
Съ холмы нá холму сталъ перемахивать,
Мелки рѣченки, озерка промежъ ногъ спущалъ.
Подъѣзжаетъ онъ ко рѣчкѣ со Смородинки,
Да ко тоей онъ ко Грязи онъ ко Черноей,
Да ко тою ко березы ко покляпыя,
Къ тому славному кресту ко Леванидову.
Засвисталъ-то Соловей да й по соловьему,
Закрычалъ злодѣй розбойникъ по звѣриному,
Такъ всѣ травушки - муравы уплеталися,
Да й лазуревы цвѣточки отсыпалися,
Темны лѣсушки къ землѣ вси приклонилися.
Ёго добрый конь да богатырскіи
А онъ на корзнй да потыкается,
А й какъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Беретъ плеточку шелкóвую въ бѣлу́ руку,
А онъ билъ коня а по крутымъ ребрамъ;
Говорилъ-то онъ Илья да таковы слова:
„Ахъ ты, волчья сыть да й травяной мѣшокъ!
Али ты итти не хошь али нести не мошь?
Что ты на корзнй, собака, потыкаешься?
Не слыхалъ ли посвисту соловьяго,
Не слыхалъ ли покрыку звѣринаго,
Не видалъ ли ты ударовъ богатырскіихъ?“
Ай тутъ старыя [1]) казакъ да Илья Муромецъ
Да беретъ-то онъ свой тугой лукъ розрывчатый,
Во свои беретъ во бѣлы онъ во ручушки,
Ёнъ тетивочку шелковеньку натягивалъ,
А онъ стрѣлочку каленую накладывалъ,
То онъ стрѣлилъ въ тóго Соловья разбойника,
Ёму выбилъ право око со косицею.
Ёнъ спустилъ-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнулъ его ко правому ко стремечки булатнему,
Ёнъ повезъ его по славну по чисту́ полю,
Мимо гнѣздышко повезъ да Соловьиное.
Въ томъ гнѣздышкѣ да Соловьиноемъ
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимыхъ;
Больша дочка эта смотритъ вс окошечко косевчато,
Говоритъ ёна да таковы слова:
— Ѣдетъ-то нашъ батюшко чистымъ полемъ,

[1]) Старыя=старый+а; *а* является, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, для размѣра.

А сидитъ-то на добрòмъ кони,
Да везетъ ёнъ мужичища деревенщину,
Да у праваго у стремени прикована. —
Поглядѣла его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
„Ѣдетъ батюшко раздольицемъ чистыимъ полемъ,
Да й везетъ онъ мужичища деревенщину,
Да й ко правому ко стремени прикована“.
Поглядѣла его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Ѣдетъ мужичищо деревенщина,
Да й сидитъ мужикъ на добрòмъ кони,
Да й везетъ-то наша батюшка у стремени,
У булатняго у стремени прикована.
Ему выбито право око со косичею.—
Говорила-то й она да таковы слова:
— Ай же мужевья нашѝ любимыи!
Вы берите-тко рогатины звѣриныи,
Да бѣжите-тко въ раздольице чисто поле,
Да вы бейте мужичища деревенщину.—
Эти мужевья да ихъ любимыи,
Зятевья то-есть да Соловьиныи,
Похватали какъ рогатины звѣриныи,
Да й бѣжали-то оны да й во чистò поле
Ко тому-ли къ мужичищу деревенщинѣ,
Да хотятъ убить-то мужичища деревенщину.
Говоритъ имъ Соловей розбойникъ
Одихмантьевъ сынъ:
„Ай же зятевья мои любимыя!
Побросайте-тко рогатины звѣриныи,
Вы зовите мужика да деревенщину,
Въ своѐ гнѣздышко зовите Соловьиное,
Да кормите ѐго ѣствушкой сахарною,
Да вы пойте ѐго питьицемъ медвяныимъ,
Да й дарите ѐму дàры драгоцѣнные“.
Эти зятевья да Соловьиныи
Побросали-то рогатины звѣриныи,
Ай зовутъ-то мужика да й деревенщину
Во то гнѣздышко да Соловьиное;
Да й мужик-отъ деревенщина не слушатся,
А онъ ѣдетъ-то по славному чистỳ полю,
Прямоѣзжею дорожкой въ стольнѣй Кіевъ градъ.
Г. 442.

Ёнъ пріѣхалъ-то во славный стольнѣй Кіевъ градъ
А ко славному ко князю на широкой дворъ.
А й Владыміръ князь онъ вышелъ со Божьѣй церквы,
Онъ пришолъ въ палату бѣлокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Оны сѣли ѣсть, да пить, да хлѣба кушати,
Хлѣба кушати да пообѣдати.
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Становилъ коня до посерёдъ двора,
Самъ идетъ онъ во палаты бѣлокаменны,
Проходитъ онъ во столовую во горенку,
Нà пяту онъ дверь-ту порозмахивалъ,
Крест-отъ клалъ ёнъ по писàному,

Велъ поклоны по учёному,
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владыміру въ особину,
Еще всимъ его князьямъ онъ подколѣнныимъ.
Тутъ Владыміръ князь сталъ молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешной, дороднiй добрый молодецъ,
Тобе какъ-то молодца да именёмъ зовутъ,
Звеличаютъ удалого по отечеству? —
Говоритъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
„Есть я съ славнаго изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачарова,
Есть я старыя казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ“.
Говоритъ ему Владыміръ да таковы слова:
— Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
Да й давно-ли ты повыѣхалъ изъ Муромля,
И которою дороженкой ты ѣхалъ въ стольнёй Кіевъ градъ?—
Говорилъ Илья онъ таковы слова:
„Ай ты, славныя Владыміръ стольнё-кiевской!
Я стоялъ заутрену христовскую во Муромли,
А й къ обѣденки поспѣть хотѣлъ я во стольнёй Кiевъ градъ,
То моя дорожка призамѣшкалась;
А я ѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею,
Прямоѣзжею дороженкой я ѣхалъ мимо-то Черниговъ градъ,
Ѣхалъ мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну рѣченку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ѣхалъ Леванидовъ крестъ“.
Говоритъ ему Владыміръ таковы слова:
— Ай же мужичищо деревенщина,
Во глазахъ мужикъ да подлыгаешься,
Во глазахъ мужикъ да насмѣхаешься!
Какъ у славнаго у города Чернигова
Нагнато тутъ силы много множество,
То пѣхотою никто да не прохаживалъ,
И на добромъ конѣ никто да не проѣзживалъ,
Туды сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ,
Птица черный воронъ не пролетывалъ;
А у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
Да у славноѣй у рѣчки у Смородины,
А й у той ли у березы у покляпою,
У того креста у Леванидова,
Соловѣй сидитъ розбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
То какъ свищетъ Соловей да по соловьему,
Какъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному,
То всѣ травушки-муравы уплетаются,
А лазуревы цвѣтки прочь отсыпаются,
Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,

А что есть людей, то вси мертвы лежатъ.
Говорилъ ему Илья да таковы слова:
„Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
Соловей розбойникъ на твоемъ дворѣ,
Ему выбито вѣдь право око со косицею,
Й онъ ко стремени булатнему прикованой“.
То Владыміръ князь-то стольнё-кіевской
Онъ скорешенько ставалъ да на рѣзвы ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
То онъ шапочку соболью на одно ушко,
Онъ выходитъ-то на свой-то на широкій дворъ
Посмотрѣть на Соловья розбойника.
Говорилъ-то вѣдь Владыміръ князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по соловьему,
Закрычи-тко ты, собака, по звѣриному. —
Говорилъ-то Соловей ему розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
„Не у васъ-то я сегодня, князь, обѣдаю,
А не васъ-то я хочу да и послушати;
Я обѣдалъ-то у стараго казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати“.
Говорилъ-то какъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской:
— Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да по соловьему,
Прикажи-тко закрычать да по звѣриному. —
Говорилъ Илья да таковы слова:
„Ай же, Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ!
Засвищи-тко ты во полъ-свисту соловьяго,
Закрычи-тко ты во полъ-крыку звѣринаго“.
Говорилъ то ёму Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
— Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходятъ-то мои уста сахарніи,
Не могу я засвистать да й по соловьему,
Закрычать-то не могу я по звѣриному.
А й вели-тко князю ты Владыміру
Налить чару мни да зелена вина;
Я повыпью-то какъ чару зелена вина,
Мои раночки кровавы порозойдутся,
Да й уста мои сахарни поросходятся,
Да тогда я засвищу да по соловьему,
Да тогда я закрычу да по звѣриному. —
Говорилъ Илья-тотъ князю онъ Владыміру:
„Ты, Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
Ты поди въ свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-тко къ Соловью къ розбойнику“.

То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ скоренько шолъ въ столову свою горенку,
Наливалъ онъ чару зеленà вина,
Да не малу онъ стопу да полторà ведра,
Разводилъ медами онъ стоялыма,
Приносилъ-то ёнъ ко Соловью розбойнику.
Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ
Принялъ чарочку отъ князя онъ одной ручкой,
Выпилъ чарочку-ту Соловей однимъ духомъ,
Засвисталъ какъ Соловей тутъ по соловьему,
Закрычалъ разбойникъ по звѣриному,
Маковки на теремахъ покрйвились,
А окòленки во теремахъ розсыпались —
Отъ его отъ посвисту соловьяго,
А что есть-то людишокъ, такъ вси мертвы̀ лежатъ;
А Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Куньей шубонькой онъ укрывается.
А й тутъ старой-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Онъ скорошенько садился на добрà коня,
А й онъ везъ-то Сòловья да во чисто поле,
Й онъ срубилъ ему да буйну голову.
Говорилъ Илья да таковы слова:
„Тоби полно-тко свистать да по солòвьему,
Тоби полно-тко крычать да по звѣриному,
Тоби полно-тко слезить да й отцей-мàтерей,
Тоби полно-тко вдовить да женъ молòдыихъ,
Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малыхъ дѣтушокъ“.
А тутъ Сòловью ему й славу̀ поютъ
А й славу̀ поютъ ему вѣкъ по вѣку.

(Г. 439—445).

(Записан. въ Петрозаводск. у. Олонецк. г.).

в) Илья Муромецъ въ ссорѣ съ Владиміромъ.

Славныя Владыміръ стольнё-кіевской
Собиралъ-то онъ славный почестенъ пиръ
На многихъ князей онъ и бояровъ,
Славныхъ сильныихъ могучіихъ богàтырей;
А на пиръ ли-то онъ нѐ позвалъ
Стараго казàка Ильи Муромца.
Старому казàку Ильѣ Муромцу
За досаду показалось-то великую [1]),

---

[1]) Варіантъ: Илья Муромецъ съ Соловьемъ разбойникомъ поѣхалъ «ко городу ко Кіеву,... пріѣзжалъ онъ ко солнышку князю на широкъ дворъ,... самъ по-во палаты княженецкія... Не узналъ его солнышко Владимеръ князь,... говоритъ ему таковы слова:
— Ай же, маленькой-удаленькой да упаленькой,—
Я не знаю, какъ тебя именемъ зовутъ!
Садись съ нами хлѣба кушати-трапезовать:
На нижнемъ конечку есть мѣстечка немножечко;
Други мѣстечка вси призабавлены (заняты).
Мѣстечка вси позаняты:
Сидитъ у меня на честномъ пиру
Чтó князей, чтó бояриновъ...
Чтó вельможъ, купцовъ да богатыихъ,
Чтó поляницъ да удалыихъ,
И шестьдесятъ Росейскихъ могучіихъ богатырей“.
Старому казаку тѣ рѣчи не прилюбилися:
„Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
Самъ ѣшь-кушашь съ воронами,
Меня садишь съ воронятами!
Не хочу я хлѣба кушать сѣ воронятами!“
Не прилюбились эти рѣчи Владиміру; онъ „стемнѣлъ, какъ темна ночь, сревѣлъ, какъ будто левъ-то звѣрь“, велѣлъ богатырямъ схватить Илью и отрубить ему буйну го-

Й онъ не знаетъ, что вѣдь сдѣлати
Супротйвъ тому князю̀ Владыміру.
Й онъ беретъ-то какъ свой тӯгой лукъ розрывчатый,
А онъ стрѣлочки беретъ каленыи,
Выходилъ Илья онъ да на Кіевъ градъ,
И по граду Кіеву сталъ онъ похаживать
И на матушки Божьй церкви погуливать.
На церквахъ-то онъ кресты вси да повыломалъ,
Маковки онъ золочены вси повыстрѣлялъ.
Да кричалъ онъ Илья во всю голову,
Во всю голову кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
„Ай же пьяници вы, го̀люшки кабацкіи!
Да и выходите съ кабаковъ домовъ питейныихъ,
Й обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
То несите въ кабаки въ домы̀ питейные,
Да вы пейте-тко да вѝна до̀-сыта“.
Тамъ доносятъ-то вѣдь князю да Владыміру:
— Ай Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
А ты ѣшь да пьешь да на честномъ пиру,

А какъ старой-отъ казакъ да Илья Муромецъ,
Ёнъ по городу по Кіеву похаживатъ,
Ёнъ на матушки Божьй церквы погуливатъ,
На Божьйхъ церквахъ кресты повыломилъ,
А всѣ маковки онъ золоченыи повыстрѣлялъ;
А й кричитъ-то вѣдь Илья онъ во всю голову,
Во всю голову кричитъ онъ громкимъ голосомъ:
Ай же пьяници вы, го̀люшки кабацкіи!
Да и выходите съ кабаковъ домовъ питейныихъ,
И обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
То несите въ кабаки въ домы̀ питейные,
Да вы пейте-тко да вѝна до̀-сыта.—
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской,
И онъ сталъ Владыміръ думу думати,
Ёму какъ-то надобно съ Ильей да помиритися.
И завелъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской,
Онъ завелъ почестенъ пиръ да и на дрӯгой день.
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Да ’ще онъ сталъ да и думу думати:
„Мнѣ кого послать будéтъ на пиръ позвать —
Того стараго казàка Илью Муромца?
Самому пойти мнѣ-то Владыміру не хочется,

лову. Богатыри принялись было за Илью,— „онъ правой рукой махнулъ,—тѣ мертвы лежатъ; онъ лѣвой махнулъ,—тѣ тоже мертвы лежатъ; потомъ тугой лукъ натягивалъ, калену стрѣлу онъ направливалъ, самъ своей стрѣлы приговаривалъ:
„Ты лети, стрѣла, объ окошка княженецкія,
У окошекъ отстрѣли всѣ маковки поволочены!“
Какъ обиралъ онъ эти маковки,
Пошелъ на царевъ кабакъ
Пропивать тѣ маковки царскія.
Р. II, 333—335.

А Опраксію послать, — то не къ лицу идетъ".
Й онъ какъ шолъ-то по столовой своей горенкѣ,
Шолъ-то онъ о столики дубовыи,
Становился супротйвъ молбдаго Добрынюшки,
Говорилъ Добрыни таковы слова:
„Ты, молодёнькой Добрынюшка, сходи-тко ты
Къ старому казàкѣ къ Ильи Муромцу,
Да зайди въ палаты бѣлокаменны,
Да пройди-тко во столовую во горенку,
На пятў-то дверь ты поразмахивай,
Еще крестъ клади дай й по писàному,
Да й поклонъ веди-тко по учёному,
А й ты бей челомъ да низко кланяйся
А й до тыхъ половъ и до кирпичныихъ
А й до самой матушки сырой земли
Старому казàкѣ Ильи Муромцу,
Говори-тко Ильи да таковы слова:
— „Ай ты, старыя казакъ да Илья Муромецъ!
Я пришолъ къ тобѣ отъ князя отъ Владымíра
И отъ Опраксіи отъ королевичной,
Да й пришолъ тобе позвать да на почестенъ пиръ".—
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Ёнъ скорёшенько то сталъ да на рѣзвы ноги,
Куньно шубоньку накинулъ на одно плечко,
Да онъ шапочку соболью на одно ушко,
Выходилъ онъ со столовой со горенки,
Да й прошолъ палатой бѣлокаменной,
Выходилъ Добрыня онъ на Кіевъ градъ.
Ёнъ пошолъ-то какъ по городу по Кіеву,
Прйшолъ къ старому казакѣ къ Ильѣ Муромцу
Да въ его палаты бѣлокаменны,
Ёнъ пришолъ какъ во столовую во горенку.
На пятў-то онъ дверь да поразмамахивалъ,
Да онъ крест-отъ клалъ до по писàному,
Да й поклоны велъ да по учёному,
А 'ще билъ-то онъ челомъ да низко кланялся
А й до тыхъ половъ и до кирпичныихъ
Да й до самой матушки сырой земли.
Говорилъ-то онъ Ильи да таковы слова:
„А й же братецъ ты мой да крестовыи,
Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
Я къ тоби послàнъ отъ князя отъ Владымíра,
Отъ Опраксы королевичной,
А й позвать тобя да на почестенъ пиръ" [1])..

---

[1]) Варiантъ 1-й:
Да тутъ говоритъ Илья таково слово:
— Ахъ ты, братецъ да мой да былъ крестовый!
Да какъ нунечку-топеречку у насъ съ тобой
А всѣ-то пóписи да были вѣдь пописаны,
А заповѣди были пополóжены,
А слушать-то брату вѣдь мéньшому,
А меньшому слушать да бóльшого,
А бóльшому слушать брата меньшого.
Кабы не братецъ ты крестовый былъ,
А нéкого бы я не послушалъ здѣ!
Дакъ послушаю я братца нунь крестоваго,
А крестоваго братца я названаго.
А тотъ ли-то князь стольнё-кіевской
А зналъ-то послать меня кого позвать!
Когда ты меня, Добрынюшка Микитиничъ,
Меня позвалъ туды на почестный пиръ,
Да я тебя, братецъ же, послушаю.
Г. 235.

Варiантъ 2-й: Добрыня пошелъ да въ

Еще старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы̀ ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Да онъ шапоньку соболью на одно ушко,
Выходили со столовыя со горенки,
Да прошли они палатой бѣлокаменной,
Выходили-то они на стольній Кіевъ градъ,
Пóшли они кó князю ко Владыміру
Да й на славный-отъ почестенъ пиръ.
Тамъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ во горенки да вѣдь похаживалъ,
Да въ окошечко онъ князь посматривалъ,
Говоритъ-то со Опраксой королевичной;
„Подойдутъ-ли кó мнѣ какъ два русскіихъ богатыря
Да на мой-отъ славный на почестенъ пиръ?“
И прошли они въ палату бѣлокаменну,
И взошли они въ столовую во горенку.
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Со Опраксіей да королевичной
Подошли-то они къ старому казàкѣ къ Ильѣ Муромцу,

„царевъ кабакъ“ и не зналъ, „отколь зайти“ къ Ильѣ: „Спереду зайти, — хорошо ль ему прилюбится? Дай-ко я свади зайду!“ Такъ и сдѣлалъ. Илья обернулся, сказалъ ему: „Ай-же ты, молодой Добрынюшка Никитиничъ! Ты тѣмъ счастливъ, что сваду зашелъ! А ежели бы, Добрыня, спереду зашелъ, только бы съ тебя, Добрыня, пепелъ сталъ!“

Р. II, 337—338.

Они брали-то за ручушки за бѣлыя,
Говорили-то они да таковы слова:
„Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
Твоё мѣстечко было да вѣдь пониже всихъ,
Тóперь мѣстечко за столикомъ повыше всихъ!
Ты садись-ко да за столикъ за дубовыи“.
Тутъ кормили его ѣствушкой сахàрнею,
А й поили питьицемъ медвяныимъ.
Они тутъ съ Ильей и помирилися.[1]).

Г. 468—450.

(Записана въ Петрозаводск. у. Олонецк. г).

X. Богатырская застава.

(Илья Муромецъ и Жидовинъ) [2]).

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цицàрскіихъ,
Стояла застава богатырская.
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;

[1]) Варіантъ:
Какъ говоритъ Илья тутъ таково слово:
—Ай же ты, князь стольнё-кіевской!
А зналъ-то послать кого меня позвать,
А послалъ-то братца ко мнѣ ты крестоваго
А того-то мни Добрынюшка Никитича.
Кабы-то мни да вѣдь не братецъ былъ,
А нéкого-то я бы не послу̀халъ здѣ,
А скоро натянулъ бы я свой ту̀гой лукъ,
Да клалъ бы я стрѣлочку каленую,
Да стрѣлилъ бы ти въ гридню во столовую,...
За это я тебѣ-то нунь прощу
А этую вину да ту великую.—

Г. 236.

[2]) Жидовинъ—врагъ позднѣйшаго происхожденія. Въ древнѣйшихъ былинахъ противникомъ Ильи является сынъ (Сокольничекъ-охотничекъ, Соловниковъ, или дочь—поленица удалая) его, Ильи, и бабы Латымірки.

Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ;
Есаулъ Алёша Поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка Боярскій сынъ;
Былъ у нихъ Васька Долгополой.
Всѣ были братцы въ разъѣздьицѣ:
Гришка Боярскій втѣпоръ кравчимъ жилъ;
Алёша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотою за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископыть великую [1]),
Ископыть велика—пóлъ-печи.
Учалъ онъ ископыть досматривать:
„Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
Изъ этой земли изъ Жидовскія
Проѣхалъ Жидовинъ могучъ богатырь
На эти степи Цицарскія!"
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
„Ой вы гой если, братцы-ребятушки!
Мы что́ на заставушкѣ устояли?
Что на заставушкѣ углядѣли?
Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ!"
Собирались они за заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:

[1]) Ископыть (у Кирѣевск.—ископоть)—комъ, вылетѣвшій изъ-подъ копыта.

Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Положили на Ваську Долгополаго.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, положили;
У Васьки полы долгія:
По землѣ ходитъ Васька,—заплетается;
Погинётъ Васька по напрасному".
Положились на Гришку на Боярскаго:
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистóмъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, удумали;
Гришка роду боярскаго:
Боярскіе роды хвастливые;
На бою-дракѣ призахвастается;
Погинётъ Гришка по напрасному".
Положились на Алёшу на Поповича:
Алёшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистóмъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистóмъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, положили;
Алёшинька рода поповскаго:
Поповскіе глаза завидущіе,
Поповскія руки загребущія;
Увидитъ Алёша на нахвальщикѣ
Много злата, серебра,—
Злату Алёша позавидуетъ;
Погинётъ Алёша по напрасному".
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,

Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ,
По плечъ отсѣчь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Походитъ Добрыня на конюшій дворъ,
Имаетъ Добрыня добра коня,
Уздаётъ въ уздечку тесмянную,
Сѣдлалъ въ сѣдёлышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боёвую,—
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ,—
На бедры беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину [1]):
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ,
Подъ-атаману Добрынѣ Никитичу?
Есаулу Алёшѣ въ казну не кладёшь,
На всю нашу братію наборную?"
Учулъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.
Добрыня Никитичъ младъ

[1]) *Чернизина*—черное пятно.

Господу Богу возмолится,
И Мати Пресвятой Богородицѣ:
„Унеси, Господи, отъ нахвальщика!"
Подъ Добрыней конь посправился,—
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братiю со приборною.
Сказываетъ Добрыня Никитичъ младъ:
„Какъ выѣхалъ на гору Сорочинскую,
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
Увидѣлъ на полѣ чернизину,
Поѣхалъ прямо на чернизину.
Кричалъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:
— „Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь, —
Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ,
Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
Есаулу Алёшѣ въ казну не кладешь,
На всю нашу братью на приборную?" —
Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на меня добра молодца:
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озёръ вода выливалася,
Подо мною конь на колѣна палъ.
Тутъ я Господу Богу взмолился:
„Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика!"
Подо мною тутъ конь посправился,
Уѣхалъ я отъ нахвальщика
И пріѣхалъ сюда на заставу богатырскую".
Говоритъ Илья Муромецъ:

„Больше некѣмъ замѣнитися:
Видно ѣхать атаману самому!“
Походитъ Илья на конюшій дворъ,
Имаетъ Илья добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмянную,
Сѣдлаетъ въ сѣдёлышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боёвую,—
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ,—
На бедры беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ на полѣ чернизину;
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,
Мнѣ атаману Ильѣ Муромцу челомъ не бьешь,
Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
Есаулу Алёшѣ въ казну не кладешь,
На всю нашу братью наборную?“
Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удробился [1]).
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ;
Впервые палками ударились,—
У палокъ цѣвья поломалися,
Другъ дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились,—
Востры сабли приломалися,
Другъ дружку не ранили;
Бились, дрались рукопашнымъ боёмъ,
Бились, дрались день до вѣчера,
Съ вечера бьются до полуночи,
Съ полуночи бьются до бѣла свѣта.

Махнётъ Илейко ручкой правою,—
Поскользитъ у Илейки ножка лѣвая,
Палъ Илья на сыру землю;
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ чинжалищё булатное;
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По плечъ отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
— Старый ты старикъ, старый, матёрый!
Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле?
Будто нѣкѣмъ тебѣ старику замѣнитися?
Ты поставилъ-бы себѣ келейку
При той путѣ-при дороженькѣ;
Сбиралъ-бы ты, старикъ, во келейку;
Тутъ-бы, старикъ, сытъ-питанёнъ былъ.—
Лежитъ Илья подъ богатырёмъ,
Говоритъ Илья таково слово:
„Да не ладно у Святыхъ Отцёвъ написано,
Не ладно у Апостоловъ удумано;
Написано было у Святыхъ Отцёвъ,
Удумано было у Апостоловъ:
„Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому“,
А теперь Илья подъ богатырёмъ!“
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго;
Палъ нахвальщина на сыру землю;
Въ сыру землю ушёлъ до поясъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Недосугъ Илюхѣ много спрашивать,—
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро затмилъ очи ясныя,
По плечъ отсѣкъ буйну голову,

[1]) *Не удробился*—не испугался. Зам. П. В. Кир.

Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца,
Со своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
„Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,—
Экаго чуда не наѣзживалъ“.

Кирѣевск. 1, 46—52.

(Записана въ Шенкурск. у. Арханг. г.).

д) Илья Муромецъ и Идолище поганое.

Пріѣзжалъ Одолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ [1]),
Со грозою со страхомъ со великіимъ,
Ко тому ко князю ко Владиміру,
И становился онъ на княженецкій дворъ,
Посылалъ посла ко князю ко Владиміру,
Чтобы князь Владиміръ стольно-кіевскій
Ладилъ-бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника.
Приходилъ посланникъ ко Владиміру
И говорилъ посланникъ таковы слова:
„Ты, Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
Ладь-ко ты поединщика во чисто поле,
Поединщика и супротивничка съ силушкой великою,
Чтобы могъ онъ съ Идолищемъ поправиться“.
Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,
Пріужахнулся да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
„Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
На бою мнѣ-ка смерть не написана,
Поѣду я въ раздольице чисто поле
И убью-то я Идолища поганаго“.
Обулъ Илья лапотики шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ онъ шляпку земли греческой,
И пошелъ онъ къ Идолищу къ поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:

---

[1]) Варіантъ 1-й:
Ай ѣздилъ Илья Муромецъ по чисту полю,
Да наѣхалъ онъ на калику перехожую.
«А здравствуй ты, калика перехожая!
Ты откуль идёшь, да откуль путь держишь?»
Говоритъ ему калика перехожая:
— Здравствуй, Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
Развѣ не узналъ меня калики перехожія?
Да я есть сильнёё, могучеё Иванищо....
А я теперь иду да отъ Цaряграда.—
«Ай же ты сильнёё, могучеё Иванищо!
Да все-ли въ Цaриградѣ по старому;
А все-ли въ Цaриградѣ по прежнему?»
— Ахъ ты, свѣтъ-государь да Илья Муромецъ
А въ Цaриградѣ да не по старому,
Не по старому да не по прежнему.
А пріѣхалъ поганое Идолищо,
Да зашелъ онъ къ царю Константину Боголюбовичу
Во тыи во палаты бѣлокаменны...
Илья одѣвается «въ платье каличьёё», является въ Царьградъ и убиваетъ Идолище поганое
...Хватилъ онъ татарина (Идолища) за ноги,
А сталъ онъ татариномъ помахивать...
А и бьетъ татаръ до единаго...
А очистилъ онъ Царьградъ весь.

Г. 943—946.

Варіантъ 2-й:

Илья встрѣчаетъ «перехожую калику побродимую Иванище» и спрашиваетъ: «Благополучно-ли есть во славномъ во Кіевѣ?» Говоритъ ему славно Иванище:—какъ на нашъ-то на батюшко Кіевъ градъ наѣзжаетъ нечисто Едолище, по прозванію Батыга Батыговичъ. Онъ князей, бояръ всѣхъ повырубилъ, самого Владиміра въ полонъ побралъ».—Илья убилъ Батыгу Батыгова «и возвелъ онъ тутъ князя на высокъ престолъ».

Г. 1148—1149.

Не взялъ съ собой палицы булатнія
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя;
Идетъ то дорожкой—пораздумался!
„Хошь иду-то я къ Идолищу поганому,
Ежели будетъ не пора мнѣ-ка не времячко,
И съ чимъ мнѣ Идолищемъ будетъ поправиться“.
На тую пору, на то времячко
Идетъ ему встрѣту каличище Иванище,
Несетъ въ рукахъ клюху девяноста пудъ.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Ай же ты, каличище Иванище!
Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,—
Сходить мнѣ къ Идолищу поганому“.
Нё даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырской.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Ай же ты, каличище, Иванище!
Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,
Я тобя убью, мнѣ клюха и достанется“.
Разсердался каличище Иванище,
Здынулъ эту клюху выше головы,
Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Пошелъ каличище завбрыдалъ.
Илья Муромецъ одва досталъ клюху изъ сырой земли.
И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
Ко этому Идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и поздравствовалъ.
Говорилъ ему Идолище поганое:
— Ай же ты, калика перехожая!
Какъ великъ у васъ богàтырь Илья Муромецъ?—
Говоритъ ему Илья таковы слова:
„Толь великъ Илья, какъ и я“.
Говоритъ ему Идолище поганое:
— По многу-ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
По многу-ли Илья вашъ пива пьетъ?—
Говоритъ Илья таковы слова:
„По стольку ѣстъ Илья, какъ и я,
По стольку пьетъ Илья, какъ и я“.
Говоритъ ему Идолище поганое:
— Экой вашъ богатырь Илья!
Я вотъ по семи ведръ пива пью,
По семи пудъ хлѣба кушаю.—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьяниномъ,—
У ёго была корова ѣдучая:
Она много пила-ѣла и лопнула“.
Это Идолищу не слюбилося:
Схватилъ свое кинжалище булатное
И махнулъ онъ въ калику перехожую
Со всея силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько,
Пролетѣлъ его мимо-то булатній ножъ,
Пролетѣлъ онъ на воиную сторону съ простѣночкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки шляпку земли греческой
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.
Тутъ ему Идолищу славу поютъ.

Р. I, 85—86.
(Записана въ Петрозаводск. у. Олонецк. г.).

д) Послѣднія три поѣздки Ильи Муромца.

Ѣздилъ старъ по чисту полу
Отъ младости и до старости.
Ѣхалъ старый чистымъ полемъ

И большой дорогой латынскою,
Наѣхалъ на дорогѣ горючъ камень,
И на камешкѣ была подпись подписана:
„Старому казаку Ильѣ Муромцу.
Три пути пришло, три дорожки широкія:
Во дороженьку ѣхать — убиту быть,
Во другую ѣхать—женату быть,
Во третью ѣхать—богату быть“.
И сидитъ старикъ на добромъ конѣ,
И головой качаетъ, самъ приговариваетъ:
— Сколько я по святой Руси не ѣзживалъ,
А такого-то чуда я не видывалъ.
На что мнѣ старому богачество?
Своего у меня много злата, серебра,
И много у меня скатнаго жемчугу.
А на что мнѣ старому женитися?
Женитися мнѣ, не нажитися:
Молодая жена взять — чужая корысть,
А старой жены взять не хочется.
Поѣду я въ ту дорогу, гдѣ убиту быть.—
И приправливалъ старый добра коня,
И поѣхалъ большою дорогою,
И наѣхалъ на дорогѣ станицу разбойниковъ:
И хотятъ они у стараго коня отнять.
У сидитъ старый на добромъ конѣ,
Головой качаетъ, самъ приговариваетъ:
— Вы, разбойники, братцы, станичники!
Убить старика вамъ меня некого,
Отнять у стараго нечего:
— Съ собой у меня денегъ семь тысячъ рублей,
Тесмянна узда въ цѣлу тысячу,
Ковано сѣдло во двѣ тысячи;
Своему-то добру коню
Я цѣны не знаю, бурку, не вѣдаю:
Межъ ушми у коня у меня скаченъ жемчугъ,
Дорогое самоцвѣтное каменье,
Не для-рады красы-басы молодецкія,
А для ради ночки темныя осенніи,
Чтобы видно, гдѣ ходитъ мой добрый конь,
За три версты видно, за три мѣрныя.—
И говорятъ ему разбойники-станичники:
„Ахъ, ты, старая собака, сѣдатый песъ.
Еще долго ты сталъ разговаривать“.
И скочилъ старый со добра коня,
И началъ онъ шапкой помахивать:
И куды махнетъ, туды улица,
Назадъ отмахнетъ—переулочки.
И перебилъ онъ станицу разбойниковъ,
Разбойниковъ прибилъ подорожниковъ;
И садился старикъ на добра коня,
И поѣхалъ путемъ да и дорогою,
И пріѣхалъ ко латырю ко каменю,
На камешкѣ подпись поднавливалъ:
— Старому казаку Ильѣ Муромцу
Да и та была дорожка прочищена
Отъ стольнаго отъ города отъ Кіева,
Отъ Кіева лежитъ ко Чернигову.—
Да еще было дорожки извѣдати,

От чего будетъ женитися.
Приправливалъ старый добра коня,
Поѣхалъ большою дорогою,
Наѣхалъ на дорогѣ крѣпость богатырскую.
И стоитъ тутъ церковь соборная,
Соборная церковь, богомольная;
Отъ той-ли обѣдни полуденныя
Идетъ двѣнадцать прекрасныхъ дѣвицъ,
Посреди-то ихъ идетъ королевична.
И говорила королевична таково слово:
„Ты удалый дороднiй добрый молодецъ!
Пожалуй ко мнѣ въ высокъ теремъ:
Напою, накормлю хлѣбомъ-солiю".
Соходилъ старикъ со добра коня,
Оставливалъ добра коня
Не приказана его и не привязана;
Пошелъ старикъ въ высокъ теремъ,
Мосты-то подъ старымъ качаются,
Переводинки перегибаются.
Зашелъ старикъ во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ стороны покланяется;
Садится за столы бѣлодубовые,
Ѣстъ да пьетъ, прохлаждается
Весь долгъ день до вечера.
Выходилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Самъ говорилъ таково слово:
—Ты, душечка красная дѣвушка!
Гдѣ-ка твои ложни теплыя?
И гдѣ твоя кровати тесовая,
Гдѣ-ка мягки перины пуховыя:
Мнѣ на старость старику опочинуться.—
Привела его въ ложни теплыя,
И стоитъ старый у кровати, головой качаетъ,
Головой-то качаетъ, приговариваетъ:
— Да я сколько по святой Руси не ѣзживалъ,
Такова я чуда вѣкъ не видывалъ:
Видно эта кроватка подложная!—
Схватилъ королевну за бѣлы руки
И шибалъ ей (ее) ко стѣны кирпичныя:
Обвернулася кроватка тесовая,
Обвалилася королевна во глубокъ погребъ.
И выходилъ старикъ на улицу паратную,
И сыскалъ двери глубокаго погреба:
Песками были призасыпаны,
Колодьями призавалены.
Колодья ногами распихивалъ,
Пески-то руками распорхивалъ,
И пиналъ ворота ногою вальячныя,
И съ крюковъ, замковъ двери вонъ выставливалъ;
Выпущалъ сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
И сорокъ королей и королевичевъ,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей,
И самъ говоритъ таково слово:
— Вы подьте, цари, по своимъ землямъ,
А вы, короли, по своимъ ордамъ,
А вы, богатыри, по своимъ мѣстамъ,
И молите вы Бога за Илью славнаго Муромца:
Кабы не я, старый казакъ Илья Муромецъ,
Положить бы вамъ голова здѣсь у погреба.—
Идетъ душечка красная дѣвушка;
Онъ выдергиваетъ саблю острую,
Срубилъ ей по плечъ буйну голову,
Разсѣкъ-разрубилъ тѣло женское—
И куски разметалъ по чисту полю
Сѣрымъ волкамъ на съѣденiе,

А чернымъ воронамъ на пограянье.
И тутъ садился старикъ на добра коня,
И поѣхалъ путемъ да и дорогою,
И пріѣзжалъ ко латырю камeню,
На камешкѣ подпись поднавливалъ:
—Старому казаку Ильѣ Муромцу
На бою старику смерть не писана.
И та была дорожка прочищена
Отъ стольнаго отъ города отъ Кіева,
Отъ Кіева лежитъ ко Царюграду.—
И самъ говоритъ таково слово:
— Да еще было дорожка извѣдати.—
Приправливалъ старъ добра коня,
Поѣхалъ большою дорогою,
Наѣхалъ на дорогѣ пречудный крестъ.
Стоитъ старый у креста, самъ головой качаетъ,—
Головой качаетъ да приговариваетъ:
— Этотъ крестъ есть не простой стоитъ,
Стоитъ на глубокомъ на погребѣ,
Есть несмѣтное злата-серебра.—
Сходилъ старый со добра коня,
И бралъ крестъ на руки на бѣлыя,
Снималъ со глубокаго со погреба,
И взялъ животъ изъ погреба,— золоту казну,
И воздвигнулъ животъ во славный Кіевъ градъ [1]),
И построилъ онъ церковь соборную.
Тутъ Илья и окаменѣлъ,
И понынѣ его мощи нетлѣнныя.

Рыбн. III, 49—53.

(Записана въ Пудожскомъ у. Олонецк. г.).

[1]) Варіантъ:
Пріѣзжае онъ во славной въ Кіевъ градъ
А ко тымъ-ли онъ пещерамъ да ко кіевскимъ,
А прилетала невидима сила ангельска,
А вынмали-то ёго́ да со добра̀ коня
И заносили во пещеры-ты во кіевски,
И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ.
Ай потамѣсть мы старому славы̀ поемъ,
Старому каза̀ку Ильи Муромцу.

(Г. 313).

Примѣчанія къ былинѣ: „Илья Муромецъ".

Въ дошедшей до насъ редакціи былинъ Илья Муромецъ является идеальнымъ богатыремъ-крестьяниномъ, защитникомъ русской земли отъ враговъ,—главнымъ образомъ отъ татаръ. Родомъ онъ изъ города Мурома, изъ села Карачарова. По смыслу этой редакціи можно заключить, что окончательная обработка былинъ объ Ильѣ Муромцѣ принадлежитъ сѣверо-восточной Руси и по-татарской эпохѣ.

Что же касается до *первоначальныхъ источниковъ*, которыми могло воспользоваться народное творчество, то объ нихъ—за неимѣніемъ данныхъ—ничего нельзя сказать положительно опредѣленнаго.

Объ Ильѣ Муромцѣ, какъ о лицѣ историческомъ, дѣйствительно существовавшемъ, нѣтъ ни современныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, ни записанныхъ преданій. Однако возможно допустить, что еще въ очень отдаленныя времена наши дружинные пѣвцы воспѣвали какого-то героя, близкаго по имени къ Ильѣ. Отзвуки этихъ пѣсенъ дошли и на Западъ.

„О главномъ героѣ „Владимірова цикла", объ Ильѣ Муромцѣ (говоритъ г. Пыпинъ), въ древнихъ историческихъ памятникахъ нѣтъ никакихъ извѣстій; тѣмъ оригинальнѣе и неожиданнѣе фактъ, что старѣйшее упоминаніе объ немъ находится въ скандинавской Вилькина-сагѣ XIII вѣка, составленной по разсказамъ нижне-нѣмецкихъ людей и отчасти по ихъ пѣснямъ о Дитрихѣ Бернскомъ. Разсказъ касается и русской земли; между прочимъ, одинъ изъ сыновей русскаго Гертнита, Вольдимаръ, дѣлается королемъ Руси и Польши, а другой сынъ, отъ наложницы, Илья, поставленъ былъ ярломъ (княземъ) Греціи. Такимъ образомъ Илья (Ilias von Riuzen, или af

Greka) является братомъ князя Владиміра. Въ сагѣ названы русскіе города—Кіевъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Новгородъ, и тожество Ilias von Riuzen съ Ильей Муромцемъ не подлежитъ сомнѣнію". Г. Ягичъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что „Германцы, которые бывали въ Новгородѣ и другихъ торговыхъ пунктахъ въ очень живомъ общеніи съ русскими, легко могли познакомиться съ большимъ почетомъ, какой русскіе оказывали своему Владиміру и его главнѣйшему богатырю Ильѣ; вернувшись домой, они разсказывали объ этомъ своимъ, и такимъ образомъ имена русскихъ богатырей, Владиміра и Ильи, сдѣлались популярными между ихъ сѣверо-западными сосѣдями". Въ событіяхъ, разсказанныхъ сагой, г. Ягичъ не находилъ ничего общаго съ русской исторіей, и смѣшеніе Греціи и Россіи считалъ понятнымъ при тогдашнихъ тѣсныхъ религіозныхъ связяхъ обѣихъ странъ, когда и въ былинахъ Илья доводилъ свои походы до Царьграда и Іерусалима.

Иначе ставитъ вопросъ г. Веселовскій. При всемъ смѣшеніи эпическихъ мотивовъ, нижне-нѣмецкихъ, скандинавскихъ, русскихъ, даже романскихъ, онъ находитъ, что въ основѣ саги есть отраженіе опредѣленныхъ историческихъ отношеній. Въ „вильтинахъ" онъ видитъ велетовъ, полабское племя, и сказочныхъ волотовъ; князь есть Владиміръ полоцкій (русскимъ лѣтописямъ неизвѣстный); Илья, или въ другихъ случаяхъ безъименный ярлъ af Greka, называется также af Gersekeborg, ярлъ изъ города Герсеке, родичъ Владиміра конунга: на Двинѣ упоминается въ началѣ XIII в. городъ Герцика, повидимому, тотъ самый, и изъ его названія могло произойти af Greka, безъ всякой связи съ Греціею. Такимъ образомъ получается заключеніе объ историческихъ мотивахъ сказанія нижне-нѣмецкаго и скандинавскаго, а также и заключеніе еще объ одномъ очагѣ развитія древняго русскаго эпоса и вмѣстѣ о пути международнаго взаимодѣйствія: кромѣ Кіева и Новгорода, это былъ очагъ западно-русскій, въ Смоленскѣ и Полоцкѣ. Изложивъ различные историческіе и сказочные намеки западнаго сказанія, г. Веселовскій заключаетъ: „Все это даетъ поводъ къ нѣкоторымъ предположеніямъ. Нѣмецкіе люди, захожіе въ Двинскую область, застали тамъ „великую сагу" (allmikill saga), какія-то преданія о вильтинахъ, еще и теперь доживающіе въ „волотахъ" мѣстныхъ (западно-русскихъ) легендъ; могли слышать и сказы-пѣсни о „старомъ" Владимірѣ и Ильѣ, заходившія вверхъ по долинѣ Днѣпра, черезъ „черныя грязи смоленскія" и „хоробру Литву". Еще въ XVI вѣкѣ помнили въ Бѣлоруссіи Илью Муромца и Соловья Будиміровича: bo prijdet czas, koli budiel nadobe Ilii Murawlenina i Solowia Budimirowicza [1]), — писалъ въ 1574 году изъ Орши

[1]) „Соловей Будиміровичъ (говоритъ г. Веселовскій) въ сообществѣ съ Ильей могъ бы возбудить вопросъ о причинахъ такого сопоставленія, если бы не представиласьвполнѣ естественной догадка, что имя перваго явилось *случайно*, на мѣсто любого другого богатыря и внѣ внутренней связи съ значеніемъ Ильи. Въ самомъ дѣлѣ, Соловей Будиміровичъ не радѣтель о русской землѣ, онъ—богатырь пріѣзжій, и соединеніе его съ кіевскимъ цикломъ чисто внѣшнее". (Южно-русскіе былины, II).

Но г. Вс. Миллеръ сомнѣвается въ *случайномъ* сопоставленіи именъ. „Мнѣ кажется (говоритъ онъ), что такое соединеніе именъ Ильи и Соловья Будиміровича не въ такой степени случайно, какъ предполагаетъ акад. Веселовскій. Это соединеніе дано было въ томъ сказаніи объ Ильѣ, которое при писаніи письма пришло на умъ Кмитѣ Чернобыльскому, и его ошибка состоитъ лишь въ томъ, что онъ на одну доску поставилъ обоихъ богатырей. Конечно, Соловей Будиміровичъ, связанный въ похожденіяхъ съ Ильей, не тотъ заѣзжій женихъ, котораго знаютъ современныя былины. Соловей Будиміровичъ не кто иной, какъ нашъ былинный Соловей-разбойникъ. Этотъ персонажъ въ былинахъ старой записи дѣйствительно носитъ такое отчество (см. въ сборникѣ Тихонравова, № 222). Въ другомъ сказаніи (сборникъ Тихонравова, № 361) мы читаемъ: Илья Муромецъ поѣхалъ на рѣку Смородину, на мосты калиновые; а та уже дорога залегла ровно 30 лѣтъ отъ Соловья-разбойника Мировича. Итакъ мы можемъ заключить на основаніи свидѣтельства двухъ старинныхъ записей былинъ и письма Кмиты, что нѣкогда, въ XVI и XVII вѣкахъ, нашъ былинный Соловей носилъ отчество Будиміровича, которое лишь впослѣдствіи было окончательно усвоено другому Соловью, пріѣзжему жениху Запавы Путятичны". (Очерки рус. нар. словесности, 397—398).

староста Филонъ Кмита Чернобыльскій Остафью Воловичу; бѣлорусскія сказки объ Ильѣ, можетъ быть, послѣдніе, хотя и подновленные, слѣды развитія, прерваннаго историческими отношеніями и смѣшеніемъ народностей. Такія-то преданія застали въ Двинской области нѣмецкіе купцы или шпильманы и дали имъ окраску недавнихъ мѣстныхъ событій, въ которыхъ Владиміръ Полоцкій, Полоцкъ и Смоленскъ стояли на первомъ мѣстѣ. Такъ получился разсказъ о Вильтинѣ и вильтинахъ и ихъ борьбѣ съ Русью, которой также дали княжескую родословную [1])"...

„Затѣмъ, болѣе позднее, опять иностранное, извѣстіе объ Ильѣ принадлежитъ нѣкому Эриху Лассотѣ, который въ 1594 г. путешествовалъ къ запорожскимъ казакамъ и, описывая Кіевъ, замѣчаетъ, что въ одномъ придѣлѣ св. Софіи была гробница „Ильи Моровлина": „Онъ былъ знатный герой или, какъ говорятъ, богатырь (Bohatèr). о немъ разсказываютъ много басенъ". Какіе „басни", не говорится; но чрезвычано любопытно, что въ концѣ XVI вѣка Илью еще помнили въ Кіевѣ, гдѣ потомъ эпическія сказанія о немъ были совсѣмъ забыты, и притомъ, что его помнили съ прозваніемъ „Моровлина", безъ сомнѣнія, болѣе подлиннымъ, чѣмъ „Муромецъ". Еще долго спустя встрѣчаемъ извѣстіе объ Ильѣ у южно-русскаго писателя XVII вѣка, Калнофойскаго; одинъ благочестивый странникъ около 1701 г. видѣлъ въ Кіевѣ храбраго воина Илью Муромца „въ нетлѣніи, подъ покровомъ златымъ, ростомъ яко нынѣшніе крупные люди; рука у него лѣвая пробита копьемъ, язва вся знать, а правая его рука изображена крестнымъ знаменіемъ" и пр. (См. *Пыпинъ*, И. Р Л. III. 36—38).

Изъ этихъ скудныхъ историческихъ свѣдѣній можно сдѣлать только слѣдующіе выводы:

1) Первоначальное прозвище Ильи—*Муравленинъ* или *Моровлинъ*.

2) Сказанія о немъ еще раньше XIII вѣка были извѣстны даже въ западной Руси.

3) Въ этихъ сказаніяхъ Илья представлялся не крестьянскимъ сыномъ, а богатыремъ-княжичемъ.

Но когда и гдѣ сложились первоначальныя сказанія объ Ильѣ Моровлинѣ и относятся ли они къ какому-нибудь историческому лицу,—объ этомъ мы ничего не знаемъ. Прозвище „Моровлинъ" даетъ, впрочемъ, поводъ г. Веселовскому сдѣлать на этотъ счетъ нѣкоторыя предположенія. Въ житіи св Стефана сурожскаго говорится, между прочимъ, что вскорѣ послѣ смерти угодника († 766) напала на Сурожъ русская рать подъ начальствомъ князя *Бравлина*. Но „византійцы (говоритъ г. Веселовскій) называли племена, поочередно являвшіяся на югѣ Россіи, *мирмидонами*. Μυρμιδὼν было бы эпонимомъ [2]) народности; въ русской передачѣ, опредѣленной традиціонной этимологіей (Μύρμηξ=муравей), Мравлинъ; Бравлинъ было бы искаженіемъ. Мравлинъ—это Моровлинъ, Муровецъ, древнее прозвище Ильи; позже—Муромлянъ, Муромецъ, въ примѣненіи къ Мурому" [3]).

Если принять предположеніе г. Веселовскаго, то остается допустить, что сказанія объ Ильѣ Муромцѣ могли зародиться, еще въ очень отдаленное время, на крайнемъ югѣ Руси, и оттуда—черезъ Кіевъ—распространились на западъ и востокъ—постепенно измѣняясь въ своемъ характерѣ согласно съ историческими условіями.

Во всякомъ случаѣ можно почти съ увѣренностью сказать, что демократизація богатыря принадлежитъ сравнительно позднему времени, и произошла главнымъ образомъ благодаря созвучію его имени съ именемъ высокочтимаго на Руси пророка. Вмѣстѣ съ тѣмъ личность богатыря начинаетъ облекаться легендарными сказаніями, которыми сопровождается и начало и конецъ его богатырской дѣятельности.

---

[1]) *А. Веселовскій*. „Уголокъ русскаго эпоса въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ". Ж. М. Н. Пр. 1896 г. № 8.

[2]) Т. е. прозвищемъ

[3]) Ж. М. Н. Пр. № 3.

(11) Добрыня Никитичъ.

(Добрыня и Змѣй.—Женитьба Добрыни.— Добрыня въ отъѣздѣ).

Добрынѣ говорила роднà матушка:
„А что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
А топтать-то младыихъ змѣенышевъ:
Выручать-то полоновъ да русскіихъ.
Не куплись Добрыня во Пучай рѣки,
Пучай рѣка да есть великая,
Средняя струя-то какъ огонь сѣчетъ“ [1]).
А Добрыня матушки не слушался,
Онъ зашелъ-то въ конюшенку стоялую,
Онъ и взялъ себѣ да коня добраго,
Онъ сѣдлалъ во сѣделышко черкасское,
Онъ потнички-то клалъ на потнички,
А на потнички-то клалъ вѣдь войлочки,
Онъ на войлочки черкасское сѣделышко,
И натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатый-то клалъ для-ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ (изъ) сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-то были шелковыя,
А шпеньки-то были булатніи,
Пряжи у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ-не старѣетъ.
Онъ поѣхалъ во далече во чисто поле
На тыи горы сорочинскіи.
Притопталъ всѣхъ младыихъ змѣенышовъ;—
Богатырское его сердце разгорѣлося,
Разгорѣлося да распотѣлося.
Онъ правилъ кòня ко Пучай рѣки,
Снимаетъ платьице онъ цвѣтное,
Забрелъ онъ за струечку за первую,
Забрелъ онъ за струечку среднюю,
Самъ говоритъ таково слово:
— Мнѣ Добрынѣ матушка говòрила,
Мнѣ Никитичу матушка наказывала:
Не куплися Добрыня во Пучай рѣки!
А Пучай рѣка да есть свирѣпая,
Средняя струя какъ огонь сѣчетъ;
А Пучай рѣка да есть смирнà крута,
Какъ будто лужа вѣдь дождевая.—
Вотъ какъ вѣтру нѣтъ и тучу пòднесло.
Тучи нѣтъ, да будто громъ гремитъ,
Грому нѣтъ, да искры сыплются,—
Налетѣло змѣичищо Горынчищо
О двѣнадцати змѣя хоботахъ.
„А теперь Добрыня во моихъ рукахъ,
Я теперь Добрыню съѣмъ-сожру;
Съ кòнемъ съѣмъ-сожру, а захочу въ полонъ возьму!“
Какъ не было у Добрыни да добра коня,
Да не было у Добрыни платья цвѣтнаго,

---

[1]) Варіантъ: *Добрыня на пиру у Владиміра красна-солнышка*
Говоритъ таковы слова:
— Ахъ ты, князь, ты, князь да вѣдь Владимірской!
А спусти-ко вѣдь меня да во чистò поле,
\ во то ли поле во широкое,
А ко той рати да ко Пучй рѣки,
Обвалятъ тамъ сила все татарская,
А татарская то сила все уланская. —
Говоритъ-то князь тутъ Владимірской:
«Молодой воробыкъ не вылетывай,
Молодой Добрыня не выскакивай».
(Г. 1320—21).

Да не было меча да бурзомецкаго,
А Добрыня-то плавать горраздъ онъ былъ.
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Перенырнетъ на бережекъ на здѣшный.
А только лежалъ да пуховъ колпакъ.
Насыпанъ колпакъ да земли греческой[1]),
Вѣсомъ колпакъ ровно три пуда.
Онъ ударилъ во змѣю да во проклятую,
Отбилъ двѣнадцать хоботовъ.
Тутъ упала змѣя да во ковыль траву.
А Добрыня да на ножку пòвертокъ;
Онъ скочилъ змѣи да на бѣлы груди,
Вотъ какъ тутъ змѣя да возмолилася:
„Ай же ты, Добрыня сынъ Никитиничъ!
Мы положимъ съ тòбой заповѣдь великую,
Чтобъ не ѣздить-бы тебѣ во далече чисто поле,
Не топтать-то вѣдь младыхъ змѣенышевъ,
А моихъ-то вѣдь рожоныхъ малыхъ дѣтушекъ, —
А мнѣ не летать больше на святую Русь,
Не носить-то людей да во полонъ къ себѣ“.
А и та змѣя да вѣдь проклятая,
Поднялась она да вѣдь подъ облаку.
Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
Захватила тутъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій,
Онъ и кликалъ вѣдь былицъ да волшéбницъ,
Кто-бы могъ достать Зàбаву дочь Путятичну:
Какъ проговоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Ай ты, солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
Ты накинь-ка эту службу на Добрынюшку,
На молода Добрынюшку Никитинича.
У него-то со змѣей заповѣдь положена
А не ѣздить боли(ѣ) во чисто поле,
На тыи горы сорочинскія,
Не топтать-то вѣдь младыхъ змѣенышевъ,
А змѣи не летать да на святую Русь,
Не полòнить ей да людей русскіихъ.
Такъ онъ можетъ достать безъ бою, драки-кровопролитія.—
Какъ пошелъ Добрыня, закручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру землю.
Какъ проговорила Добрынина матушка,
Пречестна вдова да Мальфа Тимофеевна:
„Ай же ты, Добрынюшка Микитиничъ!
Что же ты, Добрыня, закручинился?
Али мѣсто тебѣ было не по чину,
Али чарой на пиру тебя пообнесли,
Дỳракъ нà пиру да насмѣялся-де?“
Испроговоритъ Добрыня родной матушкѣ:
— Мѣсто мнѣ вѣдь было по чину,
Чарою меня да не пообнесли,
А дурàкъ-то на пиру не насмѣялся-де.

[1]) *Колпакъ* (шляпа) *земли греческой*—изъ земли греческой, греческаго покроя.

Какъ солнышко Владиміръ стольне-кіевской
Онъ накинулъ мнѣ да службу вѣдь великую,
Съѣздить мнѣ далече во чисто поле,
На тыи горы сорочинскіи,
Во тую нору во глубокую,
А достать князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну!
Проговоритъ Добрынюшкина матушка:
„Молись-ко Богу и ложись-ко спать:
Утро будетъ мудрое,
Мудренѣе оно вечера".
Поутру онъ вставалъ ранешенько,
Умывался водушкой бѣлешенько,
Подкрутился вѣдь да хорошохонько.
Онъ зашелъ во конюшеньку стоялую,
Онъ сѣдлалъ вѣдь коня дѣдушкова,
Онъ сѣдлалъ да во сѣделышко черкасское,
Потнички онъ клалъ на потнички,
Онъ на потнички клалъ вѣдь войлочки,
А на войлочки черкасское сѣделышко.
Онъ натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатой-то клалъ для-ради крѣпости:
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-то были шелковыя,
А шпеньки-ты были булатніи,
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ не-старѣетъ.
Онъ прощался съ родной матушкой,
Пречестной вдовой да Мальфой Тимофеевной.
Она на прощаньице ему да плетку подала,
Сама говорила таково слово:
„Когда будешь далече да во чистомъ поли
На тыихъ горахъ да сорочинскіихъ,
А притопчешь-то ты всѣхъ младыихъ змѣенышевъ,
Подточатъ у бурка они щоточки,
Такъ возьми ты плеточку шелковую,
Бей бурушки промежду ушей...
Станетъ бурушка-кавурушка подскакивать,
А змѣенышевъ отъ ногъ да оттряхивать,
Притопчетъ всѣхъ да до единаго".
Онъ пріѣхалъ-то во чисто поле,
На тыи горы сорочинскіи,
Притопталъ-то онъ младыихъ змѣенышевъ.
Подточили да змѣи коню подъ щоточки:
Не можетъ бурушка болѣй да подскакивать,
Змѣенышевъ отъ ногъ да вѣдь оттряхивать.
Добрынюшка Микитиничъ
Онъ взялъ плеточку шелковую,
Сталъ бить бурушка промежду ушей...
Сталъ бурушка-кавурушка подскакивать,
А змѣенышевъ отъ ногъ да вѣдь оттряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ да до единаго.
Какъ изъ норы да изъ глубокія
Выходило змѣищо Горынищо,
Выходила змѣя да та проклятая,
Сама говоритъ да таково слово:
— Какъ у насъ съ тобой была заповѣдь положена,
Чтобъ не ѣздить тебѣ болѣ во чисто поле,

Не топтать-то младнихъ змѣенышевъ,
Моихъ-то рожоныхъ малыхъ дѣтушекъ. —
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
„Ай же ты, змѣя да ты проклятая!
А черти-ль тебя несли да черезъ Кіевъ!
Зачѣмъ ты взяла князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну?
Ты отдай безъ брани, безъ бою-кровопролитія!“
Испроговоритъ змѣя та проклятая:
— Не отдамъ тебѣ безъ брани-кровопролитія!—
Они тутъ дрались да цѣло пó три дня.
А Добрыня сынъ Никитиничъ
Отшибъ у ей двѣнадцать хоботовъ,
Убилъ змѣю да ту проклятую.
Сошелъ во нору во глубокую:
Тамъ много князей-боя̀ровъ,
И много русскіихъ могучіихъ богатырей,
А мелкой силы и смѣты нѣтъ.
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
„Теперь вамъ да воля вольная!“
Онъ взялъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Онъ отдалъ Алешенькѣ Поповичу
Свезти ее да во Кіевъ градъ,
Ко солнышку ко князю ко Владиміру,
А самъ увидѣлъ лошадиный бродъ:
По колѣнъ-то у бурки да ноги гря̀знули.
Онъ наѣхалъ паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатнею
Да тую паляницу въ буйну голову,—
Паляница назадъ не оглянется;
Добрыня на конѣ да пріужахнется.
Воротился Добрыня да ко сыру дубу,
Толщину дубъ шести саженъ.
Онъ ударилъ своей палицей булатнею во сырой дубъ,
И расшибъ-то дубъ да весь по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
„Какъ сила у богатыря по старому,
А смѣлости у богатыря не по старому“.
Онъ догналъ-то паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своею палицею булатнею
Тую паляницу въ буйну голову.
Паляница-то назадъ да не оглянется,
Добрыня на конѣ да пріужахнется.
Воротился Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ саженъ двѣнадцати.
Онъ ударилъ своей палицей булатною во сырой дубъ,
Онъ расшибъ-то дубъ весь по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
„Какъ сила у богатыря по старому,
„А смѣлость у богатыря не по старому“.
Онъ догналъ-то паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатнею
Тую паляницу въ буйну голову.
Паляница та назадъ да пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
— Я думала, комарики покусываютъ,
Ажно русскіи могучіи богатыри пощалкиваютъ! —
Ухватила Добрыню за желты кудри,
Посадила Добрыню во глубокъ карманъ,
А везла Добрыню цѣло по три дня.
Испроговоритъ паляницынъ конь человѣческимъ голосомъ:

„Ай же ты, хозяюшка любимая!
Не могу я васъ везти съ богатыремъ.
Конь у богатыря супротивъ меня,
А сила у богатыря супротивъ тебя!“
Испроговоритъ паляница женщина великая:
— Если старъ богатырь, я голову срублю,
Если младъ богатырь, я въ полонъ возьму;
Если ровня богатырь, я замужъ пойду!—
Повыкинетъ Добрыню изъ карманчика.
Тутъ ей Добрыня вѣдь понравился.
Поѣхали ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру
Принимать съ Добрыней по злату вѣнцу.
Побыло три дня у нихъ да пированьице.
Говоритъ Добрыня своей родной матушкѣ
Пречестной вдовѣ да Мальфѣ Тимофеевнѣ:
„Ты почто меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
Ты-бы лучше меня, матушка, спородила
Бѣлыимъ горючіимъ камешкомъ,
Завернула-бы во тонкій бѣлый рукавчичекъ,
А спустила-бы меня во сине море.
Я-бы вѣкъ тамъ Добрыня во морѣ лежалъ,
Я не ѣздилъ-бы далёче во чисто поле,
Не проливалъ-бы я напрасно крови человѣчія,
Не слезилъ-бы я Добрыня отцовъ-матерей,
Не вдовилъ-бы я Добрыня молодыихъ женъ,
Не сироталисъ-бы да малы дѣтушки!“
Испроговоритъ да пречестна вдова Мальфа Тимофеевна:
— Ай же ты, Добрыня свѣтъ Никитиничъ!
Я-бы рада тебя, дитятко, спородити
Я таланомъ-участью въ Илью Муромца,
Я-бы силой въ Святогора богатыря,
Я-бы смѣлостью въ Олеша да Поповича,
Красотою во Осифа Прекраснаго,
А походкою щепетливою во того-ли Чурилушку Пленковича,
Я-бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича,
Только тыи статьи есть, другихъ Богъ не далъ,
Богъ не далъ, не пожаловалъ.—
Провожала Добрыню родна матушка.
Какъ простилася—воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Стала по покоямъ похаживать,
Стала голосомъ она да поваживать,
Жалобнёшенько она да вѣдь съ причетью:
— Какъ у тыя было стремени у правыя,
Провожала-то Добрыню любима семья,
Молода дочь Настасья Никулична.
Провожаючи она да стала спрашивать,
Стала спрашивать, да выговаривать:
— „Ты когда Добрынюшка домой будешь,
Когда Добрыню ждать да изъ чиста поля?“—

Испроговоритъ. Добрыня сынъ Никитиничъ:
— „Когда ты меня стала спрашивать,
Я тебѣ буду наказывать:
Ты прожди Добрыню цѣло трй году,
Черезъ трй года не буду — жди и дру̀го три.
Когда исполнится времечки шесть годовъ,
Я не буду домой да изъ чиста поля,
Поминай меня Добрынюшку убитаго,
А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:
Хоть вдовой живи, да хоть замужъ поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
Хоть за русскаго могучаго бога̀тыря,
Только не́ ходй за моего братца названаго,
За смѣлаго Олешу за Поповича,
А Олеша-то Поповичъ мой крѐстовый братъ!“ —
Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло тому времечки цѣло три года,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
И день-то за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло тому времечки 'друго трй года.
Когда исполнилось времечки шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Какъ во ту пору во то время
Прiѣхалъ Олешенька Левонтьевичъ изъ чиста поля.
Привезъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича,
Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ поли,
Буйна го̀лова его да испроломана,
Мугучи плечи его да испрострѣлены.
Го̀ловой лежитъ да чрезъ ракитовъ кустъ.
Пречестна вдова Мальфа Тимофеевна
Жалобнешенько она по немъ поплакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое
По своемъ по рожоноёмъ по дитятки,
По молодомъ Добрынюшкѣ Микитичѣ.
Какъ во ту пору во то время
Сталъ солнышко Владимiръ князь похаживать,
Сталъ похаживать да выговаривать:
„Ай же ты, Настасья дочь Никулична!
Да какъ тебѣ жить да молодой вдовой,
Молодой свой вѣкъ коро̀тати?
Ты поди замужъ—хоть за князя поди, хотъ за боярина,
Хоть за русскаго могучаго богатыря,
Хоть за смѣлаго Олешу за Поповича!“
Испроговоритъ Настасья дочь Никулична:
— Я исполнила-то заповѣдь мужнюю:

Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
Я исполню свою заповѣдь женскую:
Я прожду Добрыню друго шесть годовъ!
Когда исполнится времечки двѣнадцать лѣтъ,
А не будетъ Добрыни изъ чиста поля,
Я поспѣю и тогда замужъ пойти.—
Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времечки друго шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
А тутъ солнышко Владимiръ князь
Сталъ похаживать да выговаривать:
„Ай же ты, Настасья дочь Никулична!
Какъ же тебѣ жить да молодой вдовой,
Молодой свой вѣкъ да коротати?
Ты поди замужъ — хоть за князя поди, хоть за боярина,
Хоть за русскаго могучаго богатыря,
Хоть за смѣлаго Олешу за Поповича!“
Не пошла замужъ ни за князя, ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да по третiй день,
А сегодня имъ итти да ко Божьей церкви
Принимать съ Олешей по злату вѣнцу.
А Добрыня случился во Царѣградѣ.
Добрынинъ конь да спотыкается.
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
Ты зачѣмъ сегодня потыкаешься?—
Какъ проговоритъ Добрынѣ конь человѣческимъ голосомъ:
„Ай же ты, хозяинъ мой любимыи,
Добрыня сынъ Микитиничъ!
Какъ ты ѣздишь да забавляешься,
Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
Какъ твоя да любима семья
Молода Настасья дочь Никулична
Замужъ пошла за смѣлаго Олешу за Поповича,—
Вотъ пиръ у нихъ идетъ да по третiй день,
Сегодня имъ итти да ко Божьей церкви
Принимать съ Олешей по злату вѣнцу“.
Богатырское его сердце разгорѣлося;
Взялъ онъ плеточку шелковую,
Сталъ онъ бурушка бить да промежду ушей...
Сталъ онъ бурушко-ковурушка поскакивать,
Съ горы на гору да съ холмы на холму,
Рѣки-озера перескакивать,
Широкiя раздолья между ногъ пущать.
Что не ясенъ соколъ перелетъ летитъ,
Добрый молодецъ да перегонъ гонитъ.
Онъ прiѣхалъ ко граду Кiеву.
Не воротами ѣхалъ, чрезъ стѣну городовую,

Мимо тую башню наугольную,
Ко тому-ли ко подворью ко вдовиному.
Онъ поставилъ своего добра коня,
Добра коня среди бѣла двора
Не привязана да не приказана.
Какъ пошелъ во палаты бѣлокаменны,
Онъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Онъ всѣхъ въ зашей прочь отталкивалъ.
Онъ зашелъ въ палаты бѣлокаменны,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому,
Онъ на всѣ на четыре на стороны,
Пречестной вдовѣ да Мальфы Тимофеевны въ особину.
А вслѣдъ идутъ придверничкии, да приворотнички,
Сами всѣ идутъ да жалобу творятъ:
— Ай же ты, пречестна вдова да Мальфа Тимофеевна!
Какъ сей удалый добрый молодецъ,
Онъ наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцомъ,
Онъ не воротами ѣхалъ, черезъ стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Онъ не спрашивалъ насъ приворотниковъ,
Онъ не спрашивалъ насъ придверниковъ,
Онъ всѣхъ въ зашей насъ да прочь отталкивалъ.—
Какъ проговоритъ честна вдова да Мальфа Тимофеевна:
„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
Да въ палаты идешь бездокладочно,
Въ покои идешь да безобсылочно,
А не спрашиваешь у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашиваешь да придверниковъ,
Въ зашей прочь да всѣхъ отталкиваешь?
Какъ бы было рожено мое дитятко,
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
За твои поступки не умильныи
Отрубилъ бы тебѣ буйну голову“.
Какъ проговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не напрасно-ли вы да согрѣшаете?
Я вчера съ Добрыней поразъѣхался,
Добрыня-то поѣхалъ ко Царюграду,
Я поѣхалъ ко Кіеву.
Велѣлъ спросить про его любиму семью,
Про молоду Настасью да Никуличну!—
Испроговоритъ да Мальфа Тимофеевна:
„Какъ его Добрынина да любима семья,
Настасья дочь Никулична замужъ пошла
За смѣлаго Олешу за Поповича;
Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
Сегодня имъ итти да ко Божьей церкви
Принимать съ Олешей по злату вѣнцу.
Какъ исполнилось времечки шесть годовъ,
Пріѣхалъ Олеша изъ чиста поля

И привезъ онъ вѣсточку нерадостну:
Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича,
Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ поли,
Буйна голова его да испроломана,
Могучи плечи его да испрострѣлены,
Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ.
Жалобнешенько о немъ я да поплакала,
Слезила я свои очи ясныя,
Скорбила я свое лицо бѣлое
По своемъ рожоноёмъ по дитяткѣ
По молодомъ Добрынюшкѣ Никитичѣ:
Стала я по покоямъ похаживать,
Стала голосомъ я вѣдь поваживать,
Жалобнешенько я да и съ причестью“.
Какъ проговорилъ удалый добрый молодецъ:
— Мнѣ наказывалъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
Какъ есть въ горенки, да во спаленки,
А во спаленки есть на столикѣ
Гуслицы его есть да яровчаты,
Платьицо его да скоморошское.—
Одѣвался молодецъ да скоморошиной,
Пошелъ онъ на тотъ на почестный пиръ,
Онъ не спрашиваетъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
И всѣхъ въ зашей прочь да онъ отталкивалъ.
И заходитъ во палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому.
На всѣ на четыре на стороны.
А князю Владиміру въ особину.
— Здравствуй, князь Владиміръ стольне-кіевскій
Со своей княгиней со Опраксіей?—
Какъ вслѣдъ идутъ придверничкп да приворотнички,
Сами идутъ жалобу творятъ:
„Какъ сей удалый добрый молодецъ.
Онъ не спрашивалъ у воротъ насъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Онъ всѣхъ въ зашей прочь да насъ отталкивалъ“.
Скоморошина къ рѣчамъ не принимается,
Скоморошина къ рѣчи не вчуется,
Испроговоритъ удала скоморошина:
— Ай ты, солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
А гдѣ вѣдь наше мѣсто скоморошиноё?—
Испроговоритъ съ сердцемъ князь Владиміръ стольне-кіевскій:
„Ваше мѣсто скоморошиноё
На той-то печкѣ на запечки,
На за̀печки печки муравленой!“
Онъ скоро скочилъ на мѣсто показаноё,
Онъ натягивалъ тетивочки шелковыи
На тыи-ли на струночки да золоченыи,
Сталъ онъ по струночкамъ похаживать,
Сталъ онъ голосомъ-то вѣдь поваживать.
А какъ играетъ во Царѣградѣ,
Онъ выигрышъ беретъ да все по Кіеви,

Онъ отъ стараго всѣхъ да до малаго [1]).
Только вси на пиру да призамолкнули,
Сами говорятъ да таково слово:
— Это не быть удалой скоморошинѣ,
А какому либо русскому могучему богатырю.—
Испроговоритъ Владиміръ стольнекіевскій:
„Ай же ты, удала скоморошина!
За твою игру да за веселую
Опущайся-ко съ печки съ запечки,
Выбирай-ко себѣ три мѣста любимыихъ:
Первое мѣсто подли меня,
А другое мѣсто супротивъ меня,
Третье мѣсто куда самъ захошь,
Куда самъ захошь, еще пожалуешь!“
Не садилась скоморошина подли князя,
А садилась скоморошина супротивъ княжны да порученыя,
Противъ молодой Настасьи Никуличной.
И проговоритъ удала скоморошина:
— Ай ты, солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
Ты позволь мнѣ налить чару зелена вина,
А поднесть-то чару кому я знаю,
Кому я знаю, еще пожалую! —
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Опустилъ онъ въ чару свой злаченъ перстень,
Подносилъ онъ чару молодой княжнѣ,
Молодой княжнѣ Настасьѣ Никуличнѣ,
А самъ онъ говорилъ да таково слово:
— Ай же ты, Настасья Никулична!
Ты прими-тко чару единой рукой,
Выпей чару единымъ духомъ.
А какъ выпьешь до дна, увидишь добра,
А не выпьешь до дна, не увидишь добра.
Молода Настасья Никулична,
Принимала-то чару единой рукой,
Выпила чару единымъ духомъ,
Увидала въ чарѣ свой злаченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалися.
Испроговоритъ Настасья Никулична:
„А не тотъ мой мужъ, который подли меня сидитъ,
А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня сидитъ!“
Она скочила черезъ дубовый столъ
И упала къ Добрынѣ ко рѣзвымъ ногамъ.
„Ты прости, прости, Добрынюшка Никитиничъ,
А во той меня вины прости во глупости,
Что не по твоему наказу вѣдь я сдѣлала:
Я за смѣлаго Олешенку замужъ пошла!“
И проговорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не дивую я разуму женскому:
У нихъ волосъ долог, умъ коротокъ,
Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,

---

[1]) Вар. 1-й: Тонцы повелъ отъ Нова-города,
Другіе повелъ отъ Царя-града. (Г. 356).
Вар. 2-й:
Игралъ онъ во гуселышка тутъ яровчатые,
А все наигрища приводитъ онъ Добрынины.
Играетъ-то онъ вѣдь во Кіеви,
А на выигрышъ беретъ во Цари-гради,
Онъ повыигралъ вѐо градѣ во Кіевѣ,
Онъ во Кіеви да всѣхъ поименно
Онъ отъ стараго да всѣхъ до малого. (Г. 757).

Ихъ куда везутъ, они туда ѣдутъ.
А дивую я князю Владиміру,
Что князь-то Владиміръ ходилъ свататься,
А княгиня-то Опраксія да свахою,
У живого мужа жену просватали! —
Тутъ князю Владиміру ко стыду пришло.
Испроговоритъ Олешенка Леонтьевичъ:
„Ты прости, прости, крестовый братъ,
Добрынюшка сынъ вѣдь Никитиничъ!
Что я подли твоей посидѣлъ да любимой семьи,
Подлѣ молодой Настасьи Никуличной!“
Испроговоритъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Какъ во этой винѣ, братецъ, тебя Богъ проститъ,
А въ этой винѣ, братецъ, тебя нѐ прощу!
Вы пріѣхали изъ чиста поля черезъ шесть годовъ,
Привезли вы моей матушкѣ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитинича:
Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ поли,
Буйна голова его да испроломана,
Могучи плечи его да испрострѣлены,
Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ.
Тутъ родитель моя матушка
Пречестна вдова да Мальфа Тимофеевна
Жалобнешенько она по мнѣ поплакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое
По своемъ по рожономъ по дитяткѣ
По молодомъ Добрынюшкѣ Никитиничѣ! —
Тутъ схватилъ Олешу за желты кудри,
Да выдернулъ Олешу чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Олешу о кирпиченъ полъ,
Выхватилъ шалыгу подорожную,
Онъ сталъ шалыжищемъ охаживать,
А что хлопанья, что оханья не слышно вѣдь.
Что не два-ли ясныхъ сокола слеталися,
Два сильныхъ могучіихъ богатыря
Съѣзжалися на смертный бой.
А всякъ-тò, братцы, женится,
А не всякому женитьба удаваласяю
А не дай Богъ женитьбы Олеши Поповича,
Только Олеша и женатъ бывалъ....
Вотъ тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ,
Синему морю на тишину —
Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

(Г. 799—811).

(Записана въ Петроваводск. у. Оленецк. губ.).

Примѣчанія къ былинѣ: „Добрыня Никитичъ“.

„Добрыня Никитичъ (говоритъ г. Вс. Миллеръ) послѣ Ильи Муромца—самый популярный богатырь нашего эпоса. Цѣня въ Ильѣ, своемъ представителѣ, мужицкую простоту и грубоватость, любуясь его мощною силою, беззавѣтной храбростью, а иногда и безшабашнымъ разгуломъ, сказители былинъ съ эпической объективностью любуются болѣе утонченнымъ представителемъ высшаго сословія — Добрынею, этимъ

придворнымъ богатыремъ съ его *вѣжествомъ*, рожденнымъ и ученымъ. Добрыня представляется ближайшимъ лицомъ къ князю Владиміру, называется даже его племянникомъ. Низведенный кое-гдѣ и въ торговое сословіе, онъ все же является сыномъ богатаго гостя (Никиты Романовича) и получаетъ соотвѣтственное воспитаніе— учится читать и писать".

Эту двойственность въ происхожденіи нашего былиннаго богатыря нѣкоторые изслѣдователи склонны объяснять подведеніемъ подъ одно имя двухъ историческихъ личностей. Г. Халанскій говоритъ: „Въ виду довольно опредѣленныхъ указаній Тверской лѣтописи на *Тимоню-Золотой поясъ*, храбра, товарища Олеши Поповича; въ виду того, что та же личность въ Никоновскій лѣтописи называется *Добрыня* Рязаничъ-Золотой поясъ, я присоединяюсь къ мнѣнію гг. Буслаева, Майкова и др., что въ былевомъ Добрынѣ Никитичѣ, племянничкѣ князя Владиміра, соединены два образа: кіевскаго Добрыни, дяди Владиміра, и какого-то сѣверно-русскаго, мѣстнаго, рязанскаго богатыря, м. б. Тимони. Произошла взаимная ассимиляція эпическихъ сказаній: рязанскій храборъ привлекся къ Владиміру и породнился съ нимъ; кіевскій сподвижникъ Владиміра получилъ мѣстную рязанскую окраску".

Былины о Добрынѣ можно раздѣлить на слѣдующія группы:

а) *Добрыня-змѣеборецъ*. „Исходя изъ яркой аналогіи въ нѣкоторыхъ деталяхъ, представляемой былиною о Добрынѣ-змѣеборцѣ съ духовными стихами о святыхъ змѣеборцахъ Георгіи и Ѳеодорѣ Тиронѣ (говоритъ г. Вс. Миллеръ), я поставилъ вопросъ [1]), почему нашъ эпосъ сдѣлалъ змѣеборцемъ богатыря, носящаго *историческое* имя, и не представляется ли возможнымъ объяснить змѣеборство Добрыни какъ эпическій отголосокъ какихъ-нибудь народныхъ преданій объ историческомъ Добрынѣ, дядѣ кн. Владиміра. Приводя примѣры тому, что въ народныхъ сказаніяхъ историческій подвигъ какого-нибудь лица иногда впослѣдствіи облекался въ фантастическую оболочку борьбы со змѣемъ, и воспользовавшись аналогіей змѣеборства св. Георгія, въ легендѣ о которомъ змѣй является представителемъ сокрушеннаго язычества, я обратилъ вниманіе на роль историческаго Добрыни въ дѣлѣ сокрушенія язычества, въ Новгородѣ, изображенную весьма ярко въ отрывкѣ изъ такъ наз. Якимовской лѣтописи и увѣковѣченную старинной пословицей: „Путята крести мечомъ, а Добрыня огнемъ"....

б) *Добрыня-сватъ*. „Въ современныхъ былинахъ о Добрынѣ и Владимірѣ (говоритъ г. Халанскій) трудно указать, какія—остатокъ кіевской старины, а какія возникли спеціально на сѣверѣ. Можно съ большою достовѣрностью полагать лишь, что былина о женитьбѣ Владиміра представляетъ древне-кіевское наслѣдство. Въ болѣе древней формѣ она является въ извѣстномъ лѣтописномъ сказаніи о женитьбѣ Владиміра на Рогнѣдѣ-Гориславѣ, записанномъ со словъ „вѣдущихъ", т. е. пѣснотворцевъ. Не сохранивъ въ себѣ пѣсеннаго склада, оно интересно, какъ отраженіе ходившихъ въ народѣ разсказовъ на тотъ же мотивъ".

в) *Добрыня* и *Марина*. „Въ настоящее время (говоритъ г. Вс. Миллеръ) всѣ изслѣдователи былевого эпоса согласны въ томъ, что былина о Добрынѣ и Маринѣ представляетъ былинную обработку очень распространенной сказки о женѣ волшебницѣ". Г. Вс. Миллеръ не признаетъ за этой былиной большую древность. „Мнѣ кажется (говоритъ онъ), что, отрѣшившись отъ предвзятаго мнѣнія о домонгольскомъ происхожденіи разсматриваемой былины, слѣдуетъ въ наличныхъ текстахъ ея искать хронологическихъ указаній. А такими датами иногда въ нашемъ эпосѣ служатъ собственныя имена. Въ данномъ случаѣ упорно во всѣхъ варіантахъ былинъ волшебница носитъ историческое имя XVII вѣка Марины, и въ текстахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, позволяющихъ предполагать, что это имя вытѣснило какое-нибудь другое, болѣе раннее, и что оно не существовало въ первоначальномъ изводѣ былинъ".

---

[1]) „Экскурсы". Гл. II.

12. Алеша Поповичъ.

Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ.
(Сводная).

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясныхъ сокола вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Что по имени Алёшенька Поповичъ младъ
А со молодомъ Якимомъ Ивановичемъ...
..Поѣхали они ко городу ко Кіеву.
(Кирша, 123—124).

Подъ стольнымъ городомъ подъ Кіевомъ
При ласковомъ князѣ Владимірѣ
Объявилось новое чудовище:
Наѣзжалъ Тугаринъ Змѣевичъ.
(Р. III, 95).

Въ вышину-ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
Промежъ плечей косая сажень,
Промежду глазъ—калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь:
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.
(Кирша, 125).

Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Заводилъ свой хорошъ почестенъ пиръ
И зазвалъ Тугарина на почестный пиръ.
Ставили столы ему дубовые,
Наливали питьица медвяныя,
Полагали ему ѣства сахарныя.—
Садился Тугаринъ за дубовый столъ:
Онъ по бѣлой лебедушкѣ заразъ глоталъ.
И сидѣлъ тутъ Алешенька Поповичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Какъ у моего государя было батюшки,
У Левонтья попа было ростовскаго,
Было псище-то старое,
Старое псище-то сѣдатое,
Хватило костище великое,
Гдѣ оно хватило, подавилося:
Подавиться Тугарину Змѣевичу
Отъ меня Алешки отъ Поповича“.
Сталъ Тугаринъ пить зелено вино:
По цѣлой чары заразъ глоталъ.
Говоритъ Алеша таковы слова:
„Какъ у моего родителя было батюшки,
У Левонтья попа было ростовскаго,
Было коровище великое,
Выпило питьица лоханище,
Гдѣ оно выпило, тутъ и треснуло.
И треснетъ Тугаринъ-отъ Змѣевичъ
Отъ меня Алешки отъ Поповича“.
Эты ему рѣчи не слюбилися:
Хватилъ на столѣ ножище булатное
И шибнетъ въ Алешку во Поповича,—
Пролетѣлъ ножъ мимо Алешу Поповича.
Какъ у той было у печки муравленой
Стоялъ его слуга Акимъ паробокъ,
Налету онъ ножъ подхватывалъ,
Самъ къ ножу приговаривалъ:
„Ахъ ты ей, Алешенька Левонтьевичъ!
Самъ-ли ты пойдешь, али меня пошлешь
Съ Тугариномъ супротивиться?“
Говоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Не куда уйдетъ гагара безногая.—
(Р. III, 95—96).

Втапоры Тугаринъ взвился и вонъ ушелъ,

Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небе́сью летать...
...Алеша... звился съ товарищи и вонъ пошелъ.
Садилися на добры кони,
Поѣхали ко Сафатъ рѣкѣ,
Поставили бѣлы шатры,
Стали опочивъ держать,
Коней спустили въ зелены луга.
Тутъ Алеша всю ночь не спалъ,
Молился Богу со слезами:
„Создай, Боже! тучу грозную,
А и тучи-то, съ градомъ дождя“.
Алешины молитвы доходны ко Христу:
Даетъ Господь Богъ тучу, съ градомъ дождя;
Замочило Тугарина крылья бумажныя,—
Падаетъ Тугаринъ, какъ собака, на сыру землю.
Приходилъ Екимъ Ивановичъ,
Сказалъ Алешѣ Поповичу,
Что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ.
И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взялъ одну сабельку острую
И поѣхалъ къ Тугарину Змѣевичу.
И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичъ Алешу Поповича,
Заревѣлъ зычнимъ голосомъ:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Хошь-ли я тебя огнемъ спалю,
Хошь-ли, Алеша, конемъ стопчу,
Али тебя, Алёшу, копьемъ заколю“.
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
„Гой ты еси, Тугаринъ Зміевичъ младъ!
Бился ты со мною о великъ закладъ,
Биться-драться одинъ на одинъ,
А за тобою нынѣ силы смѣты нѣтъ
На меня Алешу Поповича“.
Оглянется Тугаринъ назадъ себя,—
Втапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ,—
И пала глава на сыру землю, какъ пивной котелъ [1]).
Алеша скочилъ со добра коня,
Отвязалъ чембуръ отъ добра коня
И проколол̂ъ уши у головы Тугарина Змѣевича,
И привязалъ къ добру коню,

---

[1]) Разсказывается (Кирша, XIX, 123 и сл.) и иначе объ истребленіи Тугарина: Алеша Поповичъ встрѣчается съ „каликой перехожей“ и узнаетъ отъ него о Тугаринѣ Змѣевичѣ. Помѣнявшись съ каликой платьемъ и взявъ „шелепугу дорожную, котора была въ пятьдесятъ пудъ“, онъ „пошелъ за Сафатъ рѣку“.
Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ.
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алёша Поповичъ едва живъ идетъ.—
Говоритъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси, калика перехожая!
А гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
Про млада Алёшу Поповича?
А и я-бы Алёшу копьемъ заколол̂ъ,
Копьемъ заколол̂ъ и огнемъ спалилъ“.
Говоритъ тутъ Алёша каликою:
— А и ты ой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Поѣзжай поближе ко мнѣ,
Не слышу я, что ты говоришь.—
И подъѣхалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ.
Сверстался Алёша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Расшибъ ему буйну голову,—
И упалъ Тугаринъ на сыру землю.
Скочилъ ему Алёша на черну грудь.
Втапоры взмолится Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси ты, калика перехожая!
Не ты-ли Алёша Поповичъ младъ?
Только ты Алёша Поповичъ младъ,
Семъ побратуемся съ тобой“.
Втапоры Алёша врагу не вѣровалъ:
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей — и все платье на себя надѣвалъ.

(Кирша, 125—126).

Послѣднее обстоятельство едва не погу- Алешу: Екимъ Ивановичъ принялъ его за Тугарина, бросилъ въ него „палицу боевую“ и чуть не убилъ своего „братца родимаго“.

И привезъ въ Кіевъ на княженецкій дворъ,
Бросилъ середи двора княженецкаго.
И увидѣлъ Алешу Владиміръ князь,
Пошелъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убраны столы,—
Тутъ для Алеши и столъ пошелъ.
Сколько времени покушавши,
Говорилъ Владиміръ князь:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Часъ ты мнѣ свѣтъ далъ,
Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
Служи мнѣ князю Владиміру,
До люби тебя пожалую“.
Втапоры Алеша Поповичъ младъ князя не ослушался,—
Сталъ служить ему вѣрою и правдою...

(Кирша, 131—132).

Примѣчанія къ былинѣ: „**Алеша Поповичъ**“.

„Лѣтописныя сказанія объ Александрѣ Поповичѣ не разъ останавливали на себѣ вниманіе изслѣдователей; однако отношеніе ихъ къ былинамъ про Алешу Поповича осталось недостаточно выясненнымъ.

Тверской лѣтописецъ, излагая „Повѣсть о Калкацкомъ побоищѣ, и о князехъ русскихъ, и о храбрыхъ 70“, сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ Александрѣ или Олешкѣ Поповичѣ на основаніи „описаній“ подвиговъ этого хоробра въ Ростовской землѣ... Отсюда мы узнаемъ, что Александръ Поповичъ былъ ростовскій житель и сначала служилъ в. кн. Всеволоду Юрьевичу, затѣмъ принималъ участіе въ усобицахъ его сыновей и наконецъ порѣшилъ отъѣхать въ Кіевъ „служити единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ“. Въ 1224 году онъ убитъ былъ въ битвѣ съ татарами на Калкѣ.

И такъ, былевой Алеша Поповичъ въ дѣйствительности назывался Александромъ (уменьш. Олешей) Поповичемъ, жилъ въ XIII вѣкѣ и былъ хоробромъ въ дружинѣ ростовскаго князя. Пользуясь принадлежавшимъ дружинникамъ правомъ перехода отъ одного князя къ другому, Алеша, по смерти рост. князя Константина, отъѣхалъ съ нѣкоторыми товарищами изъ Ростова въ Кіевъ. На службѣ кіевскаго князя онъ и умеръ; можетъ быть убитъ въ битвѣ съ татарами на Калкѣ, если только не домыселъ книжника лѣтописное сообщеніе: „и Александръ Поповичъ ту убіенъ бысть съ инѣми 70 храбрыхъ“.

О подвигахъ Александра Поповича на службѣ у кіевскаго князя мы узнаемъ изъ лѣтописи Никоновской (XVII в.); извѣстія, очевидно, вымышлены, составлены по народнымъ пѣснямъ. Они служатъ однако очевиднымъ доказательствомъ, что въ XVI и XVII вв. Олеша Поповичъ въ народной поэзіи еще не имѣлъ характера богатыря-представителя духовнаго сословія; онъ представлялся еще какъ дружинникъ, храборъ. Да и въ теперешнихъ былинахъ образъ его двоится: то онъ *смѣлый*— нѣтъ смѣлѣе его во всемъ Кіевѣ; то онъ насмѣшникъ женскій, хвастунъ и коварный человѣкъ“ (*Халанскій*. „Великорусскія былины кіевскаго цикла“. 1885 г.)

13 Отчего перевелись богатыри на святой Руси?

Возгордились богатыри своими побѣдами и до того расхвастались, что стали вызывать на бой силу небесную:

„Не намахалися наши могутныя плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные!“
И говорилъ Алеша Поповичъ младъ:

„Подавай намъ силу нездѣшнюю—
Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
„А давайте съ нами, витязи, бой держать—
Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро“.
Не узнали витязи воителей,
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи:
Стали они силу колоть-рубить...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные...
А сила все растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугалися могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры...
Какъ побѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ...
Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси!

(*О. Миллеръ*. Хр. 181).

Примѣчаніе. „Былина о гибели русскихъ богатырей не стоитъ особнякомъ въ славянской народной поэзіи. Мотивъ о появленіи въ бою силы небесной, воскрешеніе побитыхъ воиновъ въ возростающей прогрессіи и бѣгство изъ битвы витязей, устрашенныхъ грознымъ движеніемъ противъ нихъ силъ земныхъ и небесныхъ, вызванныхъ ихъ гордостью и высокомѣріемъ,—встрѣчается и въ южно-славянскихъ пѣсняхъ. Пѣсни эти пріурочиваются къ нашествію турокъ на Балканскій полуостровъ и паденію передъ грубой ордой разныхъ центровъ прошлой исторической жизни—болгаръ и сербовъ... Сказанія объ участіи небесныхъ силъ, ангеловъ, въ битвахъ людей нерѣдко встрѣчаются и въ древней письменности. Вѣроятно, возникшій изъ такихъ книжно-церковныхъ мотивовъ какой-либо цѣльный апокрифъ легъ въ основаніе южно-славянскихъ пѣсенъ и рускихъ былинъ...

Проф. Дашкевичъ пытается пріурочить былины о гибели богатырей къ Калкинской катастрофѣ. Но несомнѣнно существовали народныя пѣсни о гибели храбровъ въ бою съ татарами не только на Калкѣ, но и на Сити и на другихъ мѣстахъ. Въ народномъ сознаніи была подготовлена почва для воспріятія литературныхъ сказаній, книжнихъ образовъ, объ участіи и небесной силы въ битвахъ смертныхъ, о наказаніи возгордившихся своею силою людей. Усвоенное литературное сказаніе, ассимилировавшись съ туземными пѣснями, возродилось въ художественной былинѣ

о гибели витязей на Сафатъ-рѣкѣ. Разлитый въ пѣснѣ трагизмъ положенія витязей въ борьбѣ съ рокомъ, силой небесной, ставитъ ее въ рядъ прекраснѣйшихъ произведеній безъискусственнаго народнаго творчества".

(*Халанскій.* „Великорус. былины кіевскаго цикла". 1885 г.).

---

2. Историческія пѣсни.

Различіе между историческими пѣснями и былинами. „Въ нашей литературѣ, особенно учебной, различаются собственно былины и историческія пѣсни,—что имѣетъ свое основаніе: и былины, правда, въ значительной степени основываются на историческихъ фактахъ, но эта историческая основа ихъ сильно затемнена посторонними наслоеніями и элементомъ сверхъестественнаго, фантастическаго; восходя многими своими чертами къ отдаленнѣйшимъ вѣкамъ русской исторіи, помня еще Владиміра Святого, а можетъ быть—и его предковъ, былины въ сознаніи послѣдующихъ поколѣній являлись отзвукомъ славнаго былого, минувшаго величія, пріобрѣтали особую цѣну, рѣдкое обаяніе; утративъ живую, непосредственную связь съ событіями, вызывавшими ихъ появленіе, былины пріобрѣтали болѣе спокойный величавый характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ становились доступнѣе для внѣшнихъ воздѣйствій и позднѣйшихъ бытовыхъ наслоеній. Въ историческихъ пѣсняхъ сильнѣе и рельефнѣе выступаетъ элементъ историческій—въ опредѣленныхъ историческихъ событіяхъ, лицахъ, обстановкѣ; пѣсня историческая болѣе устойчива и не такъ спокойна и объективна, какъ былина; звуки исторической пѣсни слышатся въ былинѣ о Калинѣ, собственно же историческая пѣсня начинается съ такихъ пѣсенъ, какъ о Щелканѣ и др.".

(*А. М. Лобода.* Русскій богатырскій эпосъ. Стр. 4—5).

1. Калинъ царь.

(Осада Кіева).

Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ царь Калиновичь,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою;
Не дошелъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать-сыра земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ-солнце померкнуло,
Не видитъ [1]) луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

[1]) Не видать.

Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,—
Что выбралъ татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ татаринъ трехъ сажень,
Голова на татаринѣ съ пивной котелъ,
Которой котелъ сорока ведеръ,
Промежъ плечами косая сажень;
Отъ мудрости слово написано:
Что возметъ Калинъ царь стольной Кіевъ градъ,
А Владиміра князя къ полонъ полонитъ,
Божьи церкви на дымъ пуститъ.
Даетъ тому татарину ярлыки скорописчаты,
И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
Садился татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру;
А и будетъ онъ татаринъ въ Кіевѣ.
Середи двора княженецкаго
Скакалъ татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Бѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглой столъ
Передъ великаго князя Владиміра.
Отшедъ татаринъ, слово выговорилъ:
„Владиміръ князь стольной кіевской!
А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ
Безъ бою, безъ драки великія,
И безъ того кроволитія напраснаго“.
Владиміръ князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки распечатывалъ и просматривалъ,
Глядючи въ ярлыки — заплакалъ свѣтъ. —
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося,
Богатырей въ Кіевѣ не случилося.
А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ,
А съ Калиномъ силы написано
Ни много, ни мало—на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.
Еще со Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ.
Подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы, по три тысячи [1]).

Кирша, 165—167.

2. Щелканъ Дудентьевичъ.

(Управленіе. Дань. Расправа съ татарами).

А и дѣялося въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой,—
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ...
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,

---

[1]) Калину не удалось взять Кіева: на выручку явился Илья Муромецъ.
Схватилъ Илья татарина за ноги,
Которой ѣздилъ въ Кіевъ градъ,
И зачалъ татариномъ помахивати:
Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куды отвернетъ—съ переулками.
Разогнавъ татарскія силы, онъ схватилъ Калина царя, «согнулъ его корчагою и расшибъ его въ крохи».

Кирша, 170—171.

Ахрамѣя къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ, —
Его дома не случилося:
Уѣзжалъ то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ младъ Щелканъ,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ, —
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани, выходы,
Царскія невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ—цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога;—
Царское жалованье;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять
И друга дарить [1]),
Щелкана Дудентьевича.
Проговоритъ младъ Щелканъ,—
Младъ Дудентьевичъ:
„Гой еси, царь Азвякъ,...

[1]) И только можно друга дарить.

(Ты пожаловалъ шурьевъ своихъ разными городами)

Пожалуй ты, царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи“.
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
„Гой еси, шуринъ мой
Щелканъ Дудентьевичъ,
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячія;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою...

(Щелканъ такъ и сдѣлалъ и получилъ Тверь).

И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьею сидѣлъ...
Надо всѣми наругатися, [1])
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе—
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ, —
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли съ честными подарками —
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;

[1]) ... Сталъ наругатися.

Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили —
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося.

Кирша, 21—24.

3. Михайло Казариновъ.

(Полоняники).

Михайло Казарининъ
Поѣхалъ на гору высокую,
Смотрѣлъ раздолья широкія,
И увидѣлъ въ полѣ три бѣла шатра.
Стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
На бесѣдѣ сидятъ три татарина,
Три собаки наѣздники,
Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
Руская дѣвица полоняночка,
Молода Марѳа Петровична,
Во слезахъ не можетъ слово молвити,
Добрѣ жалобно причитаючи:
„О злочастная моя буйна голова!
Горе горькая моя руса коса,
А вечоръ тебя матушка расчесывала,
Расчесала матушка, заплетала;
Я сама, дѣвица, знаю, вѣдаю,
Расплетать будетъ моя руса коса
Тремъ татарамъ наѣздникамъ“.
Они тѣ-то рѣчи татара договариваютъ,
А первой татаринъ проговоритъ:
„Не плачь, дѣвица, душа красная,
Не скорби, дѣвица, лица бѣлаго,
Асделу [1]) татарину достанешься,
Не продамъ тебя дѣвицу дешево,
Отдамъ за сына за любимаго,
За мирнаго сына въ Золотой Ордѣ“.
Со тыя горы со высокія
Какъ ясенъ соколъ напущается
На синемъ морѣ на гуси и лебеди,
Во чистомъ полѣ напущается
Молодой Михайло Казарянинъ,
А Казарянинъ душа Петровичь младъ;
Приправилъ онъ своего добра коня,
Принастегивалъ богатырскаго—
И въ рукѣ копье мурзамецкое:
Перваго татарина копьемъ скололъ,
Другого собаку конемъ стопталъ,
Третьяго о сыру землю;
Скочилъ Казарянинъ съ добра коня,
Сохватилъ дѣвицу за бѣлы ручки
Руску дѣвицу полоняночку...

(Въ полонянкѣ онъ узналъ свою сестру).

„Гой еси, душа красная дѣвица,
Молода Марѳа Петровична!
А ты по роду мнѣ родна сестра,
И ты какъ татарамъ досталася?
Ты какъ тремъ собакамъ наѣздникамъ?“
Говоритъ ему родная сестра:
„Я вечоръ гуляла въ зеленомъ саду,
Со своей сударынею матушкою,
Какъ издалеча, изъ чиста поля,
Какъ черны вороны налетывали,
Набѣгали тутъ три татарина наѣздника,
Полонили меня красну дѣвицу,
Повезли меня во чисто поле:
А я такъ татарамъ досталася,
Тремъ собакамъ наѣздникамъ“.
Молодой Михайло Казарянинъ
Собираетъ въ шатрахъ злата, серебра,
Онъ кладетъ во тѣ сумы переметныя,

[1]) А съ дѣлу (съ дѣлежа)?

Перелетныя, сыромятныя,
И беретъ бесѣду — дорогъ рыбій зубъ,
Посадилъ дѣвицу на добра коня,
На рускаго богатырскаго,
Самъ садился на татарскаго —
Какъ бы двухъ коней въ поводу повелъ —
И поѣхалъ къ городу Кіеву.

Кирша, 143—145.

4. Царь Бахметъ и Авдотья Рязаночка.

(Выкупъ полоняниковъ).

Подступалъ тута царь Бахметъ турецкій,
И разорялъ онъ старую Казань [1]) городъ подлѣсную,
И полонилъ онъ народу во полонъ сорокъ тысячей,
Увелъ весь полонъ во свою землю.
Оставаласи въ Казанѣ одна женка Рязаночка,
Стосковаласи женка, сгореваласи:
У ней полонилъ три головушки:
Милаго-то братца родимаго,
Мужа вѣнчальнаго,
Свекра любимаго.
И думаетъ женка умомъ-разумомъ:
„Пойду я во землю турецкую
Выкупать хотя единыя головушки
На дороги хорошіе на выкупы“...

Съ великимъ трудомъ добралась она до Бахмета: на пути были рѣки-озера глубокія, звѣри лютые, разбойники. Удивленный поступкомъ Рязанки,

Говоритъ ей царь Бахметъ турецкій:
— Ты Авдотья, женка Рязаночка!
Когда ты умѣла пройти путемъ да и дорогою,
Такъ умѣй-ка попросить и головушка
Изъ трехъ единыя;
А не умѣешь ты попросить головушки,
Такъ я срублю тебѣ по плечъ буйну голову. —
Стоючись женка пораздумалась,
Пораздумалась женка, порасплакалась:
„Ужъ ты, батюшка царь Бахметъ турецкій!
Я въ Казани-то была женка не послѣдняя,
Не послѣдняя я была женка, первая:
Я замужъ пойду, такъ у меня и мужъ будетъ,
Свекра стану звать батюшкомъ;
Приживу я сына любезнаго,
Такъ у меня и сынъ будетъ;
Приживу я себѣ дочку любезную,
Воспою-вскормлю, замужъ отдамъ,
Такъ у меня и зять будетъ.
Не видать мнѣ буде единыя головушки,
Мнѣ милаго братца родимаго,
Да не видать вѣкъ да и по вѣку“.
Сижучись да царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался:
— Ты, Авдотья женка Рязаночка!
Когда я разорялъ вашу сторону,
Казань городъ подлѣсную,
Тогда у меня убили милаго-то братца родимаго:
Не видать буде вѣкъ да и по вѣку.
За твои-то рѣчи разумныя,
За твои-то слова за хорошія,
Ты бери полону, сколько надобно:
Кто въ родствѣ, въ кумовствѣ, въ крестномъ братовствѣ.—
Начала женка ходить въ землѣ турецкія,
Выбирати полонъ во свою землю.

[1]) Дѣло идетъ, вѣроятно, о Рязани, потому что женка называется Разаночкой. Прим. Р.

Она выбрала весь полонъ земли турецкія,
Привела да полонъ въ свою Казань городъ подлѣсную,
Разселила Казань городъ по старому,
По старому да по прежнему.

Рыбн. III. 227—229.

(Записана въ Пудожск. у Олонецк. губ.).

5. Взятіе Казани.

Вы, молодые ребята, послушайте,
А мы, стары старики, да будемъ сказывати
Про грознаго царя Ивана Васильевича,
Какъ государь царь Иванъ Васильевичъ,
Казань городъ покорилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку онъ подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ катилъ,
А онъ пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ:
А татаре-то по городу похаживаютъ,
Они грозному царю да насмѣхаются:
„Не бывать пашей Казани да за бѣлымъ царемъ!"
Какъ тутъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Государь царь поразгнѣвался,
Что подрывъ-то такъ долго медлится,
Приказалъ тутъ онъ да пушкарей казнить,
Всѣхъ подкопщичковъ да и зажигальщичковъ.
Какъ тутъ всѣ пушкари призадумалися,
Призадумалися да запечалилися,
А одинъ пушкарь поотважился,
Говоритъ пушкарь да таково слово:
„Ты позволь, государь, слово выговорить!" [1])
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Какъ тутъ догорѣли зажигальныя свѣчи,
Вдругъ разорвало бочки съ порохомъ:
Стѣны-крѣпости бросало за Сулай за рѣку.
Татарье тутъ всѣ устрашилися,
Они бѣлому царю да покорилися [2]).
Говорятъ они татаре таково слово:
— Вѣчно быть нашей Казани подъ святой Русью,
Подъ святой Русью непобѣдимою,
Непобѣдимою, Богомъ любимою!

Г. 827.

(Записано въ Петербургѣ).

6. Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

(Никитѣ Романовичу дано село).

Когда-то возсіяло солнце красное
На тоемъ-то небушкѣ на ясноемъ,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:
Вси-то на пиру да наѣдалися,
Вси-то на почестномъ напивалися
И вси на пиру порасхвастались.

---

[1]) «Не вели ты насъ канонеровъ казнити:
Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе».

Кирша, 195.

[2]) Иванъ В. взялъ съ казанскаго царя Симеона царскую корону,
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царскій костыль въ руки принялъ.
И въ то время царь воцарился
И посѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава.

Кирша, 196.

Иный хвастаетъ села со приселками,
А иный хвалитъ города съ пригородками,
Иный хвалится да золотой казной,
Умный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Изъ-за того стола да изъ-за дубова
Не золота звонка труба вытрубила,
Испроговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Испроговорилъ онъ таково слово:
„Есть и мнѣ царю теперь похвастати:
Я повынесъ-то царенье изъ Царяграда,
Царскую порфиру на себя надѣлъ,
Царскій костыль я себѣ въ руки взялъ,
И повыведу измѣну съ каменной Москвы!“
Съ-по тыя было палаты бѣлокаменной
Тутъ не красное-то солнышко каталося,
А не скатный жемчугъ разсыпается,
Ходитъ маленькой Иванушко царевичъ-государь,
Сынъ [1]) говорилъ да таково слово:
— Ты эй, государь мой родной батюшка!
Не вывести измѣны съ каменной Москвы:
Сидитъ-то измѣна за однимъ столомъ,
Исъ-пьетъ измѣна одни кушанья,
Платья носитъ одноцвѣтныя,
Да сапожки на ножкахъ одноличныя. —
Тутъ не мутное око помутилося,
Его царское сердце разгорѣлося
И сговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Ахъ ты, маленькой Иванушко царевичъ-государь!
Ты подай мнѣ измѣнщика да на очи:
Я измѣнщику голову срублю“.
Испроговорилъ Иванушко царевичъ государь:
— Ужъ я глупымъ-то разумомъ промолвился, —
Какъ на братца мнѣ сказать, такъ мнѣ-ка братца жаль,
На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бывать;
А буде сказать мнѣ на братца своего,
На того на Ѳедора Ивановича.
Ей ты, государь родной батюшка!
Когда жъ мы брали съ тобой царскій градъ,
Когда ты-то ѣхалъ да по краечку,
А я-то ѣхалъ да по другому,
А братецъ мой ѣхалъ по середочки.
Мы съ тобою, государь, да все ѣхали,
Мы все казнили, да все вѣшали,
А Ѳедоръ братецъ ѣхалъ по середочкѣ,
Напередъ пословъ да онъ поразсылалъ,
Чтобы удалые да поразбѣгались,
А которые по кувыль-траву да развалялися,
А которые при домахъ оставалися.
Теперича измѣна вся повыстала. —
Тутъ не мутное око помутилося,
Ево царское сердце разгорѣлося:
„Ай вы ей, палачи да немилостивы!
Вы возмите-ка Ѳедора Ивановича
За тыя за рученьки да бѣлыя,

[1]) Самъ?

За тые за перстни за злаченые,
Сведите-ка Θедора въ чисто поле
А на тое болотцо-то на Житное,
А на тую на плашку на липову,
Отрубите ему буйну голову
За него поступки неумильные!"
Тутъ всѣ палачи поразбѣгались,
Которые разумны, растулялися;
Одинъ остался Малютка воръ Скуратовъ сынъ.
А самъ говорилъ таково слово:
—„Я много вѣдь казнилъ царей, царевичевъ,
Я безъ счету королей да королевичей;
А тебя-ко-ва я Θеeора да не спущу!"—
Онъ беретъ его за ручки за бѣлыя,
За тые за перстни да за злаченые,
Повелъ Θедора да въ чисто поле
На тое болотечко на Житное,
На тую плашечку на липову
Срубить Θедору да буйну голову
За него поступки неумильные.
Во тую ль было пору да во то время
Услыхала Авдотья [1]) Романовна,
Его государыня да родна матушка,
Она чеботы обула да на босу ногу,
Кунью шубу-то одѣла на одно плечо,
Побѣжала-то на горку да на Вшивую [2]),
А ко своему ко братцу ко родимому,
Ко тому Никиты-то Романовичу.
А орѣтатъ ю братецъ-отъ ей родимый,
А самъ говоритъ таково слово:
„Что же ты, сестрице, да не въ покрутѣ,
А въ одной ты шубы черныхъ соболей?"
Говоритъ Авдотья да Романовна:
—Ты ей же, братецъ мой родимыя,
Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
Тотъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ
(Увелъ его да во чисто поле) [1])
На тое болотце да на Житное,
На тую плашку на липову
Срубить Θедору буйну голову.—
Онъ кидается, скоро бросается,
Беретъ узду въ руки тесмянную,
Бѣжалъ на конюшню на стоялую,
Одѣвалъ на мала бурушка да кавурушка,
Садился скоро на добра коня,
Не на сѣдлана, да не на уздана,
Городомъ ѣдетъ и да голосомъ кричитъ,
Голосомъ кричитъ, да самъ рукой машитъ:
„Ты ей, воръ Малютка Скуратовъ сынъ!
Ты не тотъ кусъ съѣшь, самъ задавишься,
Не казни-тка млада царевича,
Ай того жъ-де Θедора Ивановича".
Малютка того и не пытаючи,
Беретъ Θедора да за желты кудри,
Клонитъ на плашку на липову,
Хочетъ срубить да буйну голову.
А наѣхалъ Никита Романовичъ,
Смахнулъ своей саблей да вострой,
Отнесъ Малютки буйну голову,

---

[1]) Настасья. Г. 142 и въ больш. ч. вар.
[2]) Извѣстная мѣстность въ Москвѣ.

[1]) Въ скобкахъ поставленъ видимо пропущенный стихъ.

За него поступки неумильные.
А онъ взялъ де Өедора Ивановича,
Увозилъ на горку да на Вшивую.
Сегодня день былъ суботнія,
Завтра день да воскресный де,
Ѣхать намъ ко ранней ко заутрени.
Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Что нѣтъ жива молодого царевича,
Сокрутился онъ во платье во опальное,
Заложилъ лошадей да вороненыихъ
Подъ ты (кареты) подъ черныя,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
А тотъ Никита да Романовичъ
Заложилъ онъ лошадей да все рыжіихъ
Одѣлъ на себя платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самолучшее,
Поѣхалъ ко ранней ко заутрени.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ три-четыре стороны,
А Ивану Васильевичу въ собину:
„Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Со своей со любимой семьёй,
Со молодой со Авдотьей со Романовной,
Со своими со малыма со дѣтушками,
Со тыимъ со Иваномъ Ивановичемъ!“
И сговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
—Ай ты же, шуринъ мой любимыя,
Ты ей, Никита да Романовичъ!
Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
Ай того де Өедора Ивановича,
Вѣдь увелъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ
На тое болотцо да на Житное,
Да на тую на плашку да на липову
Срубить Өедору буйну голову
За него поступки неумильные.—

Во второй и, наконецъ, въ третій разъ обратился съ такимъ же привѣтствіемъ Никита Романовичъ, поздравствовавъ вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ и Өедора Ивановича.

Тутъ не мутное око помутилося,
Его царское сердце разгорѣлося:
—Ахъ ты ей же, шуринъ мой любимыя,
Ахъ ты ей же, Никита Романовичъ!
Знать, ты надо мной насмѣхаешься!
Отстою какъ я раннюю заутреню,
Прикажу тебѣ Никиты голову срубить.—
И самъ заплакалъ горькимъ дяктелемъ (*птица*).
—Какъ по ворахъ было—по разбойникахъ,
По разбойникахъ—по ворахъ есть заступщики;
По моемъ роженое (мъ) по дитятки,
По тоёмъ Өедорѣ Ивановичѣ,
По немъ не было никакого затупушки!—
Говоритъ Никита Романовичъ:
„Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?“
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
—Хоть бываетъ-то прощенье, тѣперь взять негдѣ.—
Говоритъ Никита Романовичъ:
„Не отрублена есть Өедору да буйна голова,

А отрублена да буйна голова
А тому Малюты да Скурлатову“.
Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ кидается скоро, бросается
Не кидается за Өедора Ивановича [1]),
Кидался за Никиту за Романовича,
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Самъ говоритъ таково слово:
—Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?
Ты ей, шуринъ мой любимыя,
Дать тебѣ села съ приселками,
Али дать тебѣ да золотой казны?—
Говоритъ Никита Романовичъ:
„Есть у меня села съ приселками,
А и то мнѣ молодцу не похвальба.
Есть у меня города съ пригородками,
А и то мнѣ молодцу не похвальба.
Есть у меня и золотой казны,
И то мнѣ молодцу не похвальба.
А ты дай-ка мнѣ Микитину да вотчину:
Что хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,—
Того добраго-то молодца да Богъ проститъ“.
Онъ пожаловалъ Микитиною его вотчиной:
Что хоть съ петли уйди, да хоть коня угони,
Хоть коня угони, да хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину да вотчину,—
Того добраго-то молодца да Богъ проститъ.

[1]) Къ Өедору.

Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Г. 784—789.

(Записана въ Повѣнецк. у. Олонецк. губ.).

7. Покореніе Сибири.

Ермакъ.

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались козаки, други, люди вольные.
Собирались они, братцы, во единъ кругъ,
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Лаврентьевичъ.
Они думали думушку всё единую:
„Ужъ какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная:
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
На Яикъ намъ иттить,—да переходъ великъ;
Да на Волгѣ ходить намъ,—всё ворами слыть;
Подъ Казань градъ иттить,—да тамъ царь стоитъ,
Какъ Грозной-то царь Иванъ Васильевичъ,
У него тамъ силы много множество:
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ, козакамъ, быть переловленнымъ,

Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженнымъ".
Какъ не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная—рѣчь громко возговоритъ,
Рѣчь возговоритъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ.
„Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте:
Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся;
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ передъ грознымъ царемъ вину свою:
Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка все царскаго,
Какъ того-то вѣдь посланничка Персидскаго".
Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ,
На широкой на ровной было площади,
Собирались козаки, други, во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
„Какъ зима-то проходитъ всё холодная,
Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое:
Да пора ужъ намъ, братцы, въ походъ иттить".
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофеевичъ:
Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы!
Эй вы дѣлайте лодочки-коломенки,
Забивайте вы кочета [1]) еловые,
Накладайте бабаички [2]) сосновые,
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
А царя-то Кучума во полонъ возьмемъ:
И за то-то государь-царь насъ пожалуетъ;
Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я Царю Бѣлому повинную:
— „Ой ты гой еси, надежа-православный царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
Какъ и я-то, Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
Какъ и я-то, воровской донской атаманушка,

---

[1]) Вбитые въ бортъ колышки, на которые надѣваютъ весла. — [2]) Весла.

Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому,
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы-корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все не орленые;
А теперича, надежда, православный Царь,
Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство Сибирское!“ —
Рѣчь возговоритъ надежа православный Царь,
Какъ и Грозной-то царь Иванъ Васильевичъ:
„Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
Ой ты гой еси, войской [1]) донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный-тихой Донъ!“

Кирѣевск. ч. II, в. 6, стр. 39—41.

8. Смерть Грознаго царя Ивана Васильевича.

Охъ вы, горы, горы крутыя!
Охъ вы, головы златыя православныхъ церквей!
Охъ, косящеты окошки царскихъ теремовъ!
Какъ въ теремѣ живетъ православный Царь,
Православный Царь Иванъ Васильевичъ.
Онъ грозёнъ, батюшка, и милостивъ,
Онъ за правду милуетъ, за неправду вѣшаетъ.
Ужъ настали годы злые на московскій народъ,
Какъ и сталъ православный Царь грознѣй прежняго:
Онъ за правду — за неправду дѣлалъ козни лютыя.
Какъ восплачется народъ русскій на Грознаго Царя:
Переставился Грозный Царь на восьмидесятомъ году,
А сынъ его Өедоръ сталъ Русью управлять.

Кирѣевск., ч. II, вып. 6, 205.
(Тульск. губ. Чернскаго у.).

9. Семейная жизнь Петра I.

Ипше было въ славной матушки да въ камянной Москвы,
Ай вѣдь по небу-то было по голу̀бому
Выкаталась-то луна, да луна сьвѣтлая,
Луна сьвѣтла, опекало соньцё красноё.
Шьчо во ту вѣдь всё пору было, во то время,
Зародился [1]) у насъ младенькой царевичъ [2]) - отъ
Шьчо по имени Петръ да Алексѣёвичъ.
Ночку не́ спали премудры разны плотнички,
Колыбелёчку царевичу готовили,
Украшали вѣдь они да краснымъ золотомъ;

---

[1]) Выше «воровской».

[1]) Зародилсэ.
[2]) Царевиць.

Какъ втору-то ночку они не́ спали
Всё вѣдь нянюшки да ихны мамушки,
А сѣнны-ти всё у нихъ да красны дѣвушки,
Всё окуточки-ти младому царевичу готовили,
Шьчо окуточки-ти шили дорогого-то атласу бѣлого,
Рошинивали всё они да краснымъ золотомъ,
Ай садили-то они да скатна жемчугу.
Шьчо на радосьти всё мла̀дого царевича
Шьчо по имени Петра да Олексѣвича,
Собирали на радосьти почёсёнъ пиръ,
Пиръ почёсёнъ собиралъ [1]) да всё наве́сели,
На князей-то собиралъ да онъ на бо̀яръ-то,
Онъ на русьскихъ на могучихъ на богатырей,
Собиралъ-то всѣхъ солдатовъ новобранныихъ,
Собиралъ-то всѣхъ хрестьянъ-то прожиточьныхъ [2]),
Собиралъ-то онъ вѣдь вдовъ, сиротъ-то всё бѣдныихъ.
Говорилъ-то всё нашъ царь да таковы слова:
„Я кого забылъ позвать, дакъ пушшай такъ иду̀тъ“.
Собирался этотъ пиръ вѣдь трои суточки,
Было да̀но знать по всимъ землямъ да по всимъ го̀родамъ;
Отовсюль многи̇ цари съѣжжалися,
Отовсюль-то изъ земель да короли всё разные.
А тотъ пиръ-то у ихъ вёлся трои суточки;
На такой-то было большой радосьти,

[1]) Царь Алексѣй Михайловичъ.
[2]) Зажиточныхъ?

Не видали, какъ прошло-то время, прокатилося,
Прокатилось-то время трои суточки.
Ишше стали тутъ вси госьти розьѣжжатися,
Розьѣжжатися госьти, росходитися.
Ишше сталъ-то росьти младъ царевичъ-отъ;
Онъ вѣдь скоро-то возростаётъ тутъ,
Возростаётъ онъ да какъ скорёхонько.
Ишше сталъ у насъ да Петръ-отъ Первый-отъ,
Сталъ семи годовъ —да ёму отъ роду;
Какъ премудрой былъ царевичъ-отъ хитро̀й мудрой;
Изучился-то онъ скоро Божьей грамотѣ,
Ко всёму онъ изучился, чему надобно.
Ишше сталъ-то у насъ Петръ всё Олексѣёвичъ,
Приходить-то стало время какъ женитбы тутъ.
Говорилъ-то ёму царь-отъ, государь всё нашъ,
Олексѣй-отъ говорилъ да свѣтъ Михайловичъ:
„Ты женись-ко-ся, женись ты, младъ царевичъ-отъ,
Ты женись-ко-ся у мня, да гдѣ тѣ хочетця“.
Отвѣчаетъ царевичъ Петръ мой Олексѣёвичъ:
— Я женитьця не хочу да въ камянной Москвы;
Ты построй-ко мнѣ-ка, батюшко, да славный городъ-отъ,
Питенбурхъ-отъ ты мнѣ зьдѣлай славнымъ городомъ;
Я уѣду, тамъ дакъ буду жить-то я,
Буду жить-то я, владѣть своимъ дворьцомъ.—
Ай послушалъ-то ево всё ро̀дной батюшко;

Говорилъ-то самъ ёму да таковы рѣчи:
„Ты, премудрой, ты, прехитрой ты царевичъ мой!
Ужъ ты ладно-то всё у мня умудрился.
Мы зачнёмъ-то дѣлать, убирать-то славный Питенбурхъ-городъ;
Ты уѣдёшь во готовы во полатушки,
Со своей тогда уѣдёшь съ молодой жоной“.
Женилъ-то своёго сына любимого,
Шьчо того-ли все Петра да ишше Перьвого,
Онъ женилъ-то вѣдь ево во земли невѣрною,
Во богатой онъ земли у короля швецького;
Онъ вѣдь бралъ-то тутъ Настасью Королевисьню,
Онъ привёзъ-то все ей въ матушку-ту въ камянну Москву.
Посьлѣ этово-то было посьлѣ времени,
Тамъ росстроили вѣдь Питёнбурхъ-городъ,
Они здѣлали дворець всё государёвъ-отъ;
Уѣжалъ-то со своей онъ молодой женой,
Съ молодой женой съ Настасьей съ Королевисьнёй.
Они съ той жили хорошо да бéсь лиха;
Ихъ какъ жись-та вѣдь была, да какъ цьвѣты цьвѣли,
Какъ цьвѣты-то цьвѣли у ихъ лазурёвы;
Какъ катился ихной вѣкъ, да какъ рѣка текла.
Въ этой радосьти Господь имъ далъ ишё радось:
Какъ родился-то у ихъ да всё вѣдь милой сынъ,
Всё вѣдь милой-отъ сынъ у ихъ царевичъ-отъ;
Нарекли имя царевичу-ту Ѳёдоромъ.
Собиралъ-то онъ на радосьти весёлой пиръ
Для своёго онъ для младого царевича.
Тутъ звонили-то везьдѣ да во вси колоколы,
Шьто молили-то Бога за царевича.
Ишше сталъ у ихъ царевичъ подростать онъ вѣдь,
До тово-то онъ у ихъ-то,—сталъ большой у ихъ;
Называть-то стали тутъ наслѣдничкомъ,
Ишше тѣмъ-то стали звеличать-то Ѳёдоромъ Петровичёмъ.
Онъ [1]) почасту собиралъ всё веселы пиры.
Говорили тутъ ему люди премудрые:
„Ужъ ты гой еси, да нашъ бѣлой царь,
Ужъ ты, бѣлой нашъ царь да Петръ ты Перьвой нашъ!
Хошь росьтётъ-то у тебя твоё-то чадо милоё,
Твоё мило росьтётъ чадышко любимоё,—
Онъ вѣдь здѣлатъ-то тебѣ, вѣрно, изьмѣнушку,
Онъ изьмѣнушку тебѣ да онъ твоей вѣры,
Онъ вѣдь будётъ править вѣрушку старинную,
Онъ старинну будётъ вѣру богомольнюю,
Богомольню хранитъ вѣрушку спасёную“ [2]).

Удостовѣрившись въ справедливости доноса, Петръ такъ разгнѣвался на царевича, что чуть не отсѣкъ ему „буйну голову“. Тогда

---

[1]) Т. е. царь.
[2]) Пѣсня сложилась въ сѣверномъ краѣ, среди людей, склонныхъ ко старовѣрію.

Ужахнулся вѣдь нашъ молодой царевичъ-отъ,
Ужахнулся-то онъ, скоро помираётъ тутъ.

Царицу, которая заступалась за сына, Петръ постригаетъ „во монашины“; а самъ три года вдовствуетъ:

Повёлась-то ёго жисьть все не на радосьти,
Не на радосьти пошла, не на весельици.

Наконецъ царь, подъ видомъ плотника, женится на „прекрасной вдовѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“, которая

Пекла на нихъ (т. е. на плотниковъ), варила имъ все кушанье.

(*А. Марковъ.* Бѣломорскія былины. 1901 г. № 60).

---

3. Духовные стихи.

„На Руси стихи духовные возникли со времени уже христіанской религіи изъ стремленія разъяснить себѣ новые и неясные вопросы, предложенные народу религіей, которая не могла сразу найти себѣ полное и вѣрное объясненіе въ грубыхъ умахъ еще язычествующаго по убѣжденіямъ народа, представляя разрушеніе его старыхъ идеаловъ. Выходъ былъ вполнѣ естественный: народъ обратился къ книгамъ и, не найдя въ нихъ многаго интереснаго, пустилъ въ дѣло свою фантазію. Вотъ начало апокрифическихъ сказаній, на которыхъ основывались и духовные стихи...

Духовные стихи есть явленіе не исключительно русской жизни; но наши духовные стихи, сходясь въ сюжетахъ съ произведеніями другихъ народовъ, рѣзко отличаются отъ нихъ въ обработкѣ этихъ сюжетовъ. Во всѣхъ нашихъ духовныхъ стихахъ представляется смѣшеніе чисто народнаго элемента съ книжнымъ: съ одной стороны они повторяютъ языческія преданія, вносятъ въ себя міровоззрѣніе до-христіанскаго народа, съ другой—служатъ отраженіемъ книжной и преимущественно апокрифической литературы. Основой нашихъ стиховъ были книжныя, апокрифическія сказанія; но обработка этихъ сказаній шла чисто народнымъ, безъискусственнымъ путемъ,—что̀ сближаетъ наши духовные стихи съ народными русскими произведеніями до-христіанской эпохи: въ нихъ мы видимъ тѣ же предметы, тѣ же воззрѣнія и представленія, какія намъ хорошо знакомы изъ русскихъ былинъ“.

(*Будде.* „Мѣсто и значеніе духовныхъ стиховъ“).

1. Іерусалимская бесѣда.

Бесѣда царя Давида Иессеевича с царемъ Волотомъ Волотовичемъ на синайстей горѣ, посторонь града Иерусалима, у дуба Маврейскаго, у креста лифанидова, у главы адамовы. В великую было субботу: сьеждялися к церкви к литургiи 42 царя, болшой у нихъ былъ царь

Волотъ Волотовичь, второй у нихъ царь Моисей Моисеовичь, трети у нихъ былъ царь Елисей Елисеевичь, четвертые у нихъ былъ царь Давидъ пророкъ Иессеовичъ. И онѣ тѣ всѣ цари к литургіи приѣхали, і отслушали литургию. Рече имъ царь болшой Волотъ Волотовичь: ой вы, цари і князи благовѣрные! скажите вы мнѣ не утайте: ночесь вамъ кому что и каковъ сонъ видѣлся? Не могите вы утаить от меня: мнѣ повѣдайте. И всѣ цари молчатъ; и рече царь Волотъ; а мнѣ ночесь много видѣлось, и вы про тотъ сонъ скажите, і добромъ ево осудите. С тое страны восточныя восходитъ лучя солнца краснаго, освѣтила всю землю свѣторусскую, а в другую сторону полуденную выростало древо кипарисъ, серебреное кореніе, і вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлой, на ногахъ у него колокольчикъ: кто мнѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать? И тутъ цари умолчали всѣ, единъ от нихъ выступалъ царь Давыдъ пророкъ Иесьсеовичь и заговорилъ таково слово: государь ты нашъ первы царь Волотъ Волотовичь! далече намъ грѣшнымъ до Рима и до Иякова брата Господня; тотъ бы сонъ твой отгадалъ; і азъ тебѣ про нево скажу; и тотъ твой сонъ сбудется во второмъ на десять году. У меня, царя Давыда, родитца сынъ Соломонъ, а у тебя родитца дщерь Соломонида Волотовна, а еще нынѣ въ утробѣ нѣтъ; а что с тое страны восточныя восходитъ лучь солнца краснаго, освѣтитъ всю землю свѣторусскую, то будетъ на Руси градъ Иерусалимъ начальныі, і в томъ градѣ будетъ соборная и апостольская церковь Софіи премудрости Божия о семидесяти верхахъ, сирѣчь святая святыхъ; а что у древа вѣтвие золотое, то будутъ паникадилы поставлены; а вѣтвие бумажное, то свѣщы на паникадилахъ поставлены будутъ пречуднымъ образомъ; а что съ тое страны полуденныя выросътало древо кипарисъ, корение серебреное, то у меня будетъ сынъ, царь Соломонъ премудры; а онъ сожиждетъ святая святыхъ, то есть кречетъ бѣлы; а что у кречета колокольчикъ золотой, у твоей царицы родитца дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца, і твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ. И отвѣща ему царь Волотъ Волотовичь: исполать тебѣ, царь Давыдъ, что ты гораздъ сны-загадки отгадавать, и досужъ доброе слово молвить. И рече ему царь Давыдъ: а ты мнѣ, большой царь Волотъ Волотовичь, про то скажи: отчево у насъ свѣтъ свѣтитца? і отчево сонце сияетъ? і отчево заря занимаетца? на чемъ у насъ небо ходитъ? на чемъ земля стоитъ? Отвѣща болши царь Волотъ Волотовичь царю Давыду; я тебѣ про то скажу: свѣтъ у насъ свѣтится от Господнихъ очей, а сонце сияетъ от святые ризы ево, а заря занимаетца от сонца краснаго, а небо ходитъ на воздусѣхъ, а земля стоитъ на осмидесятъ китахъ рыбахъ менщихъ да на трехъ рыбахъ болшихъ; а ты мнѣ, царь Давыдъ, про то скажи: кой градъ градомъ мать? и коя церковь церквамъ мать? кое древо древомъ мать? і коя глава главамъ мать? кой камень камнемъ мать? коя трава травамъ мать?

коя птица птицамъ мать? кой звѣрь звѣрямъ мать? кое озеро озеромъ мать? кое море морямъ мать? И рече царь Давыдъ: я тебѣ про то скажу. Первы градомъ мать градъ Іерусалимъ; ево пасхалия азбучная во всю землю свѣторускую; а церковь церквамъ мать соборная Софія премудрости Божия, да в той же церкви стоитъ гробъ Господень: потому церковь церквамъ мать; а рѣка рѣкамъ мать Иорданъ, потому что она течетъ из рая Едемскаго, а в ней крестился Господь нашъ Іисусъ Христосъ: потому рѣкамъ мать; а глава главамъ мать адамова глава: коли сотворилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ небо и землю, і вся, яже на земли, и начерта на земли по образу своему человѣка, и нарече ему имя Адамъ, і вынялъ у нево ребро, і сотворилъ ему жену Евву, и от нихъ поидоша цари і князи, потому адамова глава главамъ мать; а древо древомъ мать древо кипарисъ, пѣвга, кедръ, потому что от нихъ ідетъ благоухание, от нихъ же родитца ладонъ, идетъ во всю землю свѣторускую: потому древомъ мать; а трава травамъ мать плакунъ-трава; какъ жидове Христа распинали, і Богородица на ту траву уканула слезу: потому травамъ мать; а птица птицамъ мать таврукъ-птица, невелика, с рускую галку, а живетъ она у гремячева кладезя, у теплаго моря; а звѣрь звѣрямъ мать единьрохъ; коли на земли была засуха і в тѣ поры дождя на землю не былю, тогда в рѣкахъ і в озерахъ воды не было, толко в единомъ езерѣ вода была, і лежалъ великій змиі, и не давалъ людямъ пить, и никакому протекучему звѣрю, ни птицѣ полетучей; и коли побѣжитъ единорогъ воды пить и змиі люты заслышитъ и побѣжитъ отъ звѣря того за три дни, і в`ту пору запасаютца водою люди; а езеро езерамъ мать Илѣмень езеро, что подъ Кіевомъ градомъ, потому что взяла в себя триста рѣкъ; а море морямъ мать акиянъ море великое, потому что в немъ стоитъ церковь Клемента, папы римскаго; а рыба рыбамъ мать китъ рыба великая: какъ та рыба китъ взыграетца и пойдетъ въ глубину морскую, тогда будетъ свѣту преставленіе; а гора горамъ мать фаворская да сионская. И глагола ему царь Давыдъ: а ты мнѣ, царь Волотъ Волотовичь, про то скажи: кому на второмъ пришесътвіи не быть и лица Божия не видать и суда Божия імъ не будетъ? И отвѣща ему царь Волотъ Волотовичь: азъ тебѣ про то скажу: всякому человѣку на второмъ пришествіи быть и судъ ихъ будетъ по дѣломъ ихъ, а еретикамъ і чародѣемъ тѣмъ суда Божия не видать; без суда Божия посланы будутъ въ муку вѣчную, нынѣ и присно і во вѣки вѣковъ, аминь.

2. Голубиная книга.

(Происхожденіе міра —Міровой порядокъ).

Изъ-подъ той страны изъ-подъ восточныя
выставала туча темная, грозная;
да изъ той изъ тучи грозной, темныя,
выпадала книга голубиная.
На славную она выпала на Өаворъ-гору,
ко чудну кресту къ животворящему,
ко тому ко камню ко бѣлатырю,

ко честной главы ко адамовой.
Ко этой книги голубиныя
собиралисъ къ ней, соѣзжалися
сорокъ царевъ, все царевичи,
и премного князей, много князевичей;
изъ нихъ было пять царевъ наболь-
шихъ:
былъ Исай царь, другой царь Ко-
стянтинъ,
былъ Василей царь сынъ Акулье-
вичъ,
Волотоманъ царь былъ Волотомано-
вичъ,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ.
Возговоритъ Волотоманъ царь Воло-
томановичъ:
„Государи, братцы, сорокъ царей,
хто изъ насъ, братцы, гораздъ по
памяти,
хто прочелъ бы намъ книгу голу-
биную;
какъ бы намъ узнать, во книгѣ что
написано,
въ голубиной напечатано“.
Тогда всѣ цари тутъ пріумолкнули.
Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ:
„Государи, братцы, сорокъ царей,
я вамъ такъ скажу, братцы, по
памяти,
по памяти, какъ по грамоты,
про этую книгу голубиную!
Великая книга голубиная!
Вдолину книга сорока локотъ,
поперегъ книга тридцати локотъ.
въ толщину книга десяти локотъ.
Не узнать намъ, во книгѣ что на-
писано;
на рукахъ держать намъ книгу,
не удержать будѣтъ,
умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,
и очамъ намъ книгу не обозрити.
Великая книга голубиная!
Писалъ эту книгу святъ Исай про-
рокъ,
читалъ эту книгу Иванъ Богословъ.
Онъ читалъ эту книгу ровно три года,
прочиталъ во книгѣ только три
листа“.
Ему вси цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ прему-
дрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ.
Хорошо сказалъ, сударь, намъ по
памяти.
Ты еще, государь нашъ, намъ про
то скажи:
отчего начался у насъ бѣлый свѣтъ;
отчего у насъ солнце красное;
отчего у насъ младъ свѣтёлъ мѣсяцъ;
отчего у насъ звѣзды частыя;
отчего у насъ зори свѣтлыя?“
Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ:
„Начинался бѣлъ свѣтъ отъ Свята̀
Духа̀,
Отъ Свята̀ Духа̀, самого Христа,
Самого Христа, Царя Небёснаго.
Солнце красное отъ лица Божья̀,
Младъ свѣтёлъ мѣсяцъ отъ грудей
Божьихъ,
звѣзды частыя — оны отъ ризъ
Божьѝхъ,
зори свѣтлыя отъ очей Божьѝхъ,
Самого Христа, Царя Небёснаго“.
Ему вси цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ.

Хорошо сказалъ, сударь, намъ по памяти
про этую книгу голубиною.
Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
отчего цари зачàдилися,
и отчего князья со боярами;
отчего крестьяне православные?"
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„Зачàдились цари со царицами
отъ честнòй главы отъ адамовой;
зачàдились князья со боярами
отъ честнỳхъ мощей отъ адамовыхъ;
завелось крестьянство православное
отъ того колѣна отъ адамова". [1])
Ему всѣ цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
Хорошо сказалъ, государь нашъ, намъ по памяти
про этую книгу голубиную.
Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
который у насъ городъ городамъ мать;
и которая церква надъ церквями мать;
и который царь надъ царями царь?"
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь:
„Iерусалимъ-городъ городамъ мать".
— Почему Iерусалимъ-городъ городамъ мать?—
„А стоитъ Iерусалимъ-городъ посреди земли,
посреди земли, во ней пупъ земной,
Во начальномъ градѣ, въ Iерусàлимѣ,
тутъ состроена церковь соборная;
во этой церкви во соборныя,
въ ней содержится гробница Господняя.
Она на вòздусяхъ, сама на вòзнесяхъ.
Тутъ темьянъ и ладонъ рядомъ кỳрятся,
свѣча теплится неугасимая:
потому Iерусàлимъ - городъ городамъ мать,
потому этая церква надъ церквями мать.
А нашъ бѣлый царь надъ царями царь.
(Какъ у нашего царя бѣлаго
въ его царстви вѣра благувѣрная,
благувѣрная, благучестивая,
высокая его рука царьская
по всей земли, всей подселенныя:
потому нашъ бѣлый царь всимъ царямъ царь"). [1])
Ему вси цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
Хорошо сказалъ, государь нашъ, намъ по памяти
про этую книгу голубиную.
Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
которая у насъ земля всѣмъ землямъ мать,
и которая гора всѣмъ горамъ мать,
и которое древо всѣмъ древамъ мать?"
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,

[1]) Ср. индійское вѣрованіе о происхожденіи главнѣйшихъ кастъ изъ устъ, изъ рукъ изъ ногъ Брамы.

[1]) Стихи, поставленные въ скобкахъ, см. Варенц., стр. 33.

нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„Государи, братцы, сорокъ царей:
Свята Русь-земля — всѣмъ землямъ мать".
— Почему свята Русь-земля — всѣмъ землямъ мать?
„Изукрашена свята Русь-земля Божьіимъ церквіимъ;
на ней строются церкви соборныя:
потому она всѣмъ землямъ мать.
А Ѳаворъ-гора всѣмъ горамъ мать".
— Почему жъ Ѳаворъ-гора надъ горами мать?—
„На славной было на Ѳаворъ-горы
преобразился на горы самъ Іисусъ Христосъ
со двумъ-на-десятями со апостоламъ;
потому Ѳаворъ-гора надъ горами мать.
Кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать."
—Почему-жъ кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать?
„Изъ того изъ древа кипарисн аго,
изъ него былъ вырѣзанъ пречудный крестъ;
на томъ крестѣ животворящіимъ—
на немъ былъ роспятъ Самъ Іисусъ Христосъ:
потому кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать".
Ему вси цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
Хорошо сказалъ, государь нашъ, намъ по памяти
про эту книгу голубиную.
Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
которое у насъ море надъ морями мать,
и которое озеро озерамъ мать,
и которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мать?"
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„У насъ кіянь-море всѣмъ морямъ мать".
—Почему кіянь-море надъ морямъ мать?—
„Обошло кіянь-море вокругъ земли,
вокругъ земли, всей подселенныя:
потому кіянь-море надъ морямъ мать.
А Ильмень-озеро надъ озерамъ мать.
Да не тотъ Ильмень, кой подъ Новымъ градомъ,
и не тотъ Ильмень, кой во Большой Орды,
а есть тотъ Ильмень, кой въ Турецкой земли;
Изъ того Ильменя изъ озера
протекаетъ матушка Іордань-рѣка:
потому Ильмень-озеро — озерамъ мать,
а Іордань-рѣка — надъ рѣками мать,—
во славной матушки во Іордань-рѣки
окрестился въ ней Самъ Іисусъ Христосъ:
потому Іордань-рѣка надъ рѣкамъ мать."
Ему всѣ цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
намъ про этую книгу голубиную.
Ты еще, сударь, намъ про то скажи:
которая у насъ рыба надъ рыбамъ мать,
и которая птица надъ птицамъ мать,

и который звѣрь надъ всѣмъ звѣрямъ звѣрь?"
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„У насъ китъ-рыба надъ рыбамъ мать".
—Почему жъ китъ-рыба надъ рыбамъ мать? —
„На трехъ китахъ, на рыбинахъ,
на тридцати было на малыихъ,
основана на нихъ вся сыра-земля
и содержится вся подселенная:
потому китъ-рыба надъ рыбамъ мать.
А стрефилъ-птица надъ птицамъ мать.
— Почему жъ она надъ птицамъ мать?—
„Сидитъ стрефилъ-птица посредѣ моря;
она плодъ плодитъ во синё море,
а полетъ сама держитъ по поднéбесью.
Послѣ полуночи во второмъ часу,
какъ стрефилъ-птица—она трепéхнется,
запоютъ куры у насъ по всей земли;
просвѣщается тогда вся вселенная:
потому стрефилъ-птица всѣмъ птицамъ мать.
Единорогъ-звѣрь надъ всѣмъ звѣрямъ звѣрь".
— Почему единорогъ надъ всѣмъ звѣрямъ звѣрь?—
„Живетъ единорогъ во Святой горы,
онъ проходъ имѣетъ по подзéмелью,
прочищаетъ всѣ ключи источные.
Когда единорогъ-звѣрь поворотится,
воскипятъ ключи всѣ подземельные:
потому единорогъ-звѣрь всѣмъ звѣрямъ звѣрь".
Ему всѣ цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь.
Хорошо сказалъ, сударь, по памяти.
Ты еще, сударь, намъ про то скажи:
который у насъ камень каменямъ мать;
и которая трава всѣмъ травамъ мать;
и которымъ грѣхамъ покаянье есть,
и которымъ грѣхамъ покаянья нѣтъ".
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„Бѣлатырь-камень каменямъ мать".
— Почему бѣлатырь каменямъ мать?
„На томъ камнѣ бѣлатырѣ,
на немъ бесѣдовалъ самъ Іисусъ Христосъ
со двумъ-на-десяти со апостоламъ.
Утверждали вѣру христіанскую;
роспущали книгу голубиную
по всей земли подселенныя:
потому бѣлатырь каменямъ мать.
А плакунъ-трава надъ травамъ мать".
— Почему плакунъ-трава надъ травамъ мать?—
„Когда былъ распятъ Іисусъ Христосъ,
Тогда шла Мать Пресвятая Богородица
ко своему Сыну ко распятому.
Она рóнила свои слёзы пречистыя
на матушку на сыру-землю,—
отъ еённыхъ слёзъ отъ пречистыихъ
зарождалась на земли плакунъ-трава.
Изъ того коренія изъ плакунова
вырѣзаютъ у насъ въ Руси креста чудные,
ино тѣмъ у насъ люди спасаются—

всѣ монахи и старцы, и всѣ юноши:
потому плакунъ-трава надъ травамъ мать.
Братцы, всѣмъ грѣхамъ покаянье есть;
а этымъ грѣхамъ покаянья нѣтъ:
который бранитъ, братцы, Свята̀ Духа̀;
и который бранитъ отца со матерью;
. . . .
. . . .
этымъ грѣхамъ покаянья нѣтъ".
Ему всѣ цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь.
Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
намъ про этую книгу голубиную".
Возго̀воритъ Волотоманъ царь Волотомановичъ:
„Государи, братцы, сорокъ царей,
что случилося въ моемъ во чистомъ полѣ:
бытъ два заичика собѣгалися —
одинъ сѣренькій былъ, другой бѣленькій,—
и промежду собой оны подра̀лися.
Бытъ какъ сѣрый бѣлаго пріобидѣлъ же:
пошелъ бѣленькій во чисто̀ поле,
пошелъ сѣренькій во темны̀ лѣса".
Тогда всѣ цари пріумо̀лкнули.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„То не заичики въ полѣ собѣгалися:
тутъ сошлася кривда со правдою,
и промежду собою оны подра̀лися.
Нонѣчь кривда правду пріобидѣла:
пошла правда она на вышнія нéбеса,
а кривда оставалась на сырой земли,
по всему народу православному.
Она пала намъ всѣмъ на ретиво̀ сердце:
оттого у насъ въ мірѣ стало правды нѣтъ;
стали беззаконія великія".
Ему всѣ цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
Хорошо сказалъ, сударь, по памяти".
Возго̀воритъ Волотоманъ царь Волотомановичъ:
Государи, братцы, сорокъ царей,
мнѣ ночесе-ночь мало спа̀лося;
мнѣ предивный сонъ во снѣ привидѣлся:
быдто въ моемъ саду во зеленыимъ
вырастало тутъ древо̀ саха̀рное;
на мое древо̀ на сахáрное
прилетала пташечка малёшенька,
распущала перья до сырой земли.
Ино кто сказалъ бы, братцы, про мой дивный сонъ,—
я-бъ того, сударь, много пожаловалъ".
Тогда всѣ цари пріумолкнули.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„Отъ моей царицы отъ благовѣрныя
народится сынъ царь Соломонъ;
а отъ его царицы отъ благочестивыя
народится дочь Соломонидія.
Мому сыну, царю Соло̀мону
на его на дочери быть женитися.
Черезъ тридцать лѣтъ этотъ сонъ разсудится".

Варенцовъ, 19—29.

Примѣчанія. „Стихъ о Голубиной книгѣ имѣетъ космогоническій характеръ: въ немъ рѣшаются вопросы о началѣ міра, происхожденіи и первенствѣ разныхъ предметовъ въ мірѣ. Колоритъ стиха христіанскій: и вопросы рѣшаются и всѣ предметы въ мірѣ оцѣниваются съ точки зрѣнія христіанской: все въ мірѣ производится отъ Христа, Царя небеснаго. Обстановка стиха также христіанская; дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ; дѣйствующія лица: пророкъ Давидъ и русскій князь Владиміръ. Но въ то же время видно, что стихъ составился не подъ вліяніемъ только чистаго церковнаго ученія, но преимущественно подъ вліяніемъ апокрифическихъ сочиненій и народныхъ сказаній; потому, при христіанскомъ содержаніи, въ стихѣ много старой космогонической примѣси. Изъ апокрифовъ всего болѣе имѣли вліяніе на „стихъ о Голубиной книгѣ“ „Бесѣда трехъ святителей“ и „Іерусалимская бесѣда“. Изложенныя въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, онѣ дали стиху и ту форму, какую онъ имѣетъ, и большую часть тѣхъ вопросовъ, которые въ немъ рѣшаются. „Іерусалимская бесѣда“, которая составилась уже подъ вліяніемъ „Бесѣды трехъ святителей“; такъ близка къ „стиху о Голубиной книгѣ“, что одни считаютъ ее переходнымъ звеномъ отъ „Бесѣды трехъ святителей“ къ стиху, а другіе первымъ видомъ или первою редакціею стиха. Вмѣсто трехъ святителей, разсуждающихъ въ апокрифѣ, въ „Іерусалимской бесѣдѣ“ разсуждаютъ царь Давидъ и царь Волотъ Волотовичъ, въ присутствіи двухъ другихъ царей, Моисея Моисеевича и Елисея Елисеевича. Они предлагаютъ другъ другу тѣ же почти вопросы, которые рѣшаются въ „стихѣ о Голубиной книгѣ“.—Изъ „Іерусалимской бесѣды“ царь Волотъ перешелъ и въ „стихъ о Голубиной книгѣ“, гдѣ онъ въ нѣкоторыхъ спискахъ замѣняетъ собою имя Владиміра. „Слово *Волотъ*, говоритъ Буслаевъ, и въ древнемъ и въ народномъ русскомъ языкѣ означаетъ великана; слѣд. Волотъ принимался народомъ въ смыслѣ героя, полубога, существа сверхъестественнаго, какими обыкновенно въ миѳологіи разумѣются великаны“. Вошедшій изъ народной космогоніи въ „Іерусалимскую бесѣду“, а отсюда въ первую редакцію „стиха о Голубиной книгѣ“, Волотъ однакожъ не удержался въ немъ, но измѣнился сначала въ *Волотомана, Волотомина*, потомъ *Волотоміра* и наконецъ *Володимера*. Но эта замѣна Волота Володимеромъ произошла, конечно, не случайно и не вслѣдствіе только созвучія именъ, а потому, что народу былъ извѣстенъ князь Владиміръ, какъ просвѣтитель Россіи [1]). Весьма естественно было народу вопросы о началѣ міра вложить въ уста своего князя-просвѣтителя, а разрѣшителемъ этихъ вопросовъ представить царя и пророка Давида, который болѣе всѣхъ другихъ лицъ былъ извѣстенъ ему по своей премудрой книгѣ Псалтырь.

Въ большей части списковъ стиха о происхожденіи „книги Голубиной“ говорится просто:

Восходила туча сильная, грозная;
Выпадала книга Голубиная.

Но въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавляются еще такія подробности, что это было „съ зачатья свѣту бѣлаго, въ городѣ Іерусалимѣ, упала книга на горѣ Ѳаворской, ко чудному кресту Леванитову, ко Латырю бѣлу камени, ко святой главѣ ко Адамовой“. Эти подробности взяты изъ „Іерусалимской бесѣды“, въ которой почти такимъ же образомъ описывается мѣстность, гдѣ происходила бесѣда царя Волота съ другими царями; а въ „Іерусалимскую бесѣду“ они вошли изъ другихъ апокрифовъ и народныхъ сказаній [2]).

---

[1]) По мнѣнію позднѣйшихъ изслѣдователей, *Волотоманъ*, или *Волотоминъ*—слово книжнаго происхожденія (испорченное—*Птоломей*). Попытки осмыслить это слово привели съ одной стороны къ *Волоту*, а съ другой—къ *Володимеру*. В. Я.

[2]) Выраженіе о *главѣ Адамовой* взято изъ апокрифическаго сказанія о „Крестномъ древѣ“. *Леванитовъ* крестъ—крестъ, сдѣланный изъ дерева, выросшаго на горахъ Ливанскихъ. *Латырь*, или *алатырь*-камень собственно означаетъ *алтарь* (олтарь, алтарь, алатырь).

Потомъ описывается самая книга Голубиная:

Долины книга сороку саженъ,
Поперечины двадцати саженъ...
На рукахъ держать, не сдержать будетъ;
На налой положить Божій, не уложится.

Такой огромный размѣръ Голубиная книга получила, можетъ быть, въ подобіе тѣмъ книгамъ, о которыхъ въ „Вопросахъ Іоанна Богослова" сказано: „видѣхъ книги лежаща, яко мню, ровно 7 горъ толщина ихъ, долготы же ихъ умъ человѣчь не можетъ разумѣти"; а можетъ быть и просто фантазія народная такимъ размѣромъ хотѣла выразить важность книги, которая содержитъ въ себѣ всю премудрость [1]).

3. О Георгіѣ Храбромъ.

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ,
Ѳедора благовѣрнаго
Жена Софія премудрая
Породила Ѳедору три дочери,
Четвертаго сына Георгія.
Изъ того царства Вавилонскаго
Поднимался царь Дектіанъ
На той святой Іерусалимъ градъ;
Полонилъ у Ѳедора три дочери,
Четвертаго сына Георгія.
Сталъ онъ Георгія допрашивати:
„Ты которую, Георгій, вѣру вѣруешь:
Которому Богу молишься?"
— „Я вѣрую вѣру крещеную, —
Въ Мать Божію Богородицу,
Въ Троицу нераздѣлимую".
А злодѣй-царище Дектіанище:
„Ты увѣруй, Георгій, мою вѣру
Поклоняйся, Георгій, моимъ идоламъ!
Я устрою тебѣ свѣтлую свѣтлицу,
Дамъ тебѣ слугу вѣрную,
Дамъ тебѣ злата-сѣребра,
Драгоцѣнная камения".
Святый Георгій проговаривалъ,
Святый храбрый проглаголовалъ:
— „Злодѣй-царище Дектіанище!
Мнѣ ненадо отъ тебя злата-сѣребра,
Ненадо свѣтла свѣтлица,
Ненадо слуга вѣрная.
Пропадешь на семъ свѣту на бѣлоёмъ
Со златомъ, со сѣребромъ,
Съ драгоцѣннымъ каменемъ:
Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,
Еще Троица нераздѣлимая!"
Злодѣй-царище Дектіанище,
На святого Георгія зло-паляюще,
Повелѣлъ Георгія на мученье взять,
На мученье взять на великое:
Приказалъ Георгія въ топоры рубить во желѣзные.
У топорьевъ по обухъ лезвіё обломалося, —
Ничѣмъ святого Георгія не вредитъ.
Георгій гласы гласитъ до небесъ свои:
„Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,
Еще Троица нераздѣлимая".
Злодѣй-царище Дектіанище [1])
Приказалъ Георгія во пилы пилить во желѣзныя.
У пилъ зубьё обломалося, —
Ничѣмъ святого Георгія невредитъ [2]).

[1]) Опущены, какъ и въ слѣдующихъ за тѣмъ мѣстахъ:
На святого Георгія зло-паляюще,
Приказалъ Георгія на мученье взять на великое.

[2]) Опущены (см. прим. 1-е):
Онъ гласы гласитъ до небесъ свои:
«Велика наша вѣра и пр.

[1]) Нѣкоторые сближаютъ ее съ апокрифическою *Глубиною* и тѣми *Глубинными* книгами, о которыхъ упоминается въ житіи Авраамія Смоленскаго.

Злодѣй-царище Дектіанище
Приказалъ Георгія въ пещи жечь въ огнѣ-въ пламени.
Георгій стоитъ на вбздусѣ,—
Святого Георгія ничѣмъ не вредитъ.
Злодѣй-царище Дектіанище
Приказалъ Георгія въ сапоги ковать въ желѣзные,
Разжигать жаромъ, огнемъ-пламенемъ.
Ковали сапоги желѣзные,
Поджигали огнемъ-пламенемъ;
Въ сапогахъ гвозди трех-верховые!
Повелѣлъ Георгію въ сапоги вставать
Во желѣзные, во калёные,—
Святого Георгія ничѣмъ не вредитъ.
Злодѣй-царище Дектіанище
Приказалъ Георгія на водѣ топить на синемъ морѣ.
Святый Георгій поверхъ воды плаваетъ,—
Ничѣмъ святого Георгія не вредитъ.
Злодѣй-царище Дектіанище,
На святого Георгія зло-палающе,
Приказалъ Георгія на мученье взять на великое,
Приказалъ наледники копать преглубокіе—
Въ глубину копать 60 саженъ,
Въ ширину копать 40 саженъ,
Обшивать шитвомъ дубовымъ,
Закрывать крышкой желѣзною,
Засыпать песками рудожелтыми.
Копали наледники глубокіе,
Въ глубину 60 саженъ,
Въ ширину 40 саженъ,
Обшивали шитвами дубовыми,
Закрывали крышею желѣзною,
Засыпали песками рудожелтыми.
Святого Георгія посажаючи
На тридцать лѣтъ и на трй-года,
Самъ злодѣй пескомъ притоптывалъ,
Самъ злодѣй приговаривалъ:
„Не бывать бы Георгію на бѣломъ свѣту,
Не видать бы Георгію свѣту бѣлаго,
Не узрѣть бы Георгію солнца краснаго,
Что на тридцать лѣтъ на трй-года".
Въ то время прохождаючи,
Ровно тридцать лѣтъ и трй-года.
Георгій возмолился:
— „Услышь, Господи, мое моленіе,
Услышь, Господь Богъ, мое терпѣніе,
Сошли съ небесъ погодушку
Со восточной сторонушки;
Раскрой крыши желѣзныя,
Разнеси пески рудожелтые,
Разбей шитвы дубовыя".
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію
Поднималась погодушка со вихоремъ
Со восточной сторонушки,
Разнесло пески рудожелтые,
Раскрывало крыши желѣзныя,
Расшивало шитвы дубовыя.
Увидалъ Георгій свѣту бѣлаго,
Возвидѣлъ Георгій солнце красное,
Выходилъ Георгій изъ той ямы глубокія
На̀ землю святорусскую.
Георгій похождаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Видитъ вдалечѣ, въ чистомъ полѣ—
Стоитъ одна церковь соборная.
Георгій входилъ въ церковь соборную,
Поклонился Георгій чудному образу.
И стоитъ тутъ одна женщина,
Богу молится, Спасову образу,—
Его мать Софія премудрая.
Поклонился Георгій родной матери въ рѣзвы ноги:
— „Гой еси, мать моя Софія премудрая!

Гдѣ, мой конь богатырскій?“
— „Твой конь въ чистомъ полѣ;
На немъ вся сбруя цѣлымъ-цѣла,
Сбруя несмятая, булатная“.—
Поклонился Георгій чудному образу.
Георгій похождаючи
Изъ тоя церкви изъ соборныя,
Богатырска коня искаючи,
На богатырска коня сажаючись,
Георгій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Святый Георгій наѣхавши
На то на стадо на звѣриное—
На сѣрыхъ волковъ:
Волкъ съ волкомъ сойдутся и не разойдутся.
Нельзя Георгію проѣхати,
Нельзя святому подумати.
Святой Георгій проговаривалъ,
Святой храбрый проглаголивалъ:
— „Гой еси вы, волки сѣрые!
Разойдитеся по всему свѣту по бѣлому
По два, по четыре и по единому,
Пейте, ѣшьте посулёное и благословлёное“.—
По Георгіеву по моленію,
По его святому терпѣнію
Расходилися волки по всему свѣту по бѣлому
По два, по четыре и по единому.
Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Святой Георгій наѣхавши
На тѣ горы на толкучія:
Гора съ горой сойдутся
И гора съ горой не разойдутся.
Нельзя Георгію проѣхати,
Нельзя святому подумати.
Георгій проговаривалъ,
Святой храбрый проглаголивалъ:
— „Разойдитеся, горы, по всему свѣту по бѣлому!
Я на васъ, горы, буду строиться,
Буду строить церкви соборныя и богомольныя“.—
По Георгіеву по моленію,
По его святому терпѣнію
Расходились горы по всему свѣту по бѣлому.
Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Святой Георгій наѣхавши
На тѣ лѣса на дремучіе:
Къ сырой землѣ лѣса клонятся,
Отъ сырой земли не отдѣляются.
Нельзя Георгію проѣхати,
Нельзя святому подумати.
Георгій проговаривалъ,
Святой храбрый проглаголивалъ:
— „Гой еси, лѣса дремучіе!
Отдѣлитеся, лѣса, отъ сырой земли!
Я изъ васъ, лѣса, буду строиться,
Строить буду церкви соборныя, богомольныя“.—
По Георгіеву по моленію,
По его святому терпѣнію
Отдѣлились лѣса отъ сырой земли.
Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Святый Георгій наѣхавши
На то стадо на змѣиное,
На лукавое, окаянное.
Нельзя Георгію проѣхати,
Нельзя святому подумати.
Строгалъ Георгій стружки дубовыя,
Самъ къ стружкамъ приговаривалъ:
— „Обращайтеся, стружки, въ каленѣ стрѣлы,
Прибейте стадо змѣиное,
Змѣиное стадо лукавое, окаянное!“ —
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію
Обращались стружки въ каленѣ стрѣлы,
Прибили стадо змѣиное,

Лукавое, окаянное.
Святой Егорій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Пріѣзжалъ Егорій
Къ тому ко городу Кіеву.
На тѣхъ вратахъ на Херсонскіихъ
Сидитъ Черногаръ-птица,
Держитъ въ когтяхъ Осетра рыбу.
Святому Егорію проѣхать не будетъ.
Святой Егорій глаголуетъ:
„Охъ ты, Черногаръ-птица!
Возвейся подъ нéбеса,
Полети на Океанъ-море:
Ты и пей и ѣшь въ Океанъ-морѣ,
И дѣтей производи на Океанъ-морѣ!“
По Божьему повелѣнію,
По Егорьеву моленію,
Подымалась Черногаръ-птица подъ нéбеса,
Полетѣлъ онъ на Океанъ-море,
Онъ пьетъ и ѣстъ въ Океанъ-морѣ,
И дѣтей выводитъ на Океанъ-морѣ.
Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Георгій наѣхавши на трехъ пастуховъ,
Пастухи—красныя дѣвицы.
Георгій проговаривалъ,
Святой храбрый проглаголивалъ:
„Гой еси, пастухи-красныя дѣвицы!
Вы скажитеся, не утайтеся,
Котораго вы сами города,
Котораго отца-матери!“
— „Мы—города Іерусалимскаго,
Отца-Ѳедора благовѣрнаго,
Мать у насъ—Софія премудрая“.
— „Ахъ вы, пастухи-красныя дѣвицы,
Мои вы родныя сéстрицы!
Вы змѣинаго духа нахваталися,
И на васъ тѣло, какъ дубовая кора.
Вы сходите въ Іордань рѣку, искупайтеся“.—
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію
Сходили онѣ—въ Іорданѣ искупалися,
Приходятъ въ царство Вавилонское.
Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Святой Георгій доѣхавши
До того царства до дальняго,
До того царства Вавилонскаго,
Ко тому ли царищу Дектіанищу.
Зашипѣлъ онъ, злодѣй, по змѣиному,
Заревѣлъ по звѣриному.
Устрашился у Георгія богатырскій конь,
Палъ конь на сыру землю;
Вынимаетъ Георгій палицу боёвую,
Бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ у него кожу дò-мяса,
Мясо пробиваетъ дò-костей,
Пробиваетъ кости дò-мозгу.
Отвѣчалъ ему конь человѣчьимъ голосомъ:
„Гой еси, Георгій святой храбрый!
Вынимай свой тугой лукъ
И вкладывай каленỳ стрѣлу,
Пускай злодѣю въ челюсти,
Отбей у него легкое съ печенью,
Пролей кровь за батюшку и за матушку
И за родныхъ сестеръ!“
Вынималъ Георгій тугой лукъ,
Вкладывалъ каленỳ стрѣлу,
Пускалъ злодѣю въ челюсти,
Отбивалъ легкое со печенью,
Проливалъ кровь за батюшку,
Проливалъ кровь за матушку,
Проливалъ кровь за родныхъ сестеръ.
Одолѣла кровь Георгія бусурманская, окаянная;
Стоялъ онъ въ крови не по колѣнъ, не пò-поясъ,

А стоялъ онъ въ крови по бѣлы груди:
Вынимаетъ онъ копье долгомѣрное,
Ударилъ въ мать во сыру землю:
„Разступися, мать-сыра земля!
Пожри кровь бусурманскую и окаянную!“
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію
Растугилася мать-сыра земля,
Пожрала кровь бусурманскую, окаянную.
Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Георгій въѣхавши въ тое царство Вавилонское,
Сколь народу Георгію поклонилися,
Ко святому Георгію обратилися.
И стали они святую вѣру вѣровать—
Во Мать Божію Богородицу,
Въ Троицу нераздѣлимую.
И сдѣлали Георгію въ году два праздника.
Во вѣки. Аминь.

Варенцовъ, 100—110.
(Записана въ Нолинскѣ, Вятск. губ.).

Примѣчаніе 1. „Стихъ о Георгіи Храбромъ“, подобно „стиху о Голубиной книгѣ“, имѣетъ также космогоническій характеръ; но въ немъ говорится уже не о началѣ всего міра, какъ въ „Голубиной книгѣ“, а только о началѣ устроенія и просвѣщенія русской земли, которое приписывается св. Георгію. Въ стихѣ о Георгіи можно различать двѣ части. Въ первой части описываются происхожденіе и мученія Георгія. Сказаніе о происхожденіи Георгія представляетъ странное, противорѣчащее исторіи, смѣшеніе времени, мѣстъ и лицъ. Св. Георгій (по житію) жилъ при Діоклетіанѣ и отъ него принялъ мученическую кончину; имя Діоклетіана сохранилось, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ спискахъ: въ другихъ же его замѣнили царище *Демьянище*, *Дектіанище*, *Даріанище* и др. Подъ этими именами, очевидно, изображается языческій царь или вообще язычество, гнавшее христіанство. Родился Георгій, по сказанію стиха, въ Іерусалимѣ, который оказывается въ Россіи; отецъ и мать Георгія не названы въ житіи; но фантазія народная матерью его сдѣлала *Софію премудрую*, которая породила *три дочери*, разумѣя подъ ними, вѣроятно, знаменитую мученицу Софію и трехъ ея дочерей—Вѣру, Надежду и Любовь. Но всего страннѣе въ этомъ разсказѣ изображеніе самого Георгія:

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія вся жемчужная,
По всемъ Егоріѣ часты звѣзды.

Такими же точно словами въ народныхъ сказкахъ описываются разные богатыри и герои, и потому очень можетъ быть, что народъ смѣшалъ Георгія съ какимъ-нибудь древнимъ богатыремъ или божествомъ, мѣсто котораго онъ и замѣнилъ въ его представленіи, подобно тому, какъ св. Власій замѣнилъ собою Волоса, св. Илья-пророкъ—Перуна, св. Іоаннъ Предтеча—Купалу; во второй части стиха онъ, дѣйствительно, изображается въ видѣ богатыря, разъѣзжающаго по русской землѣ. Но можетъ быть также и то, что такое изображеніе Георгія снято просто съ какой-нибудь церковной иконы Георгія въ серебряной и позолоченной ризѣ, усѣянной звѣздами и украшенной жемчугомъ. За разсказомъ о происхожденіи слѣдуетъ изображеніе мученій Георгія. Кромѣ житія, принятаго церковью, въ которомъ изображаются мученія Георгія [1]), ходили еще апокрифическія сказанія о Георгіи: подъ вліяніемъ такихъ сказаній, вѣроятно, и составилось въ стихахъ изображеніе мученій Георгія. „На городъ Іерусалимъ напустилъ Господь царище Діоклеціанище. безбожнаго пса

[1]) Четьи-Минеи 23-го апрѣля.

басурманища". Онъ умертвилъ благовѣрнаго царя Өеодора, взялъ въ плѣнъ Георгія и трехъ его братьевъ и трехъ сестеръ, увезъ въ свою землю невѣрную и здѣсь началъ ихъ мучить... Братья и сестры Георгія, убоявшись мученій, отказались отъ вѣры христіанской; но Георгій остался непоколебимъ. Царь приказалъ мучить его „муками разноличными"...

Георгію не вредили никакія муки. Наконецъ царь велѣлъ посадить его въ глубокій погребъ, закрыть досками желѣзными и засыпать песками рудожелтыми. Здѣсь Георгій сидѣлъ тридцать лѣтъ. Когда исполнилось тридцать лѣтъ, явилась Георгію пресв. Богородица и сказала:

Ты за это ли претерпѣніе
Ты наслѣдуешь себѣ царство небесное.

И поднялись вѣтры буйные, разнесли пески рудожелтые, разметали доски желѣзныя,—и Егорій вышелъ на святую Русь и пришелъ въ городъ Іерусалимъ.

Мать снаряжаетъ въ путь Георгія, какъ настоящаго богатыря. Далѣе слѣдуетъ самое путешествіе Георгія по землѣ русской, которое можно назвать второю частью стиха. Земля русская представлялась Георгію совершенно дѣвственною и дикою, ненаселенною и невоздѣланною: повсюду лѣса дремучіе, горы толкучія, звѣри рыскучіе и змѣи огненныя: нельзя ни пройти, ни проѣхать.—Наконецъ онъ доѣхалъ до города Кіева. Внутри города онъ нашелъ палаты бѣлокаменны, гдѣ жилъ царь Діоклетіанище. Описаніе встрѣчи съ нимъ Георгія очень напоминаетъ встрѣчу Ильи Муромца съ Соловьемъ-разбойникомъ въ былинахъ. Увидѣвъ Георгія, царище, подобно Соловью, кричитъ по звѣринному, визжитъ по змѣиному, такъ что конь Георгія упалъ на сыру землю. Егорій убилъ царища, разрушилъ его жилище, утвердилъ въ Кіевѣ вѣру самому Христу, Царю небесному. Потомъ взялъ своихъ сестеръ, привелъ ихъ къ Іордань-рѣкѣ и велѣлъ имъ умыться и окреститься: „камышъ-трава съ нихъ свалилася и еловая кора опустилася". Онъ возвратилъ ихъ своей матери.

Такимъ образомъ, изъ мученика за вѣру, какимъ Георгій изображается въ первой части стиха, онъ превращается во второй части въ учредители порядка, устроителя и просвѣтителя русской земли. Черты, въ какихъ онъ изображается, очевидно, сняты съ какого-нибудь древняго богатыря, хотя его дѣятельность не имѣетъ вполнѣ богатырскаго характера. Онъ ѣздитъ на богатырскомъ конѣ, съ вострымъ копьемъ богатырскимъ, но ни разу не употребляетъ его въ дѣло. Только уже въ Кіевѣ, лицомъ къ лицу встрѣтившись съ Діоклетіанищемъ, своимъ врагомъ и врагомъ христіанства, онъ пустилъ въ него калену стрѣлу и разрушилъ палицей его палаты; но все путешествіе онъ совершаетъ необыкновенно мирнымъ образомъ. Землю русскую онъ устрояетъ тѣмъ, что распространяетъ вѣру христіанскую, строитъ церкви соборныя и богомольныя, ѣздитъ повсюду съ книгою евангеліемъ. Такимъ именно въ высшей степени мирнымъ способомъ, путемъ распространенія христіанской вѣры, дѣйствительно, и происходило устроеніе и просвѣщеніе земли русской. Въ Георгіи, можно думать, народъ представилъ вообще типъ тѣхъ духовныхъ богатырей, героевъ вѣры и просвѣщенія, которые въ древнія времена повсюду являлись въ одеждѣ инока и мірянина, въ санѣ князя и епископа, просвѣщали дикія племена Руси, распространяя между ними вѣру, строя города, церкви, монастыри и пустыни [1]).

Примѣчаніе 2. *Мать и сестры Георгія.* „Мать Георгія въ житіи или вовсе остающаяся безъ имени, или носящая другое имя, въ стихѣ называется Софіею-Премудростью. Источникъ ея имени уже давно указанъ (П. А. Безсоновымъ и О. Ө. Миллеромъ) въ художественномъ преданіи. Съ VI вѣка по всей Византійской имперіи строятся соборные храмы Софіи Премудрости Божіей, и, что замѣчательно, въ очень многихъ случаяхъ такой соборный храмъ поминается рядомъ съ другимъ уважаемымъ храмомъ—св. Георгія. То же находимъ мы и на Руси...

---

[1]) *И. Порфирьевъ.* Ист. рус. словесности. I т. 318—322.

Достаточно было явиться Софіи, чтобы вызвать къ жизни ея дочерей: Вѣру, Надежду и Любовь. Но откуда авторъ стиха взялъ ихъ податливость мучителю? Житіе святыхъ сестеръ, разумѣется, безусловно противорѣчитъ этому. За неимѣніемъ литературнаго источника, мы можемъ удовлетвориться такимъ объясненіемъ: поэтъ, объединивъ гоненіе Діоклетіана съ погромомъ татарскимъ, вспомнилъ и о томъ ужаснѣйшемъ съ нравственной точки зрѣнія бѣдствіи земли русской, что люди русской крови поневолѣ татарились и въ глазахъ православнаго христіанина теряли человѣческій образъ до такой степени, что очистить ихъ вполнѣ могли только родъ вторичнаго крещенія и тяжкій подвигъ паломничества въ Святую Землю. Кромѣ того, твердость многомученика рѣзче выдѣлялась при указаніи на слабость его ближнихъ, и свѣтлость лица всепретерпѣвшаго мученика прекрасно оттѣняется полузвѣринымъ видомъ неудержавшихся въ вѣрѣ" [1]).

Примѣчаніе 3. *Препятствія.* „Миѳологи считаютъ своею безспорною собственностью основное препятствіе—горы *толкучія*, и въ этомъ они до извѣстной степени правы. Горы толкучія встрѣчаются безпрестанно въ сказкахъ и очень часто въ такой обстановкѣ, которая указываетъ на ихъ несомнѣнно *облачное* значеніе. И такъ, о первоначальномъ значеніи горъ толкучихъ не можетъ быть спора; но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы авторъ стиха, обдѣлывавшій житіе Георгія во вкусѣ героическаго эпоса, понималъ подъ горами облака; какой смыслъ имѣло бы въ такомъ случаѣ обѣщаніе Егорія построить на этихъ горахъ церковь?

Лѣса *дремучіе* появились въ параллель горамъ *толкучимъ*.

Волки или звѣри и стадо змѣиное, какъ препятствія на пути героя, объясняются, по моему мнѣнію, тѣмъ представленіемъ, которое составилъ себѣ о Георгіи народъ подъ вліяніемъ его апрѣльскаго праздника.

Когда Дюкъ Степановичъ собирается ѣхать въ Кіевъ, мать пытается удержать его, указывая ему на неодолимыя препятствія:

Первая застава—горы толкучія,
Вторая застава—птицы клевучія,
Третья застава—Змѣй Горынище.

Былина не могла пользоваться стихомъ, такъ какъ въ послѣднемъ этихъ препятствій больше и, кромѣ одного варіанта, въ немъ являются не птицы, а одна птица въ эффектной обстановкѣ. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ двумя пересказами литературнаго преданія. Что это за преданіе? Какова его исторія? Былина или стихъ ближе къ нему? Все это вопросы, на которые я отвѣчать не могу; но считаю не лишнимъ замѣтить, что въ препятствіяхъ, предстоящихъ Дюку, нельзя не видѣть поразительнаго сходства съ Симплегадами, Стимфалидами и дракономъ Аргонавтовъ".

Близкую аналогію представляетъ также разсказъ Шахъ-Намé о подвигахъ Исфендіара. „Молодой Исфендіаръ, сынъ Гуштаспа, отправляется по приказанію отца освобождать двухъ принцессъ, похищенныхъ туранцами, своихъ родныхъ сестеръ. Ему говорятъ, что къ желѣзному замку ведутъ три дороги; онъ избираетъ кратчайшую, но исполненную опасностей. Тамъ ему встрѣчаются два *волка* съ рогами, левъ и львица, *драконъ*, отъ крови и яда котораго онъ падаетъ безъ чувствъ, прекрасная волшебница. Птица Семургъ хочетъ со своими птенцами преградить ему путь; онъ ранитъ ее колесницей съ мечами, вслѣдствіе чего вся долина покрывается ея *кровью* и перьями. Кромѣ того, ему мѣшаютъ проѣхать страшный снѣгъ, болотистыя дороги и потоки. Проникши въ замокъ туранскаго царя, онъ находитъ, что сестры его принуждены заниматься *черными работами*. Герой въ заключеніе убиваетъ врага своего рода" [2]).

---

[1]) *А. Кирпичниковъ.* Св. Георгій и Егорій Храбрый. 1879 г.
[2]) *А. Кирпичниковъ.* Св. Георгій и Егорій Храбрый. 1879 г.

III. ПѢСНИ ЛИРИЧЕСКІЯ.

I. Дѣтскія.

а) Колыбельныя.

1.

Тоню тяну,
Рыбу лóвлю,
Въ кошель клàду,
Дóмой нéсу.
Щучки въ кучки,
Плотички на полички;
Одинъ ершокъ
Да й тотъ въ горшокъ.
Щей наварю,
Николая накормлю,
Спáть положу.
Спите-тко, ребята, не чухкайте.

Учитель. 1863, стр. 289.

(Петроваводск. у. Олонецкой губ.)

2.

Баю—баюшки баю,
Бай голубушку мою,
Сонъ ходитъ по лавки,
Дрема по сѣнямъ.
Сонъ говоритъ:—усыплю, усыплю,
А дрема говоритъ:—удремлю, удремлю.
Оны ищутъ дитю,
Усыпить-бы ею.
Я убайкаю дитю,
Убаюкаю ею.

Ib.

3.

Ужъ ты, котинька—котокъ,
Котя, миленькой дружокъ,
Приди, котя, ночевать,
Моего дитя качать.
Я тебѣ ли котичу
За труды заплачу:
Кочергой по плечу (2)
Сама въ дверь погоню.

4.

У кота-кота
Была люлька хороша;
У нашего Колиньки
Лучше его:
Была выточена
Сверху вызолочена.
Спи-тко, Колинька, усни,
Спи, хорошенькой, усни!
Выспишься, дитя,

Не куражишься;
Выстанешь—пойдешь,
Разгуляешься.
Ужъ ты выростешь большой—
Будешь въ золоти ходить,
Чисто серебро носить:
Нянькамъ да мамкамъ
Подарочки дарить.
Байки—побайки
Матери—китайки,
Отцу—молодцу
Хоть на ластовицу.

Ib.

5.

Котинька—котокъ,
Котя, сѣренькій хвостокъ,
Приди, котикъ, ночевать,
Мово Лешиньку качать,
Прибаюкивати!
Я тебѣ коту
За работу заплачу:
Бѣленькій платочикъ
На шею навяжу,
А другой, голубой,
Въ ручки подарю.
А еще тебѣ коту
За работу заплачу:
Въ Великій Постъ
Рѣдьки хвостъ,
Склянку вина
И конецъ пирога.

Шейнъ. I, 7.

(Тула).

6.

По горамъ, горамъ
По высокіимъ,
По раздольицамъ
По широкіимъ,
Тутъ огни горятъ
Негасимые.
Злы татарове
Тутъ полонъ дѣлятъ.
Доставалася
Теща зятю въ плѣнъ;
Онъ отвезъ ее
Къ молодой женѣ.
„Ахъ, и вотъ тебѣ,
Молода жена,
Полоняночка
Съ Руси русская!
Ты заставь ее
Три дѣла дѣлат,:
Что и первое—
То дитя качать,
А другое то—
Тонкій кужель прясть,
Что и третіе—
То цыплятъ пасти.—
„Ты баю, баю,
Мое дитятко:
Ты по батюшкѣ
Злой татарченокъ,
Ты по матушкѣ
Милъ внученочекъ.
Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята,
На правой рукѣ
Нѣтъ мизинчика,
Ты баю, баю,
Мое дитятко!“
Какъ услышала
Тутъ татарочка,
Она кинулась,
Она бросилась
На бѣлы руки
Къ своей матушкѣ:
„Ахъ, родимая
Моя матушка!
Выбирай себѣ

Коня лучшаго: [1])
Мы бѣжимъ съ тобой
На святую Русь,
На святую Русь,
Нашу родину!“

Сахар. Т. I, кн. 3, стр. 263—264.

7.

Спи, усни, мое дитятко!
Покуль гроза пройдетъ,
Покуль бѣда минетъ.
Баю, баюшки баю!
Баю, мое дитятко!
Спи, усни, мое дитятко!
Гроза пройдетъ страшная,
Бѣда минетъ наносная,
Баю, баюшки баю!
Баю, мое дитятко!
Спи усни, мое дитятко!
Твоя матушка—поляночка (полоняночка),
Твой батюшка—поляночикъ.
Баю, баюшки баю!
Баю, мое дитятко!
Злы татарове набѣгали,
Домы, теремы сожигали,
Старыхъ стариковъ убивали,
Баю, баюшки баю!
Баю, мое дитятко!
Молодыхъ въ полонъ полонили,
Животы по себѣ дѣлили.
Баю. баюшки баю!
Б[illegible], мое дитятко!
Разлучили тебя, дитятко,
Съ родимой-ли матушкой.
Баю, баюшки
Баю, мое дитятк
Отогнали прочь, дитятко,
Твоего-ли батюшку родимаг
Баю, баюшки баю!
Баю, мое дитятко!
Ты рости, рости, дитятко,
Во крѣпости и младости.
Баю, баюшки баю!
Баю, мое дитятко!
Ужъ у тебя ли на дворѣ
(Со)стоитъ теремъ одинехочикъ
Безъ батюшки и матушки.
Баю, баюшки баю!
Баю, мое дитятко!
Безъ твоей молодой жены;
Ты сѣдлай коня воронаго,—
Баю, баюшки баю!
Баю, мое дитятко!
Ты скачи въ Орду Золотую,
Вывози батюшку роднова,
Баю, баюшки баю!
Баю, мое дитятко!
На святую ли Русь:
Вывози матушку родиму,
Баю, баюшки баю!
Баю, мое дитятко!
На широкой ли дворъ;
Вывози молоду жену
Во теремъ изукрашенный.
Баю, баюшки баю!
Баю, мое дитятко!

Сахар., т. I, кн. 3, 264—265.

8.

Богъ тебѣ далъ,
Христосъ даровалъ,
Пресвятая Похвала
Въ окошечко подала,
Иваномъ назвала.
Нате-тко,
Да примите-тко!

---

[1]) Варіантъ:
„Ты сыми шубу староношеную,
Ты надѣнь шубу соболиную,
Ты садись со мной въ колясочку“.
— Не сыму шубу староношеную,
Не надѣну шубу соболиную;
Отпусти ты меня въ свою сторону,
Въ свою сторону къ царю Бѣлому,
Къ царю Бѣлому, къ Петру Первому.
Щейнъ, ч. I, стр. 10.

Не куражишьс
Выстанешь—
Разгуляеш
Ужъ т
Буде
Ч

до солнышка!
Будетъ пора,
Мы разбудимъ тебя.
Сонъ ходитъ по лавкѣ,
Дремота по избѣ;
Сонъ говоритъ:
Я дремати хочу.
По полу, по лавочкамъ
Похаживаютъ,
Ванюшкѣ въ зыбочку
Заглядываютъ,
Спать укладываютъ.

Шейнъ, I, 6.
(Тверск. губ.)

б) Забавныя.

9.

Скокъ, поскокъ,
Молодой дроздокъ,
По водичку пошелъ,
Молодичку нашелъ.
Молодиченька
Не величенька,
Сама съ вершокъ,
Голова съ горшокъ,
Шу! (вы) полетѣли,
На головушку сѣли.

Шейнъ, I, 13.
(Тверь).

10.

Донъ, донъ, донъ!
Загорѣлся кошкинъ домъ:
Бѣжитъ курица съ ведромъ
Заливать кошкинъ домъ.

Ib. 14.

11.

Тень, тень, потетень!
Выше города плетень.
Садись, галка, на плетень!
Галки хохлушки,
Спасеныя душки.
Воробьи пророки,
Шли по дорогѣ,
Нашли книгу;
Въ этой книгѣ:
Зюзюка, зюзюка,
Куда намъ катиться?
Вдоль по дорожкѣ,
Коротеньки ножки,
Овсяны сапожки.

Ib. 15.
(Крапивенск. у. Тульск. губ.).

12.

Сорока, сорока!
Гдѣ была? Далеко.
На порогѣ скакала,
Гостей созывала:
Гости не бывали,
Каша пригорѣла.

Потомъ, указывая на каждый палецъ руки, начиная съ большого, приговариваютъ:

И этому дала,
И этому дала, и пр.

И, останавливаясь на мизинцѣ, добавляютъ:

А ты малъ-малешенекъ,
За водицей не ходилъ,
Дровъ не носилъ,
Кашки не варилъ.
Шу! полетѣли,
На головушку сѣли.

Ib. 19—20.

(Москва).

13.

Галки, вороны,
Сбирайтеся къ намъ!
Варите кутью,
Поминайте Кузьму!
За рѣкой въ кусту
Кузьма денежки куетъ,
Всѣмъ по денежкѣ даетъ:
Тюшѣ-Матюшѣ (Матвѣю)
И бабушкѣ горбушѣ,
Еще трехъ Матренъ,
Да Луку съ Петромъ.

Ib. 20.

(Тверь).

14.

Ладушки, ладушки,
Гдѣ были? У бабушки.
Что ѣли? Кашку.
Что пили? Бражку.
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька.
Шу! полетѣли.

Ib. 21.

(Москва).

15.

Куледа, куледа,
Гдѣ ты была?
За воротами.
Гдѣ ворота?
Водой снесло.
А гдѣ вода?
Быки выпили.
А гдѣ быки?
За горы ушли.
А гдѣ горы?
Черви выточили.
А гдѣ черви?
Гуси выклевали.
А гдѣ гуси?
Въ тростникъ ушли.
А гдѣ тростникъ?
Дѣвки выломали.
А гдѣ дѣвки?
За мужья ушли.
А гдѣ мужья?
На печи сидятъ,
Калачи пекутъ
И намъ дадутъ.

Ib. 26—27.

(Москва).

16.

Туру, туру, пастушокъ,
Калиновый подожокъ,
Гдѣ ты былъ, побывалъ?
Отъ моря до моря
До Кіева города,—
Тамъ моя родина.
На родинѣ дубъ стоитъ,
На дубу сова сидитъ.
Сова-то мнѣ теща,
Воробушекъ шуринъ,
Васька Батуринъ,
На грамотку пишетъ,
На дѣвушку дышетъ.
Дѣвица, дѣвица,
Сходи по водицу.
— Я волка боюсь,—
Волкъ на болотѣ,
Коза на работѣ.

Учитель, 1863, стр. 144.

17.

Лучина, лучина,
Гори, гори жарко!
Пріѣдетъ Макарка,
Самъ на лошадкѣ,
Жена на коровкѣ,
Слуга на собачкахъ,
Дѣти на теляткахъ.

Шейнъ. I. 36—37.

(Тверь).

18.

Татарки, татарки,
Взяли по палкѣ,
Ударили по доскѣ,
Поѣхали по Москвѣ.

Ib. 38.

(Крапивенск. у. Тульск. губ.).

19.

А дуду, дуду, дуду!
Потерялъ мужикъ дугу
На солдатскомъ на лугу:
Онъ шарилъ—не нашелъ,
Къ государынѣ пошелъ.
Государыня, боярыня,
Роди ты мнѣ сына
Въ четыре аршина;
Бабушка Арина,
Подай полотенце
Накрыть младенца!
Младенецъ не великъ —
Во всю лавушку лежитъ;
Онъ сталъ на дыбокъ,—
Досталъ потолокъ.

Ib. 41.

(Крапивенск. у. Тульск. губ.).

20.

Какъ у насъ козелъ
Что-та умный былъ,
Самъ и по воду ходилъ,
Самъ и кашу варилъ,
Дѣда съ бабкою кормилъ.
Какъ пошелъ нашъ козелъ
Онъ во темный лѣсъ;
Какъ навстрѣчу козлу
Да семь волковъ:
Какъ одинъ-то волкъ —
Онъ голодный былъ,
Онъ три года ходилъ [1]),
Все козлятины просилъ.

Ib. 50—51.

в) Обрядовыя. Игорныя

21.

Дождикъ, дождикъ, перестань!
Я поѣду въ (во) Врестань [2])
Богу молиться,
Царю поклониться.
Я, убогій сирота,
Растворяю ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.

Ib. 53.

(Чебоксары, Казанск. губ.).

22.

Дождикъ, дождикъ, припусти!
Я поѣду межъ кусты
Богу молиться,

---

[1]) Варіантъ:
Онъ три года болѣлъ,
Все козлятинки хотѣлъ.
Хватилъ козелка
Поперекъ живота,—
Его ноги—на дорогѣ,
Голова его въ кустѣ,
Борода его въ гнѣздѣ.

Ib. 50.

[2]) Варіантъ:
„Во Ристань", „во Рязань".

Христу поклониться;
Богова сирота,
Отворяю ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.

Ib. 54.

(Бѣльск. у. Орловск. губ.).

23.

Дождикъ дождикъ!
На дядину пшеницу,
На нашъ ячмень
Поливай весь день!
На Иванову рожь
Поливай, какъ хошь!

Ib. 55.

(Москва).

24.

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣти плачутъ,
Сыръ колупаютъ,
Кошкамъ бросаютъ,
Намъ ѣсть не даютъ,
Коромыслами бьютъ.

Ib. 55.

(Тобольскъ).

25.

Катилося яблочко
Вокругъ огорода;
Кто его подыметъ,
Тотъ вонъ выдетъ [1]).

Учитель, 1863, стр. 145.

26.

Первички,
Другички,
Трички,
Волычки,
Пятанъ
Ладанъ,
Дикинь
Выкинь.

Ib. 145

27.

Зайчикъ бѣленькій,
Гдѣ ты былъ?
~~Въ лѣсъ.~~
Что дѣлалъ?
Лыки дралъ.
Куды ихъ клалъ?
Подъ колоду.
Кто бралъ?
Родивонъ.
Поди вонъ.

Шейнъ, 59.

28.

Михайла-кортома
Пожарная голова,
Еловая кожа,
Сосновая рожа.

Ib. 66.

29.

Косой бѣсъ
Пошелъ въ лѣсъ,
Срубилъ палку,
Убилъ галку.
Галка плачетъ,
Косой скачетъ.

Ib. 67.

30.

Дядя Тарасъ
Не доѣхалъ до насъ,
Твоя дочка у насъ

1) На комъ изъ играющихъ придется последнее слово, тотъ долженъ отходить, ему не досталось *водить* въ игрѣ (начинать, вести конъ, коноводить).

Плетеночки плететъ,
Въ кошелечки кладетъ.

Ib. 69.

(Четыре послѣднія записаны въ Крапивенск. у. Тульск. губ.).

31.

Ты куколка,
Я куколка;
Ты маленькая,
Я маленькая.
Гдѣ ты была?
У вечерни пробыла.
Что ты въ гости не пришла?
Побоялась тіуна.
Тіунъ тебѣ не судья,
Судія—Владыка.
Владыковы дѣти
Хотятъ улетѣти.
Шишемъ вышелъ,
Вонъ пошелъ.

Ib. 35—36.

II. Пѣсни про любовь.

а) Одиночество.

1.

Какъ у ключика у гремучева,
У колодезя у студенова
Добрый молодецъ самъ коня поилъ,
Красна дѣвица воду черпала;
Почерпнувъ воды, поставила;
Какъ поставивши, призадумалась,
А задумавшись, заплакала,
А заплакавши, слово молвила:
„Хорошо тому жить на семъ свѣтѣ,
У кого есть отецъ и мать,
Отецъ и мать, и братъ—сестра,
Ахъ, и братъ—сестра, что и родъ—племя.
У меня-ль у красной дѣвицы
Ни отца нѣту, ни матери,
Какъ ни брата, ни родной сестры,
Ни сестры, ни роду—племени,
Ни того ли мила друга“.

Сахар. I, 3, 204.

б) Любовь и кручина.

2.

— Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ;
Ты не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ, прошли, прошли наши красны дни,
Наши радости буйный вѣтръ унесъ
И разсѣялъ ихъ по чисту полю!
Соизволилъ такъ родной батюшка,
Приказала мнѣ родна(я) матушка,
Чтобъ женился я на иной женѣ!
Не горятъ въ небѣ по два солнышка,
Не свѣтятъ по два мѣсяца,
Не любить два раза добру молодцу!
Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвѣнчаюсь я со иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью ранней,
Съ смертью раннею и насильною! —
Залилась слез(а)ми красна дѣвица,
Во слезахъ она слово молвила:
„Ахъ ты, милой мой, ненаглядной мой!
Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя, моя надеженька!
Нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ!“
Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго,
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица.

Ib. 208—209.

3.

Ты трава ль моя,
Ты шелковая!
Ты весной росла,
Лѣтомъ выросла,
Подъ осень, травка,
Засыхать стала,—
Про мила дружка
Забывать стала;
Милъ сушилъ, крушилъ,
Сердце высушилъ,
Онъ и свелъ меня
Съ ума-разума.

Шейнъ. I. 292.

(Великолуцк. у. Псковск. губ.).

4.

Охъ, матушка, тошно мнѣ,
Голова болитъ!
Болитъ больно головушка....
Полюбился мнѣ боярскій сынъ.
Молодой боярскій сынъ
Меня высушилъ
Суше вѣтра, суше вихря,
Суше травушки подкошеной.
Я сама же на грѣхъ наступлю,
Я сама же его высушу,
Сдѣлаю его, какъ былочку,
Какъ былочку въ чистомъ полѣ:
Я не зельями, не кореньями,
Я своими горючими слезами
Сдѣлаю, какъ былочку,
Какъ былочку, въ чистомъ полѣ.

Ib. 327.

(Веневск. у. Тульск. губ.).

5.

Кручинушка ты моя, кручинушка великая!
Никому ты, моя кручинушка, неизвѣстна,
Извѣстна ты, моя кручинушка, ретивому сердцу,
Покрыта ты, моя кручинушка, бѣлой грудью,
Запечатана ты, моя кручинушка, крѣпкой думой.
Заной-ко, заной, мое сердечушко, заной, ретивое!
Заслышь-ко, моя любезная, заслышь мой голосочикъ!
Ужъ выдь, моя раздушенька, на красный крылечикъ!
Погляди-ко, моя разлапенька, во чистое поле:
Не бѣлы-то снѣжки во чистомъ полѣ забѣлѣлися,
А забѣлѣлися дружка милаго бѣлыя палаты,
Во палатахъ раскинуты шатры шелковые,
Во шатрахъ-то стоятъ три столика дубовые,
На столахъ-то пораскинуты скатерти бранны,
За столами-то сидятъ три молодца бравы.

Ib. 290.

(Корсунск. у. Симбирск. губ.).

6.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ стыда въ глазахъ.
Ни стыда въ глазахъ, ни совѣсти,
Никакой нѣтъ заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки!
У меня ли у молодешеньки,
Есть и горе и заботушка,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушка:
Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
Зазнобивши, онъ повысушилъ.
Я сама дружка повысушу,
Я не зельями, ни кореньями,

Я своими горючими слезами:
И ты кань, кань, горюча слеза,
Къ милу дружку на бѣлую грудь,
На бѣлую грудь, въ ретиво сердце!

Ib. 326.

(Тульск. губ. и у.).

7.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла.
Подъ тобою ли рябинушкой,
Что не макъ цвѣтетъ, не трава растетъ,
Не трава растетъ, не огонь горитъ,
Не огонь горитъ—ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.
Ахъ, горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ,
По душѣ-ль, душѣ, по лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.
Ты душа ль, душа красна дѣвица!
На зарѣ ль, зарѣ, зарѣ утренней,
При восходѣ ли свѣтла солнышка,
Не простившись съ отцомъ, съ матерью,
Не видавшись съ добрымъ молодцомъ,
Жизнь оставила, скончалася.
Ой вы, вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы осенніе!
Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно.
Прилетайте вы, вѣтры буйные,
Что со сѣверной со сторонушки,
Вы развѣйте здѣсь мать-сыру землю,
И развѣявши по чисту полю,
По чисту полю, по широкому,
Вы раскройте мнѣ гробову доску,
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
Распрощатися съ моей милою,
Съ моей милою, съ душой дѣвицей!
Окропивъ ее горючей слезой,
Я вздохну, умру подлѣ ней тогда.

Сахар. I, 3, 203—204.

8.

Что-то не павушка по дворику гуляла,
Красная дѣвушка по сѣничкамъ ходила,
Ена нянюшекъ и мамушекъ будила:
Вы вставайте, няньки-мамки, пробужайтесь!
Иль да вы ли, души красны дѣвицы!
Вы подумайте мнѣ, младенькой, пригадайте,
Что за что меня вечоръ отецъ и мать бранили,
На весь-то на родъ-племя меня хорошую, журили,
Не велѣли мнѣ по миленькомъ плакать,
Не велѣли мнѣ по хорошемъ тосковать.
Ужъ вы сами, добрые люди, разсудите, (2)
Ино какъ же мнѣ по миломъ не тосковать?
Ужъ какъ же мнѣ по хорошемъ не плакать?
Какъ енъ хорошъ-пригожъ мой миленькій уродился:
Вышелъ мой миленькій родствомъ[1])—пригожествомъ,
Вышелъ мой миленькій всею красотою,

[1]) „Ростомъ“.

Вышелъ мой миленькій всею молодецкою поступкою.

Шейнъ. 299.

(Валд. у. Новгородск. губ.).

в) Разлука.—Прощаніе.

9.

Долина ль ты моя, долинушка,
Долина ль ты моя широкая!
На той ли на долинѣ
Выростала калина;
На той ли на калинѣ
Кукушка вскуковала:
Ты объ чемъ, моя кукушечко,
Объ чемъ кукуешь?
Ты объ чемъ, моя горемычная,
Объ чемъ горюешь?
Ужъ и какъ же мнѣ, кукушечки(ѣ),
Какъ не куковати?
Ужъ и какъ же мнѣ, горемычной,
Какъ не горевати?
Одинъ былъ зеленый садъ,—
И тотъ засыхаетъ,
Одинъ былъ у меня милый другъ,—
И тотъ отъѣзжаетъ,
Одное меня, младешеньку,
Одное меня покидаетъ.

Ib. 310.

(Крапив. у. Тульск губ.).

10.

Не соколъ летитъ по поднебесью,
Не соколъ ронитъ сизы перушки,
Скачетъ молодецъ по дороженьки,
Горьки слезы льетъ изъ ясныхъ очей:
Распрощался онъ съ своей родиной,
Со сторонушкой понизовою,
Гдѣ течетъ въ красѣ Волга матушка;
Распрощался онъ съ красной дѣвицей;
Онъ оставилъ ей на поминъ себѣ
Дорогой перстень съ алмазами,
На обмѣнъ же взялъ отъ красавицы
Золото кольцо обручальное,—
При размѣнѣ самъ приговаривалъ:
„Не забудь меня, моя милая,
Не забудь меня, задушевный другъ,
Чаще взглядывай ты на перстень мой,
Чаще стану я цѣловать кольцо,
Къ ретиву сердцу прижимаючи,
Объ тебѣ, мой другъ, вспоминаючи.
Коль помыслю я о другой любви,—
Золото кольцо распаяется,
Если ты съ другимъ подъ вѣнецъ пойдешь,—
Камень выпадетъ вонъ изъ перстеня“.

Ib. 302—303.

(Епиф. у. Тульск. губ.).

11.

Ахъ ты, солнце, ты, солнце красное!
Ты къ чему рано за лѣсъ катишься?
У меня въ глазахъ сердечной другъ,
Не гоститъ онъ, не жалуетъ,
Все домой снаряжается.
Провожу ли я друга милаго
Чрезъ два поля чистыя,
Чрезъ три луга зеленые,
Чрезъ матушку каменну Москву.
Я тутъ съ другомъ разставалася,
Я слезами обливалася,
Во слезахъ ему слово молвила:
Коли лучше меня найдешь,—позабудешь,
Коли хуже меня найдешь,—вспомянешь.

Сахаровъ, I, 3, 205.

12.

Не спала-то я, младешенька, не дремала,
Я ни думала, младешенька, ни гадала,

Съ правой руки яснаго сокола опустила;
Подымался младъ-ясенъ соколъ выше лѣсу,
Выше лѣсу, выше зеленой дубровы!
Опускался младъ-ясенъ соколъ на сине море,
Онъ садился младъ-ясенъ соколъ на корабликъ.
По кораблику гостиный сынъ гуляетъ,
Во звончатые онъ гусельки играетъ,
Онъ душу красну дѣвицу утѣшаетъ:
Ты не плачь, не плачь, душа красна дѣвица,
Наживай себѣ друга милаго, иного.
Буде лучше меня найдешь—позабудешь;
Буде хуже найдешь—вспомянешь,
Вспомянувъ меня, душа моя, заплачешь.

Ib.

г) Размолвка.—Измѣна.—Ревность.—Месть.

13.

Ужъ вы, да ночи, ночи темныя,
Вечера ли мои веселые!
Всѣ ноченьки просиживала,
Всѣ я думушки продумывала.
Какъ одна мнѣ дума съ ума не йдетъ,
Съ ума не йдетъ, съ великаго разума:
Тутъ проторилъ милый другъ дороженьку
Мимо садика, садика зеленаго;
Я сама-то, дѣвка, глупо сдѣлала,
Своего дружка прогнѣвала,
Назвала я дружка горькой пьяницей.

Шейнъ. 319.

(Тульск. губ.).

14.

Ахъ вы, вѣтры, вѣтры буйные,
Вы буйные—вѣтры осенніе!
Потяните вы во ту сторону,
Во ту сторону, во восточную,
Отнесите вы къ другу вѣсточку,
Что нерадостную вѣсть, печальную:
Какъ вечоръ-то молодешенькѣ
Мнѣ мало спалось, много видѣлось,
Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужъ кабы у меня у младешеньки,
На правой рукѣ на мизинчикѣ
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Подареньице друга милова,
Свѣтъ дородна добра молодца.

Сахаровъ. I, 3. 204—205.

15.

—Не сиди, дѣвушка, поздно вечеромъ,
Ты не жги, не жги восковой свѣчи,
Восковой свѣчи, воску ярова!
Ты не жди, не жди дорога гостя,
Дорога гостя, дружка милова!
Я не гость пришелъ, не гоститися,
Пришелъ (я) къ дѣвушкѣ доложитися,
Всѣмъ подарочкомъ размѣнятися:
Ты возьми, возьми свой тальянскій платъ,
Ты отдай, отдай (мое) золото кольцо!
Тебѣ тѣмъ платкомъ жениха дарить,
А мнѣ этимъ кольцомъ обручатися.
Позволь, милая, мнѣ женитися! —
Залилась дѣвица горючимъ слезамъ,
Во слезахъ дѣвица слово молвила,
Слово молвила, рѣчь говорила:

„Ты женись, женись, разбезсовѣстный!
Ты не будь, миленькій, насмѣхателемъ,
Красной дѣвицѣ поносителемъ“.

Шейнъ. I, 305—306.

(Осташковск. у. Тверск. губ.).

16.

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя, зеленая!
Ты къ чему рано зашумѣла,
Приклонила свои вѣточки?
Изъ тебя ли изъ дубровушки
Мелки пташечки вонъ вылетали,
Одна пташечка оставалася,
Горемышная кукушечка.
Что кукуетъ она день и ночь,
Ни на малой часъ перемолку нѣтъ:
Жалобу творитъ кукушечка
На залетнова ясна сокола:
Разорилъ онъ ее тепло гнѣздышко,
Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ кукунятушекъ,
Что по ельничку, по березничку,
По часту лѣску, по орѣшничку.
Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
Что въ высокомъ сидитъ красная,
Подъ косящетымъ подъ окошечкомъ;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ.
Жалобу творитъ красна дѣвица
На заѣзжева добра молодца:
Что сманилъ онъ красну дѣвицу
Что отъ батюшки и отъ матушки,
И завезъ онъ красну дѣвицу
На чужу-дальню сторону,
На чужу-дальню, незнакомую,
Что завезши, хочетъ (по)кинути.

Сахаровъ. I, 3, 202.

17.

Полынь ты моя, полыньюшка, горькая трава,
Полынь горькая трава, шелковая!
Не я ли тебя, полыньюшка, сѣяла,
Не сама ли ты, полыньюшка-злодѣй, уродилася,
По зеленому по садику, злодѣй, расплодилася?
Заняла ты мнѣ, полыньюшка, въ саду мѣстечко,
Въ саду мѣсто доброе, хлѣбородное;
Во саду ли во садикѣ виноградъ растетъ,
Виноградъ растетъ, черносливъ цвѣтетъ.
Свѣти-ко, свѣти, ты, свѣтелъ мѣсяцъ,
Чтобы было видно мнѣ, куда милъ пошелъ!
Пошелъ мой миленькій изъ улицы въ край,
Во крайній во дворъ, ко вдовушкѣ въ домъ,—
У вдовушки дочушка была, дочь одна,
Ложилась спать подъ окошечкомъ,
Открывала окошечко немножечко,
Говорила съ милымъ потихонечку.

Шейнъ. I, 321.

(Тверск. губ.).

18.

Ужъ какъ полно, красна дѣвица, тужити,
Не наполнишь ты синя моря слезами,
Не воротишь друга милаго словами!
Говорила я милому, говорила,
Я въ упросъ ли друга милаго просила:

Не женися ты, мой милой, не женися!
Не послушался, душа моя, женился!
Онъ присыпалъ ко бѣдну сердцу печали,
И онъ налилъ очи ясныя слезами,
Запечаталъ уста алыя онъ кровью.

Сахаровъ, I, 3, 202.

19.

Какъ по крутому, по красному бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Какъ ходила тутъ, гуляла красна дѣвица,
Она рыла себѣ кореньица, зелье лютое,
Натопила она кореньица въ меду, въ патокѣ,
Напоила добра молодца до-пьяна,
Напоивши, положила спать;
Положивши, красна дѣвица насмѣхалася:
„Ты спишь ли, моя надежа, или такъ лежишь?“
— Я не сплю, не сплю, душа моя, едва живъ лежу:
Ты умѣла, красна дѣвица, отравить меня,
Ты умѣй, душа, и схоронить меня;
Не клади меня, красна дѣвица, у Божьей церкви,
Положи меня, красна дѣвица, въ чистомъ полѣ,
При широкой, дальней при дороженькѣ;
Въ головахъ поставь, красна дѣвица, золотой крестъ,
На груди поставь, душа моя, калену стрѣлу,
Подъ бока клади звончатыя гусли,
Въ ногахъ поставь, красна дѣвица, моего коня.
Буде старъ человѣкъ пойдетъ—помолится,
Моему ли тѣлу грѣшному поклонится;
Какъ охотники пойдутъ—такъ настрѣлятся;
Буде младъ человѣкъ пойдетъ—въ гусли наиграется;
Какъ поѣдутъ мои друзья, братья и товарищи—
На моемъ добромъ конѣ наѣздятся.

Сахаровъ. I, 3, 206—207.

д) **Безталанная доля дѣвушки.**

20.

Куда мнѣ красной дѣвицѣ отъ горя бѣжать?
Пойду отъ горя въ темный лѣсъ—
За мной горе съ топоромъ бѣжитъ:
Срублю-срублю сыры дубы,
Сыщу-найду красну дѣвицу.
Бѣгу отъ горя въ чисто поле —
За мной горе съ косой бѣжитъ:
Скошу-скошу чисто поле,
Сыщу-найду красну дѣвицу.
Куда жъ мнѣ отъ горя бѣжать?
Я отъ горя брошусь въ сине море—
За мной горе бѣлой рыбицей:
Выпью-выпью сине море,
Сыщу-найду красну дѣвицу.
Я отъ горя замужъ уйду—
За мной горе въ приданое;
Я отъ горя въ постелюшку слегла—
У меня горе въ головахъ сидитъ;
Я отъ горя въ сыру землю пошла—
За мной горе съ лопатой идетъ;
Стоитъ горе—выхваляется:
Вогнало-вогнало я дѣвицу въ сыру землю!

Шейнъ. I, 322.

(Данковск. у. Рязанск. губ.).

III. Свадебныя пѣсни [1]).

1. Сватовство (рукобитье) [2]).

а) Во время рукобитья (запорученья).

1*.

На сегоднишній бѣлой день
Выпала роса холодная,
Ознобила мое сердце ретивое.
Бласлови, Боже истинный,
Божья мать-Богородица,
Запѣвать пѣсню новую,
Новую непѣванную.
Что не ключики брякнули,
Да не замочики щелкнули,—
По рукамъ пріударили.
Запоручилъ сударь-батюшка
И родимая матушка
Да меня молодешеньку
За поруки за крѣпкія
Да за заряды великіе.

Терещ. 232—233.

---

[1]) Терещенко, Б. Р. Н. Ч. П. Свадебн. пѣсни Олонецк. губ., стр. 207—229. Отсюда же и описаніе свадебн. обрядовъ. Пѣсни, не входящія въ кругъ олонецкихъ, обозначены звѣздочкой.

[2]) „Парень, соскучивъ одиночествомъ, проситъ у своихъ родителей дозволенія жениться.—Желанные родители! говоритъ онъ, отпустите меня на чужую чужбину: я достану себѣ молодцу красну дѣвицу. — Его отпускаютъ съ благословеніемъ.—Иди съ Богомъ, дитятко, говорятъ родители, иди, роженье!

„Онъ идетъ искать невѣсту вдалекѣ отъ своего селенія или деревни. Избравъ для этого друзей своихъ и двухъ сватовъ, въ которые беретъ изъ родственниковъ, онъ отправляется съ ними въ то мѣсто, гдѣ у него на примѣтѣ дѣвица. Они не входятъ прямо въ домъ, а стучатъ въ окно, спрашивая: можно ли войти? Имъ отвѣчаютъ: милости просимъ.—Войдя въ избу, они молятся сначала образамъ, а послѣ кланяются родителямъ невѣсты; родители просятъ гостей садиться; они благодарятъ, говоря: „намъ некогда сидѣть, мы пришли за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ“.—Гостей упрашиваютъ сѣсть, и начинаютъ потчивать яичницею и пряжеными пирогами. Въ то время зажигаютъ свѣчу предъ образомъ, и если невѣстѣ не понравится женихъ, то она гаситъ свѣчу.—Это отказъ.—Когда просватаютъ невѣсту, тогда она плачетъ. Въ то время накрываютъ ее фатою и сватамъ объявляютъ приказъ, т. е. когда будетъ порученье (обрученье), а когда свадьба. Приказъ сопровождается звономъ въ колокольчикъ, рукобитьемъ и благословеніемъ. Сватъ бьетъ по рукамъ со всѣми родными невѣсты, захвативъ полу своей сибирки“.

Послѣ совершенія рукобитья, помолвленная произноситъ съ плачемъ: „Улетѣла моя любимая, вольная волюшка за горушки высокія, за лѣсушки темные, за озерушки широкія! Обневолили меня желанные родители за чужого чужанина, на чужую сторону. Какъ то будетъ привыкать мнѣ къ чужому чужанину, къ чужимъ родителямъ, къ чужой сторонѣ? Мнѣ ужъ не долго красоваться волюшкой у своихъ родителей и у братьевъ, ясныхъ соколовъ. Видно, я имъ наскучила видно, была имъ не работница и не заботница. Видно, пріустали мои родители, меня поючи, кормючи, узки плечики одѣваючи, рѣзвы ножки обуваючи! Выйду я бѣдная дѣвушка въ зеленую дубравушку; посмотрю на всѣ четыре стороны: не увижу ли я, гдѣ летаетъ моя любимая волюшка? Обернусь я красная дѣвица къ косящету окошечку; посмотрю на широкую улицу: исполна ли печетъ красное солнышко, свѣтитъ свѣтелъ мѣсяцъ? Погляжу я красная дѣвушка на брусовую гладкую лавочку: исполна ли сидятъ мои родители на брусовой красной лавочкѣ? Исполна, исполна: лишь нѣтъ моей любимой волюшки! Ахъ, любимыя подруженьки! У васъ цвѣтутъ желанныя волюшки на буйныхъ головушкахъ; у меня у бѣдной горюшницы распущена косанька, нѣтъ моей вольной волюшки! Не держите вы ее по рядовымъ денечкамъ, а держите по годовымъ праздничкамъ. Поднимись, ручка правая, на буйную головушку! Опустись, ручка правая, противъ вздоха тяжелаго. Первый поклонъ за кормильца батюшку, второй поклонъ за родитель-матушку, третій поклонъ за крестнаго батюшку, четвертый поклонъ за крестную матушку. И еще поднимись, ручка правая, на горемычную головушку. Ты, Покровъ Богородица! покрой меня дѣвушку пеленой своей нетлѣнною идти на чужую сторону! Введенье мать Богородица! введи меня на чужую сторонушку! Срѣтенье мать Богородица! встрѣть меня на чужой сторонушкѣ!“

„Невѣста ходитъ ежедневно, рано по утру, въ домы родныхъ и поетъ причитанье плачевное. Если нѣтъ у нея родителей, то ходитъ на ихъ могилу и тамъ рыдаетъ. Таковыя причитанія она распѣваетъ до самой свадьбы“.

Терещенко. 207—209.

б) Встрѣча свата.

2*.

Государь ты мой батюшка
И родимая матушка,
Ужъ вы всѣхъ потчуйте;
Одного гостя не потчуйте,
Ужъ вы свата лесливаго. —
Ходилъ же лесливый сватъ
Не путемъ, не дороженькой,—
Онъ по заячьимъ тропочкамъ,
По собачьимъ лазеечкамъ,
Онъ полями по запольицамъ,
Деревнями по задворьицамъ.
Истопталъ же лесливый сватъ
Трои лапти березовы;
Исподпиралъ же лесливый сватъ
Онъ три банные ожога [1]).
(Въ первый разъ поколотился,—) [2])
Высокъ теремъ пошатился;
Въ другой разъ поколотился,—
Зауголки отпадали;
Въ третій разъ поколотился,—
Всѣ оконенки выпали.
Привелась-то я молода
Я у печки *вольяшныя,*
Да у шесточка кирпичнаго.
Покатилася у меня
Моя буйная голова;
Опустилися у меня
Мои бѣлыя рученьки;
Подогнулися у меня
Мои рѣзвыя ноженьки.
Государь ты, мой батюшка,
Ты возьми свата за воротъ,
Поведи свата за двери,
Повали его на дровни,
Да повези его на поле.
Ты подай свату борону,
Чтобъ разчесалъ буйну голову.
Уже дай, Боже, сватушку
Ему за эту за выслугу:
На печи бы заблудитися,
Сквозь напылникъ провалитися,
Да во щахъ ему свaритися,
На поваренкѣ бы свата выняли.
Киселемъ бы подавитися,
Да молокомъ бы захлебнутися.
Еще дай, Боже, сватушку
Ему за эту за выслугу:
Ему сорокъ бы сыновей,
Да пятьдесятъ ему дочерей,—
Сыновей бы не женивать,
Дочерей не выдавывать.

Терещ. 234—235.

1) Деревянная палка, которая служитъ вмѣсто кочерги.

2) Такъ слѣдовало бы по смыслу.

2. Отъ запорученья (рукобитья) до свода.

а) Плачи.

3.

а. Плачъ невѣсты по дѣвичьей волѣ.

Скучно мнѣ, дѣвушкѣ-сиротинушкѣ,
Безталанной, бѣдной головушкѣ.
При отцѣ росла я при родимомъ,
Я у матушки у сударыни
Сиживала подъ окошечкомъ,
Почесывала буйну головушку,
Поплетывала трубчату косу.
Теперь батюшка да какъ чужъ чужанинъ,
Родная матушка хуже мачехи.
До зореньки красныя понаѣлися,
До свѣту Божьяго понапилися—
Пропили меня дѣвушку-сиротинушку,
Пропили головушку безпріютную;
Не глядя на слезы, на жалѣньице,
Забросили дѣтище въ нелюбиму сторону
Да на горюшко, на кручинушку,
Да на плаканье, да на вѣчное.

4.

б. Плачъ невѣсты на могилѣ родныхъ.

Не пила млада и не ѣла я,
Мнѣ не спалося, не дремала я;
Тошно дѣвушкѣ мнѣ, тошнешенько,
Больно сéрдечку и больнешенько.
Разступись ты, мать-сыра земля!
Подымись—вскройся, гробова доска!
Встань ты, братецъ мой, встань родименькой,
Пріюти меня безпріютную,
Приголубь меня позабытую;
Роду-племени я чужой стала,
Отцу-матери я покидышемъ.

5.

Что на горѣ-то дубъ стоитъ,
Онъ безъ вѣтра мотается,
Безъ дождя увивается.
Много, много у сыра дуба,
Много вѣтвей и повѣтей,
Много листу зеленаго.
Только нѣтъ у сыра дуба,
Золотой нѣтъ вершиночки,
Позолоченной маковки,—
Что теперь было надобно,
Что къ этому то времячку,
Что къ лѣту ко красному,
Ко веснѣ ко разливной.

—

Много, много у дѣвушки,
Много ближнихъ пріятелей,
Только нѣту у дѣвушки,
Нѣту родителя-матушки,
Что теперь было надобно,
Что ко этому ко времячку,
Ко благословенію великому.
Снарядить младу есть кому.
Благословить младу некому:
Благослóвляютъ чужи люди,
Чужи люди посторонніе,
Всѣ сосѣды нарадовые.—

6.

в. Плачъ невѣсты утромъ, на крыльцѣ ея дома. Такъ-же она плачетъ и въ домѣ своихъ родственниковъ.

Грустно сердечку, нудно бѣдному!
Ахъ, знобитъ его да невзгодушка:
Отца-батюшки приказаньице,
Родной матушки повелѣньице.
Куда ни брошусь я, куда ни взгляну я,
Ахъ! вездѣ тоска неусыпучая,
Вездѣ невзгодушка неминучая.
Оглянуся я на далекій лѣсъ:
Во сосновенькомъ да темнешенько,—
А въ груди моей еще темнѣй.
Оглянуся я на широкій дворъ:
Ахъ! на дворикѣ да грушнехонько,—
А на сердцѣ мнѣ еще грустнѣй.

б) Пѣсни, во время приготовленія приданаго [1]), въ честь невѣсты, жениха, его родныхъ и товарищей. Прощаніе съ родителями.

7.

—Не чаяла меня матушка вѣкъ сбыти,
Меня вѣкъ сбыти, со двора изжити,
Изжила меня матушка во единый часъ,
Во единый часъ, во минуточку.—
Жарко, жарко въ теремѣ свѣчи горятъ,
Все горятъ свѣчи воску яраго!
Жалко, жалко плакала красная дѣвица

[1]) Подруги невѣсты, принимая въ ней участіе, проводятъ съ нею время до свадьбы и утѣшаютъ ее. Во все это время онѣ приготовляютъ ей свадебные уборы и поютъ съ нею пѣсни, по большей части грустныя.

По своей косѣ русой....
Унималъ ее родной батюшка,
Уговаривала родитель-матушка:
„Ты не плачь, наша умная!
Не тужи, душа разумная!
Ужъ вѣдь мы тебя не въ полонъ дадимъ,
Ужъ вѣдь мы тебя замужъ выдадимъ:
Отдаемъ тебя за умнаго,
Что за умнаго за разумнаго.
Ужъ какъ мы тебя не одну спустимъ,—
Мы тебѣ дадимъ провожаты(и)хъ".
— Ты не тѣшь, не тѣшь, родной батюшка!
Не уговаривай, родимая матушка!
Провожатые всѣ разъѣдутся,—
Я одна молодешенька останусь
Съ удалымъ добрымъ молодцемъ.

8.

Жениху:

Желтые кудри за столъ пошли,
Русу косу за собою повели;
Желтые кудри—доброй молодецъ,
Русая коса—красная дѣвица.
На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,
Доброй молодецъ у красной дѣвушки выспрашиваетъ:
„Ты скажи, скажи, красная дѣвица!
Кто тебѣ изъ роду милъ?"
— Милъ мнѣ милешенекъ
Батюшка родной.—
„Красная дѣвица моя!
Это неправда твоя, не истинная;
Свое сердце тѣшишь, а мое гнѣвишь".
На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,
Доброй молодецъ у красной дѣвушки выспрашиваетъ:
„Кто тебѣ изъ роду милъ?"
— Милъ мнѣ милешенекъ доброй молодецъ.—
„Красная дѣвица душа!
Это правда твоя истинная,—
Свое сердце тѣшишь, мое веселишь.

9.

Невѣстѣ:

—Ты скажи-ка, чужой чужбининъ!
Ужъ ты гдѣ меня повысмотрѣлъ?
Ужъ ты гдѣ меня повыглядѣлъ?
На горкѣ катаючись,
О Христовомъ дни качаючись,
Аль на тихой смиренной бесѣдушкѣ?
И тогда у меня молодешенькой
Было туку [1]) принабавлено,
Было росту принаставлено;
Накладно да лицо бѣлое:
И бѣлымъ [2]) было набѣленое,
Алымъ [3]) да нарумянено.

10*.

Невѣстѣ:

Что вчера о эту пору,
Поранѣе малешенько,
Мимо батюшкинъ широкій дворъ,
Мимо матушкинъ-то высокъ теремъ,
Мимо мой темный кутничекъ [4])
Пролетѣлъ младъ-ясенъ соколъ.
Онъ махнулъ правымъ крылышкомъ,
Онъ черкнулъ сизымъ перышкомъ:
Ты не плачь, не плачь, дѣвица,
Не плачь, дочь отецкая!
На чужой-то на сторонѣ
И повадно и весело,
Всѣ добры да и ласковы
До тебя молодешеньки;
На чужой-то на сторонѣ

---

[1]) Полноты.
[2]) Бѣлилами.
[3]) Румянами.
[4]) Часть избы, которая отъ печи до лицевой стороны дома отдѣляется воронцомъ, загородкою, а иногда занавѣскою.

Три поля проса насѣяны,
Три горы изнакочены,
Зеленымъ виномъ поливаны,
Весельемъ огорожены,
Радостью исподпираны.
И соколу не облетѣти,
И конному не объѣхати,
А пѣшему не подумати.—

—

Что вчера о эту пору,
Поранѣе малешенько,
Мимо батюшкинъ широкій дворъ,
Мимо матушкинъ новъ-высокъ теремъ,
Мимо мой темный кутничекъ
Пролетала лебедушка.
Она махнула правымъ крылышкомъ,
Она черкнула бѣлымъ перышкомъ:
— Ты поплачь, поплачь, дѣвица,
Поплачь, дочь отецкая!
На чужой-то на сторонѣ
Не повадно, не весело;
Всѣ не добры и не ласковы
До тебя молодешеньки.
На чужой-то на сторонѣ
Надо жить-то умѣючи,
Говорить разумѣючи,—
Голову держать поклончиву,
Ретиво сердце покорчиво,
Молодому поклонитися,
Старому покоритися.—
На чужой-то на сторонѣ
Растутъ лѣса-то вилявые,
Да живутъ люди лукавые,
Продадутъ да и выкупятъ,
Проведутъ да и выведутъ,
Они тебя молодешеньку.

Терещ. 241—242.

11*.

Ужъ я что сижу, задумавшись,
Чужихъ басенъ заслушавшись?
Говорятъ мои подруженьки,
Говорятъ мои голубушки,
Про шитье, да про браньице,
Про чистое да подѣльице,
Ужъ какъ я про ся [1]) подумаю,
Про свою буйну голову.
Мнѣ ништо-то на умъ не идетъ!
Ни шитьице и не браньице,
Ни чистое рукодѣльице.
Дума душу [2]) побиваетъ,
Одна дума съ ума не идетъ—
Чужа дальняя сторона,
Да чужой отецъ съ матерью,
Да дородный-то молодецъ.—

Ib. 243—244.

12*.

На проходѣ у насъ бѣлый день,
На закатѣ красно солнышко,
На разлетѣ красны соколы,
На разъѣздѣ добры молодцы,
Да на расходъ пошли подруженьки.
Я прошу васъ, подруженьки,
Я прошу васъ, голубушки,
На роду-то впервые,
Да на вѣку-то впослѣдніе:
Посидите, подруженьки,
Посидите, голубушки,
Цѣлый день да до вечера,
Съ вечера до полуночи.
Ужъ дамъ вамъ провожатаго
Я родимаго батюшку;
Буде мало покажется,—
Голубочка мила братца
И сестрицу лебедушку;
Буде мало покажется,—
Такъ и сама пойду молода.
И пошли мои подруженьки
Всѣ по высокимъ по теремамъ,
Да по отцамъ да по матерямъ,

[1]) Ся—себя.
[2]) Думу?

Мнѣ куда будетъ дѣватися?
Мнѣ куда притулитися
Да отъ темныя ноченьки?
Ужъ я стану молитися
Я родимому батюшкѣ,
У рѣзвыхъ ногъ кататися:
Мы пойдемъ, сударь-батюшка,
Мы на тихія тишины,
Гдѣ бы вѣтры не вѣяли,
Гдѣ бы люди не видѣли—
Съ чужи-дальнія стороны.—

Терещ. 245—240.

3. Сводъ жениха и невѣсты [1]).

13.

Не дари-ка, чужой чужбининъ,
Ты нищенскими подарками,—
На церковномъ крыльцѣ вопроси.
Ужъ я жила молодешенька
У родимаго у батюшки:
Я носила молодошенька
По Христовымъ воскресеньицамъ—
Я башмачки козловые,
Чулочки бумажные;
По годовымъ по праздничкамъ—
Я чулочки шелковые
И башмачки сафьяные.
Ты послушай, чужой чужбининъ!
Съ моимъ родомъ спознаться—
Прозакладать все житье-бытье
И хоромное строеньице.
Какъ дарить тебѣ, отдаривать
Мой родъ-племя великое?
У меня родня ширская:
Сорокъ тетушекъ, сорокъ дядюшекъ.
Въ моемъ-де роду-племени
Все попы, отцы духовные,
И причетники церковные;
По губерньямъ губернаторы,
По городамъ городничіе,
По уѣздамъ исправники,
По правленьямъ славны головы,
Да по земскимъ пятисотскіе.

4. Дѣвичникъ [1]).

14.

Сборы, сборы широкіе,
Широкіе сборы, дѣвичьи!
(имя и отчество невѣсты)
Сбирала подружекъ за свой столъ,

---

[1]) „Въ опредѣленный день пріѣзжаетъ женихъ со сватами и свахами, которые *сводятъ* жениха съ невѣстою. Жениха ставятъ въ большой уголъ подъ иконы, а невѣсту въ малый уголъ близъ печи. По обѣ стороны жениха стоятъ двѣ сватьи, а по обѣ стороны невѣсты двѣ брюдги [1]). Невѣста держитъ въ рукахъ тарелку, на коей лежитъ фата, сложенная нѣсколько разъ въ средину углами. Сватьи бьютъ въ воронецъ [2]), приговаривая брюдгѣ: „ну, сватьюшка, поворачивайся! давай невѣсту, женихъ скучаетъ“.—Жениха и невѣсту ведутъ медленно. Приведя на средину избы, сводятъ жениха съ невѣстой, т. е. ставятъ другъ подлѣ друга.

„Женихъ разгибаетъ углы фаты и при каждомъ углѣ, имъ разогнутомъ, цѣлуетъ свою невѣсту. Когда разогнетъ всѣ углы, тогда накрываютъ невѣсту фатою, даютъ ей въ руки поднось съ виномъ, и потомъ она начинаетъ потчивать всѣхъ гостей, изъ коихъ каждый кладетъ на подносъ деньги, сколько кто можетъ. Вслѣдъ за невѣстой ходятъ проводница и плакальщица; послѣдняя неумолкно оплакиваетъ ее. Обнеся всѣхъ, невѣста подноситъ вино жениху, который даритъ ей, между прочими вещами, (башмаки; но она, взявъ ихъ, бросаетъ, а плакальщица поетъ укоризны. Иногда поютъ брюдги:

„Не дари-ка, чужой чужбининъ
Ты нищенскими подарками“ и пр.

Терещ. 214.

„Обойдя всѣхъ съ подносомъ, невѣста останавливается у стола: дружки снимаютъ съ нея фату концами плети“.

[1]) Брюдги, корельское слово, значитъ сваха, или сватья. Названіе брюдгъ носятъ однѣ свахи со стороны невѣсты.

[2]) Въ доску, привѣшенную къ перекладинѣ потолка.

[1]) „Послѣ свода, или порученья, наступаетъ *дѣвичникъ;* но наканунѣ его брюдги топятъ баню, въ которую водятъ невѣсту ея подруги, при пѣніи заунывномъ. Тамъ не моютъ льномъ, изъ котораго потомъ дѣлаютъ шнурки для новаго платья жениха“.

Терещ. 214—215.

Садила подружекъ высоко;
Сама садилась выше всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ:
Какъ будетъ придти въ чужи люди?
Какъ будетъ назвать люта свекра?
Батюшкомъ назвать не хочется,
Свекромъ назвать—разсердится.
Убавлю спеси-гордости,
Прибавлю ума разума,
Назову свекра батюшкою,
Люту свекровушку матушкою.
Съ этого я худа не буду,
Съ бѣлаго лица не спаду,
Съ алыхъ щечекъ румянцомъ не сойду.

„Сестра или подруга зоветъ невѣсту въ баню и причитаетъ:

Подыми сь, моя родна сестру,
Что идт и-то въ парну баенка,
Что смы вать-то волю вольную
Да крас у-то свою дѣвичью!

Шейнъ. I. 495.

„Невѣста встаетъ, подходитъ къ отцу и причитаетъ:

„Благослови, кормилецъ-батюшка,
Что идти-то въ парну баенку,
Что смывать свою волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!"

„Съ этими же словами обращается она и къ матери.

„Сейчасъ же послѣ этого дѣвушки покрываютъ невѣсту платкомъ, ведутъ ее въ баню и поютъ:

Растопися, парна баенка,
Раскалися, въ банѣ каменка,
Поразсыпься, крупный жемчугъ,
По столамъ, столамъ дубовымъ;
Порасплачься, невѣста душа,
Передъ своимъ кормильцемъ-батюшкой:
—Ты, кормилецъ родной батюшка!
Для чего ты рано поутру встаешь,
Для чего ты пиво пьяное варишь?—
„Для того поутру рано встаю,
Для того я пиво пьяное варю,
Что твоихъ поѣзжанъ поить,
Что твоего-то свѣта суженаго".

„Невѣста въ это время тихо плачетъ.

Ib.

„Въ банѣ она угощаетъ подругъ лакомствами.

15 [1]).

Охъ-ты (охти) мнѣ, да охъ-ты мнѣшинько,
Хоть мнѣ долго издѣватися,
Будетъ бѣдной покоритися!
Подойти да молодешенькѣ
Ко столу да ко княжескому,

„По выходѣ изъ бани, только что невѣста станетъ подходить къ дому, не входя въ него, останавливается съ своими подругами и начинаетъ плакать въ голосъ:

Я иду, родимый батюшка,
Со своимъ милымъ подруженькамъ
Ужъ по новымъ-то по сѣничкамъ;
Я вхожу, кормилецъ-батюшка,
Что во новую во горенку,
Что во свѣтлую во свѣтлицу
Я изъ парной только баенки,
Пообмывши волю вольную,
Порастерявши красу дѣвичью,
По полямъ-то да по чистымъ,
По лужкамъ-то по зеленымъ.

Ib. 496.

„Входя въ избу, вмѣстѣ съ подругами, невѣста, поклонившись отцу, причитаетъ:

Тебѣ спасибо, родимый батюшка,
Что за парную баенку;
Лишь попеняю тебѣ, батюшка:
Какъ здынулись твои рученьки
Благословить меня молодешеньку!?
Теперь благослови меня, родный батюшка,
Что садиться за дубовый столъ,
Со своимъ милымъ подруженькамъ!

Ib.

„На дѣвичникъ собирается, со стороны помолвленныхъ, вся родня. Жениха и невѣсту заводятъ за столъ; противу невѣсты садятся ея подружки, а противу жениха его поѣзжаные и тысяцкій, избираемый изъ крестныхъ отцовъ и заступающій мѣсто посаженнаго отца.

„Молодыхъ потчиваютъ прежде всѣхъ, и въ то время, когда подносятъ невѣстѣ вино, она встаетъ и кланяется будущимъ своимъ роднымъ. Дѣвушки поютъ:

„Сборы, сборы широкіе" и пр.

„Молодыхъ заставляютъ поцѣловаться, и послѣ ихъ поцѣлуя раздается общее одобреніе. Женихъ подноситъ подарки своей невѣстѣ, которая отдариваетъ его платкомъ и уходитъ въ особую комнату; гости садятся за столъ".

[1]) Эта пѣсня сопровождаетъ состязаніе между женихомъ и невѣстою.

Ко кругу да молодецкому,
Поклонитися да низешенько,
Ужъ мнѣ снять фату алую.—
Не помни, чужой чужбининъ,
Ты не лихой моей (лихости),
Да не грубой моей грубости.
Ты гляди, чужой чужбининъ,
Господинъ души, отецкой сынъ,
Мнѣ прямо въ бѣло лицо,
Въ точь ясны очи.
Я дѣвушка не корыстная!
Тебѣ брать, чтобы не каяться,
Мнѣ бы жить, чтобъ не плакаться
На чужой дальней сторонушкѣ!...

16.

Прости, красно мое солнышко,
Желанный кормилецъ-батюшка
И родительница моя матушка!
Охъ-ти мнѣ, да охъ-ти мнѣшинько,
Дочь кручинная головушка!
По послѣднему денечку
Я сидѣла молодешенька,
Я во свѣтлой своей свѣтлицѣ,
Во высокой новой горницѣ.
Ужъ я шила волю золотомъ,
Обшивала чистымъ серебромъ;
Я смотрѣла молодешенька
Изъ косящата окошечка
На озеро на Онежское:
Изъ-за озера за Онежскаго
Летятъ птицы заморскія:
Соловей—птица свистущая,
Орелъ—птица говорящая:
Орелъ сѣлъ да на окошечко,
Соловей сѣлъ подъ окошечкомъ.
Орелъ сталъ да выговаривать,
Соловей сталъ да высвистывать:
«Не сиди, наша голубушка,
Подъ косящатымъ окошечкомъ,
Ты не трать чиста серебра
И не порти красна золота.
По сегоднишнему денечку
Быть саду да полоненному,

„Невѣста наливаетъ рюмку вина и подноситъ своему жениху; женихъ наливаетъ другую рюмку и подноситъ ей. Каждый изъ нихъ первымъ старается влить вино въ рюмку другъ друга, и кто успѣетъ это сдѣлать прежде, тотъ будетъ первенствовать; зрители одобряютъ радостнымъ крикомъ. Если женихъ успѣетъ налить первымъ, то невѣста оборачивается къ нему и поетъ съ покорностію. Тогда поѣзжанные съ жениховой стороны вскакиваютъ изъ-за стола и кричатъ: покорилась—наша взяла! наша взяла! Тутъ начинается снова потчиванье, а невѣста, сопровождаемая дѣвушками и женщинами, собираетъ пособъ: она подходитъ къ каждому мужчинѣ и каждой женщинѣ съ приличной пѣсней, которую поетъ со свахами или свѣдущими женщинами, или только благодаритъ ихъ причитаніемъ:

Спасибо, доброй молодецъ,
На приносѣ, на подносѣ,
На дорогихъ твоихъ подаркахъ.

„Причитая то же самое каждой женщинѣ и дѣвушкѣ, она говоритъ первой: спасибо, добрая тетушка! а второй: спасибо, моя сестричка! и потомъ заключаетъ поклономъ“.

Терещ. 218.

„Если же лицо, которому спѣта пѣсня, не положитъ на тарелку денегъ, то дѣвушки поютъ ему иную — *корительную пѣсню*... Вотъ эта корительная пѣсня на скупого, напр., тысяцкаго:

Какъ на спицѣ-то не безмѣнъ-ли —
У насъ тысяцкой-то не обмѣнъ ли? ¹)
Какъ на спицѣ-то не кушакъ-ли—
У насъ тысяцкой-то не лѣшакъ ли?
Какъ на полицѣ-то не треухъ-ли—
У насъ тысяцкой-то не глухъ-ли?
Тысяцкой-то воевода какъ поѣхалъ воевати—
Среди печи на лопатѣ,
Съ большимъ братомъ—со ухватомъ.
Со сестрою—кочергою:
Кабы сѣры кошки не подоспѣли,
То бы тысяцкаго мыши съѣли.
Ужъ ты, тысяцкой, нашъ воевода!
Тебѣ живота не скопити,
Своей женѣ тебѣ башмаковъ не купити!
Пора тебѣ (имя лица) догадаться—
За золоту казну да приниматься;
Пора тебѣ дѣвицъ подарити...

Пермск. Сб., кн. I, отд. II, 57—58.
(Свадебн. обр. г. Чердыни).

---

¹) „Не обмѣнышъ-ли?“.

Всему роду покоренному;
Волюшкѣ быть во неволюшкѣ,
Дѣвушкѣ быть во заботушкѣ“.
Не за долго поры времени
Проскрипѣли дубовы сани.
Пробрянчала золота узда,
Просвистала шелкова плеть:
Пріѣзжалъ злодѣй большой сватъ,
Насулилъ онъ батюшкѣ
Много пива, много пьянаго.
Говорилъ желанный батюшка:
„Мнѣ-ка пить, да не запиваться;
Не промѣняю любовь дочери
Я за винную за рюмочку“.
Выводилъ да злодѣй большой сватъ
Много злата, много серебра,
Много скатнаго жемчугу.
Говоритъ родима матушка:
„Серебромъ-то не шлюзы шлюзить,
Золотомъ-то не тыны тынить,
Жемчугомъ да не сады садить“.
Пропились да промоталися
Желанные мои родители;
Пропили мою головушку [1])
Не за пивную за кружечку,
Не за винную за рюмочку.
Вѣрно, я молодешенька
Надоѣла да наскучила!
Видно, бѣдная я напрокучила
Своимъ долгимъ дѣвичествомъ,
Глупымъ малымъ ребячествомъ!
Я пріѣла молодешенька
Всѣ я стоги пятигодные
Да засѣки неисходныя!
Проносила молодешенька
Всѣ я цвѣтныя платьица!
Придержала молодешенька
Всю безсмѣтную золоту казну!
Какъ при мнѣ да молодешенькѣ
У моихъ свѣтъ у родителей
Ужъ какъ въ полѣ не родилося,
На дворѣ да не плодилося,
На столѣ да не спорилося!
Изживаютъ меня бѣдную,

---

[1]) *Обрядъ пропиванія невѣсты* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершается слѣдующимъ образомъ: „Съ большимъ подносомъ, уставленнымъ рюмками по количеству гостей, является подружье; дружка наливаетъ вино, привезенное имъ отъ жениха, вмѣстѣ съ подарками невѣстѣ, и, приготовивъ все, передаетъ подносъ жениху; женихъ вмѣстѣ съ невѣстою принимаютъ его и держатъ среди комнаты. Затѣмъ дружки торжественно берутъ подъ руки и подводятъ къ подносу, по старшинству, всю родню и всѣхъ гостей невѣсты, не исключая и подругъ ея—дѣвушекъ. Сначала, конечно, подводятъ тестя—отца невѣсты; женихъ проситъ его кушать, говоря: „*изо всей пожалуйте*“ (т. е. пейте всю рюмку до дна)—и лишь только тесть принимаетъ рюмку, дѣвушки заунывнымъ тономъ поютъ ему *пропойную* пѣсню:

Сине море на волнахъ стоитъ—
Красна дѣвица на думахъ стоитъ.
Думавши, она слово вымолвила:
Батюшко, пей—да меня не пропей!
Пропьешь ты меня—не выкупишь,
Пропьешь ты меня—не выручишь.
Пропей, пропей, батюшко, кафтанъ-отъ съ себя!
Ты его пропьешь—ты и выкупишь,
Ты его пропьешь—ты и выручишь;
А меня-то младу на выкупъ не дадутъ.
За эту чару за зеленое вино,
Увезутъ меня на чужу сторону,
Ко чужому отцу, къ чужой матери.

„Затѣмъ, съ той же церемоніей, подводятъ тещу; за ней прочихъ родственниковъ невѣсты, по старшинству, и наконецъ дѣвушекъ. Пѣсня для всѣхъ поется одна и та же, съ тою только разницею, что тещѣ, вмѣсто кафтана, котораго она не носитъ, рекомендуется пропить шамшуру: *) „пропей, пропей, матушка, шамшуру-ту съ себя!“ а дѣвушкамъ—косу: „пропейте, пропейте косу-ту съ себя, косу-ту съ себя съ алой ленточкою!“

„Когда, такимъ образомъ, всѣ пропьютъ невѣсту, женихъ передаетъ подносъ съ пустыми рюмками дружкѣ, а самъ, схвативши невѣсту за руку, стремглавъ тащитъ ее за порогъ, вонъ изъ комнаты. Дѣвушки бросаются отнимать ее, хватаются за нее и едва-едва удерживаютъ жениха, приговаривая: „*сегодня она наша, а завтра будетъ ваша*...“. Тогда женихъ отдаетъ имъ невѣсту, прощается съ нею, хозяевами и гостями, и со всѣмъ своимъ поѣздомъ отправляется домой“.

Пермск. Сб. I, II, 60—61.

---

*) *Шамшурою* называютъ головной уборъ замужной женщины.

Будто ворога изъ города,
Люта звѣря изъ темна лѣса.
Погоди, родима матушка!
Схватишься да догадаешься,
Какъ не будетъ меня бѣдной,
И по бережку находишься,
Камешковъ наприбираешься
И къ сердцу наприжимаешься.
Рада будешь, красно солнышко,
Черезъ поле въ глаза видѣти,
Черезъ лѣсъ да голосъ слышати,
Черезъ рѣку рѣчь говорити.
У меня, у молодешеньки,
Будетъ волюшка спрошеная,
Красота да доложеная.
Мнѣ захочется тошнешенько
На родимую сторонушку,
Да отхочется скорошенько:
У м(е)ня день пройдетъ спрошаючи,
Другой день да вздоложаючись.
Недѣльку снаряжаючись
На родимую сторонушку:
Осенью да бездорожьице,
А весною да безпольице,
Лѣтомъ лѣтнія работушки,
Зимой зимушка студеная.
И не спустятъ меня, бѣдную,
На родимую сторонушку...
Ужъ мы свидимся—понаплачемся,
Разойдемся—натоскуемся.

Терещ. II. 217—221.

5. Обрядъ предвѣнчальный [1]).

а) Одѣваніе невѣсты.

17.

По послѣднему денечку
Нанесло тучку черную
Со громами со трескучими,
Съ молніями со сверкучими
На батюшковъ высокъ теремъ,
На матушкину горенку.
Пріѣзжалъ чужой чужбининъ
Съ храбрымъ своимъ поѣздомъ,
Съ поѣзжанами молодыми.
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Соколъ-братецъ, братецъ родименькой,
Голубчикъ златокрыленькой,
Запонка да воротовая,
Сердоликъ, дорогой камень.
Наряжу я молодешенька
Службицу я не великую,
Да работку не тяжелую:
Ты сходи-ка, братецъ-соколъ мой,
Въ постоялую конюшеньку,
Ты возьми-ка, братецъ-соколъ мой,
Что ни лошадь саму лучшую;
Запряги-ка, братецъ-соколъ мой,
Въ саночки да въ самокаточки;
Поѣзжай-ка, братецъ-соколъ мой,
Въ славный городъ Вытегру,
Въ лавочки торговыя,
Закупи-ка, братецъ-соколъ мой,
Горнитуру мнѣ чернаго
И шелковъ семи разны(и)хъ.
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Тайны, милыя подруженьки,
Дорогія пороненочки (однолѣтки).—
Вы повышейте, голубушки,
Заузорчатую занавѣсь:
Вы на первомъ углѣ вышейте
Вы Литву да со татарами;
На другомъ углѣ вышейте
Вы Москву да со боярами;
Вы на третьемъ углѣ вышейте

[1]) „Въ день поѣзда молодыхъ въ церковь, женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой съ своими дружками и сватьями. Его сажаютъ за столъ въ кутнемъ углу, подъ образами; по правую его руку садятся дружки, а по лѣвую сватьи. Въ то время дѣвушки одѣваютъ въ другой избѣ невѣсту и кладутъ ей за пазуху крайчикъ посоленаго хлѣба и шнурокъ, сплетеный изъ того льна, которымъ она мылась въ банѣ. При одѣваніи поютъ дѣвушки, а иногда сама невѣста“.

Терещенко. II, 221.

Царя да со царицею;
На четвертомъ углѣ вышейте
Короля со королицею.
На середочкѣ же вышейте
Красно солнышко со мѣсяцемъ,
Да со частыми звѣздочками.
Ты повѣсь-ко, братецъ-соколъ мой,
Заузорчатую занавѣсь
Ко крыльцу да ко перильному
И ко столбику точеному,
Ко колечку золоченому.
Какъ поѣдетъ да чужой чужбининъ,
Въ городахъ онъ не бывающій,
Мудрости мало видающій:
Разглядится да разсмотрится
На узорчатую занавѣсь
И оставитъ молодешеньку
На родимой на сторонушкѣ,
У желанныхъ у родителей.—
Глупая я красна дѣвица,
Неразумная головушка!
Какъ поѣдетъ чужой чужбининъ:
Впереди его вожатые,
Позади же провожатые,
По сторонѣ да сбережатые,
Въ городахъ они бывалые,
Много мудрости видалые,—
Не отпустятъ молодешеньку
На родимую сторонушку.
Не пускай-ка, братецъ-соколъ мой,
Безъ допросу на крыто крыльцо,
Безъ докладу красной дѣвицѣ.

Ib. 222—223.

б) Расплетаніе косы [1]).

18.

Я не знала, не вѣдала,
Когда сваха пріѣхала,
Спесивая, горделивая.
Она ступить не ступила,
Слова не смолвила;
Хотя жъ она ступила,
Хотя жъ она смолвила:
„Снаряжайся-ка, умная!
Снаряжайся, разумная!
Что въ ту-ль Божію церковь,
Что къ тому-ль Божьему суду".
Отойди же прочь, обманщица!
Отойди, подговорщица!
Мнѣ и такъ ужъ тошнешенько
Разставаться со родителями:
У суда вѣдь ноги ломитъ,
Подъ вѣнцомъ голова болитъ.

в) Благословеніе.

19.

Благослови, батюшка, матушка,
Къ Божьей церкви ѣхати,
Подъ золотымъ вѣнцомъ стояти,
Законъ Божій приняти.

Терещ. II, 348.

---

1) Когда невѣста совершенно готова, тогда крестный отецъ, занимающій мѣсто посаженаго, сажаетъ ее на квашнѣ. Сватья и дружки отправляются за невѣстою. Дружки получаютъ отъ невѣсты въ подарокъ ленточные банты, а сватья начинаетъ расплетать косу.—Дѣвушки поютъ. Расплетши косу, сватья надѣваетъ на голову невѣсты *волю* *). Въ то время дарятъ сваху чѣмъ нибудь. Потомъ сватья, взявъ невѣсту за руку, подводитъ къ жениху и сажаетъ рядомъ съ нимъ на подушкѣ. Крестный отецъ невѣсты разставляетъ на всѣ четыре стороны иконы: Покровъ Пр. Богородицы, Срѣтенье Пр. Богородицы, Введеніе Пр. Богородицы и благословенную икону, которую везутъ съ невѣстою въ церковь. Жениха и невѣсту выводятъ изъ-за стола и подводятъ подъ благословеніе родителей, которые стоятъ у стола на разостланной шубѣ шерстью вверхъ; возлѣ нихъ стоитъ крестная мать невѣсты, держа въ рукахъ хлѣбъ, съ посыпанной на немъ солью. Невѣста снимаетъ съ головы своей *волю* и отдаетъ родной сестрѣ, а если нѣтъ сестры, то кому либо изъ подругъ, и поетъ „плачъ", тотъ-же самый, какъ и во время *запорученія* (См. выше, стр. 217).

*) Волосникъ—то же, что повойникъ, только нѣсколько меньше его.

20.

Разодвиньтесь вы, люди добрые,
На всѣ четыре сторонушки!
Допустите вы меня горькую
До батюшкиныхъ до рѣзвыхъ ногъ.
Не бѣлая березынька къ землѣ клонится,
А я горькая кланяюсь батюшкѣ
Къ рѣзвымъ ногамъ.

Упадаетъ въ ноги отцу и продолжаетъ рыдать у ногъ, говоря:

Не злата я у тебя, батюшка, прошу,
Ни злата, ни серебра,—
Прошу я у тебя, батюшка, благословенья.
Благослови-ка ты меня, батюшка,
Во чужи люди, во незнамые,
Въ незнамые-незнакомые.
Какъ-~~то мнѣ, батюшка,~~
Во чужихъ людяхъ будетъ жить?
Какъ-то мнѣ, родимой,
Чужимъ людямъ будетъ служить?
Во чужихъ людяхъ жить горькохонько,
Во чужихъ-незнакомыхъ
Служить тяжелехонько.

Терещ. II. 352—353.

6. Обрядъ вѣнчанія и встрѣчи молодыхъ.

„При вѣнчаніи замѣчаютъ горѣніе брачныхъ свѣчей: если чья либо погаснетъ неожиданно, тому неминуемо умереть скоро.

„По совершеніи вѣнчанія провожаютъ новосочетавшихся въ домъ жениха. Невѣсту моютъ, а иногда бѣлятъ и румянятъ, затѣмъ *переодѣваютъ* ее [1]) въ платье молодухи и выводятъ покрытой фатою. Тогда сватъ, ударивъ три раза на-крестъ по столу новой плетью, чтобы отогнать всякія чары, говоритъ: „Какова-то наша добыча?“—и концомъ кнутовища сбрасываетъ съ невѣсты фату. Всѣ кричатъ: „Молода и хороша!“

„Тогда всѣ садятся за *княжій столъ* прежде молодыхъ; родные обходятъ три раза вокругъ стола.

„Одинъ изъ дружекъ привозитъ въ домъ новобрачнаго, во время обѣда, все

[1]) Въ свадебныхъ обрядахъ г. Чердыни (Пермск. губ.) переодѣванье извѣстно подъ именемъ *„окручиванья“*, т. е. переряживанья—обрядъ, символически изображающій переходъ невѣсты изъ состоянія дѣвушки въ состояніе женщины. Свахи берутъ невѣсту отъ жениха за руку и уводятъ ее въ другую комнату, снимаютъ съ головы уборъ и трубчатую косу расплетаютъ и раздѣляютъ на двѣ косы, какъ носятъ обыкновенно косу замужнія женщины... При совершеніи этого обряда свахи, при помощи другихъ женщинъ, поютъ обыкновенно слѣдующія пѣсни:

Трубѣла трубонька съ-по зарѣ—
Плакала (имя молодой) съ-по косѣ:
„Вечоръ мнѣ-ка косыньку
Дѣвушки плели,
Сегодня мнѣ-ка косыньку
Свашеньки плетутъ,—
Расплели косыньку трубчатую,
Заплели косыньку двойчатую.
Ты, труба ли моя, трубонька,
Ты, труба ли моя золотая!
Вострубп, трубонька, поранѣе,
Что по раннему утру по утреннему,
Чтобы чула и слышала
Свѣтъ (имя матери молодой),
Матушка моя родимая.
Она гдѣ трубоньку заслышала,
Тутъ слезно заплакала:
— „Отъ меня ли дитя везутъ,
Отъ меня ли везутъ милое,—
Передъ ей образа везутъ,
Образа все пречудные,
По-за ей сундуки везутъ,
Сундуки все окованные,
Ларцы кипарисовые“.—
Ты, труба ли моя, трубонька,
Ты, труба ли моя золотая!
Вострубп, трубонька, поранѣе,
Что по раннему утру по утреннему,
Чтобы чула и слышала
Свѣтъ (имя матери молодого),
Моя матушка родимая.
Она гдѣ трубу заслышала,
Тутъ и взрадовалася:
— „Что ко мнѣ ли дитя везутъ,
Что ко мнѣ ли везутъ милое,—
Передъ ей образа везутъ,
Образа все пречудные,—
По-за ней сундуки везутъ,
Сундуки окованные,
Ларцы кипарисовые“.

Пермск. Сб., I, II, 89—91.

приданое новобрачной.—Въ числѣ приданаго находятся новыя рубашки для подарка мужниной роднѣ.—Послѣ обѣда ставитъ сватъ передъ молодою тарелку съ рюмкою, наливаетъ вина и, поднимая кнутовищемъ каждую рубаху, выкликаетъ по имени и отчеству родныхъ молодого: они подходятъ, пьютъ вино, берутъ рубаху и кладутъ на тарелку деньги.

„На другой день отецъ новобрачной дѣлаетъ обѣдъ, называемый *хлѣбинами*, къ которому приглашаетъ всю свою родню. Тутъ пляшутъ и поютъ. По окончаніи стола молодой приглашаетъ къ себѣ всѣхъ гостей на обѣдъ, *отворотинный* столъ (*отхлѣбинины*, Пермск. губ.). На третій день разъѣзжаютъ молодые по роднымъ и знакомымъ, которые угощаютъ ихъ закускою и виномъ, и этимъ оканчивается свадьба. Между тѣмъ каждый изъ участвовавшихъ въ свадьбѣ даетъ отъ себя вечеринку или обѣдъ для молодыхъ.

Терещ. II. 227—229.

IV. Пѣсни про семейную жизнь.

(Радости и горе семейной жизни).

А. Молодая въ семьѣ мужа.

1.

Отдаютъ мя молоду на чужую сторону [1]).
На чужую сторону, въ небольшую семью:
Только свекоръ да свекруха, да четыре деверья,
Да четыре деверья, двѣ золовушки
Двѣ золовушки, да двѣ тетушки,
Да двѣ тетушки, двѣ голубушки.
А какъ свекоръ говоритъ: „людоѣдицу ведутъ“,
А свекруха говоритъ: „къ намъ медвѣдицу ведутъ“,
А деверья говорятъ: „къ намъ неряху ведутъ“,
А золовки говорятъ: „къ намъ непряху ведутъ“,
А тетушки говорятъ: „къ намъ разлучницу ведутъ“.
Ужъ я ли молода очень бойка была,
Очень бойка была, всѣмъ отвѣтъ отдала:
—Сударь-батюшко,ты позволь-камнѣ
Вдоль по горенкѣ пройти, словцо выговорить,
Словцо выговорить, словцо вымолвить.
Во темномъ-то лѣсу—тамъ медвѣдицы живутъ,
Во сыромъ-то бору — людоѣдицы живутъ;
А деверья-соколы,—у васъ жены таковы;
Золовушки-голубушки, вамъ самимъ замужъ итти;
А тетушекъ-голубушекъ поставимъ на порогъ,
Мы поставимъ на порогъ да укажемъ семь дорогъ,
Да въ притолочку, да въ выволочку!—[1])

Рыбн. III, 446.
(Черниговск. губ.)

---

[1]) Варіанты:
а) Отдавали молоду
За сѣдую бороду,
Въ небольшую семью...
Шейнъ I. 332.
б) Отдалъ меня батюшка
Не въ малую деревню, (2)
Не въ согласную семью...
Ib. 334.

[1]) Варіантъ:
Мужъ на лавкѣ сидитъ,
На жену косо глядитъ:
— Ты косись, не косись, —
Не боюся я тебя,
Не боюся я тебя,
Не ударишь ты меня!—
Мужъ руку отвелъ —
Жену по уху оплелъ;
Жена руку отвела —
По всей харѣ оплела.
Шейнъ. I, 335.

2.

Спится мнѣ младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку.
Свекоръ-батюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитый по новымъ погуливаетъ.

ХОРЪ.

Стучитъ-гремитъ, стучитъ-гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
— Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!—

Спится мнѣ младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку.
Свекровь-матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.

ХОРЪ.

Стучитъ-гремитъ, стучитъ-гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
— Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Спится мнѣ младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку.
Милъ-любезный по сѣничкамъ похаживаетъ,
Легохонько, тихохонько поговариваетъ:

ХОРЪ.

— Спи, спи, спи, ты моя умница!
Спи, спи, спи, ты разумница!
Загонена, забронена, рано выдадена.

Шейнъ. I, 336—337.
(Тверск. губ.).

Б. Неудачный бракъ. — Семейный разладъ.

а) Немилый мужъ, неровня.—Жалобы женщины.—Нелюбимая жена.

3.

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали!
Ахъ, кабы на меня да не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила,
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я въ чисто поле.
И я батюшки(ѣ) говорила:
„Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, государь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы:
Не съ хоромами жить — съ человѣкомъ,
Не съ богатствомъ жить мнѣ — со свѣтомъ“.
Я по сѣнямъ шла, я по новымъ шла,
Подняла шубку соболиную,
Чтобъ моя шубка не прошумѣла,
Чтобъ мои пуговки не прозвякнули, —
Не услышалъ бы свекоръ-батюшка,
Не сказалъ бы онъ своему сыну,
Своему сыну — моему мужу.

Сахар. I. 3. 212.

4.

Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,
Въ помышленьѣ того не было,
Чтобъ красной дѣвицѣ замужъ идти.
Соизволилъ такъ сударь-батюшка,
Похотѣла такъ моя матушка,
Ради ближнева перепутьица:
И я въ торгъ пойду—побывать зайду,
Изъ торгу пойду—ночевать зайду.
Я спрошу у своей дитятки:
— Каково жить въ чужихъ людяхъ?—
„Государыня моя матушка!
Отдавши въ люди, стала спрашивать:
Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Ахъ, вечоръ меня больно свекоръ билъ,
А свекровь, ходя, похваляется:
—„Хорошо учить чужихъ дѣтей,
Нероженыхъ, нехоженыхъ,
Невспоенныхъ и не вскормленныхъ“.—

Сахар. I. 3. 212.

5.

Калину съ малиною вода поняла:
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись съ разумомъ, замужъ отдала
На чужедальнюю на сторонушку.
Чужая сторонушка безъ вѣтра сушитъ;
Чужой отецъ съ матерью безвинно крушитъ.
Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертой къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемышной пташечкою, кукушечкой.
Сяду я у матушки во зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезами горючими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву.
Матушка по сѣнечкамъ похаживаетъ,
Невѣстушекъ-ластушекъ побуживаетъ:
„Вы встаньте, невѣстушки, голубки мои!
Что у насъ за пташка въ зеленомъ саду?“
Большая невѣстка велитъ застрѣлить,
Меньшая невѣстка проситъ погодить;
Родная сестрица, заливши слезами,
Молвила: „Не наша-ль горюша сюда прилетѣла
Пташкой съ чужой стороны?“

Ib. 208.

6.

Спасибо-то, спасибо-то, синему кувшину,
Разогналъ-то—раскачалъ всю тоску-кручину!
Не тоска-ли — не кручина по сѣнямъ гуляла,
У молодца—у дѣтинки женка умирала:
Умирай-ка-сь—истывай, женка, поскорѣе!
А свезу-ли, я свезу, во мхи — во болото,
Положу-то, положу я, въ гнилую колоду,
Схороню-то, схороню подъ бѣлую (подъ) березу,

Пойду-ли я, пойду молодецъ на волю,
Я пойду-ли, я пойду въ города новые,
Я куплю-то, я куплю топоры вострые,
Я пойду-ли, я пойду во лѣса темные,
Нарублю-то, нарублю лѣсу ровнова,
Напилю-то, напилю тесу гладкова,
Я срублю-то—я поставлю горницу новую,
Приведу-то, приведу, женку молодую,
А своимъ-то я дѣтямъ мачеху лихую [1]).

Шейнъ. I. 359.

(Новоторжск. у. Тверск. губ.).

б) Лихая жена.

7.

Во лѣсахъ было во дремучихъ,
Что брала-то дѣвка грибы, ягоды,
Что она, брам(в)ши, въ лѣсу заблудилася,
Заблудимшись, дѣвка слезно плакала:
— Что ау-то, ау, милъ сердечный другъ!
Что нельзя-то ли мнѣ, нельзя,
Нельзя милой отаукнуться,
Что глядятъ-то, смотрять
На меня трое сторожевъ:
Какъ первый-то сторожъ — тесть-батюшка,
Что другой-ли сторожъ—теща-матушка,
Какъ третій-то сторожъ — молода жена.
Ты найди-ка, ты найди, туча грозная,
Ты убей-ка, ты убей тестя-батюшку,
Ты громи-ка, ты громи тещу-матушку,
А молодую-то жену я и самъ убью.

Шейнъ. I, 341.

(Москва).

8.

Я у батюшки—у матушки глупешенекъ родился,
Я у батюшки—у матушки младешенекъ женился,
Ужъ и взялъ-ли я жену молодую,
Во саду-ли вишенку наливную.
Какъ жена мужа не взлюбила,
Повела негодяя къ тещѣ въ гости,
Къ тещѣ въ гости въ зеленую рощу,
Привязала негодяя къ бѣлой березѣ,
А сама пошла—загуляла,
Загуляла—пировала девять денечковъ,
На девятой на денечекъ встосковалась;
Встосковалась, пошла къ негодяю,
Не дошедши негодяя, становилась,
Не дошедши негодяя, поклонилась:
„Хорошо тебѣ, негодяю, пиръ пировати?“
— Государыня жена! А мнѣ не до пиру:
Мнѣ соловушки головушку пробили,
Мнѣ комарики всѣ плечики скусали,
Мнѣ мурашики всѣ ноженьки сточили.—
„Ужъ ты будешь, негодяй, кормить меня хлѣбомъ?“
— Государыня жена! Буду калачами.—

[1]) Варіантъ:
И дѣти ему на отвѣтъ сказали:
—Сгори наша горенка новая!
И помри наша мачеха лихая!
И востань ты, наша матушка родная!

Шейнъ. I, 358.

„Ужъ ты будешь, негодяй, поить меня квасомъ?“
— Государыня жена! Я сытою,
Я сытою, я сытою медовою.—
„Ужъ ты будешь, негодяй, пущать меня въ гости?“
— Государыня жена! Ступай хоть вовсе!—

Рыбн. Ш. 448.
(Черниговск. губ.).

9.

Вы раздайтесь, расшатнитесь, добрые люди,
Ужъ вы дайте мнѣ младенькѣ погуляти,
Поколь батюшка-сударь замужъ не выдалъ
За того ли за дѣтинку за невѣжу!

Со двора идетъ невѣжа—скачетъ-пляшетъ,
Съ кабака идетъ невѣжа—кричитъ-вопитъ:
„Ужъ ты дома ли, жена молодая,
Отворяла бъ поскорѣича ворота?“
Какъ заслышала невѣжинъ голосище,
Потихохоньку съ постели я вставала,
На босу ногу башмачки одѣвала,
Ко воротамъ спѣхомъ поспѣшала,
Поскорѣе я ворота затворяла,
Покрѣпчѣе я ворота запирала,
Посмѣлѣе со невѣжей говорила:
—Ты ночуй-усни, невѣжа, за воротмы:
Тебѣ мягкая перина — бѣлая пороша,
Высоко ли изголовье — подворотня,
Соболино одѣяло—лютые морозы,
Шитый бранный положечекъ—часты звѣзды [1]).
Каково тебѣ, невѣжа, спать за воротмы,
Таково-то мнѣ младенькѣ жити за тобою,
За тобою, за твоею за удалой головою.—

Рыбн. III. 449—450.
(Черниговск. губ.).

в) Мужъ учитъ жену.

10.

Какъ подъ яблонью, подъ кудрявою,
Ай люли, люли, подъ кудрявою [2]),
Подъ кудрявою, кучерявою,
Ай люли, люли, кучерявою,
Мужъ жену училъ, мужъ угрюмую,
Мужъ угрюмую, неразумную.
Какъ жена мужу не покорилася,
Свекру-батюшкѣ взмолилася,
Низко въ ножки поклонилася:
„Свекоръ-батюшка, отыми меня
Отъ негоднаго, отъ непутнаго!“
Свекоръ говоритъ:—Воля не моя,
Воля не моя, воля сынняя.—

—

Какъ подъ яблонью, подъ кудрявою, и пр.
Свекрови-матушки(ѣ) покорилася,
Покорилася, низко въ ножки поклонилася:
„Свекровь-матушка, отыми меня
Отъ негоднаго, отъ непутнаго!“
Свекровь говоритъ:—Воля не моя,
Воля не моя, воля сынняя.—

—

[1]) Варіантъ: Шитый браный положечекъ—часты звѣзды,
Тебѣ часты поцѣлуи—сѣры волки.
Рыбн. III. 433.

[2]) Послѣднее слово стиха повторяется вмѣстѣ съ припѣвомъ.

Какъ подъ яблонью, подъ кудрявою, и т. д.
Жена мужу покорилася.
Низко въ ноги ему поклонилася.

Рыбн. III. 448—449.
(Черниговск. губ.).

В. Разрывъ.

11.

Молодость ты моя молодецкая!
Не видалъ я тебя, когда ты прошла, прокатилася,
Со худою женой, съ непокорною!
Мнѣ худую жену все ни сжить, ни сбыть,
Все ни другу подарить, ни товарищу,
Какъ пойду молодецъ на сине море,
Закуплю жъ я женѣ смоляной корабль
О двѣнадцать гребцовъ, тонкихъ парусовъ,
Объ шестнацати *добрыхъ* молодцовъ [1]).
Какъ пойду молодецъ на круту гору,
Посмотрю на море, какъ корабль бѣжитъ,—
Корабль то бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Жена жъ то сидитъ, какъ бoярыня,
Дѣтя жъ то дяржитъ, какъ свѣча горитъ.
Какъ крикнулъ молодецъ громкимъ голосомъ.
—Воротися, жена, жена—барыня!—
„Не порой солнце свѣтитъ, не полѣтнему,—
Не любить мнѣ мужа все по прежнему!—

Шейнъ. 1. 351.
(Суражск. у. Витебск. губ.).

---

[1]) У Шейна: „бѣлыхъ молодцевъ".

У. Причитанья „по покойнику".

„Такъ называются тѣ печальныя пѣсни, или плачи, которыя поются, или—вѣрнѣе сказать—воются, голосятся, съ рыданіемъ, воплями и всѣми признаками убивающей скорби, лицами по преимуществу женскаго пола при погребеніи или поминкахъ какого нибудь близкаго родственника. Женщина, или дѣвушка, обливаясь слезами о потерѣ дорогого сердцу предмета, убитая горемъ, не въ состояніи будучи вынести тяжелаго душевнаго волненія, упадаетъ на гробъ или могилу, скрывшіе въ себѣ дорогіе останки родного человѣка, ударяетъ руками въ „мать-землю" или безотвѣтную крышку гроба и на-распѣвъ причитаетъ одну изъ нижеслѣдующихъ плачей".

1. Дочь по отцѣ.

Со восточной со сторонушки
Подымалися да вѣтры буйные
Со громами да со гремучими,
Съ молоньями [1]) да со палючими;
Пала, пала съ небеси звѣзда
Все на батюшкову на могилушку...
Расшиби-ко ты, громова стрѣла,
Еще матушку да мать-сыру землю!
Развались-ко-ся ты, мать-земля,
Что на всѣ четыре стороны!
Скройся-ко [2]), да гробова доска,
Распахнитеся, да бѣлы саваны,
Отвалитеся, да ручки бѣлыя,
Отъ ретиваго отъ сердечушка,
Разожмитеся, да уста сахарныя!
Обвернись-ко-ся [3]), да мой родимой батюшко,
Перелетнымъ ты да яснымъ соколомъ!
Ты слетай-ко-ся да на сине море,
На сине море на Хвалынское;
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,

---

[1]) Молонья—вм. молнія.
[2]) Скройся-ко—вм. вскройся-ко.
[3]) Обвернись ко-ся—вм. обернись, прими образъ, видъ.

Со бѣлова лица ржавщину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой-ётъ да на высокъ теремъ,
Все подъ кутнее да подъ окошечко—
Ты послушай-ко, родимой батюшко,
Горе-горькихъ нашихъ пѣсенокъ.

2. Молодуха по мужѣ.

Начало этого причитанья до словъ: „разожмитеся, да уста сахàрныя“—то же, чтó и въ первой плачѣ; вмѣсто словъ: „все на батюшкову на могилушку“—поютъ: „все на ладушкову на могилушку“; а окончаніе причитанья слѣдующее:

Обвернись-ко-ся, мой милый ладушко,
Перелетнымъ ты да яснымъ соколомъ!
Ужъ и выйду на широку я на улочку:
Посмотрю я горе-горькая
На всѣ на четыре стороны—
Не летитъ ли моя мила пташечка,
Не несетъ ли мнѣ вѣсточку-грамотку?
Ужъ мнѣ ждать будетъ —не дождатися,
Мнѣ глядѣть—не наглядѣтися:
Ну, нѣтъ мнѣ отъ милова ладушки,
Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
Ни словястнаго челобитьица!
А какъ безъ мово-то мила ладушки
Наносятъ на меня люди добрые!..

Послѣ этого причитанья горемычная вдова часто голоситъ и другое:

Пришла весна красная;
Выѣзжаютъ всѣ люди добрые
На работушку на тяжелую—
У меня-то горе-горькія
Нѣтъ милова ладушки...
А придетъ страда сѣнокосная—
И затупится коса моя булатная...
И тогда-то горе-горькая
Сяду я подъ ракитовъ кустъ,
Помяну-то я горе-горькая
Свово мила ладушку:
Затупилась у меня-то коса да булатная
Не по старому да не по прежнему...
А какъ былъ бы ты, милый ладушко,
Ты направилъ бы мнѣ косу булатную
По старому да по прежнему...
Хожу-то я горе-горькая
По лугамъ-то да по зеленымъ;
Смотрю-то я горе-горькая
По добрымъ-то да по людямъ,
И примѣчу я, сирота горькая,
Свово мила ладушку:—
Какова была у него походочка,
Какова была у него поступочка,
Каково у него было лицо бѣлое,
Каковы у него были очи ясныя,
Каковы были кудри русыя...
Не могла-то я узрѣть-высмотрѣть
По его-то частой походочкѣ,
По его-то русымъ кудерцамъ,
По его-то яснымъ очикамъ—
Свово мила ладушка...

3. Старуха по старикѣ.

На кого ты, милой мой, обнадѣялся?
И на кого ты ополóжился?
Оставляешь ты меня горе-горькую
Безъ теплова свово гнѣздышка!..
Ни отъ кого-то горе-горькой
Нѣту мнѣ слова ласкова,
Нѣтъ-то мнѣ слова привѣтлива.
Нѣтъ-то у меня горе-горькія
Ни роду-то, ни племени,
Ни поильца мнѣ, ни кормильца...
Остаюсь-то я горе-горькая

Старымъ-то я старешенька,
Одна да одинешенька.
Работать мнѣ—изможенья нѣтъ.
Нѣтъ-то у меня роду-племени,
Не съ кѣмъ мнѣ думу думати,
Не съ кѣмъ мнѣ слово молвити:
Нѣтъ у меня милова ладушки.

(Всѣ записаны въ Кунгурск. у. Пермск. губ.).
Пермск. Сб. кн. 2, отд. II, стр. 128—131.

VI. Пѣсни, сопровождающія игры, развлеченія, бесѣды (посидѣлки, супрядки).

а) Святочныя, подблюдныя и игорныя.

1.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ!
Слава! [1])
Чтобы нашему государю не старѣться,
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться.
Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла;
Чтобы царева золотая казна
Была вѣкъ полнымъ полна;
Чтобы большимъ-то рѣкамъ
Слава неслась до моря,
Малымъ рѣчкамъ до мельницы.
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
Старымъ людямъ на потѣшеніе,
Добрымъ людямъ на услышаніе.
Слава!

[1]) Въ этой и слѣд. пѣсняхъ (2—16) послѣ каждаго стиха повторяется „Слава".

2.

Катилося зерно по бархату,
Еще ли то зерно бурмитское,
Прикатилося зерно ко яхонту.
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,—
Хорошъ женихъ со невѣстою.

3.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Шубенка на немъ худенька:
Одна пола во сто рублей,
Другая пола во тысячу,
А всей то шубенкѣ цѣны нѣтъ.
Цѣна ей у царя въ казнѣ,
У царя въ казнѣ, въ золотомъ ларцѣ.

4.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Несетъ кузнецъ три молота.
„Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Изъ обрѣзочковъ булавочку.
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обрачатися,
Мнѣ тою булавкою убрусъ притыкать".

5.

Летитъ соколъ изъ улицы,
Голубушка изъ другой,
Слеталися, цѣловалися,
Сизыми крыльями обнималися,—
Ужъ и имъ добрые люди дивовалися,
Какъ соколъ съ голубушкой уживалися.

6.

Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Ищетъ груздочекъ бѣляночку;
Не груздочекъ скачетъ, а боярскій сынъ,
Не бѣляночку ищетъ, а боярышню.

7.

Щука шла изъ Новагорода,
Она хвостъ волокла изъ Бѣлаозера;
Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченая;
Какъ у щуки спина жемчугомъ сплетена,
Какъ головка у щуки унизаная,
А на мѣсто глазъ дорогой алмазъ.

8.

Ахъ, ты сѣй, мати, мучицу, пеки пироги,
Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,
Какъ нечаянные и незванные.
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи,
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ.

9.

Жемчужина окатная,
До чего тебѣ докатитися?
Пора тебѣ выкатитися
Князьямъ и боярамъ на шапочку.

10.

Покачу я колечко кругомъ города,
А за тѣмъ колечкомъ я сама пойду,
Я сама пойду, суженаго найду.

11.

Ласточка-касаточка,
Не вей гнѣзда во высокомъ терему;
Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не лѣтовати.

12.

Курочка-погребушечка!
Да греблася она на заваленкѣ,
Еще выгребла золотъ перстень,
Золотъ перстень о трехъ ставочкахъ,—
Да кому перстнемъ обручатися?
Обручатися отроку съ отрочицею,
Еще молодцу со дѣвицею.

13.

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,
А у богатаго мужика двѣ радости;
Что первая-то радость — сына женить,
Что другая-то радость — дочь замужъ отдаетъ.
Ужъ какъ за сыномъ корабли бѣгутъ,
А за дочерью сундуки везутъ.

14.

Пойду млада къ верeюшкѣ,
Брякну млада во колечушко;
Какъ колечко скажется,
Такъ суженой откликнется.

15.

Сидитъ воробей на перегородѣ,
Глядитъ воробей на чужу сторону.

16.

За столомъ сижу,
Я на чашу гляжу,
Я пятернею вожу,
Золото кольцо ищу;
Я еще посижу,
Я еще поволу,
И суженаго найду.

17.

Катилося одонье ржи,
Слава!
Кому прикатится, тому добро.
Слава!

Сахар. 1. 3, 11—15.

18.

Исусъ Христосъ
У воротъ стоитъ,
Онъ съ хлѣбомъ, съ солью,
Со скатертью,
Съ скотинкою,
Съ животинкою.
Слава Дѣвы(ѣ)!
Кому вынется,
Тому и сбудется,
Не минуется. Слава!

Шейнъ, 374.

19.

Разсыплю я монисто по закрому,—
Съ кѣмъ монисто собирать будетъ?
Собирать монисто съ милымъ дружкомъ.
Кому вынется,
Тому и сбудется,
Не минуется. Слава!

Ib. 375.

20.

За рѣкой мужики живутъ богатые,
Гребутъ жемчугъ лопатами.
Кому вынется,
Тому и сбудется,
Не минуется. Слава!

Ib. 380.

21.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай, красная!
Въ коей рукѣ былица!
И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, кабы вѣдала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ вы, кумушки, вы, голубушки!
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,

Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодого,
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.
Еще дѣвицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплѣсневѣло.
Молодайка, отгадай-ка!

Сахар. I, 3, 15.

б) Хороводныя пѣсни.

1. Наборныя.

1.

Ѣхали бояре изъ Новагорода,
Сѣкли рябинушку подъ самый корешокъ,
Кололи досочки тоненькія,
Дѣлали гусельцы звончистыя.
Кому эти гусельцы разыгрывати?
Играть ли, не играть ли Лукинушкѣ,
Тѣшить ли, не тѣшить ли Авдотьюшку?
Я тебя, Авдотьюшка, не силою бралъ,
Я у твоего батюшки сватался,
Я у твоей матушки кланялся.

Шейнъ. I, 81.
(Островск. у. Псковск. губ.).

2.

Около города Казани [1])
Молодой король гуляетъ,
Королевну выбираетъ:
Растворяйтеся, ворота,
Ты войди, король, во городъ,
Подойди, король, поближе,
Поклонись, король, пониже,
Поцѣлуйся помилѣе;
Ты возьми ее за ручку,
Поведи ее съ собою,
Назови ее слугою.

Ib. 87.
(Осташк. у. Тверск. губ.).

3.

Какъ на тоненькій ледокъ
Выпалъ бѣленькій снѣжокъ;
Выпалъ снѣжокъ бѣленькій,
Пришелъ ко мнѣ миленькій,
Приносилъ подарочекъ,
Петербургскій пряничекъ,
Въ косу ленту алую,—
Бери дѣвку бравую!

Ib. 109.
(Весьегонск. у. Тверск. губ.).

4.

Какъ на улицѣ дождикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвушекъ прибываетъ.
Охъ, вы, дѣвушки, поиграйте!
Ужъ какъ вы, холостые, не глядите:
Вамъ глядѣньицемъ дѣвушекъ не взяти,
Ужъ какъ взять ли, не взять ли по люб(о)ви,
Что по батюшкину повелѣнью,
Что по матушкину благословенью.

Сахар. I, 3, 27.

2. Игровыя.

5.

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой Дидъ-ладо, сѣяли, сѣяли!

---

[1]) Послѣдній стихъ поется безъ повторенія, предпослѣдній повторяется пять разъ, всѣ остальные—по два.

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой Дидъ-ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!
А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой Дидъ-ладо, вытоптать, вытоптать!
А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой Дидъ-ладо, выпустимъ, выпустимъ!
А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой Дидъ-ладо, переймемъ, переймемъ!
А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ-ладо, перенять, перенять!
Шелковымъ поводомъ, поводомъ,
Ой Дидъ-ладо, поводомъ, поводомъ.
А мы коней выкупимъ, выкупимъ!
Ой Дидъ-ладо, выкупимъ, выкупимъ!
А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ-ладо, выкупить, выкупить!
А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Ой Дидъ-ладо, сто рублей, сто рублей!
Не надо намъ тысячи, тысячи,
Ой Дидъ-ладо, тысячи, тысячи!
А что же вамъ надобно, надобно?
Ой Дидъ-ладо, надобно, надобно!
Намъ-(то) надобно дѣвицу, дѣвицу,
Ой Дидъ-ладо, дѣвицу, дѣвицу!
А нашего полку убыло, убыло,
Ой Дидъ-ладо, убыло, убыло!
А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дидъ-ладо, прибыло, прибыло!

Ib. 27.

6.

Ай на горѣ макъ, макъ,
Подъ горою такъ, такъ, такъ!
Маки, маковочки!
Золотыя головочки!
Станьте вы въ рядъ,
Спросимте про макъ.

Ib.

7.

Ужъ какъ звали молодца,
Позывали удальца,
На игрище поглядѣть,
На Ярылу посмотрѣть.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Одѣвался молодецъ,
Убирался удалецъ,
Въ рудожелтъ кафтанъ,
Въ шапку мурмолку.
Ты, Дунай мой, Дунай.
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Выходилъ нашъ молодецъ,
Вдоль улицы на конецъ,
Къ хороводу подходилъ,
Низко кланялся.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Какъ садился молодецъ
Противъ вдовы на конецъ,
Просилъ вдову погулять,
Его рѣчей послухать.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Не раба, сударь, твоя,
Я не слухаю тебя,
Не хочу съ тобою жить,
Не хочу тебѣ служить.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Какъ садился молодецъ

Противъ дѣвки на скамью:
Ужъ ты, дѣвушка душа,
Ты послухай, другъ, меня!
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Снималъ шапку съ головы,
Бросалъ дѣвкѣ подъ ноги:
Ты раба, дѣвка, моя,
Такъ послушай, другъ, меня!
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Я раба, сударь, твоя,
Я послушаю тебя,
Буду вмѣстѣ съ тобой жить,
Стану вѣкъ тебѣ служить.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!

Шейнъ. I, 186.

(Тульск. губ.).

8.

Посмотрите, добрые люди,
Какъ жена меня молодца не любитъ,
Душа-сердце мое ненавидитъ!
Я поѣду въ Китай городъ гуляти,
Молодой женѣ покупку покупати:
Саму, саму предиковинну юпку,
Саму, саму предиковинну кофту.
Жена моя, женушка,
Сердитое мое сердце!
Ты постой-ка, жена,
Я примѣрю на тебя,
Я примѣрю, приложу,
Я на женушку погляжу.
Посмотрите, добрые люди,
Какъ жена меня молодца не любитъ,
Душа сердце мое ненавидитъ!
Я поѣду въ Китай городъ гуляти,
Молодой женѣ покупку покупати:
Саму, саму предиковинну плетку.
Жена моя, женушка,
Сердитое мое сердце!
Ты постой-ка, жена,
Я примѣрю на тебя,
Я примѣрю, приложу,
Я на женушку погляжу.
Посмотрите, добрые люди,
Какъ жена меня молодца любитъ,
Душа-сердце мое поцѣлуетъ.

Сахар. I, 3, 29.

9.

Чрезъ кругъ летитъ утка,
Калина, малина моя!
Чрезъ нашъ хороводецъ.
Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!
Пора красныхъ замужъ,
Калина, малина моя!
За крестьянскаго-ль сына?
Калина, малина моя!
У крестьянскаго сына
И толочь, и молоть,
Рѣшетомъ подсѣвать.
Калина, малина моя!
Чрезъ кругъ летитъ утка,
Калина, малина моя!
Чрезъ нашъ хороводецъ.
Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!
Пора красныхъ замужъ,
Калина, малина моя!
За боярскаго-ли сына?
Калина, малина моя!
У боярскаго сына
Окошки косыя,
Лакеи босые,
Собаки борзыя.
Калина, малина моя!
Чрезъ кругъ летитъ утка,
Калина, малина моя!
Чрезъ нашъ хороводецъ.

Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!
Пора красныихъ замужъ,
Калина, малина моя!
За старостина-ль сына?
Калина, малина моя!
У старостина сына
Пряничи сладенькіе,
Медъ сыченой.
Калина, малина моя!
А мы сѣли, да съѣли.
Калина, малина моя!

Ib. 31.

10.

Ай, вдоль да по улицѣ,
Ай, вдоль да по широкой,
Ой люли, ой люли, по широкой!
Шли тутъ дѣвушки,
Шли тутъ молодушки,
Ой люли, ой люли, молодушки!
Меня младу съ собой звали,
Меня младу со двора кликали,
Ой люли, ой люли, кликали!
Вы постойте, подождите,
Бѣлы руки подожмите,
Ой люли, ой люли, подожмите!
Я пойду-ль, я спрошаю-ль
У матушки, у свекра-батюшки:
Ой люли, ой люли, батюшки!
„Свекоръ-батюшка, пусти погулять,
Свекровушка-матушка, пусти погулять!“
Ой люли, ой люли, погулять!
— Хотя пустимъ погулять,
Да безъ мужа не ходи.—
Ой люли, ой люли, не ходи!
Ужъ мой ли мужъ—старой старичища,
Не пускаетъ одну на игрища!
Ой люли, ой люли, на игрища!
Я пойду-ли, я спрошусь
Своего стараго мужа:
Ой люли, ой люли, стараго мужа!
„Пусти на улицу погулять,
Съ ребятами поиграть“.
Ой люли, ой люли, поиграть!
— Хоть я отпущу гулять,
Прежде шкуру дай содрать.—
Ой люли, ой люли, содрать!

Ib. 32.

11

Ахъ, и по морю! ахъ, и по морю!
Ахъ, и морю, морю синему!
Плыла лебедь, (2)
Лебедь бѣлая со лебедушками [1]),
Со малыми со дитятами,
Ни тряхнется, ни ворохнется;
Плывши, лебедь встрепенулася,
Подъ ней вода всколыхнулася;
Плывши, лебедь вышла на берегъ.
Гдѣ ни взялся, (2)
Гдѣ ни взялся младъ-ясенъ соколъ;
Убилъ-ушибъ, (2)
Убилъ-ушибъ лебедь бѣлую;
Онъ кровь пустилъ по синю морю;
Онъ пухъ пустилъ, (2)
Онъ пухъ пустилъ по-подъ небесью;
Сорилъ перья, (2)
Сорилъ перья по чисту полю.
Гдѣ ни взялась, (2)
Красна дѣвица душа;
Брала перья, (2)
Брала перья лебединыя,
Клала въ шапку, (2)
Клала въ шапку соболиную,
Милу дружку, (2)
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшкѣ, (2)
Родну батюшкѣ на перинушку.
Гдѣ ни взялся, (2)

[1]) Слѣдовало бы: «Плыла лебедь съ лебедятами».

Гдѣ ни взялся добрый молодецъ.
Богъ на помочь, (2)
Богъ на помочь, красна дѣвица душа!
Она жъ ему, (2)
Она жъ ему не поклонится.
Грозилъ парень, (2)
Грозилъ парень красной дѣвицѣ:
Добро, дѣвка, (2)
Добро, дѣвка, дѣвка красная!
Зашлю свата, (2)
Зашлю свата, за себя возьму;
Будетъ время, (2)
Будетъ время—и поклонишься мнѣ;
Будешь, дѣвка, (2)
Будешь, дѣвка, у кроватушки стоять,
Будешь, дѣвка, (2)
Будешь, дѣвка, бѣлы руки, руки цѣловать;
Будешь держать, (2)
Будешь держать шелкову плеть въ рукахъ.
Я думала, (2)
Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься;
Я думала, (2)
Я думала, что поповскій сынъ,
Что поповскій сынъ, воръ Алешенька!

Ib. 32.

12.

Чрезъ рѣченьку лежала,
Чрезъ рѣченьку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночкѣ не пройдетъ.
Только шли-прошли стары бабы,
Стары бабы старобразы.
Еще смѣть ли спросить старыхъ бабъ,
Еще что въ городѣ вздорожало?
Вздорожали, вздорожали молоды бабы:
На овсяный блинъ по три бабы,
А четверта провожата,
А пятая на придачу.
Чрезъ рѣченьку лежала,
Чрезъ рѣченьку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночкѣ не пройдетъ.
Только шли-прошли молоды бабы,
Молоды бабы пригожія.
Еще смѣть ли спросить молодыхъ бабъ,
Еще что въ городѣ вздорожало?
Вздорожали, вздорожали добры молодцы:
Еще восемь молодцевъ на полденьги.
А девятый провожатый,
А десятый на придачу.
Чрезъ рѣченьку лежала,
Чрезъ рѣченьку лежала
Тонка, гибка жердиночка.
Что никто по той жердиночкѣ не пройдетъ.
Только шли-прошли добры молодцы.
Еще смѣть ли спросить добрыхъ молодцовъ,
Еще что въ городѣ вздешевѣло?
Вздешевѣли, вздешевѣли красны дѣвушки:
По сту рублей красна дѣвица,
А по тысячѣ дѣвицѣ на косицу.

Ib. 40.

13.

На горѣ калинушка стояла,
Разноцвѣтомъ расцвѣтала;
На калинушкѣ сидитъ соловейка,
Веселыя пѣсни распѣваетъ,
Холостому молодцу вѣсть подаетъ:

Пора тебѣ, молодецъ, жениться.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ набольшему тамъ атаману, —
Чѣмъ меня государь-батюшка подаруетъ?
Подарилъ меня государь-батюшка женою,
Глупою женою, неразумной:
Я за гудокъ, а она за прялку;
Я въ гудокъ играти, а она мотати,
Незачѣмъ въ люди на кручину,—
Дома кручинушки довольно.
На горѣ калинушка стояла,
Разноцвѣтомъ расцвѣтала;
На калинушкѣ сидитъ соловейка,
Веселыя пѣсни распѣваетъ,
Холостому молодцу вѣсть подаетъ:
Пора тебѣ, молодецъ, жениться.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ набольшему тамъ атаману, —
Чѣмъ меня государь-батюшка подаруетъ?
Подарилъ меня государь-батюшка женою,
Умною женою и разумной:
Я за гудокъ, а она за пѣсни,
Я въ гудокъ играти, а она плясати.
Незачѣмъ въ люди по веселье,—
Дома весельица довольно.

Ib. 41.

14.

По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ,
Плыветъ селезень.
Люли, люли, селезень!
Ты стой, постой,
Ты стой, постой,
Хохлатый селезень.
Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Повернулось по бревну,
По бревну, по сосновому.
Люли, люли, селезень!
По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ,
Плыветъ суденышко.
Люли, люли, селезень!
На суденышкѣ дѣтинушка,
На дѣтинушкѣ рубашечка,
Подъ сердечушкомъ зазнобушка.
Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Сочинилася бѣда, —
Измѣнила молода.
Люли, люли, селезень!

Ib. 42.

15.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды.
Ой люли, ой люли,
Стоитъ озеро воды!
Молодецъ коня поилъ,
Къ воротичкамъ приводилъ.
Ой люли, ой люли,
Къ воротичкамъ приводилъ!
Къ вереюшкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ:
Ой люли, ой люли,
Красной дѣвкѣ приказалъ!
Красна дѣвица душа!
Сбереги добра коня,
Ой люли, ой люли,
Сбереги добра коня!
Сбереги добра коня,
(Коня) семитысячнаго,
Ой люли, ой люли
(Коня) семитысячнаго!
Не сорвалъ бы повода,
Не сломилъ бы удила,
Ой люли, ой люли,
Не сломилъ бы удила!

Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ.
Ой люли, ой люли,
Словно павушка плыветъ!
На ней платье голубое,
Лента алая въ косѣ.
Ой люли, ой люли,
Лента алая въ косѣ!
На головушкѣ перо
Хоть пятьсотъ рублей дано.
Ой люли, ой люли,
Хоть пятьсотъ рублей дано!
Хоть пятьсотъ рублей дано,
Стоитъ тысячи оно,
Ой люли, ой люли,
Стоитъ тысячи оно!

Ib. 45.

16.

По-за городу
Царевъ сынъ, (2)

(Одинъ ходитъ за хороводомъ).

Что ни царскій-етъ сынъ,
Воитель, (2)
Выбиралъ себѣ невѣсту, (2)
Распрекрасную королеву. (2)

(Выбираетъ одну изъ дѣвушекъ).

Что не та ли моя невѣста, (2)
Среди города стояла, (2)
Золотымъ вѣнцомъ блистала, (2)
Бриліянтами освѣщала.
Вы сѣкитеся ворота, (2)

(Двое изъ стоящихъ въ хороводѣ разнимаютъ руки).

Покланяйтеся низенько, (2)
Вы пожалуйте, княжна, праву ручку! (2)

(Кланяются всѣ).

Шейнъ. I, 120.
(Кашинск. у. Тверск. губ.).

17.

Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ,
Не низко, высоко,
Не близко, далеко,
Семь верстъ за Москвою,
За быстрой рѣкою:
Тамъ живетъ моя сестрица,
Тамъ живетъ моя родима.
Захотѣлось братцу
Къ сестрицѣ въ гости.
— Здорово, сестрица,
Здорово, родима! —
„Не больно я здорова,—
Есть четыре горя,
Пятая кручина:
Напервое горе —
Свекоръ-то грозливый,
Надругое горе —
Свекровь воркотлива,
Натретье-то горе —
Деверекъ насмѣшникъ,
Начетвертое горе —
Золовка смутьянка,
Напятое горе —
Мужъ жену не любитъ“.
— Потерпи, сестрица,
Потерпи, родима,
Всѣ четыре горя,
Пятую кручину.
Свекоръ-то грозливый
Скоро въ землю пойдетъ;
Свекровь воркотлива —
У ней добра много;
Деверекъ насмѣшникъ —
Самъ онъ въ люди пойдетъ;
Мужъ жену не любитъ, —
Другую не возьметъ,
Тебя поцѣлуетъ. —
„Спасибо, мой братецъ,
На твоемъ раздумьи!
Разсудилъ, мой братецъ,

Всѣ четыре горя,
Пятую кручину".

Шейнъ. I, 128—129.

(Тверск. губ.).

18.

Хмель, мой хмелюшко,
Хмелевое перушко,
Перевейся, мой хмелюшко,
На мою сторонушку:
На моей сторонушкѣ
Приволье великое,
Раздолье широкое;
По тому раздольицу
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Ходилъ пригорюнившись,
Ходилъ опечалившись.
Завидѣла матушка
Съ высокаго терема:
—Дитя мое милое,
Что ты угорюнилось,
Что ты опечалилось?
Женись, женись, дитятко,
Женись, женись, милое,
Возьми, возьми, дитятко,
Княжну, боярыню!—
„Сударыня, матушка,
Та мнѣ не жена будетъ,
Тебѣ не невѣстушка,
Въ полѣ не работница,
Въ домѣ не кукобница [1]),
Гостямъ не привѣтница,
Ко мнѣ не привернется".
—Возьми жъ, возьми, дитятко,
Въ (у) сосѣдушки дѣвушку!—
„Та мнѣ женой будетъ,
А тебѣ невѣстушкой,
Во полѣ работница,
Во дому кукобница,
А гостямъ привѣтница,
И ко мнѣ привернется".

Ib. 130—131.

(Дмитр. у. Орловск. губ.).

19.

Родимая матушка!
Не женатъ хожу,
Ой люли, люли, люли,
Не женатъ хожу!
Не женатъ хожу,
Холостъ гуляю.
Ой люли и пр.
Поди, поди, молодецъ,
Въ хороводъ къ дѣвкамъ!
Ой люли и пр.
Бери, бери, молодецъ,
Самъ себѣ лучшую!
Ой люли и пр.
Самъ себѣ лучшую,
Дочь дворянскую!
Ой люли и пр.
Дочь дворянская
Низко кланялась,
Ой люли и пр.
Низко кланялась,
Мнѣ не нравилась:
Ой люли и пр.
„Я тебѣ, молодецъ,
Въ полѣ не работница,
Ой люли и пр.
Твоимъ ручушкамъ
Не замѣнушка".
Ой люли и пр.

(И вторая строфа такъ же, только парень выбираетъ себѣ дочь купеческую; потомъ, въ третій разъ, выбираетъ себѣ дочь крестьянскую, которая и говоритъ:

„Я тебѣ молодецъ,
Въ полѣ работница,
Ой люли и пр.

[1]) Кукобницей называютъ хорошую хозяйку, умѣющую въ особенности ухаживать за скотиной. Шейнъ.

Твоимъ ручушкамъ
Я замѣнушка".
Ой люли и пр.
Шейнъ. I. 219—220.
(Новоторжск. у. Тверск. губ.).

20.

Изъ лѣсика, лѣсу темнаго,
Изъ садика, саду зеленаго,
Тамъ шло-прошло два молодца,
Оба холосты, неженаты.
Они, идучи, думу думали,
Думу думали, рѣчь говорили,
Рѣчь говорили объ одной души(ѣ),
Объ одной души, красной дѣвушки(ѣ);
Пораздорились, разбранились(я).
Красна дѣвица выходила къ нимъ:
Вы не ссорьтесь, не бранитесь,
А по совѣсти разойдитесь,—
Я не обоимъ вамъ достануся:
Я достанусь либо бѣлому,
Либо бѣлому, бѣлъ-кудрявому,
Либо черному, чернобровому.
Доставалась я парню бравому,
Парню бравому и бѣлъ-кудрявому,
Брала его за рученьку,
Брала его за правую.
Пошелъ молодецъ, самъ заплакалъ,
Самъ заплакалъ, про себя думу думалъ:
„Безсчастна меня молодца
Матушка родила,
По что меня молодца
Красны дѣвушки не любятъ!"
Ib. 205—206.
(Псковск. у.).

3. Разводныя.

21.

Рука за руку взялись,
Познакомилися:
„Не ты ли мнѣ кумъ,
Не я ль тебѣ кума?
Гдѣ ни сойдемся—
Поклонимся,
Гдѣ ни свидимся—
Поцѣлуемся".
Шейнъ. I. 226.
(Тверск. губ.).

22.

Изъ-за лѣсу, изъ-за лѣсика темнаго
Ясенъ соколъ вылетаетъ,
Бѣлу лебедь выкликаетъ:
„Будь же, дѣвушка, будь же, красная, за мною!"
— Ясенъ соколъ, не въ чемъ выйти,
Не въ чемъ выйти, шубки нѣту,
Шубки штофной,
Душегрѣйки парчевой.—
„Бѣла лебедь, я тебя люблю,
Тебя люблю, шубку куплю,
Шубку штофную, душегрѣйку парчевую,
Въ косу ленту алую,—
Я милую подарую,
Подарую, поцѣлую".
Ib. 231.
(Тверск. губ.).

23.

Ужъ ты, вѣнчикъ, мой вѣночекъ,
Ай да вѣночекъ!
Вѣнокъ синенькій цвѣточекъ,
Ай да цвѣточекъ!
Кому вѣнчикъ подарити?
Ай да подарити!
На ково жъ мнѣ положити?
Ай да положити!
Положу ль я на головку,
Ай да на головку!
Что на красную на дѣвицу,
Ай да на дѣвицу!
Что ни кумъ съ кумой покумилися,

Ай да покумилися!
Молодецъ съ дѣвицей подружилися,
Ай да подружилися!
Гдѣ ни сойдемся—пріобоймемся,
Ай да пріобоймемся!
Пріобоймемся, поцѣлуемся,
Ай да поцѣлуемся!
Разойдемся, распростимся,
Ай да распростимся!

Шейнъ. I, 240.
(Тверск. губ.).

в) Плясовыя пѣсни.

1.

Ай, вдоль по улицѣ молодчикъ идетъ,
Ай, вдоль по широкой удаленькой.
Ой жги, ой жги! говори!
Вдоль по широкой удаленькой идетъ.
Какъ на молодцѣ-то смуръ кафтанъ,
Опоясочка-то шелковая;
Ой жги, ой жги! говори!
Опоясочка-то шелковая.
Рукавички-то барановыя,
Сапожки-то сафьяновые;
Ой жги, ой жги! говори!
Сапожки-то сафьяновые.
На немъ шапочка-то бархатная,
А околышекъ черна соболя.
Ой жги, и пр. [1])
Подъ полою у молодца дуда,
Подъ другой-то онъ гусли несетъ.
Какъ струна-то загула, загула,
А дуда-то выговаривала:
Пора молодцу женитьбу давать,
Холостому время свататься.
Стару бабу за себя-бъ ему взять,
Стару бабу на печи бы держать;
Стару бабу киселемъ бы кормить,
Сытой бабу припаивати.
Кабы бабѣ калача, калача:
Стала-бъ баба горяча, горяча.
Кабы бабѣ киселя, киселя:
Стала-бъ баба весела, весела.
Кабы бабѣ молока, молока:
Стала-бъ баба молода, молода.
Кабы бабѣ сапоги, сапоги:
Пошла-бъ баба въ три ноги, въ три ноги;
Затянула-бъ баба пѣсенку
Тонкимъ, звонкимъ голосочкомъ.
Ты любимая ль пѣсня моя,
Я любила тебя въ дѣвкахъ пѣвать;
Я люблю тебя и замужемъ,
У мила дружка въ очахъ живучи.
Ой жги! ой жги! говори!
У мила дружка въ очахъ живучи.
. . . .

Сахар. I, 3. 84.

2.

Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Люли, люли, стояла!
Люли, люли, стояла!
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати,
Люли, люли, заломати! (2)
Я пойду погуляю, (2)
Люли, люли, погуляю! (2)
Бѣлую березу заломаю, (2)
Люли, люли, заломаю! 2)
Срѣжу съ березы три пруточка. (2)
Люли, люли, три пруточка! (2)
Сдѣлаю три гудочка, (2)
Люли, люли, три гудочка! (2)
Четвертую балалаечку. (2)
Люли, люли, балалаечку! (2)
Вы, гудки, не гудите, (2)
Люли, люли, не гудите, (2)
Стара мужа не будите, (2)
Люли, люли, не будите! (2)
Старой спитъ со похмелья, (2)

[1]) Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ „ой жги“ и пр. и повтореніе послѣдняго стиха.

Люли, люли, со похмелья! (2)
Пойду ль я на новы сѣни, (2)
Люли, люли, на новы сѣни! (2)
Стану ль я старова будити, (2)
Люли, люли, будити! (2)
Встань, мой старой, пробудися! (2)
Люли, люли, пробудися! (2)
Вотъ тебѣ помои—умойся, (2)
Люли, люли, умойся! (2)
Вотъ тебѣ рогожка—утрися! (2)
Люли, люли, утрися! (2)
Вотъ тебѣ борона—расчешися! (2)
Люли, люли, расчешися! (2)
Вотъ тебѣ лапотки—обуйся! (2)
Люли, люли, обуйся!
Вотъ тебѣ шубенька[1])—одѣнься! (2)
Люли, люли, одѣнься! (2)
Вотъ тебѣ дорожка—прогуляйся! (2)
Люли, люли, прогуляйся! (2)
Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Люли, люли, стояла! (2)
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати,
Люли, люли, заломати! (2)
Я пойду погуляю, (2)
Люли, люли, погуляю! (2)
Бѣлую березу заломаю, (2)
Люли, люли, заломаю! (2)
Срѣжу съ березы три пруточка, (2)
Люли, люли, три пруточка! (2)
Сдѣлаю три гудочка, (2)
Люли, люли, три гудочка! (2)
Четвертую балалаечку, (2)
Люли, люли, балалаечку! (2)
Пойду ль я на новы сѣни, (2)
Люли, люли, на новы сѣни! (2)
Вы, гудки, загудите, (2)
Люли, люли, загудите! (2)
Встань, мой милый, пробудися! (2)
Люли, люли, пробудися! (2)

[1]) Шубёнка.

Вотъ тебѣ водица—умойся, (2)
Люли, люли, умойся! (2)
Вотъ тебѣ полотенцо—утрися, (2)
Люли, люли, утрися! (2)
Вотъ тебѣ гребень—расчешися, (2)
Люли, люли, расчешися! (2)
Вотъ тебѣ башмачки—обуйся, (2)
Люли, люли, обуйся! (2)
Вотъ тебѣ кафтанчикъ—одѣнься, (2)
Люли, люли, одѣнься! (2)
Войди въ теремъ—веселися! (2)
Люли, люли, веселися! (2)

Сахар. I, 3, 85—86.

3.

Ахъ вы, сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои!
Сѣни новыя, кленовыя,
Рѣшетчатыя!
Ужъ какъ знать-то мнѣ по сѣничкамъ
Не хаживати,
Мнѣ мила дружка за рученьку
Не важивати.
Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя кленовыя
За рѣшетчатыя,
Выпускала сокола
Изъ праваго рукава:
Ты лети, лети, соколикъ,
Высоко и далеко!
И высоко, и далеко—
На родиму сторону;
На родимой на сторонкѣ
Грозенъ батюшка живетъ;
Онъ грозенъ, сударь, грозенъ,
Да не милостивый,—
Не пускаетъ молоду
Поздно вечеромъ одну!
Я не слушала отца,
Потѣшала молодца!

Я за то его потѣшу,
Что одинъ сынъ у отца,
Онъ одинъ сынъ у отца,
Уродился въ молодца,
Зовутъ Ванюшкою—
Пивоварушкою!
Пивоваръ пиво варилъ,
Зелено вино курилъ,
Зелено вино курилъ,
Красныхъ дѣвушекъ манилъ:
„Вы пожалуйте, дѣвицы,
На поварню на мою!
На моей ли пивоварнѣ
Пиво пьяно на ходу,
Пиво пьяно на ходу,
Сладка водка на меду!“

Полн. р. пѣсен., стр. 347—348.

4.

Я вечоръ млада
Во миру была,
Во бесѣдушкѣ,
Не у батюшки,
Не у матушки:
Я была млада
У мила дружка—
У сердечнаго.
Я не медъ пила
И не полпивцо,—
Я пила млада
Сладку водочку,
Сладку водочку,
Все вишневочку;
Я не рюмочкой,
Не стаканчикомъ,—
Я пила млада
Изъ полуведра,
Изъ полуведра
Черезъ край пила.
И я полемъ шла,—
Не валялася,
И я лѣсомъ шла,—
Не шаталася,
Ко двору пришла,—
Пошатнулася,
За вереюшку
Ухватилася:
Верея-ль моя,
Вереюшка!
Поддержи меня,
Бабу пьяную—
И похмельную;
Не увидѣлъ бы
Свекоръ-батюшка,
Не сказалъ бы онъ
Своему сыну,
Моему мужу.
У меня-ли мужъ
Горькой пьяница;
Онъ вина не пьетъ,
Съ воды пьянъ живетъ;
Надо мной, младой,
Онъ ломается.
У меня-ль младой,
Въ домѣ убрано:
Ложки вымыла,—
Во щи вылила,—
Порогъ вымыла;
Въ горохъ вылила;
Чашу вымыла,—
Въ кашу вылила;
Косячки скребла,—
Пироги пекла.

Сахар. I 3. 88.

5.

Полоса-ль моя, полосынька,
Полоса-ль моя непахана,
Непахана, нескорожена!
Заросла-ль моя полосынька
Частымъ ельничкомъ,
Ельничкомъ, березничкомъ,
Молодымъ, горькимъ осинничкомъ.
Я, гуляючи по ельничку,

По ельничку, по березничку,
Брала грибки рыжечки,
По березничку бѣляночки.
Я брала, брала, аукалась:
Ау, ау, пастушки-дружки!
Ау, ау, пастушки-дружки!
Никто въ лѣсѣ не откликнется,
Никто въ темномъ не аукнется!
Откликались молодцы,
Государевы охотнички,
Моего батюшки работнички!

Сахар. I. 3. 89.

6.

За рѣченькой яръ хмель,
Яръ, яръ хмель! [1])
Вкругъ кустика вьется.
Перевейся, нашъ яръ хмель,
На нашу сторонку!
На нашей сторонкѣ
Удача большая,
Тычья золотыя,
Вѣтья шелковыя.
Я выщуплю хмелю,
Хмелю яраго,
Позову я гостя,
Гостя дорогого,
Батюшку родного.
Мой батюшка пьетъ, ѣстъ,
Домой ѣхать хочетъ;
А я молодешенька
Горе горевати:
Вѣдь я не умѣю
Горе горевати;
Только я умѣю
Скакати, плясати.

Ib. 92—93.

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

7.

— Молодка, молодка молодая,
Солдатка, солдатка полковая!
Ужъ полно по улицѣ ходити,
Ужъ полно по миленькомъ тужити!—
„Ахъ, какъ мнѣ по миломъ не тужити?
Такого друга не нажити:
Хорошъ-пригожъ милый уродился,
Что ростомъ-дородствомъ, красотою,
Своей молодецкой поступкой.
Вечоръ я со милымъ побранилась.
Побранка была небольшая;
Не знаю, какъ со милымъ помириться?
Самой покориться — негодится,
Людей посылати—мнѣ некстати.
Дождуся я, млада, поры-время,
Что поры-ли-время, темной ночи,
Что темныя ноченьки осенней,
Сама я къ милому побываю,
Въ глаза дорогому попеняю:
Ахъ, любчикъ, мой миленькой голубчикъ!
Не слушай ты разума чужого,
Чужихъ, моя радость, наговоровъ:
Люди-то смущаютъ, разлучаютъ,
Людямъ-то завидно, что совѣтно“.

Сахар. I. 3. 94.

8.

— Пряди, моя пряха,
Пряди, не лѣнися.—
„И я рада-бъ пряла,
Меня въ гости звали,
Звали—позывали
Къ сосѣду въ бесѣду
На пиръ пировать [1]).

[1]) Въ Полн. р. пѣсен. этого стиха нѣтъ; въ двухъ слѣдующихъ стихахъ—милый вмѣсто милъ.

У сосѣда будетъ
Мой милъ(ый) хорошій,
Мой милъ(ый) пригожій,
Холостъ—не женатый,
Бѣлый, кудреватый.
Вотъ ѣдетъ мой милый
На ворономъ конѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ,
Шапочка съ углами,
Головка съ кудрями".
Къ двору подъѣзжаетъ,—
Дѣвица встрѣчаетъ,
За ручки хватаетъ,
За столикъ сажаетъ.

Сахар. I. 3. 95.

9.

Ты поди, моя коровушка, домой,
Ты поди, моя недоеная!
Ахъ! ти ли, ли, калинка моя,
Въ саду ягода, малинка моя! [1])
Ты поди, моя недоеная,
У насъ горенка нетопленая!
У насъ горенка нетопленая,
Малы дѣти ненакормленыя!
Малы дѣти ненакормленыя,
И телята ненапоеные!
Ужъ какъ всѣ мужья до женъ добры,
Покупили женамъ бобры!
А мой мужичокъ-дурачокъ
Онъ купилъ мнѣ коровушку,
Онъ купилъ мнѣ коровушку,
Загубилъ мою головушку!

Полн. р. пѣсен. 93—94.

10.

Сговорила меня мать
За крестьянина отдать:
„Не йду, не йду, матушка,

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Замужъ за крестьянина,—
Крестьянинъ-то, матушка,
Много земли пашетъ,
Деньги пропиваетъ".
Сговорила меня мать
За подьячаго отдать:
„Иду, иду, матушка,
Замужъ за подьячаго,—
Какъ подьячій-то писать,
А я денежки считать".

(Новоторжск. у. Тверск. губ.).
Шейнъ. I. 256.

11.

Ходили дѣвушки по Волгѣ по рѣкѣ,
Добрые молодчики другою стороной.
Сѣяли дѣвушки ярый хмель,
Сѣяли онѣ, приговаривали:
„Рости, хмель, по тычинѣ вверхъ;
Безъ тебя, безъ хмелинушки, не водится,—
Добрые молодцы не женятся,
Красныя дѣвушки замужъ не йдутъ".
Вздумала Паранюшка, замужъ пошла.
Теща про зятя пирогъ пекла:
Соли да муки на четыре рубли,
Масла, крупъ на цѣлковый-рубль,
Сахару, изюму на восемь рублей,—
Сталъ ей пирогъ въ тринадцать рублей.
Думала-гадала: семерымъ не съѣсть.
Теща зятюшку въ гости звала,
Теща роднаго зятя потчивала:
„Сядь-ка ты, зятюшка, покушай-ка?"
Зять былъ смѣлъ, — за присѣдъ пирогъ съѣлъ.
Теща по горенкѣ похаживаетъ,
Косо на зятюшку поглядываетъ,
Потихоньку зятюшку побраниваетъ:
„Какъ тебя, зятюшка, не розорвало?"

—Лучше бы ты, теща, не потчивала?
Я жъ тебѣ, теща, честь воздамъ,
Позову я въ гости объ масляницѣ,
Я жъ тебя, теща, употчиваю—
Въ четыре дубины березовыя,
Пятый кнутъ по заказу свитъ.—
Рвалась, рвалась, насилу вырвалась,
Бѣжала, бѣжала, насилу ушла;
Прибѣжала теща къ своему двору,
У воротъ теща грохнулася:
„Экой воръ да вѣдь зять-то мой!
Бѣжала, бѣжала, насилу ушла!“

(Тверск. губ. и у.).

Шейнъ, I. 303—304.

12.

Я посѣю лебеду на берегу,
Свою крупную разсадушку.
Погорѣла лебеда безъ воды,
Моя крупная разсадушка.
Пошлю казака по воду,—
Ни воды нѣтъ, ни казаченьки.
Кабы мнѣ, младой, ворона коня,
Я бы вольная казачка была,
Скакала, плясала по лугамъ
Съ донскимъ съ молодымъ казакомъ,
Съ удалымъ добрымъ молодцомъ.

Ib. I, 318.

13.

„Загадать ли тебѣ, дѣвица, пять загадокъ?“
— Отгадаю, сынъ купеческій, хоть десятокъ! —
„Ужъ и что это, дѣвица, краше лѣта?
Ужъ и что это, дѣвица, выше лѣса?
Ужъ и что это, дѣвица, чаще рощи?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ коренья?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ умолку?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ отвѣту?“
— Краше лѣта, сынъ купеческій, красно солнце,
Выше лѣса, сынъ купеческій, свѣтелъ мѣсяцъ,
Чаще рощи, сынъ купеческій, часты звѣзды,
Безъ коренья, сынъ купеческій, круненъ жемчугъ,
Безъ умолку, сынъ купеческій, течетъ рѣчка,
Безъ отвѣту, сынъ купеческій, судьба Божья!—
„Отгадала ты, дѣвица, отгадала,
Ужъ и быть за мною, быть моею женою“.

Шейнъ. I, 333—334.

(Московск. у.).

Причеты во время плясокъ, когда плясунъ или плясунья приходитъ въ восторгъ.

1.

Разсыпься, горохъ,
На двѣнадцать дорогъ!

2.

Ходи, барыня, смѣлѣй,
Музыканту веселѣй!

3.

Я пошла бъ за торгоша,—
Нѣту денегъ ни гроша!

4.

Ходи, изба, ходи, печь,
Хозяину негдѣ лечь:
На печи широко,
Растянешься далеко!

Шейнъ. I, 320—321.

г) Бесѣдныя пѣсни (на супрядкахъ, посидѣлкахъ).

1.

Собирались дѣвки на супретку,
Задумали дѣвки пиво варить:
Кая хмелю, кая солоду мѣшокъ,
Наварили дѣвки пива горшокъ;
Пошли дѣвки гостей зазывать.

Шейнъ. I, 239.

(Псковск. губ).

2.

Не яхонтикъ по горницы катался,
Не скатенъ жемчугъ по блюду разсыпался,
Добрый молодецъ жениться собирался
На душечкѣ на красной на дѣвицы.
Его матушка провожала,
Государыня родима снаряжала,
Хорошо ему кудерки расчесала,
На поѣздкѣ таково слово сказала:
„Ты поѣдешь, мое дитятко, жениться
На душечкѣ на красной дѣвицы:
Тобѣ будутъ дѣвицы пѣсни пѣти,
Ко тобѣ, сударь, невѣсту припѣвати,
Тобя умницей называти,
Разумницей звеличати;
Не дари-тко ихъ рублемъ и не полтиной,
А унижайся своимъ низкіимъ поклономъ,
Еще паче того поцѣлуетъ“.

Рыбн. III, 430.

3.

Ты почто, мати, хорошу родила,
Хорошую, счастливую,
Гладко голову расчесывала,
Ко обѣднѣ отнаряживала?
Мнѣ нельзя, мати, къ обѣденкѣ идти,
Мнѣ нельзя, мать, Богу кланяться,—
Весь народъ-люди зарятся;
„Это чья это хорошая— баска?“
Напогощаны пуще всѣхъ:
Попъ—тотъ запѣвается,
Дьяконъ въ книгу зачитается,
Пономарь звонитъ—мѣшается,
Добрый молодецъ про то же говоритъ:
—Это чья это хорошая—баска?
Взялъ бы дѣвушку замужъ за себя.—

Ib. 431.

4.

Пряльюшки, попрядальюшки!
А что же вамъ, прялыошки,
Прясть-то будетъ?
Старымъ старушкамъ—охлопочковъ,
Молодымъ молодушкамъ—чесаный ленъ,
Краснымъ дѣвушкамъ—бумажки [1]) куделя,
Молодцамъ-щегольцамъ—омяльица.
Прялыошки, попрядальюшки!
Что же вамъ, прялюшки,
Ѣсть-то будетъ?
Старымъ старушкамъ—хлѣбъ да вода,
Молодымъ молодушкамъ—кисель да сыта,
Краснымъ дѣвушкамъ—калачики,
Молодцамъ-то щегольцамъ—дурынды [2]) кусокъ.
Прялыошки, попрядальюшки!
А гдѣ-же вамъ, прялыошки,
Спать-то будетъ?
Старымъ старушкамъ—на печи въ углу,
Молодымъ молодушкамъ—на войлочкѣ,
Краснымъ дѣвушкамъ—на перинѣ пуховой,

[1]) Бумажная?
[2]) Выбоины отъ конопляного масла.

Молодцамъ-то щегольцамъ — со свиньями въ хлѣву.
Пряльюшки попрядальюшки!
Чѣмъ-то васъ, пряльюшки,
Будетъ-то будить?
Молодцовъ-то щегольцовъ — полѣномъ по пятамъ [1]),
Красныя дѣвушки—пусть онѣ спятъ:
Въ люди-то выйдутъ—намаются,
Всякой-то заботы напримаются.

Шейнъ. I, 242—243.
(Тверь).

5.

Сижу я, млада,
На печкѣ одна,
Заплатки плачу,
Приплачиваю,
Я мужа браню,
Прибраниваю:
„Продай, мужъ, корову
Съ лошадушкою,
Купи, мужъ, саянъ—
Широкій подолъ,
Душегрѣйку
Камчатненькую!
Купи, мужъ, кокошникъ,
Косой, золотой,
Еще онжерелье
Жемчужненькое!
Молода снаряжуся,
Къ обѣднѣ пойду.
Ахъ, люди-то скажутъ:
Чья это така?
— Купецка жена!"—
Обѣдня отходитъ,
Мой милый идетъ,
Саночки везетъ (2)
И хомутикъ несетъ:

Младая жена,
Впрягайся сама,
Да въ лѣсъ по дрова;
Заѣхалъ въ цѣликъ,
Наклалъ возъ великъ;
На горку онъ ѣдетъ—
Прихлыстываетъ,
Подъ горку онъ ѣдетъ—
Присвистываетъ.
Не то мнѣ досадно,
Что возъ великъ,
А то мнѣ досадно,
Что мужъ на возу—
Объ одномъ глазу.

Шейнъ. I, 246—247.
(Тверь).

6.

Какъ вздумалъ грибъ,
Возгадалъ дубовикъ,
Подъ дубомъ сидючи,
На всѣ грибы глядючи,
Грибовъ приглашаючи,
На войну воевать.
Отказалися опенки:
„У насъ ноги очень тонки,—
Неповинны тому,
Мы не йдемъ на войну".
Какъ вздумалъ грибъ и пр.
Отказалися волнушки:
„Мы, де, старыя старушки,—
Неповинны мы тому,
Мы нейдемъ на войну".
Какъ вздумалъ грибъ, и пр.
Отказались волуи:
„Мы господски холуи,—
Неповинны мы тому,
Не идемъ на войну".
Какъ вздумалъ грибъ, и пр.
Отказались чернушки:
„Насъ заѣли мушки,—
Не повинны мы тому,
Не идемъ мы на войну".

---

[1]) Молодыхъ молодушекъ—плеточкой, Молодцовъ-то щегольцовъ—по бокамъ колемъ.
Шейнъ. I, 243.

Какъ вздумалъ грибъ, и пр.
Какъ сказали грузди:
„Мы ребята дружны,—
Повинны тому,
Мы идемъ на войну“.

Шейнъ. I, 256—258.
(Москва).

VII. Пѣсни, обусловливаемыя различными особенностями быта.

а) Солдатскія.

1.

У отца было
У матери
Три сына любимыхъ.
Отецъ съ матерью
Всю ночь не спятъ,
Всю ночь не спятъ,
За столомъ сидятъ,
За столомъ сидятъ.
Думу думаютъ:
—„Намъ котораго сына
Въ солдаты отдать?
Большого-то отдать,—
Дѣтей много;
Средняго отдать,—
Жена хороша,
Жена хороша,
Больно услужлива.
Ужъ отдать ли, нѣтъ ли
Сына малаго,
Сына малаго,
Неженатаго“.
А меньшой-отъ сынъ
Расплакался,
Отцу съ матерью
Разжаловался:
„Государь ты мой
Родной батюшка,
Государыня
Моя матушка!
Или я вамъ
Не тотъ же сынъ?
Или я вамъ
Не кормилецъ былъ?“
—Ужъ вы, дѣти
Мои милыя!
Ужъ вы всѣ-то мнѣ
Милехоньки,
Милехоньки
И больнехоньки!
Вы возьмите-ка
По ножичку,
Ужъ вы срѣжьте-ка
По прутику;
Сами сдѣлайте
По жеребью,
И метните-ка
По жеребью,
Что которому
Достанется.—
Доставалося
Большому брату.
Большой братъ
Расплакался,
Передъ батюшкой съ матушкой
Стоючи.
—„Государь ты мой
Родной батюшка,
Государыня
Моя матушка!
Не покиньте мою
Молоду жену,
Молодую жену,
Малыхъ дѣтушекъ! [1])

Варенцовъ. Сб. п. 189—192.

---

[1]) Сравнить:
Какъ у ласточки, у касаточки,
На лету крылья примахалися!
Какъ у душечки красной дѣвицы
На ходу ноги подломилися!
У дороднаго добра молодца
Въ три ряда кудри завивалися,
Въ четвертой рядъ по плечамъ лежать,
Ой во пятой рядъ съ плечъ валилися.

2.

„Ужъ какъ шли-прошли солдаты,
Они шли-прошли слободкой,
Во слободкѣ остановились,
У вдовушки попросились:
„Ты вдова, вдова Наталья!
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, постояти!
Насъ немнож(еч)ко, маленько:
Полтораста насъ на коняхъ,
Полтретьяста пѣшеходовъ“.
А вдова имъ отвѣчала,
Ночевать ихъ не пущала:
— У меня дворокъ маленекъ,
А горенка не величка;
У меня дѣтей семейка!—
Они силой ворвалися,
Во горенку вобралися.
Пѣшеходы всѣ по лавкамъ,
А конница по скамейкамъ,
А большой гость впереди сѣлъ,
Впереди сѣлъ подъ окошкомъ.
А вдова стоитъ у печки,
Поджавъ свои бѣлы ручки,
Стоитъ она, слезно плачетъ.
А большой гость унимаетъ:
„Не плачь, вдова молодая!
Ты давно-ль, вдова, овдовѣла?“
— И я въ горѣ позабыла.—
„Ужъ и много-ль, вдова, дѣтокъ?“
— У меня дѣтокъ четверо.—
„Ужъ и много-ль, вдова, хлѣба?“
— У меня хлѣба осьмина.—
„Ужъ и много-ль, вдова, денегъ?“
— У меня денегъ полтина.—
„Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мнѣ пониже!
Ты скинь, вдова, съ меня киверъ—
Во киверѣ полотенце:
Не твово ли рукодѣль(и)ца?
На правой рукѣ колечко —
Не твово ли обрученья?“
А вдова-то испугалась,
Во новы сѣни бросалась,
Малыхъ дѣтушекъ будила:
— Вы вставайте, мои дѣти!
Вы вставайте, мои малы!
Не свѣтелъ-то мѣсяцъ свѣтитъ,
Не красное солнце грѣетъ,—
Пришелъ батюшка родимый!—
А большой гость отвѣчаетъ:
„Не буди ты малыхъ дѣтокъ!
Я пришелъ къ вамъ не надолго:
На одинъ я на денечекъ,
Что на едный на часочекъ!“

Сахар. I, 3. 236.

Ой почуяли черны кудри
Что невзгодушку великую,
Что служить службу государеву.
Повели тутъ добра молодца
Въ канцелярію государеву,
Записали добра молодца
Въ драгуны государевы.
Ой не жаль-то мнѣ черныхъ кудрей,
Только жаль мнѣ своей стороны:
На сторонушкѣ три зазнобушки.
Ой какъ первая зазнобушка —
Разставался я съ отцемъ, съ матерью,
Съ отцемъ, съ матерью,
Съ молодой женой,
Съ сиротами, ребятами,
Съ моими малыми дѣтками.

Сахар. I, 3. 233—234.

б) Казацкія.

3.

„Какъ ты, батюшка славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ бывало ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь, все чистехонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, все мутонъ течешь,

Помутился ты, Донъ, съ верху до низу*.
Рѣчь возговоритъ славный тихій Донъ:
— Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не быть, —
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ;
Ясныхъ соколовъ, донскихъ казаковъ;
Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ.

Сахар. I. 3. 239.

4.

За славной за рѣченькой Утвою,
По горамъ было Утвинскимъ,
По раздольицамъ по широкимъ,
Распахана была пашенка яровая;
Не плугомъ была пашня пахана, не сохою,
А вострыми мурзавецкими копьями;
Не бороною была пашенка взборнована,
А коневыми рѣзвыми ногами;
Не рожью посѣяна была пашенка, не пшеницей,
А посѣяна была пашенка яровая
Казачьими буйными головами;
Не поливой она всполивана,
Не осеннимъ сильнымъ дождичкомъ,
Всполивана была пашенка
Казачьими горючими слезами.

Сахар. I, 3. 342.

5.

Не травушка, не кавылушка въ полѣ шаталася,
Какъ шатался, волочился удалъ-добрый молодецъ,
Въ одной тоненькой въ полотняной во рубашечкѣ,
Что во той-то было во кармазинной черкесочкѣ;
У черкесочки ракавчики назадъ закинуты,
И камчатны его полочки назадъ застегнуты,
Бусурманскою онѣ кровію позабрызганы.
Онъ идетъ удалъ-добрый молодецъ, самъ шатается,
Горючей онъ слезою обливается,
Онъ тугимъ-то своимъ лукомъ опирается,—
Позолотушка съ туга лука долой летитъ.
Какъ никто-то съ добрымъ молодцемъ не встрѣчается,—
Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодцемъ родна(я) матушка:
„Ахъ, ты, чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
Ты зачѣмъ такъ, мое чадушко, напиваешься?
До сырой-то до земли все приклоняешься,
И за травушку, за кавылушку все хватаешься?“
Какъ возговоритъ добрый молодецъ родной матушкѣ:
— Я не самъ такъ, добрый молодецъ, напиваюся,
Напоилъ-то меня турецкой царь тремя пойлами,
Что тремя-то было пойлами, тремя розными:
Какъ и первое-то его пойло—сабля острая,
А другое его пойло—копье мѣткое было,
Его третье-то пойло—пуля свинчатая.

Сахар. I, 3. 240.

в) Бурлацкія.

6.

Не вечерняя заря, братцы, притухала,
Полунощная звѣзда, братцы, восходила.
Что во славномъ городѣ было Казани,
Что на крутенькомъ, на красномъ бережочкѣ,
Что на желтомъ, на сыпучемъ на песочкѣ,
Тутъ не черные вороны солетались,
Собирались понизовые бурлаки, —
Они думали крѣпкую думушку заедино:
„Ахъ, состроимъ мы, ребятушки, гребной стружокъ,
И подѣлаемъ заключенки кленовыя,
Изнавѣсимъ мы веселочки ветловыя,
Что мы грянемъ, ребятушки, внизъ по Волгѣ,
Остановимся, ребятушки, среди Волги,
Сопротивъ того стольникова дому, —
Что у стольничья приказчика дочь хороша.
Что просилася дочь у батюшки погуляти:
— „Ай, пусти, пусти меня, батюшка, погуляти,
На низовыхъ-то бурлаковъ поглядѣти!“ —
Понизовые бурлаки злы, лукавы,—
Напоили красну дѣвицу до пьяна.
Да что возговоритъ поволжской атаманъ:
— И мы грянемте, ребятушки, внизъ по Волгѣ,
Чтобы не было отъ стольника погони.—
Ото сна ли красна дѣвица пробудилась,
И за очи съ отцомъ, съ матерью простилась:
„Ты прости, прости, батюшка родимой,
Ты скажи отъ меня матушкѣ челобитье!“

Сахар. I, 3. 229.

7.

Ты, безчастный добрый молодецъ,
Безталанная твоя головушка,
Что ни въ чемъ то мнѣ, братцы, талану нѣтъ.
Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ,—
Что ссылаютъ меня съ корабля долой!
— Ты сойди, сойди съ корабля долой!
Отъ тебя ли, отъ безчастнова,
Сине море взволповалося [1]),
(Всѣ) волны въ морѣ разыгралися!—
Ужъ какъ возговоритъ безчастной молодецъ:
„Мы пригрянемте всѣ въ веселочки,
Мы причалимте ко бережку,
Ко частому кусту ракитову,
И мы срѣжемте по прутику,
И мы сдѣлаемте по жеребью,
Ужъ мы кинемте во сине море“.
Ужъ какъ всѣ жеребьи поверхъ воды,
А безчастнова—какъ ключъ ко дну.

Сахар. I, 3. 229.

8.

Поутру-то было ранымъ-рано,
На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
Что не гуси, братцы, и на лебеди

---

1) Ср. *Садко*, стр. 99—106.

Со лузей, озеръ подымалися,
Подымалися добрые молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Все бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску,
На работушку государеву.
Провожають ихъ, добрыхъ молодцовъ,
Отцы, матери, молоды жены,
И со малыми со дѣтками.

Сахар. I, 3. 234.

г) Разбойничьи.

9.

Ахъ, туманы вы, туманушки,
Вы, туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистны(е)!
Изсушили туманушки молодцовъ,
Сокрушили удалыхъ до крайности!
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горой взойди надъ высокою,
Надъ дубровушкой надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра молодца,
Что Степана свѣтъ Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ людей бѣдны(и)хъ:
Мы не воры и не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички;
Мы весломъ махнемъ — корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—караванъ возьмемъ,
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ.

Сахар. I, 3. 227.

10.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати, —
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти,
Передъ грознаго судью, самого царя.
Еще станетъ меня царь - государь спрашивати:
„Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?“
— Я скажу тебѣ, надежда православный царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
Что товарищей у меня было четверо,—
Ужъ какъ первой мой товарищъ— темная ночь,
А второй мой товарищъ—булатный ножъ,
А какъ третій товарищъ мой — добрый конь,
А четвертой мой товарищъ—тугой лукъ,
Что разсыльщики мои — калены стрѣлы. —
Что возговоритъ надежа православный царь:
„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя дѣтинушку пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною“.

Сахар. I, 3. 227.

д) Раскольничьи стихи.

11.

Послушайте, мои свѣты:
Послѣднія пришли лѣта.
Народился злой антихристъ,
Напустилъ онъ свою прелесть

По городамъ и по селамъ,
Наложилъ печать свою на людей,
На главы ихъ и на руки,
Что на руки и на персты.
Кто его печать принимаетъ,
Тому житіе пространно;
А кто его печать не принимаетъ,
Тому житіе гонимо.
Убирайтесь, мои свѣты,
Во лѣса, въ дальныя пустыни,
Засыпайтесь, мои свѣты,
Рудожелтыми песками,
Вы песками, пепелами!
Умирайте, мои свѣты,
За крестъ святой, за молитву,
За свою браду честную,
За мою вѣру Христову.
Избавлю васъ, моихъ свѣтовъ,
Отъ злой и превѣчной муки;
Отворю вамъ, мои свѣты,
Врата пресвѣтлаго рая,
Преславнаго моего рая,
Небеснаго моего царства!

Варенцовъ, 197—198.

IV. ОБРЯДЫ И ПѢСНИ, ИХЪ СОПРОВОЖДАЮЩІЯ.

(Чествованіе природы).

1. Жертвоприношеніе.

а) Опахиваніе.

„Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во время скотскаго падежа (коровьей смерти) прибѣгаютъ къ опахиванію. Женщины, собравшись въ деревнѣ, даютъ знать, чтобы въ то время никто изъ мужчинъ не смѣлъ показываться на улицѣ. Одна изъ молодыхъ дѣвицъ беретъ образъ св. Власія и начинаетъ ходъ около деревни; за дѣвицею идутъ въ чинномъ порядкѣ женщины. Въ первомъ ряду идутъ женщины съ вѣниками, пучками соломы и сѣна; во второмъ ѣдетъ старая женщина на помелѣ, въ одной рубахѣ, съ распущенными волосами; ее окружаютъ бабы и пожилыя дѣвицы съ ухватами и кочергами; въ третьемъ ряду бьютъ въ сковороды съ изступленнымъ крикомъ, пляшутъ и вертятся. Старухи съ зажженными лучинами окружаютъ обнаженную и запряженную въ соху старуху, при коей находятся дѣвицы съ серпами и косами; обкуриваютъ ихъ разными знахарскими травами и *опахиваютъ* вокругъ деревни три раза сохою, въ которую запряжена старуха. Въ то время машутъ на перекресткахъ серпами и косами, думая этимъ дѣйствіемъ пресѣчь путь коровьей смерти. Неистовая толпа останавливается передъ каждымъ дворомъ и стучитъ въ ворота при страшномъ трескѣ и звонѣ, происходящемъ отъ удара въ заслонки, сковороды и горшки; бѣшено ревутъ и кричатъ: „ай! ай! сѣки, руби смерть коровью! Ай! ай! сѣки, руби! Вотъ она! ай! ай!“ Если при ихъ крикѣ выбѣжитъ отъ испуга собака или кошка, то имъ смерть неизбѣжная.—По совершеніи опахиванія крѣпко вѣрятъ, что смерть не воротится.

„Другой обрядъ, похожій на коровью смерть, совершается во время сильныхъ повальныхъ болѣзней.—Женщины и дѣвицы выносятъ въ полдень назёмъ (навозъ) за село или за деревню и складываютъ его въ кучу съ двухъ противуположныхъ селенію концовъ, а потомъ зажигаютъ въ полночь. Къ одной зажженой кучѣ везутъ соху дѣвицы, въ бѣлыхъ рубахахъ и съ распущенными волосами, а одна несетъ за нимъ образъ. Къ другой кучѣ несутъ женщины, въ черныхъ юбкахъ и грязныхъ рубахахъ, чернаго пѣтуха. Пришедши къ мѣсту, онѣ обносятъ пѣтуха вокругъ кучи три раза. Потомъ одна женщина, схвативъ пѣтуха, бѣжитъ съ нимъ на противуположный конецъ селенія, и въ то время забѣгаетъ къ каждому дому; остальныя женщины бѣгутъ за нею и кричатъ: „а, ай! ату! згинь, пропади, черная немочь!“ Добѣжавши до конца селенія, она бросаетъ пѣтуха въ тлѣющей назёмъ. Дѣвицы бросаютъ сухія листья и хворостъ; потомъ, схватясь за

руки, скачутъ вокругъ огня, приговаривая: „сгинь, сгинь, пропади, черная немочь!“ По сожженіи пѣтуха впрягаются женщины въ соху, а дѣвицы, неся предъ ними образъ, опахиваютъ селеніе три раза.

„Были примѣры самоотверженія: бросали жребій между мужчинами, и на кого онъ падалъ, того зарывали живьемъ въ яму, съ пѣтухомъ и черною кошкою, въ полномъ убѣжденіи, что прекратится моровое повѣтріе [1]“.

Во время шествія поютъ слѣдующую пѣсню:

От Океанъ моря глубокаго,
Отъ лукоморья ли зеленаго,
Выходили дванадесять дѣвъ.
Шли путемъ-дорогою немалою
Ко крутымъ горамъ, высокіимъ,
Ко тремъ старцамъ старымъ.
Молились, печаловались,
Просили въ упросъ
Дванадесять дѣвъ:
„Ой вы, старцы старые!
Ставьте столы бѣлодубовые,
Стелите скатерти бранныя,
Точите ножи булатные,
Зажигайте котлы кипучіе,
Колите, рубите намертво
Всякъ животъ поднебесной“.
И клали великъ обѣтъ
Дванадесять дѣвъ—
Про животъ, про смерть,
Про весь родъ человѣчъ.
Во ту пору старцы старые
Ставятъ столы бѣлодубовые,
Стелятъ скатерти бранныя,
Колятъ-рубятъ намертво
Всякъ животъ поднебесной.
На крутой горѣ, высокоей
Кипятъ котлы кипучіе,
Въ тѣхъ котлахъ кипучіихъ
Горитъ огнемъ негасимымъ
Всякъ животъ поднебесной.
Вокругъ котловъ кипучіихъ
Стоятъ старцы старые;
Поютъ старцы старые
Про животъ, про смерть,
Про весь родъ человѣчъ.
Кладутъ старцы старые
На животъ обѣтъ великъ,
Сулятъ старцы старые
Всему міру животы долгіе;
Какъ на ту ли злую смерть
Кладутъ старцы старые
Проклятьице великое.
Сулятъ старцы старые
Вѣковѣчну жизнь
На весь родъ человѣчъ [1]).

Сахар. II, 7. 13.

[1]) Терещ. Б. Р. Н. ч. VI, стр. 40—43. (Въ извлеченіи допущены незначительныя, преимущественно грамматическія, измѣненія подлинника).

б) **Жертвоприношеніе Водяному.**

Угощеніе Водяного происходитъ [2]) слѣдующимъ образомъ. Рыбаки „покупаютъ у цыганъ самую негодную лошадь, не торгуясь, ровно за три дня (до угощенія). Въ эти три дня стараются откормить ее хлѣбомъ и конопляными *жмыхами*. Въ послѣдній вечеръ вымазываютъ у лошади голову медомъ съ солью, въ гриву вплетаютъ множество красныхъ лентъ, ноги спутываютъ веревками, на шею навязываютъ два старыхъ жернова. Ровно въ полночь отправляются къ рѣкѣ. Если еще ледъ не прошелъ, то связанную лошадь опускаютъ въ прорубь; если же рѣка очистилась отъ льда, то, сами садясь на лодки, стараются утопить лошадь середь рѣки. Въ это время старшій изъ рыболововъ находится на берегу рѣки, прислушивается къ водѣ и даетъ знакъ другимъ, когда можно утопить лошадь. Большое несча-

[1]) См. Коляда, см. 274 и сл.

[2]) Такъ бывало у рыбаковъ, на Окѣ, съ 3-го на 4-е апрѣля. На 3-е апрѣля примѣта: „если ледъ не пройдетъ въ этотъ день, то рыбный ловъ будетъ самый худой“.

Сахар. II, 7. 21.

стіе бываетъ для рыболововъ, если Водяной не жалуетъ угощенія, или онъ перешелъ на другую усадьбу. По ихъ замѣчанію, Водяной всю зиму лежитъ въ водѣ и спитъ крѣпкимъ сномъ. Съ 1-го апрѣля онъ просыпается голоднымъ и сердитымъ. Съ досады и голода онъ ломаетъ ледъ, замучиваетъ мелкую рыбу до смерти, а большія сами убѣгаютъ въ другія рѣки. Когда же рыболовы задобрятъ его добрымъ гостинцемъ—лошадкою, то онъ смиряется, стережетъ рыбу. переманиваетъ къ себѣ большихъ рыбъ изъ другихъ рѣкъ, спасаетъ рыболововъ отъ бури и потопленія, не рветъ неводовъ и бредней. Во время своего гнѣва и голода Водяной три дня дожидается гостинца, и если рыболовы не поспѣютъ съ приносомъ, то онъ, по истребленіи рыбы, удаляется въ сосѣднюю усадьбу. Желаніе Водяного получить гостинецъ узнается по сильному колыханію воды и глухому подземному стону. Когда надѣлятъ Водяного гостинцемъ, то старшій рыболовъ, выливая въ рѣку масло, говоритъ: „вотъ тебѣ, дѣдушка, гостинцу на новоселье. Люби да жалуй всю нашу семью“. Возвратившись съ этой „тризны“, рыбаки проводятъ цѣлую ночь въ пирушкѣ.

Сахар. II, 7. 21.

---

2. Закликаніе и окликаніе.

А. Встрѣча и проводы солнца.

а) Играніе солнца.

„Въ первый день Святой недѣли поселяне Тульской губерніи выходятъ смотрѣть на *играніе солнца*. Взрослые мужчины выходятъ смотрѣть на колокольни, какъ будетъ играть солнце; а женщины и дѣти наблюдаютъ появленіе его на пригоркахъ и крышахъ домовъ. При появленіи солнца дѣти поютъ:

Солнышко ведрышко,
Выгляни въ окошечко и пр. [1])

„По замѣчаніямъ поселянъ, появленіе солнца на чистомъ небѣ и его играніе предвѣщаетъ хорошее лѣто, благополучный урожай и счастливыя свадьбы. Старушки, при появленіи солнца, умываются съ золота, серебра и краснаго яйца, въ надеждѣ разбогатѣть и помолодѣть. Старики тогда же расчесываютъ свои волосы съ причитаніемъ: сколько въ головѣ волосковъ, столько-бы было и внучатъ“.

Сахар. II, 7. 75—76.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Свѣтлое Воскресеніе ходятъ волочебники и поздравляютъ хозяевъ.

[1]) См. *дѣтскія пѣсни*, стр. 209.

Пѣсня волочебниковъ [1]).

1.

Стояла рыня тонка, высока,
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ! [2])
Тонка, высока, широмъ широка;
У той рыни два столика,
Два столика дубовые,
Дубовые, тесовые.
На тыхъ столикахъ
Все скатерти,
Все скатерти, все бранныя,
Все бранныя, нашиванныя;
На тыхъ столахъ
Все святки, все праздничкн:
Перво свято—Великъ Христовъ день,
Великъ Христовъ день съ краснымъ яичкомъ;
Друго свято—Юрій-Егорій,—

[1]) Т. е. ходящихъ изъ деревни въ деревню крестьянъ-пѣсенниковъ, поздравляющихъ хозяевъ съ праздникомъ Святого Христова Воскресенія.

[2]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Во чистомъ полѣ стадокъ спасаетъ,
Стадокъ спасаетъ, домой гоняетъ;
Третье свято—святой Микола,—
Святой Микола около двора,
Около двора кануни варицъ (варитъ),
Кануни варицъ, коника гладзицъ (гладитъ);
Четвертое свято—Свято Вознесенье,
Свято Вознесенье съ синимъ цвѣтомъ;
Пятое свято — святый Пяцеръ (Петръ),
Святый Пяцеръ съ бѣлымъ сыромъ;
Шестое свято—Илья пророкъ;
Илья пророкъ по межамъ ходзицъ (ходитъ),
По межамъ ходзицъ, рожь зажинаицъ (зажинаетъ),
Рожь зажинаицъ, ярь наливаицъ (наливаетъ).
Ясенъ, красенъ макъ въ огородѣ,
Яснѣй, краснѣй на полѣ снопы,—
Все аржаные, все яровые.
Широкъ, высокъ на небѣ мѣсяцъ,—
Шире и выше на полѣ копы,
Все аржаныя, все яровыя.
Часты и густы на небѣ звѣзды,—
Чащѣй, гущѣй на полѣ бабки,
Все Ивана все Михеича.
За этимъ же, хозяинушка,
Живи здорово, живи богато!
Дай тебѣ Богъ, сколько въ полѣ дубковъ,
Столько тебѣ сынковъ;
Сколько въ полѣ ялушекъ.
Столько тебѣ дочушекъ.
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ!

Шейнъ. I. 390—391.
(Торопецк. у. Псковск. губ.).

б) Встрѣча солнца.

„Подъ Петровъ день (въ Тульск. губ.) поселяне всѣхъ возрастовъ собираются на пригорки, раскидываютъ огонь и въ ожиданіи солнца проводятъ ночь въ играхъ и пѣсняхъ. Едва начинаетъ восходить солнце, всѣ испускаютъ радостные клики. Старики наблюдаютъ, какъ солнышко играетъ по небу: оно то покажется, то спрячется; то взойдетъ вверхъ, то опустится внизъ; то заблещетъ разными цвѣтами—голубымъ, розовымъ и бѣлымъ, то засіяетъ такъ ясно, что ничьи глаза не стерпятъ. Молодые поютъ пѣсню: „Ой, Ладо! на курганѣ“.

Сахар. II, 7. 41—42.

в) Проводы (*6-го авг.*) [1].

„Поселяне наблюдаютъ въ этотъ день, (6-го авг.) захожденіе солнца. Выходя вечеромъ на пригорки, они съ пѣснями и плясками проводятъ время. Едва начнетъ скрываться солнце на западъ они поютъ:

Солнышко, солнышко, подожди!
Пріѣхали господа бояре
Изъ велика де Новагорода
На великъ день пировать,
Ужъ и вы ли, господа бояре,
Вы, бояре старые, новгородскіе!
Стройте пиръ большой
Для всего міра крещенаго,
Для всей братіи названой.
Строили господа бояре пиръ,
Строили бояре новгородскіе
Про весь крещеный міръ.
Вы сходитесь, люди добрые,
На великъ званый пиръ;
Есть про васъ медъ, вино,
Есть про васъ яства сахарныя.
А и вамъ, крещеный міръ,
Бьемъ челомъ и кланяемся.“

Сахар. II, 7. 48.

[1]) „Во всей Великой Руси съ этого дня начинаютъ ѣсть плоды и фрукты. Люди, имѣвшіе сады, въ старину приношивали въ храмы плоды для освященія. Здѣсь они, изъ рукъ священника, раздавались всѣмъ прихожанамъ“.
Сахар. II, 7. 47.

Б. Встрѣча и проводы весны.

(Весенніе хороводы).

1. Радуницкая недѣля (радуницкіе хороводы).

а) Красная горка (*Воскресенье на Ѳоминой нед.*).

Закликаніе весны.

„На Красную горку (поселяне Тульск. губ.) *закликаютъ* весну съ хороводными пѣснями. При восхожденіи солнца выходятъ на холмъ или пригорокъ подъ предводительствомъ хороводницы. Обращаясь на востокъ, хороводница, проговоривъ молитву, входитъ въ кругъ съ круглымъ хлѣбцемъ въ одной рукѣ и съ краснымъ яйцомъ—въ другой и начинаетъ пѣсню:

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ и пр. [1])

Сахар. II, 7. 81.

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостію:
Со льномъ высокіимъ,
Съ корнемъ глубокіимъ,
Съ хлѣбами обильными.

Сахар. I, 3. 260.

„Въ Калужской губ. поселяне *зазываютъ* весну также съ пѣснями. Соломенное чучело, укрѣпленное на длинномъ шесту, ставится на горкѣ; кругомъ него собираются женщины и мужчины. Послѣ пѣсенъ садятся вокругъ горки, угощаютъ другъ друга яичницею. Вечеромъ сожигаютъ чучело съ пѣснями и плясками“.

Сахар. II, 7. 81.

[1]) Продолженіе пѣсни—о красной дѣвицѣ и суженомъ—см. *хороводн.* пѣсни (А мы просо сѣяли; Заплетися, плетень и др.).

б) Вьюнецъ (*въ субботу на Святой нед. или въ Ѳомино Воскресенье*).

„Остатки сего обряда состоятъ въ хожденіи по улицѣ—*съ вьюнитствомъ* [1]), въ пѣніи обрядныхъ пѣсенъ въ честь новобрачныхъ“.

Ой лелю, молодая, о лелю!
Ты вьюная, о лелю!
Ты по горницѣ приди, о лелю!
Покажи свое лицо, о лелю!
Да въ окошечко, о лелю!
Покажи намъ молодца, о лелю!
Своего-то вьюнца, о лелю!
Да пожалуй-ко яичко, о лелю!
Еще красненько, о лелю!
Что на красномъ блюдѣ, о лелю!
И при добрыхъ людяхъ, о лелю!

Сахар. I, 261; II, 81.

Молодые обязаны были надѣлить окликальщиковъ куличомъ, яйцами, угостить виномъ и брагой.

в) Радуница (*въ понедѣльникъ, иногда и въ другіе дни, на Ѳоминой недѣлѣ*).

Окликаніе дождя.

„Прежде въ окликаніи дождя участвовали всѣ возрасты, теперь занимаются этимъ одни дѣти. При появленіи дождя или тучъ причитаютъ:

[1]) Молодыми людьми.

Дождикъ, дождикъ!
Снаряжайся на показъ.
Дождикъ, припусти, и пр.

Сахар. II, 7. 83.
(См. *дѣтск. пѣсни*).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Орловск. губ.) на Радуницкой недѣлѣ совершается опахиваніе (См. выше).

„Въ степныхъ селеніяхъ женщины убираютъ всю недѣлю свои избы и на ночь оставляютъ на столѣ кушанье для покойныхъ родителей. Онѣ твердо увѣрены, что ихъ покойные родители на Радуницкой недѣлѣ заглядываютъ въ избы къ своимъ роднымъ и наказываютъ тѣхъ, которые не готовятся къ этому“.

Ib.

2) Семицкая, или русальная, недѣля (*на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи*).

Какъ у насъ въ году три праздника:
Первой праздникъ—Семикъ честной,
Другой праздникъ—Тройцынъ день,
А третій праздникъ—Купальница.

Терещ. ч. VI, 154.

а) Семикъ (*въ четвергъ на 7-й недѣлѣ*).

Ты не радуйся,
Дубъ съ горькой осиной,
Ты радуйся, бѣлая берева!
Къ тебѣ дѣвки идутъ,
Къ тебѣ красныя идутъ
Съ пирогами, со яичницей,
Съ драчонами.

Снегир. Р. пр. III, 118.

„Прежде въ Семикъ совершался обычай погребенія и поминовенія умершихъ въ убогихъ домахъ (божедомкахъ, скудельницахъ, куда сносили убитыхъ или скоропостижно умершихъ)... Всякій приходилъ въ убогій, или скудельничій, домъ, чтобы отъискать безъ вѣсти пропавшаго, и если его находилъ, то бралъ и погребалъ торжественно на особыхъ мѣстахъ, и обсаживалъ могилу деревьями, отъ чего сіи мѣста превращались въ рощи...

„Семикъ сдѣлался нынѣ веселымъ хороводнымъ гуляньемъ; но деревенскіе обитатели удержали нѣкоторые обряды древняго повѣрья. Семикъ почитается въ Россіи честнымъ Семикомъ, однимъ изъ лучшихъ праздниковъ; за нимъ считается Троицынъ день и наконецъ Купальница.

Въ Московской, Владимірской и Рязанской губ. сгибаютъ молодыя плакучія березы, вьютъ изъ нихъ вѣнки и кумятся (цѣлуются).

Покумимся, кума,
Покумимся,—
Чтобы намъ съ тобою не браниться,
Вѣчно дружиться.

„Потомъ дарятъ другъ друга желтыми яйцами. Въ Владимірск. губ. ходятъ еще дѣвушки поутру съ пирогомъ на яйцахъ собирать у сосѣдей деньги; вечеромъ составляютъ хороводы, пляшутъ, поютъ, ѣдятъ пирогъ и яичницу. У волжскихъ жителей дѣвицы пекутъ *козули*,—лепешки на яйцахъ, въ видѣ вѣнка. Съ козулями отправляются въ рощу, обматываютъ березки ленточками, разноцвѣтными бумажками и пестрыми шнурками.—Изъ сучьевъ березокъ свиваютъ вѣнокъ и во время завиванія поютъ:

Береза моя, березынька,
Береза моя бѣлая,
Береза моя кудрявая!
Стоишь ты, березынька,
Осередь долинушки;
На тебѣ, березынька,
[Листья бумажные,
Подъ тобой, березынька:] [1])
Трава шелковая;
Близъ тебя, березынька,
Красны дѣвушки
Семикъ поютъ;
Подъ тобою, березынька,
Красны дѣвушки

[1]) Эти два стиха изъ Снегир. Р. пр. III, стр. 105.

Вѣнокъ плетутъ.
Что не бѣлая березынька
Къ землѣ клонится;
Не шелкова травонька
Подъ ней разстилается;
Не бумажны листочки
Отъ вѣтру раздуваются,—
Подъ этой березынькой
Съ красной дѣвицей
Молодецъ разговариваетъ.

„По завиваніи кумятся (цѣлуются) чрезъ вѣнокъ, говоря: „здравствуй, кумъ и кума!“ [1]) Потомъ садятся подъ березкой и ѣдятъ козулю и яичницу.—Мужчины и дѣвушки открываютъ потомъ семикъ хороводомъ и, ходя вокругъ избранной березки, увитой лентами, поютъ:

Не дождикъ березку обмываетъ:—
Здѣсь, въ рощѣ, дѣвокъ прибываетъ.
Скачьте, пляшите, красны дѣвки,
А вы, холостые, поглядите.
Съ гулянья вамъ дѣвушекъ не взяти!
А взять ли, не взять ли съ доброй воли,
По батюшкину повелѣнью,
По матушкину благословенью,
По невѣстину рукодѣлью.

„По окончаніи пѣсни ставятъ въ средину хоровода дѣвушку и мужчину, и всѣ продолжаютъ пѣть:

Ай во полѣ липынька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла;
Подъ липою бѣлъ шатеръ,
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица,
За тѣмъ сидитъ красная,
Шьетъ ширинку золотомъ,
Нижетъ узду жемчугомъ.

[1]) „Здравствуй, кумъ и кума, березку завивши!“ Снегир. ib. 105.

Ѣхалъ мимо молодецъ:
„Богъ на помощь, дѣвица!
„Богъ на помощь, красная!
„Ширинку шить золотомъ,
„Низать узду жемчугомъ?“

Молодцы поютъ:

„Не мнѣ ли ширинка?
„Не моему ли коню уздечка?“

Имъ отвѣчаютъ дѣвушки:

—Не по молодцѣ ширинка,
Не по твоемъ конѣ уздечка! —

Терещ. VI, 150—160.

„Семицкіе вѣнки въ однихъ мѣстахъ сохраняются въ избахъ до Троицына дня, а въ другихъ бросаютъ ихъ въ воду съ гаданьемъ: потонетъ ли вѣнокъ, или нѣтъ; на одномъ ли мѣстѣ онъ остановится, или поплыветъ въ сторону; чей вѣнокъ плыветъ впереди и чей остается позади. Подруги бросаютъ свои вѣнки вмѣстѣ, а иногда и братъ съ сестрой“.

Сахар. II, 7. 85.

б) Клечальный (русальный) день.

„Съ именемъ клечальной субботы въ понятіяхъ нашего народа соединяется старое вѣрованіе въ русалокъ“ (Сахаровъ).

„Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ; на берега выходятъ только поиграть. Съ Троицына дня до Петрова поста шатаются по землѣ; живутъ тогда въ лѣсахъ на деревьяхъ. Любимое ихъ дерево кленъ и дубъ. Качаются на зеленыхъ сучьяхъ и разматываютъ пряжу, которую уносятъ отъ поселянокъ, заснувшихъ безъ молитвы“ (Терещенко).

„На русальной недѣлѣ, во вторникъ, крестьяне поминаютъ удавленниковъ. Родня умершаго приноситъ на могилу покойника блины, вино и красное яйцо, которое разбиваютъ на могилѣ за упокой души удавленника; потомъ пьютъ вино и закусываютъ блинами, причемъ призываютъ русалку:

Русалка — царица,
Красная дѣвица,
Не загуби душки,
Не дай удавиться,
А мы тебѣ кланяемся.

„Русалкѣ оставляютъ часть блиновъ и потомъ уже отправляются по домамъ (Терещ.).

Проводы русалокъ.

„Съ вечера поселяне (Тульск. губ.) начинаютъ сбираться на полянахъ и поютъ пѣсни. Когда же наступитъ ночь, то они бѣгаютъ по полянамъ съ помелами, машутъ ими по воздуху и кричатъ: „догоняй! догоняй!“ Нѣкоторые изъ отчаянныхъ, которыхъ въ деревняхъ очень немного, разсказываютъ за правду, что они видѣли, какъ русалки отбѣгали отъ ихъ селенія за лѣсъ съ плачемъ и воплемъ. Послѣ сего на разсвѣтѣ купаются въ рѣкѣ. Народъ нашъ твердо увѣренъ, что на русальной недѣлѣ опасно купаться въ рѣкѣ: тогда будто купаются тамъ русалки и всякаго неосторожнаго защекачиваютъ до смерти. Съ изгнаніемъ русалокъ эта опасность прекращается [1])

„По берегамъ рѣки Оки, разсказываютъ поселяне, въ старину бывало особенное народное сборище для усмиренія Водяного дѣдушки. Встревоженный и огорченный появленіемъ русалокъ, онъ въ полночь начиналъ подымать воду изъ береговъ такъ высоко, какъ будто бы гора выростала изъ воды. Суевѣрные поселяне раскладывали по берегамъ огни и пѣли пѣсни. Водяной, услышавъ народныя пѣсни, смирялся, и вода входила опять въ свои берега. Тамъ же, гдѣ не предпринимали такихъ мѣръ, всегда случались несчастія. Это горе постигало болѣе всѣхъ рыбаковъ“

Сахар. II, 7. 85. Терещ. VI. 129—134.

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Воронежск. губ.) для проводовъ русалокъ„ устраивали на лугу особенный шалашъ, убирали его цвѣтами и вѣнками, въ серединѣ ставили соломенное чучело. Это чучело сначала наряжали въ женское платье, а потомъ въ мужское. Въ шалашѣ передъ нимъ ставили приносимое кушанье, вино и др. *лакомства.* Вокругъ шалаша одни поселяне разыгрывали хороводы; иные въ кружкахъ пѣли пѣсни, другіе вели борьбу... Поселяне угощали другъ друга кушаньемъ, виномъ и лакомствами. Въ заключеніе всего раздѣвали чучело и бросали его со смѣхомъ въ озеро“. Сахаровъ II, 7. 85.

3. Троицынъ день *(въ однихъ мѣстахъ въ воскресенье, въ другихъ въ понедѣльникъ).*

Въ Троицынъ день завиваютъ вѣнки и водятъ хороводы. „Въ завиваніи вѣнковъ, кромѣ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ, принимаютъ участіе пожилые обоихъ половъ; вѣнки завиваютъ съ музыкою и пѣніемъ, начиная отъ дома или селенія, изъ котораго выходятъ въ рощу или въ лѣсъ:

Мы пойдемъ, дѣвочки,
Во луга гулять,
Ай люли, люли, во луга гулять!
Во луга гулять,
Вѣнки завивать,
Ай люли, люли, вѣнки завивать!
Мы завьемъ вѣночки
На всѣ красны денечки,
Ай люли, люли, на красны денечки!

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ вѣнокъ сплести,
Ай люли, люли, намъ вѣнокъ сплести!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-матушкѣ,
Ай люли, люли, свекрови-матушкѣ!
Свекру-батюшкѣ — малиновый,
Свекрови-матушкѣ — калиновый,
Ай люли, люли, калиновый!

А мнѣ молодой
Съ гибкаго вѣтійка,
Ай люли, люли, съ гибкаго вѣтійка!

„Въ Троицынъ день пускаютъ вѣнки на воду и гадаютъ: дѣвушки и парни о суженыхъ, а замужнія и пожилыя— о смерти или о горѣ и радости въ жизни. Когда вѣнокъ не коснется берега рѣки и, не потонувъ, уплыветъ—тогда сбудется желаніе, въ противномъ случаѣ— неудача или смерть. При пусканіи вѣнковъ поютъ:

Да пойду-ль я тишкомъ
Лужкомъ-бережкомъ,
Ай люли, люли, лужкомъ-бережкомъ!
Сломлю со сыра дуба вѣточку,
Брошу на быстру рѣченьку.
Ай люли, люли, на быстру рѣченьку!

При неудачѣ въ гаданіи поютъ:

Да грозна, грозна
Громовая туча!
Ай люли, люли, громовая туча!
Грознѣй того нѣтъ,—
Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ.
Ай люли, люли, ко мнѣ свекоръ ѣдетъ!
Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ
Со лютой свекровью.
Ай люли, люли, со лютой свекровью!
Вы мостите мосты,—
Гнилыя колоды.
Ай люли, люли, гнилыя колоды!
Забивайте гвозди,—
Еловыя шишки.
Ай люли, люли, еловыя шишки!
Чтобы мостъ обломился,
Лютый свекоръ залился.
Ай да люли, люли, лютой свекоръ залился!

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Пензенск. губ.) дѣвицы „на обратномъ пути, подходя къ селу или деревнѣ, поютъ:

Да іо, іо, семикъ да и Тройца!
По этой по улицѣ
Разливъ разливается.
Да іо, іо, семикъ да и Тройца!
Въ этомъ разливчикѣ
Утопъ добрый молодецъ (имя).
Да іо, іо, семикъ да и Тройца!
Съ своимъ воронымъ конемъ.
Съ черкасскимъ сѣдельцемъ,
Да іо, іо, семикъ да и Тройца!

„Подошедъ къ рѣкѣ, дѣвицы бросаютъ свои вѣнки въ воду и смотрятъ,— не тонетъ ли который изъ нихъ. Чей потонетъ, той и быть замужемъ. Прежде нежели разойдутся по домамъ, опять поютъ:

Раскумимся, кумушка,
Раскумимся, голубушка.
Да іо, іо, семикъ да и Тройца!

Терещ. VI, 186—191.

4. Всесвятская недѣля.

а) Похороны Костромы *(въ воскресенье или въ понедѣльникъ).*

„Похороны *Костромы* (въ Муромск. у.) справляли молодцы и дѣвицы. Собравшись въ назначенное мѣсто, они дѣлали изъ соломы чучело. Въ однихъ мѣстахъ убирали его въ какое-нибудь платье, въ другихъ—только перевязывали веревками. Чучело называли *Костромой* и становились всѣ предъ нимъ въ почтительномъ видѣ. Старшія почетныхъ родителей дѣвицы и молодцы брали Кострому на руки и съ пѣснями относили на берегъ озера или рѣки. Здѣсь всѣ сопровождавшіе Кострому раздѣлялись на двѣ стороны. Одна, охранявшая чучело, становилась въ кружокъ; молодцы и дѣвицы кланялись Костромѣ и производили предъ нею разныя тѣлодвиженія. Другая сторона нападала внезапно на первую для похищенія Костромы. Обѣ стороны вступали въ борьбу. Какъ скоро захватывали чучело, то тотчасъ срывали съ него платье, перевязи,

солому топтали ногами и бросали въ воду со смѣхомъ. Первая сторона въ отчаяніи производила вой, другіе закрывались руками, какъ бы оплакивая погибель Костромы. Послѣ сего обѣ стороны соединялись вмѣстѣ и съ веселыми пѣснями возвращались въ селенія".

Сахар. II, 7. 90.

б) Ярило.

Такимъ же точно образомъ во многихъ мѣстахъ [1]) совершаются похороны Ярилы. Въ иныхъ мѣстахъ (въ Воронежѣ) Ярилу изображалъ человѣкъ, выбранный для этого міромъ. „Одѣвали его въ разноцвѣтный кафтанъ, украшали лентами, колокольчиками, на голову надѣвали раскрашенный бумажный колпакъ съ ленточными кисточками... Онъ ходилъ по площади, плясалъ и пѣлъ пѣсни. Вокругъ него толпился народъ всѣхъ возрастовъ: одни пѣли, другіе плясали, третьи бились на кулачки".

Сахар. II, 7. 91.

Ужъ какъ звали молодца,
Позывали удальца,
На игрище поглядѣть,
На Ярилу посмотрѣть.
  Ты, Дунай мой, Дунай,
  Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Одѣвался молодецъ,
Убирался удалецъ,
Въ рудожелтъ кафтанъ,
Въ шапку мурмолку.
  Ты, Дунай...

Шейнъ. I. 186.

в) Проводы весны.

Почти такъ же, какъ и похороны Костромы, а въ иныхъ мѣстахъ Ярилы, совершаются проводы весны. „Дѣлали (въ Саратовск. губ.) изъ соломы чучело, одѣвали его въ сарафанъ и кокошникъ съ ожерельями. Чучело носили по деревнѣ съ пѣснями, а послѣ раздѣвали и бросали въ воду".

Сахар. II, 7. 93.

В. Купальница (*23-го іюня*) и Купало (*24-го іюня*).

Купальница.

„На Руси изстари велось париться въ сей (*23-го іюня*) день, утреннею порою, въ баняхъ, а днемъ купаться въ рѣкахъ или прудахъ. Поселяне Рязанской губ. этотъ день называютъ *лютые коренья*. Смышленые старые люди, моясь въ банѣ, парились лютыми кореньями. Въ степныхъ селеніяхъ вмѣсто соломы набрасывали въ печь жгучей крапивы и на ней паривались. Все это дѣлалось для исцѣленія болѣзней. По выходѣ изъ бани садились за столъ завтракать, гдѣ заранѣе становилась *обѣтная каша*. Больныхъ, старыхъ и хворыхъ людей выносили въ баню на жгучей крапивѣ и паривали цѣлебными травами. Купанье въ рѣкахъ начиналось съ полдня и продолжалось до вечеренъ". Купанье и приготовленіе ячменя для обѣтной каши сопровождалось пѣснями и веселыми играми.

Купало.

Огонь (*живой, лѣсной, царь-огонь, лѣкарственный*) является необходимою принадлежностью игрища наканунѣ Иванова дня. „Вечеромъ 23-го іюня крестьяне (въ Тулѣ) выходятъ въ поле въ чистыхъ

[1]) Между проч. и въ г. Костромѣ, въ которой описанное выше игрище (похор. Костромы) неизвѣстно.

бѣлыхъ рубашкахъ; составляютъ костры изъ хворосту, приносятъ съ собою дегтярныя баклаги. Старики садятся въ кружокъ и начинаютъ чрезъ треніе добывать огонь изъ двухъ старыхъ сухихъ деревъ. Кругомъ нихъ всѣ стоятъ въ глубокомъ молчаніи. Едва показался огонь, все ожило, запѣло, завеселилось. Зажигаются костры и баклаги. Молодые поютъ и пляшутъ; старики сидятъ въ кружкахъ, бесѣдуютъ о старинѣ... Часто случалось видѣть, какъ подъ этимъ костромъ старушки-матери сжигали сорочки, взятыя съ больныхъ дѣтей, съ полною увѣренностью, что отъ сего обряда прекратятся болѣзни. Нашъ народъ думаетъ, что перескакиваніе чрезъ огонь избавляетъ отъ чарованія. Въ купаніи утренней росою они полагаютъ очищеніе тѣла и избавленіе отъ болѣзней". Игрище обыкновенно сопровождается пирушкой, прыганьемъ чрезъ огонь, пляской и пѣснями; великорусcы *„не поютъ пѣсенъ съ именемъ Купало*, какъ это находимъ у малоруссовъ".

Сахар. II. 7. 36—39.

„Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій. Рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣкъ бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ своихъ вѣтвей разговариваютъ между собою. Утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папоротникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія; можетъ видѣть, какъ расходятся дубы и составляютъ свою бесѣду: можетъ слышать ихъ разговоры про богатырскіе свои (ихъ) подвиги. Кто сорветъ въ эту ночь *перелетъ-траву*, тотъ будетъ во всемъ счастливъ".

Терещ. V. 79.

Г. Окликаніе Георгія *(23-го апр.)*.

„Въ день св. Георгія выгоняютъ скотъ на траву вербою, оставленною отъ вербной недѣли. Рано утромъ служатъ молебны на студенцахъ, рѣкахъ или лугахъ отъ всего міра, и послѣ благословленія отъ священника провожаютъ всею деревнею скотину въ поле".

Мы вокругъ поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.

Егорій ты нашъ храбрый!
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго.

Сахар. II, 2. 23—26.

Д. Обѣтный (жертвенный) пирогъ при посѣвѣ *(8-го мая)*.

„Въ степныхъ мѣстахъ съ этого дня начинаются ранніе посѣвы пшеницы... Зажиточные поселяне пекли на этотъ день обѣтные пироги и угощали ими бѣдныхъ сосѣдей и прохожихъ людей. Старики для встрѣчи прохожаго человѣка выхаживали на большія дороги и перекрестки. Худая примѣта западала на сердце старика, когда онъ возвращался назадъ съ пирогомъ; съ отчаяніемъ встрѣчали его домочадцы. До обѣтнаго пирога никто не касался: его отдавали птицамъ на съѣденіе.

Е. Заклинаніе жнивъ (*5-го авг.*).

(Жертвоприношеніе).

Домовитые хозяева „находятъ нужнымъ заклинать жнивы. Это, говорятъ они, будто нужно для того, чтобъ нечистая сила не поселилась на жнивахъ и не выжила съ пажитей скотъ. Для сего они раннею зарею выходятъ на жнивы съ масломъ конoплянымъ. Обращаясь на востокъ, говорятъ: „Мать-сыра земля! уйми ты всяку гадину нечистую изъ приворота, оборота и лихого дѣла“. Проговоривши, выливаютъ на землю масло. Потомъ, обращаясь на западъ, говорятъ: „мать-сыра земля! поглоти ты нечистую силу въ бездны кипучія, въ смолу горючую“. Послѣ сего выливаютъ масло на землю. Обращаясь на югъ, говорятъ: „мать-сыра земля! утоли ты всѣ вѣтры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучіе со мятелью“. И здѣсь опять выливается масло. Обращаясь на сѣверъ [1]), говорятъ: „мать-сыра земля! уйми ты вѣтры полуночные со тучами, задержи морозы со метелями“. Здѣсь бросаютъ скляницу на землю. Такое заклинаніе необходимо будто-бы должно исполнять всякое лѣто. Многіе изъ робости не рѣшаются на такой подвигъ, несмотря на свое непреодолимое желаніе.

Сахар. II. 7. 47.

Жнивныя пѣсни.

1.

На ленъ роса пала, (2)
На ленъ студеная,
Раннимъ-рано!
Кому роса теплая,
А мнѣ холодненькая.
На чужой сторонкѣ,
Во чужово батьки (2)
Поздно спать ложатся,
Рано побужаютъ, (2)
Къ дѣлу принужаютъ, (2)
Ко тяжкой работѣ: (2)
Ко бѣлому каманю, (2)
Ко сырой пшеницы, (2)
Къ болотной водицы. (2)

Шейнъ, I. 399.
(Великолуцк. у. Псковск. губ.).

2.

Жали мы, жали,
Жали-пожинали—
Жнеи молодыя,
Серпы золотые.
Два поля пожали,
Третье распахали—(2)
Жнеи молодыя,
Серпы золотые.
Нива долговая, (2)
Постать широкая,
По мѣсицу жали,
Серпы поломали,
Въ краю не бывали, (2)
Людей не видали.

Ib. 400.
(Великолуцк. у. Псковск. губ.).

[1]) У С. „на западъ“.

Ж. Коляда и Овсень.

Коляда (виноградье).

„Въ навечеріе Рождества Христова въ селахъ и деревняхъ дѣвицы [1]), собравшись по нѣскольку вмѣстѣ, ходятъ кучками по улицамъ отъ одного дома къ другому и подъ окнами поютъ слѣдующія пѣсни:

Приходила Коледа
Напередъ Рождества.
Виноградье красно зеленье мое! [2])
Напала пороша
Снѣгу бѣленькаго;
Какъ по этой по порошѣ
Гуси-лебеди летѣли,
Коледовщички,
Недоросточки,
Недоросточки.
Красны дѣвушки
Сочили (и) искали
Иванова [3]) двора.
И Ивановъ дворъ
Ни близко, ни далеко:
На семи верстахъ,
На восьми столбахъ;
Вокругъ этого двора
Тынъ серебряный стоитъ;
Вокругъ этого тына
Все шелковая трава;
На всякой тынинкѣ
По жемчужинкѣ.
Во этомъ во тыну
Стоитъ три терема,
Стоитъ три терема
Златоверхіи:
Во первомъ терему
Свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему
Красно солнышко,
Въ третьемъ терему
Часты звѣздочки.
Свѣтелъ мѣсяцъ—
То хозяинъ въ дому,
Красно солнышко—
То хозяюшка,
Часты звѣздочки—
Малы дѣточки.
Какъ самого господина
Дома нѣтути,
Дома нѣтути,
Не случилося,—
Въ Москву съѣхавши
Суды судить,
Суды судить,
Да ряды рядить.
Посудивши-порядивши,
Домой ѣдетъ онъ:
Онъ женѣ-то везетъ
Кунью шубу, кунью шапочку,
А своимъ-то сынамъ
По добру коню,
Своимъ доченькамъ
По злату вѣнку,
Своимъ служенькамъ
По сапоженькамъ.
Наша-то Коледа
Ни мала, не величка,—
Она въ двери не лѣзетъ
И въ окно намъ шлетъ.
Ни ломай, ни гибай,
Весь пирогъ подавай!
Виноградье красно зеленье мое! [1])

Шейнъ, I. 365—367.
(Псковской губ.).

[1]) Во многихъ мѣстахъ мальчики и парни.
[2]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.
[3]) Здѣсь упоминаютъ имя хозяина, подъ чьимъ окномъ поютъ.

[1]) „Въ Шенкурской и Вельской округахъ съ 25-го декаб. цѣлую недѣлю ходятъ ребята со *звѣздою*, сдѣланною изъ бумаги, въ аршинъ величиною, съ разными прикрасами, и освѣщаемою свѣчами. Пришедши подъ

„Въ окрестностяхъ Москвы возятъ въ саняхъ наканунѣ Рождества Христова въ бѣлой рубашкѣ дѣвушку, которая называется колядою, и поютъ:

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества
За рѣкою за быстрою.
Ой Коліодка, ой Коліодка!
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни Коліодушки(ѣ).
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ —
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати.
— Ты, братецъ Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!—
„Я радъ бы выпрыгнуть,—
Горючъ камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали.
Ой Коліодка, ой Коліодка!

Терещ. VII. 57—58.

Ой Коляда, Колядà,
Посконная борода!
Отпирай ворота,
Выноси пирога!
Кто дастъ лепешки,—
Золоты окошки;
Кто дастъ каши,—
Золотыя чаши;
Кто дастъ свѣжины,—
Золотые чигуны (чугуны).

Варенцовъ, Сборн. п. 150.
(Самара).

Овсень.

Овсень (Авсень, Усень, Таусень, Баусень) въ среднихъ и нѣкоторыхъ поволжскихъ губ. [1]) употребляется часто вмѣсто Коляды. „Въ этихъ мѣстахъ, по деревнямъ, начиняютъ кишки и желудки и варятъ свиныя ноги, которые раздаютъ посыпальщикамъ... [2]). Молодыя женщины и дѣвицы (въ Рязанск. губ.) ходятъ подъ окна пѣть Овсень ввечеру Новаго года. Одна изъ нихъ носитъ за собою кошель, для поклажи подарковъ. Подъ окномъ или у дверей избы спрашиваютъ: „Прокликать ли Овсень?“ Получивъ согласіе, поютъ:

Овсень, овсень!
Ты ходилъ, ты гулялъ
По крутымъ горамъ,
По святымъ вечерамъ.
Овсень, овсень!
Ты леталъ, ты порхалъ
Къ Филимону на дворъ
Ко Прокофьевичу.
Овсень, овсень!
Ты сыскалъ, угадалъ
На широкомъ дворѣ
Полны ведра виномъ.
Овсень, овсень!
У хозяина дворъ

окна дома, сперва поютъ они тропарь и кондакъ празднику, а потомъ *виноградье*; между тѣмъ звѣзда безпрестанно круговращается. Пропѣвъ *виноградье*, поздравляютъ хозяина и хозяйку съ праздникомъ, наконецъ восклицаютъ: *на славу Божію*,—этимъ они просятъ себѣ подачи. Тогда хозяинъ приказываетъ одному изъ славильщиковъ войти къ себѣ и даетъ ему денегъ. Такая звѣзда, хожденіе съ нею и пѣніе винограда вообще тамъ извѣстно подъ именемъ *коледы*“.
Снегир. Русск. простонар. праздн. II, стр. 54—55.

[1]) Рязанск., Владимірск., Симбирск., Нижегородск., Саратовской.

[2]) Посыпальщики, ходя по домамъ, обсыпаютъ овсомъ изъ лукошка или рукавицы. Зерно это собираютъ для весенняго посѣва.

Осушенъ, омощенъ,
Чисто выметенъ.
Овсень, овсень!
По срединѣ Москвы
У хозяина дворъ
Воротами красенъ.
Овсень, овсень!
Воротами красенъ,
Вереи ихъ пестры,
Всѣ обточенныя.
Овсень, овсень!
У Прокофьича дворъ
Весь тыномъ затыненъ,
Серебромъ обнесенъ.

Хозяинъ открываетъ окно и радушно подаетъ подачку. Если она щедрая, то начинаютъ притопывать съ радостнымъ свистомъ, прищелкивать и плясать подъ пѣснь:

На дворѣ у Филимона
Три теремчика стоятъ:
Высокіе теремочки—
О двѣнадцати вѣнцахъ.
Филимонъ-сударь хорошъ,
Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.
Овсень, овсень!
Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.

Хозяинъ открываетъ въ другой разъ окно и говоритъ ласково: „Милости просимъ въ избу. Мы рады Овсеню, гостю жданому.—Не погнѣвайтесь только, чѣмъ Богъ пошлетъ". Они входятъ въ избу съ похвальными припѣвами:

Первый теремъ—свѣтелъ мѣсяцъ,
Другой теремъ—красно солнце,
Третій теремъ—часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ—хозяинъ самъ,
Красно солнце—хозяюшка,
Часты звѣзды—ихъ дѣтушки.

Терещ. VII, 111--113.

Въ Саратовской губ. поютъ:

Летѣла пава,
Таусенъ! [1])
Черезъ наши поля,
Роняла перья.
— Кому перья брати?—
„На что перья?"
Шапочку шити,
Перьями пушити.
„На что шапочку?"
— На базаръ ѣхати,
Топорикъ купить,
Дрова рубить,
Пиво варить,
Мосты мостить.—
„Кому мостами ѣздити?"
— Царю-государю.

Если вмѣсто словъ *царю-государю* говорятъ *молодцу-удальцу*, тогда прибавляютъ:

На чемъ ему ѣздити?
Таусенъ!
На сивенькой свинкѣ.
Таусенъ!
Чѣмъ погоняти?
Таусенъ!
Живымъ поросенкомъ.
Таусенъ!

По окончаніи таусенъ приговариваютъ:

Кишки да лепешки,
Свиныя ножки,
Въ печи сидѣли,
На насъ глядѣли,
Въ кошель захотѣли.

Терещ. VII. 116—118.

[1]) „Таусенъ" повторяется послѣ каждаго стиха.

3. Масляница.

(Проводы зимы).

Масляницу встрѣчаютъ (обыкновенно дѣти) различными причитаніями: „Звалъ-называлъ честной Семикъ широкую Масляницу къ себѣ въ гости на дворъ:—„Пріѣзжай ко мнѣ во тесовой домъ душой потѣшиться, умомъ повеселиться, рѣчью насладиться“.—Выѣзжала честная Масляница, широкая боярыня, на семидесяти семи саняхъ козырныхъ, въ широкой лодочкѣ, во великъ городъ пировать, душой потѣшиться. Какъ навстрѣчу Масляницѣ выѣзжалъ честной Семикъ на салазочкахъ, въ однѣхъ портянкахъ, безъ лапотокъ“. Послѣ этой встрѣчи сбѣгаютъ съ горы и кричатъ: „Пріѣхала Масляница! пріѣхала Масляница!“

„Проводы честной Масляницы (въ губ. Симбирск., Саратовск., Пензенск.) состояли въ поѣздѣ по городу и селамъ. Для поѣзда сколачивали нѣсколько дровенъ и саней. Въ среднія дровни ставили большой столбъ, на него клали колесо, сажали мужика, опытнаго въ разныхъ забавахъ и причитаніяхъ. Вмѣсто лошадей запрягали разукрашенныхъ людей. Такой поѣздъ разъѣзжалъ по всѣмъ улицамъ; впереди и вокругъ него пѣли, играли и плясали“... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Нерехтѣ) на проводахъ *сожигаютъ* Масляницу. Вечеромъ, послѣ всѣхъ гуляній и забавъ, выходитъ молодой народъ, мужчины, женщины, дѣвицы и дѣти, изъ своихъ дворовъ съ соломою. При пѣніи пѣсенъ сожигается солома“ [1]).

Сахар. II. 7. 73—74.

Масляничныя пѣсни.

1.

— За рѣкою, матушка,
Гусельки гудятъ,
За быстрою, сударыня,
Звончатые.
— Пусти меня, матушка,
Гуслей послушать! —
„Пустить тебя, дитятко,—
Вѣкъ не видать!“
— Приду, приду, матушка,
На Великъ день,
Съ красненькимъ, матушка,
Со яичкомъ,
Съ молоденькимъ со зятечкомъ. —
„Милое дитятко!
Мнѣ тебя далече ждать!“
— А ты меня, матушка,
Кличъ закликай!—
„Дитя мое милое,
Голосу нѣтъ!“
— А ты, моя матушка,
Близко подойди!—
„Дитя мое милое,
Ножки не идутъ“.
— А ты, моя матушка,
Письмо напиши!—
„Дитя мое милое,
Писаря нѣтъ!“

Шейнъ. I. 406.

(Дмитровск. у. Орловск. губ.).

2.

Съ горы на гору *снѣги сыплютъ,* (2)
Люли, люли, снѣги сыплютъ,
Гоголекъ, гоголечекъ! [1])
Меня молоду *домой кличутъ*: (2)
Будь, невѣстка, *домой,* (2)
Будь, лебедка, *домой!* (2)

---

[1]) „Въ Ярославлѣ съ четверга (на Масляницѣ) начинаютъ колядовщики *пѣть коляду*“.

Сахар. II. 7. 73—74.

[1]) Послѣ каждаго стиха повторяется: „Люли, люли“, съ прибавленіемъ отмѣченныхъ послѣдн. словъ стиха и припѣва: „гоголекъ, гоголечекъ!“ То же и въ слѣдующей пѣснѣ.

У нас дома *нездоровье:* (2)
Убился свекоръ *съ полатей!* (2)
Кабы знала *молода,* (2)
Подняла бы *полатья* (2)
Что повыше *того,* (2)
Чтобъ убился *свекоръ* (2)
Да побольше *того.* (2)

Шейнъ. I. 409.

(Великолуцк. у. Псковск. губ.).

3.

Наша масляница *годовая,* (2)
Ена гостика *дорогая,* (2)
Ена пѣшею къ намъ *не ходить,* (2)
Все на комоняхъ *разъпзжаить,* (2)
Чтобы коники были *вороные,* (2)
Чтобы слуги были *молодые.* (2)

И. Заклинаніе мороза.

„Въ селеніяхъ Тульской губ. подъ Великъ день жители *заклинаютъ морозъ,* губителя овса, льна и конопли. Поселянинъ беретъ ложку киселя и, просунувъ голову въ волоковое окно, говоритъ:

Морозъ, морозъ!
Приходи кисель ѣсть.
Морозъ, морозъ!
Не бей нашъ овесъ,
Ленъ да конопли
Въ землю вколоти!

Ib. 410.

(Великолуцк. у. Псковск. губ.).

„Окончивъ такія слова, онъ оборачивается въ избу, гдѣ окачиваетъ его водою старшая изъ женщинъ“.

Снегир. Р. пр. пр. I, 180—181.

Примѣчанія къ обрядовой поэзіи. Большая часть такъ называемыхъ *обрядовыхъ* пѣсенъ пріурочена у насъ къ народному календарю. Но самое образованіе нынѣшняго состава народнаго календаря пока не совсѣмъ ясно. „Полагаютъ, что христіанскія вліянія проникали здѣсь еще до установленія христіанства путемъ еще мало изслѣдованныхъ отношеній южнаго, западнаго и русскаго славянства съ Византіею и романо-германскимъ міромъ, — какъ еще до перевода священнаго писанія была до извѣстной степени знакома христіанская терминологія. Историческія извѣстія застаютъ народную обрядовую поэзію уже въ этомъ кругѣ христіанскаго календаря и двоевѣрнаго обычая: съ теченіемъ времени въ пріуроченіи и мотивахъ обрядовой пѣсни произошли, конечно, перемѣны и смѣшеніе, но въ общемъ этотъ обрядовый кругъ сохранился донынѣ. Вслѣдствіе общаго христіанскаго вліянія донынѣ наблюдается совпаденіе и сходство обрядовыхъ календарныхъ празднествъ,—общеевропейское или общехристіанское, въ общей также связи съ остатками древняго языческаго преданія. Въ нашемъ народномъ преданіи многія подробности совсѣмъ забылись; старыя слова, между прочимъ характерныя для самаго праздника, становились непонятны, обращаясь въ условную черту—припѣвъ, наконецъ—олицетвореніе; какъ напр.: Коляда, Купало, Овсень, Таусень, Лелю, Дунай и пр.

Между обрядовыми пѣснями, пріуроченными къ народному календарю, замѣтимъ слѣдующія:

1) *Пѣсни святочныя,* въ Коляду, святки, Васильевъ вечеръ. Названіе ко-

ляды, которому нѣкогда желали дать русскую этимологію, происходитъ несомнѣнно отъ греко-римскихъ календъ. Названіе праздника перешло на пѣсни („кликать коледу“ въ грамотѣ 1649 г.), на исполнителей пѣсни, наконецъ—на подарки пѣвцамъ и поздравителямъ. Первые изслѣдователи предполагали въ колядныхъ пѣсняхъ особенную древность; позднѣе большую древность колядокъ предполагала миѳическая школа и также изслѣдованіе Потебни. Веселовскій, напротивъ, отмѣчаетъ обиліе мотивовъ христіанскихъ, т. е. болѣе позднихъ. На примѣрѣ романо-германскихъ сказаній онъ указывалъ, какъ церковное празднество и обрядъ дѣйствовали на народную фантазію, воспитанную старымъ преданіемъ, и становились сами источникомъ миѳа и поэзіи.—Кромѣ колядокъ, поются пѣсни подблюдныя при святочныхъ гаданіяхъ; кромѣ личной судьбы совершаются гаданія о будущемъ урожаѣ и т. д.

2) *Масляница*, съ народнымъ весельемъ („широкая масляница“), играми, гуляньями, кулачными боями, упомянутыми еще въ правилѣ митр. Кирилла XIII в., имѣла свои пѣсни.

3) *Весна* представляла цѣлый рядъ обрядовыхъ празднествъ и пѣсенъ: на окликаніе или встрѣчу весны, на Великъ день, Красную горку, Радуницу, Егорьевъ день. Встрѣча весны и весенніе обряды въ разныхъ мѣстахъ совершаются не всегда въ одно время, но вообще отъ марта до іюня; на Пасхѣ бываютъ опять пѣсни колядныя. Радуница и „новій день“ (день мертвыхъ) на Ѳоминой недѣлѣ посвящены окликанію мертвыхъ, вѣроятно продолжающему древнюю тризну: поминки сопровождаются обыкновенно необузданнымъ весельемъ и пиршествомъ,—древніе обличители съ негодованіемъ отмѣчали, что вслѣдъ за плачемъ по умершимъ на жальницахъ являлись скоморохи съ бѣсовскими играми. Далѣе, весна есть начало хороводовъ, которые пріурочиваются къ большимъ весеннимъ (церковнымъ) праздникамъ, и хороводная игра сопровождается обильными пѣснями: пѣсни наборныя—призывъ къ хороводу; игровыя — самое исполненіе игрища; разборныя или разводныя — конецъ и разставанье.

4) Наступленіе *лѣта* ведетъ новые праздники, обряды и пѣсни: Русальная недѣля, Семикъ, Троицынъ день—опять поминаніе предковъ, игрища и пѣсни. Упоминаніе о „русаліяхъ“ восходитъ къ XI в., и названіе это есть опять всего вѣроятнѣе повтореніе греко-римскихъ „русалій“ (rosaria, rosalia), какъ давно объяснялъ Миклошичъ. Остается спорнымъ, какъ относится къ этому представленіе о „русалкахъ“, подъ которыми разумѣли души умершихъ некрещеныхъ младенцевъ и утопленницъ. Наиболѣе распространеннымъ и популярнымъ лѣтнимъ праздникомъ былъ Ивановъ день, или Иванъ Купала: бурное веселье начиналось въ ночь на рождество Предтечи, и древнія поученія обличали сатанинскія игры, а также исканіе чаровниками волшебныхъ травъ и корней въ эту ночь, на „потвореніе“ людямъ съ приговоры сатанинскими. Къ купальной обрядности принадлежитъ зажиганіе костровъ, прыганье черезъ нихъ и перегонъ скота, заключеніе кумовства и побратимства; въ то же время совершаются съ извѣстными обрядами похороны олицетвореній празднествъ: Ярилы, Костромы и т. д.

5) Въ разрядъ календарной обрядовой поэзіи входятъ пѣсни, принадлежащія въ частности *земледѣльческому* быту и труду: собиранье хлѣба обставляется обрядами, опять иногда туманно напоминающими далекую древность (напр. завиваніе бороды Волосу); обряды сопровождаются пѣснями—толочными, жнивными. Конецъ лѣта и осени имѣютъ свои праздники: варятъ пиво, брагу, происходятъ братчины и ссыпчины со своими пѣснями; начинаются посидѣлки, бесѣды, гдѣ собирается только молодежь, съ пѣньемъ пѣсенъ, играми, пляской и плясовыми пѣснями“.

(*Пыпинъ*. Ист. рус. лит., т. III).

V. ЗАГОВОРЫ.

а) На любовь.

На морѣ на Окіанѣ есть бѣлъ горючъ камень Алатырь, никѣмъ невѣдомой; подъ тѣмъ камнемъ сокрыта сила могуча, и силы нѣтъ конца. Выпускаю я силу могучу на (такую-то) красну дѣвицу; сажаю я силу могучу во всѣ составы, полусоставы, во всѣ кости и полукости, во всѣ жилы и полужилы, въ ея очи ясны, въ ея щеки румяны, въ ея бѣлу грудь, въ ея ретиво сердце, въ утробу, въ ея руки и ноги. Будь ты, сила могуча, въ (такой-то) красной дѣвицѣ неисходно; а жги ты, сила могуча, ея кровь горячую, ея сердце кипучее на любовь къ (такому-то) молодцу. А была-бы красна дѣвица (такая-то) во всемъ послушна молодцу (такому-то) по всю его жизнь. Ничѣмъ бы красна дѣвица не могла отговориться — ни заговоромъ, ни приговоромъ, и не могъ бы ни старъ человѣкъ, ни младъ отговорить ее своимъ словомъ. Слово мое крѣпко, какъ бѣлъ горючъ камень Алтырь. Кто изъ моря всю воду выпьетъ, кто изъ моря всю траву выщипитъ, и тому мой заговоръ не превозмочь, силу могучу не увлечь.

Сахар. I., 2. 31.

б) Отъ лютой бѣды.

Выхожу я во новы сѣни дубовыя, на широкъ дворъ заборчатой, гляжу я по всѣмъ по дорогамъ и перепутьямъ, вижу я отъ земли до неба звѣзды ясныя. Вы, дороженьки и перепутьицы(а), задержите моего мужа (такого-то); вы, звѣзды ясныя, затемните свой свѣтлояркой свѣтъ, чтобы безъ вашего свѣтушки не было ни ходу, ни проходу. Насылаю я на свекра лютаго тоску со кручиною, сонъ со дремотою, заботы со безпамятью, — а былъ бы онъ и глухъ и нѣмъ по мою лютую бѣду. Насылаю я на свекровь зазойливую печаль со бѣдою, сонъ со дремотою, — а была бы она слѣпа и нѣма по мою лютую бѣду.

Ib. 32.

в) На остуду между мужемъ и женою.

(В)стану я, не благословясь, пойду, не перекрестясь, не дверьми, не воротами, а дымнымъ окномъ да подвальнымъ бревномъ, положу шапку подъ пяту, подъ пяту, не на сыру землю, не на сыру землю, да въ черной чоботъ; а въ томъ чоботу побѣгу я въ темный лѣсъ на большо озерищо; въ томъ озерищѣ плыветъ

челнище; въ томъ челнищѣ плыветъ чортъ съ чертищей; швырну я съ подъ пяты шапку въ чертища. Что ты, чертище, сидишь въ челнищѣ съ своей чертищей? Сидишь ты, чертище, прочь лицомъ отъ своей чертищи; поди ты, чертище, къ людямъ въ пепелищѣ (на пепелище?), посели, чертище, свою чертищу (такому-то) въ избищѣ; а въ той избищѣ, не какъ ты, чертище, со своей чертищей, живутъ людища мирно, любовно, другъ друга любятъ, чужихъ не не(на)видятъ. Ты, чертище, вели чертищѣ, чтобъ она, чертища, распустила волосища; какъ жила она съ тобой въ челнищѣ, такъ жилъ бы (такой-то) со своей женой въ избищѣ. Чтобъ онъ ее ненавидѣлъ. Не походя, не поступя, разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у ней по тѣлу неугожество, не могла бы ему ни въ чемъ угодить и опротивѣла бы ему своей красотой, омерзѣла бы ему всѣмъ тѣломъ. Какъ легко мнѣ будетъ отступить отъ тебя, какъ (такъ бы?) легко достать шапку изъ озерища; тебѣ, чертищу, хранить шапку въ озерищѣ отъ рыбы, отъ рыбака, отъ злого колдуна, чтобы не могли ее ни рыбы съѣсть, ни рыбакъ достать, ни злой колдунъ отколдовать на миръ и на ладъ. И вмѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ я слюну.

Ib. 33–34.

г) Отъ ратныхъ орудій.

Летѣлъ орелъ изъ-за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, кинулъ громову стрѣлу въ сыру землю. И какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, отъ громовой стрѣлы полымя, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливалъ сильной дождь, чтобъ имъ покорилась и поклонилась селитра-порохъ смирнымъ-смирнехонько. Какъ дождь воды не пробилъ, такъ бы меня (такого-то) и моего коня искры и пули не пробивали, тѣло мое было бы крѣпче бѣлаго камня. И какъ отъ воды камни отпрядываютъ и пузыри вскакиваютъ, такъ бы отъ ратныхъ орудій прядали мимо меня стрѣлы и порохъ-селитра. Слово мое крѣпко.

Ib. 23.

д) Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Выхожу я во чисто поле, сажусь на зеленый лугъ; во зеленомъ лугу есть зелія могучія, а въ нихъ сила видима-невидимая. Срываю три былинки бѣлыя, черныя, красныя. Красную былинку метать буду за Окіанъ-море, на островъ на Буянъ, подъ мечъ-кладенецъ; черную былинку покачу подъ чернаго ворона, того ворона, что свилъ гнѣздо на семи дубахъ, а во гнѣздѣ лежитъ уздечка бранная съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за поясъ узорчатый, а въ поясѣ узорчатомъ завитъ-зашитъ колчанъ съ каленой стрѣлой, съ дѣдовской, татарской. Красная былинка притащитъ мнѣ мечъ-кладенецъ; черная былинка доставитъ уздечку бранную; бѣлая былинка откроетъ колчанъ съ каленой стрѣлой. Съ тѣмъ мечомъ отобью силу чужеземную, съ той уздечкою обратаю коня ярого,

съ тѣмъ колчаномъ со каленой стрѣлой разобью врага-супостата.

Заговариваю я ратнаго человѣка (такого-то) на войну симъ заговоромъ. Мой заговоръ крѣпокъ, какъ камень Алатырь.

Ib. 25—26.

е) То же.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, сидитъ добрый молодецъ во неволѣ заточенъ. Къ тебѣ я прихожу, добрый молодецъ, съ покорищемъ. Выдаютъ меня родные братья во княжую рать одинокаго, неженатаго, а во княжей рати мнѣ по добру не жити. Заговори меня своимъ молодеческимъ словомъ. — Радъ бы стоять во полѣ за тебя, горькаго сиротину, да крѣпка моя неволя, да горька моя истома. Заговариваю я тебя, раба (такого-то), идти на войну во всемъ по тому, какъ заповѣдывалъ мнѣ родной отецъ. А будешь ты ратнымъ человѣкомъ, ино будь сбереженъ—отъ топора, отъ бердыша, отъ пищали, отъ татарскія пики, отъ краснаго булата, отъ борца-единоборца, отъ бойца врага-супостата, отъ всей поганой татарской силы, отъ казанской рати, отъ литовскихъ богатырей, отъ черныхъ Божіихъ людей...

Ib. 30.

ж) Приговоръ на судей.

Есть подъ восточпой страной, стоитъ столъ—престолъ Господень, Его Господа Бога престолъ силъ небесныхъ, и не могутъ худо зрѣти и смотрѣти очесми своими цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, попы и діяконы, судіи и подьячіе, стрѣлцы, солдаты, всѣ миряна, крестьяна православные. И такожде судіи на меня раба Божія имрека не могли бы худо зрѣти, очей и бровей своихъ повыздынуть и лихима словама говорити и молвити, и рукъ своихъ подняти и съ крутости сердца разгорѣтися и влагости (?) дѣла не произвести. Небомъ и землею, именемъ Господнимъ во вѣки, аминь!

Рыбн. IV. 253.

з) Кровь заговариватъ.

Господи Исусе Христе. Во имя Отца, Сына и Святого Духа!

Есть великій Окіянъ-море; въ томъ великомъ Окіянъ-морѣ есть калена изба; въ той каленой избѣ сидятъ три сестры, самому Хри(сту) дочери. Больша сестра сидитъ у порогу на золотомъ стулѣ, беретъ иглу булатну, вдѣваетъ нить шолкову, зашиваетъ рану кровавую у раба Божія имрека. Не было бы не раны, не крови, не ломоты, не болѣзни, не опухоли. Будь слово мое крѣпко.

Рыбн. IV. 259.

и) Отъ зубной скорби.

Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные рожки, золотыя твои ножки. Сойди ты, мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенесть, а твоей силѣ перенесть. Вотъ зубъ, вотъ два, вотъ три,— возьми мою скорбь! Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня зубную скорбь.

Сахар. I, 2. 22.

і) Заговоръ охотника на утокъ, гусей, тетеревей.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на зеленой осокѣ, сидитъ птица, всѣмъ птицамъ старшая и большая, а держитъ она грамоту неписанную, и велитъ она всѣмъ птицамъ слетатися на (такія-то) озера и болота, и велитъ всѣмъ птицамъ сидѣть отъ утра до вечера, отъ утренней до вечерней зари, отъ ночи до полуночи. Заговариваю я, рабъ (такой-то), утокъ, гусей, тетеревей, всякую птицу вѣдомую и невѣдомую, сидѣть несходно по мой приходъ, по мое крѣпкое слово вовѣки ненарушимо.

Ib. 31.

к) Отъ бѣшеной собаки.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ домъ, а въ томъ домѣ сидитъ старица, а держитъ она жало. Ты, старица, возьми свое жало и пріиди къ рабу (такому-то), вынь изъ раба (такого-то) жало смертное. Заговариваю раны болючія на рукахъ, на ногахъ, на головѣ, во лбу и въ затылкѣ, на бровяхъ и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакѣ черной, сѣрой, красной, сѣдой, рыжей, бѣлой, сидите и вовѣки не сходите.

Ib. 31.

л) Отъ тоски.

Господи Исусе Христе. Во имя Отца, Сына и Святого Духа!

Вода — водица, рѣка — царица, зоря — зорица! Соймите тоску-кручину за синее море въ морску пучину, гдѣ люди не ходятъ и на коняхъ не ѣздятъ. Какъ въ морской пучины сѣръ камень не (вс)таваетъ, такъ бы у раба Божія имрека тоска-кручина къ ретивому сердцу не приступала и не приваливалась, отшатилась бы и отвалилась....

Рыбн. IV. 254.

VI. ПОСЛОВИЦЫ *).

1. Миѳическія.

Изъ пустого дупла—либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана (Бусл.) [1]).

Родила тетка, жилъ въ лѣсѣ, молился пнямъ (Ib.).

Вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли (Ib.).

Горы да овраги—чертово житье (Id.).

Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить (Ib.) [2]).

Изъ омута въ адъ какъ рукой подать (Ib.).

[1]) Изъ пустой избы и пр. Снегир.

[2]) Вольно чорту въ своемъ болотѣ орать. Даль.

Моленой баранъ отлучился, имъ гулящей прилучился (Ib.).

Обреченная скотинка ужъ не животинка (Ib.) [1]).

Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ.

Пошелъ чортъ по тучу, анъ изъ нея-то и стрѣльнуло.

Который Богъ вымочитъ, тотъ и высушитъ.

Богъ не Макешь (Мокошь, языческое божество), чѣмъ нибудь да потѣшитъ.

Умѣючи и вѣдьму бьютъ (наотмашь).

[1]) Обѣщанная (также оброчная) скотина не животина Сн.

*) Пословицы выражаютъ или безусловное нравственное требованіе, которому необходимо слѣдуетъ подчинить свои дѣйствія для осуществленія идеала нравственной жизни,—таковы пословицы о *правдѣ* въ отношеніяхъ человѣка къ окружающему міру,—о правдѣ въ семьѣ, обществѣ, государствѣ; или онѣ являются выраженіемъ фактическаго, дѣйствительнаго, отношенія къ этой правдѣ, утверждаютъ, какъ *приходится*, а не какъ *слѣдовало бы* поступать,—таковы всѣ пословицы о *кривдѣ*, отмѣчающія поступки и дѣйствія, идущіе въ разрѣзъ съ общепризнанной правдой. Такъ „своя земля и въ горсти мила", говоритъ народъ и не забываетъ отмѣтить, какъ фактъ, частное явленіе—равнодушіе къ родинѣ, узкій и ограниченный эгоизмъ, выразившійся въ пословицѣ „хоть въ Ордѣ, только бы въ добрѣ". Правда пословицъ относится къ кривдѣ, какъ общее къ частному, какъ идея къ исторически возникшему факту. *Кривда* пословицъ въ народной словесности имѣетъ такое же значеніе, какое басня въ литературѣ. „У кого воровство, а у насъ то и ремесло", говоритъ пословица, и то же самое высказываетъ Крыловъ въ баснѣ „Лисица и Сурокъ".

А вору дай хоть милліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

„Нѣкоторые педагоги осуждали послѣдніе два стиха, которые будто бы придаютъ какой-то роковой характеръ воровству и очень легко могутъ заронить ложную мысль о неисправимости пороковъ вообще. Забавная черта нравственно-педагогическаго пуризма! Крыловъ въ своихъ басняхъ выражалъ наличныя, передъ его глазами происходившія явленія общественной жизни нашей, а не то, что ему или другимъ было бы желательно видѣть". (*Галаховъ*, Ист. Р. Сл., II, 327—328). На каждую изъ пословицъ о кривдѣ легко указать нѣсколько общеизвѣстныхъ, съ дѣтства нами изучаемыхъ басенъ.

На межахъ да на распутьяхъ нечистая сила.

2. Историческія.

Хоть въ Ордѣ, да въ добрѣ (только бы въ добрѣ).

Въ боярскій дворъ ворота широки, да вонъ узки (о кабалѣ).

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день (о переходѣ крестьянъ).

Были были (была быль) и бояре волкомъ выли (отъ стрѣльцовъ, отъ опричниковъ).

Летитъ гусь на Святую Русь (Наполеонъ).

Наступилъ на Землю Русскую, да оступился (1812). Отогрѣлся въ Москвѣ, да замерзъ на Березинѣ (1812).

По милости боярской—самъ себѣ Пожарской.

Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ (Александръ Невскій).

И Мамай правды не съѣлъ.

Ослопъ—не Господь, а дубина не судьбина (о судебныхъ поединкахъ). (Сн.).

Правда у Петра Павла (гдѣ въ Москвѣ былъ застѣнокъ).

Правда къ Петру и Павлу ушла, а кривда по землѣ пошла.

На Волгѣ жить—ворами слыть (о разбойникахъ волжскихъ. (Бусл.).

Семеро пойдутъ—Сибирь возьмутъ (объ уральскихъ. Ib.).

3. Бытовыя.

А. Семейныя отношенія.

а) Дѣти и родители.—Воспитаніе.

Дѣти—благодать Божья.

Одинъ сынъ—не сынъ, два сына—полсына, три сына—сынъ.

Первый сынъ Богу, второй—царю, третій—себѣ на пропитаніе.

Безъ дѣтей тоскливо, съ дѣтьми—водливо (вередливо).

Съ малыми дѣтьми горе, съ большими—вдвое.

Сынъ да дочь—красныя дѣтки.

Огонь—горячо, дитя—болячо.

Сына корми—себѣ пригодится; дочь корми—людямъ снадобится.

Матушкинъ сынокъ, да батюшкинъ горбокъ (и баловень и упрямъ).

Дитя хоть криво, да отцу-матери мило.

Свой бороноволокъ дороже чужого работника.

Родилось чадушко—старѣе бабушки (умничаетъ).

Далъ Богъ сыночка, далъ и дубочка.

Родная мать и высоко замахивается, да не больно бьетъ.

Не учили, когда поперекъ лавки ложился; а во всю вытянулся, такъ не научишь.

Не тотъ отецъ-мать, кто родилъ, а тотъ, кто вспоилъ-вскормилъ да добру научилъ.

Отца-мать попряталъ, въ свою голову завякалъ.

Въ сиротствѣ жить—слезы лить.

Не строй церкви, пристрой сироту.

Тогда сиротѣ и праздникъ, когда бѣлую рубаху подадутъ.

Каково дерево, таковъ и клинъ; каковъ батька, таковъ и сынъ.

Каковъ корень, таковъ и отпрыскъ.

Отецъ рыбакъ и дѣти въ воду смотрятъ.

Каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку.

Сколько ни мой гагару, все черна.

Знать ворону по полету.

Случается, что и вырождается.

Бываетъ добрая овца и отъ безпутнаго отца.

И отъ добраго отца родится бѣшена овца.

Заневѣстилась дочь, такъ росписи готовь.

Смиренье—дѣвичье ожерелье.

Казаное — олово, неказаное — золото.

У доброй дѣвки ни ушей, ни глазъ.

Не нарядъ дѣвку краситъ,—домостройство.

Хорошая невѣста—худая жена.

б) Любовь—нелюбовь.

Любовь слѣпа.

Любовь не пожаръ, а загорится—не потушишь.

Не пò хорошу милъ, а пò милу хорошъ.

Полюбится сова (сатана) лучше яснаго сокола.

Дѣвка парня извела, подъ свой норовъ подвела.

Милый не злодѣй, а изсушилъ до костей.

Насильно милъ не будешь.

Крестомъ любви не свяжешь.

Суженаго и на конѣ (на оглобляхъ, на кривыхъ) не объѣдешь.

Милаго побои не долго болятъ.

Приглядится милый—тошнѣй постылаго.

в) Женихъ — невѣста. — Женитьба. — Приданое.

Одна голова не бѣдна; а и бѣдна, да одна.

Холостой легъ—свернулся, всталъ—встряхнулся.

Одна головня и въ полѣ гаснетъ, а двѣ дымятся (курятся).

Одному и топиться итти скучно.

Жениться—не лапоть надѣть.

Жена не лапоть—съ ноги не сбросишь.

Жену выбирай не глазами а ушами, (по доброй славѣ).

Красную жену не въ стѣнку врѣзать.

Не кайся, рано вставши; а кайся, рано женившись.

Не кайся, рано вставши, да молодъ женившись.

Добрая женитьба—посхименье.

Всякая невѣста для своего жениха родится.

Невѣста родится, женихъ на коня (на конь) садится (на коня сажали 3—7 лѣтъ).

Замужъ выходи—въ оба гляди.

Весела за столомъ, не повой (не повыть бы) за столбомъ.

Не найдешь паренька, выйдешь и за пенька.

Мужъ не башмакъ, съ ноги не сбросишь.

Безприданница—безотвѣтница.

Женился богатый на сонливой: оба счастливы.

Не выбирай невѣсту, выбирай сваху!

У свахи-неряхи и невѣсты непряхи.

Вѣрь приданому послѣ свадьбы!

Въ потравѣ—не хлѣбъ, въ долгахъ (въ людяхъ) — не деньги, въ приданомъ — не животы.

Сундукъ съ бѣльемъ, да невѣста съ бѣльмомъ (съ горбомъ).

Два полотенца изъ дубоваго полѣнца (приданое).

г) Мужъ и жена—Семья; родня.

Одинъ женился — свѣтъ увидалъ; другой женился—съ головою пропалъ.

Женился, какъ на льду обломился.

Стужа да нужа, а лучше худого мужа.

Хоть лыками шитъ, да мужъ.

Съ нимъ горе, а безъ него вдвое.

Умная жена, какъ нищему сума (все сбережетъ).

Не надобенъ и кладъ, коли у мужа съ женой ладъ.

Мужъ съ женой, что мука съ водой (сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь).

Вмѣстѣ тѣсно, а розно — тошно.

Жена безъ грозы — хуже козы.

Люби жену, какъ душу,— тряси ее, какъ грушу.

Учи жену безъ дѣтей, а дѣтей безъ людей.

Чего жена не любитъ, того мужу вѣкъ не ѣдать.

Мужъ пашетъ (плачетъ), а жена пляшетъ (скачетъ).

Лучше камень долбить, нежели злую жену учить.

Желѣзо уваришь, а злой жены не уговоришь.

Изъ дому жена, а изъ лѣсу змѣя (т. е. выживаетъ).

Любовь да совѣтъ, такъ и нуждочки (и горя) нѣтъ.

Вся семья вмѣстѣ, такъ и душа на мѣстѣ.

Два брата — на медвѣдя, а два свата (свояка) на кисель.

Свекоръ гроза, а свекровь выѣстъ глаза.

Богоданны сестрицы—крапива жгучая.

Золовка хитра на уловки.

Всѣ въ семьѣ спятъ, а невѣсткѣ молоть велятъ.

Я не въ большую сноху, не упрямъ (говор. деверь).

Тесть любитъ честь, зять любитъ взять, а шуринъ глаза щуритъ.

Сыръ калача бѣлѣе, а мать мачехи милѣе.

Изъ дому гонитъ мачеха, а изъ лѣсу медвѣдь.

Дочернины дѣти милѣе своихъ.

У кого есть дѣдъ, у того и обѣдъ.

д) Домъ.—Хозяйство.

Своя хатка—родная матка.

Держись друга стараго, а дома новаго.

Всякій домъ хозяиномъ держится.

Домъ красится хозяиномъ.

Безъ хозяина домъ—сирота.

Домъ вести — не бородой (не вожжей) трясти.

Два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ (не уживутся).

Запасливый лучше богатаго.

Домомъ не управилъ, такъ и волостью (городомъ) не управитъ.

Щей горшокъ, да самъ большой.

Хозяинъ въ дому — что медвѣдь въ бору (что какъ хочетъ, такъ и вороча'тъ).

Всякъ въ своемъ добрѣ воленъ.

Въ своей семьѣ самъ большой (всякъ воленъ).

Не потакай своимъ, чтобы задать страха чужимъ.

Б. Общественныя отношенія.

а) Сосѣдъ.

Не купи двора, купи сосѣда.

Безъ брата проживу, а безъ сосѣда не проживу.

Сосѣда держись.
Съ сосѣдомъ дружись, а тынъ (а заборъ) городи.
Межи да грани—ссоры да брани.

б) Міръ.—Народъ.

Гласъ народа—гласъ Божій.
Что міромъ положено, тому быть такъ.
Міръ за себя постоитъ.
Міра не перетянешь.
На міръ и суда нѣтъ. Міръ судитъ одинъ Богъ.
Міръ зинетъ — камень треснетъ.
Коли всѣ міромъ воздохнутъ, и до царя слухи дойдутъ.
Міру въ окно не подать (т. е. не проситъ, не принимаетъ подаянія).
Мірская шея толста (т. е. много снесетъ, сможетъ).
Міръ сразу не похоронишь.
Въ міру виноватаго нѣтъ.
Отъ міру прочь—не мірянинъ.
Съ волками жить — по-волчьи выть.
Былъ бы запѣвала, а подголоски найдутся.
Сто головъ—сто умовъ.
Мужикъ уменъ, да міръ дуракъ.

в) Родина.—Русь.—Царь.

За моремъ теплѣе, а у насъ свѣтлѣе (веселѣе).
Всякому мила своя сторона.
Своя земля и въ горсти мила.
И кости по родинѣ плачутъ (по преданію, что въ нѣкоторыхъ могилахъ слышенъ вой костей).
Всякъ куликъ свое болото хвалитъ.
Родимая сторона—мать, чужая—мачеха.
На чужой сторонѣ и сокола зовутъ вороною.
Гдѣ сосна взросла, тамъ она и красна.
На одномъ мѣстѣ и камень мохомъ обростаетъ.
Дома сидѣть—ничего не высидѣть.
И куликъ чужу сторону знаетъ.
Ищи добра на сторонѣ, а домъ люби по старинѣ.
Русскимъ Богомъ да русскимъ царемъ Святорусская Земля стоитъ.
Велика Святорусская Земля, а вездѣ солнышко.
Русскій народъ не боится креста, а боится песта.
Русскій человѣкъ любитъ авось, небось да какъ-нибудь.
Русскій терпѣливъ до зачина. Русскій задо́ра ждетъ.
До неба высоко, до царя далеко.
Царю зо́стятъ, народъ напастятъ.
Царь безъ слугъ, какъ безъ рукъ.
Не вѣдаетъ царь, что дѣлаетъ псарь.
Не князь грѣшитъ, а думцы наводятъ.
Не бойся царскаго гоненія, бойся царскаго гонителя.

В. Сословія.—Занятія.—Промыселъ.

а) Причтъ; помѣщикъ, однодворецъ; крестьянинъ [1]).

Безъ попа—не приходъ.
Безъ попа, какъ безъ соли (Сн.)
Попа и въ рогожкѣ знать.
Попъ сытъ отъ алтаря, а дьячекъ отъ пономаря (Сн.)
Барская милость—Божья роса.
Пропали наши головы за боярами голыми.

---

[1]) Почти всѣ пословицы этого отдѣла имѣютъ уже историческое значеніе.

Дворянская кровь и въ Петровки мерзнетъ (зябнетъ).

Хоть лыкомъ шитъ—да баринъ.

Хоть не стоитъ лыка, да ставь за велика.

Не будетъ лапотника, не станетъ и бархатника.

Сколько дворовъ, столько господъ (о мелкомѣстныхъ).

У всякаго крестьянина по семи бариновъ.

Сколько рабовъ, столько враговъ.

Казенный крестьянинъ живетъ, какъ Богъ велитъ, а барскій, какъ баринъ разсудитъ.

Вольному (казенному) просторнѣе, барскому спокойнѣе (жить).

Барская хворь—мужицкое здоровье.

Мужикъ, что рогатина: какъ упрется, такъ и стоитъ.

Мужикъ, что мѣшокъ: что положишь, то и несетъ.

На мужикѣ кафтанъ хоть сѣръ, да умъ у него не чортъ (волкъ) съѣлъ.

Не бей мужика дубьемъ, а бей рублемъ (полтиной).

И мужикъ знаетъ, кто на него лаетъ.

б) Купецъ.—Торговля.

Родство—дѣло святое, а торговля—дѣло иное.

Товаръ лицомъ продаютъ.

Намъ товару не хвалить, такъ и не свалить.

Торгуй правдою, больше барыша будетъ.

Обманомъ барыша не наторгуешь.

Безъ божбы не продать. Купецъ божится, а про себя отрекается.

Не солгать, такъ и не продать.

Барышъ съ накладомъ на однѣхъ саняхъ ѣздятъ.

в) Солдатъ.—Матросъ.

У царя колоколъ по всей Россіи (рекрутскій наборъ).

Пошелъ на службу—терпи и нужду.

Сколько ни служить, а въ отставкѣ быть.

За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ.

Солдатская голова, что подъ дождичкомъ трава (Сн.).

Солдатъ, что багоръ: что̀ зацѣпилъ то и потащилъ. (Сн.).

г) Бурлакъ.

У бурлака—когда бѣлая рубаха, тогда и праздникъ.

Бурлакъ, что сиротка: когда бѣлая рубашка, тогда и праздникъ.

Дома бурлаки—бараны, а на плесу—буяны.

д) Лихіе люди.

Это не покоръ, что за поясомъ топоръ: подумаютъ, что плотникъ, а не воръ. (Б.).

У кого воровство, а у насъ то и мастерство. (Б.).

Удуши, да въ глуши. (Б.).

Кому лопата, а намъ ломъ; кому острогъ, а намъ домъ. (Б.).

На дворъ черезъ заборъ, а въ тюрьму дверьми. (Б.).

Тѣмъ гостямъ тюрьма по костямъ (Б.).

Вору висѣлица неизмѣнный другъ. (Б.).

4. Пословицы нравственныя, юридическія, религіозныя.

а) Судьба.—Счастье.

Отъ судьбы не уйдешь. Отъ бѣды не уйти.

Чему быть, того не миновать.
Кому сгорѣть, тотъ не утонетъ.
Солдату умереть въ полѣ, матросу въ морѣ.
Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить.
Коли быть собакѣ битой, найдется и палка.
Не суженый кусъ изо рта валится.
Бѣда не по лѣсу ходитъ, а по людямъ.
Гдѣ бѣда ни шаталась, а къ намъ прикатилась.
У счастливаго умираетъ недругъ, у безсчастнаго другъ.
Поѣхали пировать, а пришлось горе горевать.
Отъ волка бѣжалъ, да на медвѣдя попалъ (напалъ).
Отъ сумы да отъ тюрьмы—никто не отрекайся!
Хотѣлось постричься, а довелось жениться (и наоборотъ).
Дуракъ спитъ, а счастье въ головахъ лежитъ.
Во снѣ счастье, наяву ненастье.
Кладъ да жена — на счастливаго.
Жеребій — Божій судъ.
Кому счастье служитъ, тотъ ни о чемъ не тужитъ (Сн.).
Счастье не батракъ: за вихоръ не притянешь.
Счастье дороже богатства.
Счастье съ несчастьемъ дворъ объ дворъ живутъ.
Счастью не вовсе вѣрь. На счастье не надѣйся!
Счастье везетъ дураку, а умному Богъ далъ.
Счастье безъ ума — дырявая сума (чтò найдешь, то и потеряешь).
Кабы зналъ, гдѣ упасть, такъ соломки бъ подостлалъ.

б) Законъ, обычай.—Судъ.

Не долго той землѣ стоять, гдѣ учнутъ уставы ломать.
Обычай старше (сильнѣе) закона.
Не нами установилось, не нами и переставится.
Повальный обычай — что царскій указъ.
Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ.
Чтò старѣе, то правѣе, а чтò моложе, то дороже (Сн.).
Судъ не на судъ, а на разсудъ.
Законъ преступить,—въ тьму поступить (Сн.).
Нужда закона не знаетъ, а черезъ шагаетъ.
Дураку законъ не писанъ.
Не бойся закона, бойся судьи (или законника).
Законъ — дышло: куда захочешь, туда и воротишь.
Законъ, какъ паутина: шмель проскочетъ, а муха увязнетъ (Сн.).
Что мнѣ законы, коли (были бы) судьи знакомы.
Судья суди, да и за судьей гляди!
Идучи на судъ—не хвались!
Судья, что плотникъ: что захочетъ, то и вырубитъ.
Изъ суда—что изъ пруда: сухъ не выйдешь.
Въ судъ ногой—въ карманъ рукой.
Всякъ подьячій любитъ калачъ горячій.
Земля любитъ навозъ, лошадь—овесъ, а воевода (или судья) приносъ.
Передъ Богомъ ставь свѣчку, передъ судьей—мѣшокъ!

в) Грамота.—Ученье.

Грамотѣ учиться—всегда (впередъ) пригодится.

Кто грамотѣ гораздъ, тому не пропасть.

Не перомъ пишутъ—умомъ.

Безъ муки нѣтъ и науки.

Ученье—свѣтъ, неученье—тьма.

За ученаго (битаго) двухъ неученыхъ (небитыхъ) даютъ, да и то не берутъ.

Знайка дорожкой бѣжитъ, незнайка на печкѣ лежитъ.

Красна птица перьемъ, а человѣкъ ученьемъ.

г) Правда и кривда.

Правда чище яснаго солнца.

Дороги твои сорокъ соболей, а на правду цѣны нѣтъ.

Безъ правды не житье, а вытье.

Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь (или: а правду-матку рѣжь).

Хлѣбъ-соль кушай, а правду слушай.

На правду суда нѣтъ.

Правда — кусъ купленый, неправда—краденый.

Правда не рѣчиста.

Правда рогатиной (или копыломъ) торчитъ.

Неправдою свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься.

Неправда (или: грѣхъ), что дуга ветловая: концы въ водѣ, такъ середка наружу; середка въ водѣ — концы наружу.

Рать стоитъ до мира, ложь до правды.

Правда прямо идетъ, а съ нею не разминешься.

Правда со дна моря выноситъ.

Прямой, что слѣпой: ломитъ зря.

Правда у Бога, кривда на землѣ.

Всякъ правду знаетъ, да не всякъ ее баетъ (говоритъ, высказываетъ).

Всякъ правду любитъ, а всякъ ее губитъ.

Правда по-міру ходитъ.

Правду говорить—себѣ досадить.

Не будь лжи, не стало бы и правды.

Умная (сладкая) ложь, лучше глупой (горькой) правды.

Правда прежде насъ померла.

Красно поле рожью, а рѣчь ложью (т. е. краснымъ словцомъ).

Живутъ люди неправдой — не ухвалятся.

Была правда, да въ лѣсъ ушла (или: да закуржавѣла).

г) Горе.

Не годы старятъ—горе.

Ржа желѣзо ѣстъ (или: крушитъ), а печаль сердце.

Горе, что ногти (т. е. все растетъ); счастье—кудри (т. е. скоро вянетъ).

При порѣ—съ умомъ, безъ поры—съ сумой.

Горе споро: сбудешь, да не скоро.

Бѣда не дуда: поигравъ, не кинешь.

Горе лыкомъ подпоясано.

Не столько смертей, сколько скорбей.

Наши плачутъ, да и ваши не скачутъ.

И жидка слеза, да ѣдка.

Бѣда и богатаго мужика бездомитъ.

Горе горевать — не пиръ пировать.

Горе да бѣда — съ кѣмъ не была?

Во всякомъ худѣ не безъ добра.

Натерпишься горя — узнаешь какъ жить (или: научишься жить).

Придетъ бѣда—купишь ума.

Чужая бѣда не даетъ ума.
Что мучитъ, то и учитъ.
Горе не море: выпьешь до дна.
Обживешься, такъ и въ аду ничего.
И крута гора, да забывчива; и лиха бѣда, да сбывчива.
Подумаешь—горе; а раздумаешь—власть Господня.

е) Жизнь.—Смерть.—Душа.—Богъ.—Грѣхъ.

Жизнь пережить—не поле перейти.
Тяжелъ крестъ, да надо несть.
Жизнь даетъ одинъ только Богъ, а отнимаетъ всякая гадина.
Кого Богъ накажетъ, тотъ самъ помретъ; а другого любя приберетъ.
Бойся Бога: смерть у порога.
Охъ, да охъ, поколѣ терпитъ Богъ.
Дай Богъ умереть, да дай Богъ покаяться!
Каково житье, таково и на томъ свѣтѣ вытье.
Каково житье, такова и смерть.
Изъ-за гроба нѣтъ голоса.
Мертвыхъ на погостъ хоть и въ великій постъ.
Смерть—душѣ просторъ.
Жить—Богу служить.
Другъ объ другѣ, а Богъ обо всѣхъ.
Дастъ Богъ день, дастъ Богъ и пищу.
Богъ души не вынетъ—сама душа не выйдетъ.
Человѣкъ (или: кто) съ лихостію, а Богъ съ милостію.
Суда Божьяго околицей не объѣдешь.
Безъ Бога—ни до порога.
Сѣй—разсѣвай, да на небо взирай;
Первый звонъ — чертямъ разгонъ, другой звонъ—перекрестись; третій звонъ—оболокись (одѣнься, иди въ церковь)!
Одно трости: Господи прости!
Не стоитъ городъ безъ святого, селеніе безъ праведника.
Богу молись, а къ берегу гребись!
На Бога надѣйся, а самъ не плошай.
Знаютъ и чудотворцы, что мы не богомольцы.
Люди темные: не знаемъ, въ чемъ грѣхъ, въ чемъ спасенье.
Грѣхъ сладокъ, человѣкъ падокъ.
Грѣхъ сладко, а человѣкъ падко (Сн.).
Силенъ бѣсъ: и горами качаетъ.
Бѣсъ качаетъ горами, не только нами.
Богово дорого, бѣсово дешево.
Чортъ безсиленъ, да батракъ его силенъ (т. е. человѣкъ) [1]).

---

[1]) Пословицы, отмѣченныя буквою Б. заимствованы изъ Ист. Очерк. Буслаева, (т. I, стр. 78 и сл.); отмѣченныя Сн.—изъ Русскихъ пословицъ Снѣгирева; остальныя взяты изъ Пословицъ русскаго нар. Даля.

VII. ЗАГАДКИ.

А. Природа и ея явленія.

1. *Земля.*

Меня бьютъ, колотятъ, ворочаютъ, рѣжутъ,—я все терплю и всѣмъ добромъ плачу. Сад. Заг. 225.

2. *Небо.*

Синенька шубенка покрыла весь міръ. Сад. Заг. 225.

3. *Солнце.*

Сито вито, кругловато, — кто ни взглянетъ, тотъ заплачетъ. Ib.

Не стукнетъ, не брякнетъ, ко всякому подойдетъ. Ib.

Бурая корова черезъ прясло глядитъ. Ib.

По зарѣ зарянской катится шаръ вертлянскій; никому его ни обойти, ни объѣхать. Ib. 226.

4. *Солнечный лучъ.*

Изъ окна въ окно золото веретено. Ib.

Мету, мету—не вымету; пора придетъ—самъ(о) уйдетъ. Ib. 227.

5. *Мѣсяцъ.*

Бѣлоголова корова въ подворотню смотритъ. Ib. 228.

За бабиной избушкой виситъ хлѣба краюшка; собаки лаютъ, а достать не могутъ. Ib. 229.

Идетъ лѣсомъ—не треснетъ; идетъ плесомъ—не плеснетъ. Ib. 229.

Камень—пламень.

6. *Звѣзды.*

Выгляну въ окошко: стоитъ рѣпы лукошко. Ib. 321.

Написана грамотка по синему бархату, и не прочесть этой грамотки ни попамъ, ни дьякамъ, ни умнымъ мужикамъ. Ib. 231.

7. *Небо, звѣзды, мѣсяцъ.*

Поле не мѣряно, овцы не считаны, пастухъ рогатый. Ib. 233.

Постелю рогожку, посыплю горошку, посреди—хлѣба краюшку. Ib. 233.

8. *День и ночь,—и солнце.*

Бѣлый волъ всѣхъ поднялъ, черная корова всѣхъ поборола. Ib. 234.

Пол-дуба сырого, пол-дуба сухого, а на маковкѣ цвѣтъ во весь вольный свѣтъ. Ib. 234.

9. *День.*

Къ вечеру умираетъ, къ утру оживаетъ. Ib. 235.

10. *Ночь.*

Махнула птица крыломъ, покрыла (закрыла) весь свѣтъ однимъ перомъ. Ib.

11. *Вѣтеръ.*

Сивый жеребецъ на все царство ржетъ. Ib. 237.

Летитъ тарханъ по всѣмъ торгамъ; безъ полъ кафтанъ, безъ пуговицъ. Ib.

Выше лѣса, тоньше колоса. Ib.

12. *Громъ. Гроза (громъ и молнія).*

Конь бѣжитъ,—земля дрожитъ. Ib. 242.

Туръ ходитъ по горамъ, турица-то по доламъ, туръ свиснетъ, турица-то мигнетъ. Ib. 241.

Летитъ огневая стрѣла, никто ее не поймаетъ: ни царь, ни царица, ни красная дѣвица. Ib. 242.

13. *Дождь. Радуга.*

До неба достанетъ, а отъ земли не видать. Ib. 239.

Крашеное коромысло черезъ рѣку свисло.

14. *Вьюга. Снѣгъ.*

Около села лошадка весела. Ib. 244.

Летитъ — молчитъ, лежитъ — молчитъ, когда умретъ, тогда зареветъ.

На дворѣ—горой, а въ избѣ—водой. Ib. 244.

15. *Морозъ.*

Безъ клина, безъ топора мостъ моститъ. Ib. 245.

Старикъ у воротъ тепло уволокъ, самъ не бѣжитъ и стоять не велитъ. Ib. 246.

Б. Человѣкъ.—Пища.—Одежда.

16. *Младенецъ у груди, — въ зыбкѣ.*

Пришелъ Кащей безъ вѣсти, ѣлъ барана безъ кости; Кащей сытъ и баранъ цѣлъ. Ib 113.

Стоитъ градъ ни на водѣ, ни на землѣ; въ томъ градѣ—воевода нѣмъ. Ib. 113.

17. *Младенецъ, середовой, старикъ.*

Три года—яйцо: тридцать лѣтъ—медвѣдь; шестьдесятъ лѣтъ—курица.

18. *Человѣкъ.*

Стоятъ вилы, на вилахъ — кузовъ, на кузовѣ—махало, на махалѣ—зѣвало, на зѣвалѣ—сморгало, на сморгалѣ — глядѣла, на глядѣлахъ—роща. Ib. 215.

19. *Голова.*

Шелковъ клубъ, семь дыръ вокругъ. Ib. 216.

20. *Глаза.*

Братъ съ братомъ черезъ дорожку живутъ, одинъ другого не видятъ. Ib. 220.

Долгія вожжи: черезъ сине море хватятъ, черезъ буйну голову не хватятъ. Ib. 221.

21. *Носъ.*

Рядомъ два колодца, а между ними одна перегородка. Ib. 220.

22. *Ухо.*

Плосконька досочка, по краямъ— обшивочка, а въ середкѣ — дырочка. Ib. 223.

23. *Зубы.*

Полонъ хлѣвецъ бѣлыхъ овецъ. Ib. 216.

Около прорубки сидятъ бѣлыя голубки. Ib. 217.

23. *Языкъ.*

Лежитъ колода въ болотѣ,—не мокнетъ, не гніетъ и отъ берега не плыветъ. Ib. 218.

Въ темномъ подпольѣ мокрый теленокъ лежитъ. Ib. 219.

---

25. *Опара.*

Выше дерева растетъ. Ib. 57.

26. *Хлѣбы въ печи. Хлѣбъ и лопата.*

Выпашу чисто поле, нагоню черныхъ овецъ. Ib. 58.

Полонъ хлѣвецъ безхвостыхъ овецъ; одна была съ хвостомъ и та ушла. Ib. 58.

27. *Каравай.*

Летѣла сова изъ Краснаго Села, сѣла сова на четыре кола. Ib. 59.

28. *Сомъ.*

Въ водѣ родится, а воды боится. Ib. 60.

29. *Щи.*

Дорогой капиталъ всѣ души напиталъ. Ib. 61.

30. *Каша.*

Въ городѣ Торжкѣ продаютъ бабу въ горшкѣ. Ib. 61.

31. *Лапша.*

Сидитъ на ложкѣ, свѣсивъ ножки. Ib. 62.

32. *Блины (пироги).*

Берега желѣзны, вода дорога̀, рыба безъ костей. Ib. 63.

33. *Масло.*

Желтенька собачка въ конуркѣ лежитъ. Ib. 65.

34. *Яйцо.*

Полна бочка вина; ни клепекъ, ни дна. Ib. 66.

35. *Стаканъ съ виномъ.*

Стоитъ море на пяти столбахъ. Царь-то говоритъ: „потѣха моя!" а царица говоритъ: „погибель моя!" Ib. 66.

36. *Чай.*

Возьметъ черно, нальетъ красно; панъ кричитъ: „сладко!" мужикъ кричитъ: „гадко!" Ib. 67.

37. *Сахарная голова.*

Синій мундиръ, бѣла подкладка, въ серединѣ сладко. Ib. 67.

38. *Рубашка.*

День-деньской скачетъ, пляшетъ и на покой идетъ со мной. Ib. 78.

38. *Шапка.*

Сижу верхомъ, не вѣдаю на комъ. Ib. 79.

40. *Лапти.*

Голова есть — мозгу нѣтъ; уши есть—слуха нѣтъ; спина есть—брюха нѣтъ. Ib. 79.

41. *Сапоги.*

Двѣ дороги пришло,—въ обѣи пошелъ. Ib. 80.

Б. Домъ и хозяйство.—Домашнія животныя.

42. *Топоръ.*

Лицомъ къ стѣнѣ, а спиной къ избѣ. Ib. 1.

На дворѣ кланяется, а придетъ домой—растянется. Ib. 1.

43. *Долото.*

Бѣжитъ боровокъ разбитый лобокъ. Ib. 2.

44. *Пила.*

Скоро ѣстъ, мелко жуетъ, сама не глотаетъ, другой сытъ бываетъ. Ib. 2.

45. *Бревно и мохъ.*

Сто гостей, сто постель, у всѣхъ по войлочку. Ib. 3.

46. *Матица. Накатъ на матицу.*

Мать въ избѣ, рукава—на дворѣ. Ib. 5.

Сорокъ братанъ на одномъ сголовкѣ спятъ.

47. *Полъ и потолокъ.*

Братъ съ сестрой видится, а не сходится. Ib. 6.

48. *Окна.*

Много сосѣдей рядомъ вѣкъ живутъ, а никогда не видятся. Ib. 7.

49. *Оконное стекло.*

Въ избѣ мерзнетъ, а на дворѣ не мерзнетъ. Ib. 8.

50. *Дверь.*

Не шагаетъ, а ходитъ. Ib. 8.
По сѣнямъ ходитъ, а въ избу нейдетъ. Ib. 8.

51. *Замокъ.*

Не ѣстъ, не лаетъ, въ домъ не пускаетъ. Ib. 11.

52. *Жилая изба.*

Дубъ дыроватъ, въ дубу ядра говорятъ. Ib. 13.

53. *Печь.*

Лѣтомъ спитъ, зимой ѣстъ; тѣло тепло, а крови нѣтъ. Ib. 14.

54. *Свѣтецъ.*

Стоитъ Чурило, замазано рыло. Ib. 22.

Стоитъ старецъ, крошитъ тюрю въ ставецъ. Ib. 22.

55. *Горящая лучина.*

Красный кочетокъ по нашесткѣ бѣжитъ. Ib. 23.

56. *Свѣча.*

Самъ голый, рубаха въ пазухѣ. Ib. 24.

57. *Икона.*

Спиной къ стѣнѣ, а лицомъ къ избѣ. Ib. 26.

58. *Столъ.*

Четыре брата однимъ кушакомъ подпоясаны, подъ одной шляпой стоятъ. Ib. 26.

59. *Стулъ.*

Съ ногами безъ рукъ; съ боками безъ реберъ; съ сидѣньемъ безъ живота; со спиной безъ головы. Ib. 27.

60. *Постель.*

Четыре ноги, да не звѣрь; есть перья, да не птица. Ib. 28.

61. *Рукомойка и полотенце.*

Встану рано, подойду къ барану, къ широкой бородѣ, къ пустой (толстой) головѣ. Ib. 29.

62. *Кочерга.*

Черный конь прыгаетъ въ огонь. Ib. 35.

63. *Ухватъ.*

Рогатъ, да не быкъ; хватаетъ, да не сытъ; людямъ отдаетъ, а самъ на отдыхъ идетъ. Ib. 37.

64. *Горшокъ.*

Молодъ былъ—отца-мать кормилъ, старъ сталъ—пеленаться сталъ. Ib. 38.

65. *Ковшъ.*

Рыба въ морѣ, хвостъ на заборѣ. Ib. 48.

66. *Ведра.*

Два братца пошли въ воду купаться. Ib. 51.

67. *Чашка и ложки. Ножъ.*

Цѣло корыто лебедей намыто. Ib. 52.

Поѣвши, конь въ ясли палъ. Ib.

69. *Сани, телѣга, лошадь.*

Одинъ говоритъ: какъ зиму зимовать? другой говоритъ: какъ лѣто лѣтовать? а третій говоритъ: мнѣ и зиму и лѣто перемѣны нѣту. Ib. 115.

70. *Рыдванъ съ дышломъ.*

Ѣдетъ орда, оглобля одна, а дуги ни одной. Ib. 118.

71. *Дуга.*

Станетъ—выше лошади; ляжетъ—ниже курицы. Ib. 118.

72. *Лошадь.*

Не пахарь, не столяръ, не кузнецъ, не плотникъ, а первый въ селѣ работникъ. Ib. 103.

73. *Корова.*

Четыре ходаста, два бодаста, седьмой хлестунъ. Ib. 104.

74. *Свинья.*

Ничего не болитъ, а все стонетъ. Ib. 107.

75. *Овца.*

По горамъ, по горамъ, ходитъ шуба да кафтанъ Ib. 109.

76. *Собака.*

Въ избѣ—пирогомъ, а на дворѣ—калачомъ. Ib. 110.

77. *Кошка.*

Бѣжитъ Орина изъ овина; въ заду —тычина. Ib. 111.

78. *Курица.*

Семьдесятъ одеждъ—и все безъ застежъ. Ib. 112.

79. *Пѣтухъ.*

Два раза родится, ни однова не крестится—чортъ его боится. Ib. 113.

Г. Семья.

80. *Семья и женихъ.*

Въ нашемъ житѣ—хорошій ростокъ. Ib. 260.

81. *Невѣста.*

Голубка куплю, стану горе горевать: голубка некуда дѣвать. Ib. 260.

82. *Зять.*

Одно дитя рожоное, другое—суженое. Ib. 260.

83. *Ссора мужа съ женой.*

Помутилася вода съ пескомъ. Ib. 261.

Дымъ съ чадомъ сошелся. Ib. 261.

Д. Село.—Обитатели.

84. *Церковь.—Колокольня.*

Тень-тень-потетень, выше города плетень. Ib. 122.

Плеть плетена, вверхъ ведена во сто угловъ, въ тысячу рублевъ. Ib. 122.

Стоитъ быкъ на горахъ о семи головахъ; ребра стучатъ, бока говорятъ. Ib. 123.

85. *Колоколъ и звонъ.*

За уши повѣсятъ, за языкъ дернутъ; станетъ говорить—такъ за версту слышно. Ib. 124.

Ржетъ жеребецъ на перегородьѣ, слышно его голосъ въ Новгородѣ. Ib. 125.

Сидитъ пѣтухъ на столбѣ, хвостъ по полу, а голосъ по небу. Ib. 125.

86. *Церковь, прихожане, свѣчи, деньги.*

На горѣ горынской стоитъ дубъ сорочинской; прилетали птицы, брали по спицѣ, клали по яблоку. Ib. 129.

87. *Кузня.*

Зайду я въ топотушку, загляну въ работушку: стоитъ пузырь съ побрякушкой. Ib. 130.

88. *Мельница.*

Стучитъ, бренчитъ, сто коней бѣжитъ; что̀ есть въ околодкѣ, весь хлѣбъ поѣстъ. Ib. 130.

89. *Жернова.*

Два борова дерутся, промежъ ихъ пѣна валитъ. Ib. 130.

90. *Баня.*

Въ осиновомъ колкѣ воютъ волки— и въ пять, и въ шесть, и въ двадцать есть. Ib. 130.

91. *Кабакъ.*

На полѣ полищѣ стоитъ зеленище; въ томъ зеленищѣ: сусло, масло, легость, болѣсть и смерть недалеко. Ib. 129.

92. *Околица и поле.*

Криво да мимо, куда побѣжало?— Зелено—лукаво, тебя стеречи! Ib. 139.

93. *Знахарь.*

По рублю ступаетъ, рубль подымаетъ; на полтину глядитъ, сто рублей говоритъ. Ib. 139.

94. *Пахарь.*

Временемъ разсѣваю, временемъ собираю, самъ ситъ бываю и другихъ кормлю. Ib. 146.

95. *Мужики и бабы.*

Семь топоровъ въ подлавицѣ смирно лежатъ, двѣ прялки рогами врозь. Ib. 299.

96. *Рыбакъ.*

По мосту идетъ—ничего не найдетъ, а какъ въ воду ступилъ, всего накупилъ. Ib. 199.

97. *Рыбаки, рыба, вода, неводъ.*

Домъ шумитъ, хозяева молчатъ, пришли люди, хозяевъ забрали, домъ въ окошки ушелъ. Ib. 199.

Е. Земледѣльческія орудія и работы.

98. *Соха.*

Лѣтомъ обумши, зимой разумши. Ib. 140.

Баба-яга—вилами нога, весъ міръ кормитъ—сама голодна. Ib. 140.

99. *Борона.*

Сито вито о четыре угла. Ib. 141.

О ста ногахъ, о семи хребтахъ. Ib. 141.

100. *Серпъ.*

Маленькій, горбатенькій, все поле обрыщетъ, домой прибѣжитъ—цѣлый годъ пролежитъ. Ib. 141.

101. *Коса.*

Травы поѣмъ—зубы притуплю; песку хвачу—опять навострю. Ib. 142.

102. *Цѣпъ.*

Голый одѣтыхъ убиваетъ, а самъ всегда раздѣтъ бываетъ. Ib. 142.

103. *Пашутъ.*

Черная корова все поле перепорола. Ib. 145.

104. *Сѣютъ.*

Чашечка медку закопана въ ледку до новаго годку! Ib. 146.

105. *Косятъ.—Стогъ.*

Рыбина бѣлужина хвостомъ вильнула: лѣса спали, горы стали. Ib. 146.

Щука ныряетъ, трава прилегаетъ. Ib. 147.

Летѣлъ *тень* на Петровъ день; сѣлъ тень на пень, сталъ куковать, къ сырой землѣ припадать. Ib. 148.

Шли плотнички безтопорнички, срубили горницу безоконницу. Ib. 155.

106. *Жнутъ. Бабка сноповъ. Одонье и снопы.*

Сутулъ, горбатъ, все поле перешелъ, всѣ суслоны перечелъ. Ib. 148.

Девять братьевъ—подъ одной шапкой. Ib. 149.

Всѣ бояре подпоясаны, воеводы—распоясаны.

107. *Молотятъ. Токъ.*

Летѣли птицы съ длинными носами, пѣли пѣсни: „таты-латы! таты-латы!“ Ib. 152.

Лысый дѣдъ на небо глядитъ. Ib. 154.

Ж. Вѣра. Праздники.—Понятія о жизни и смерти, душѣ и пр. — Обряды.— Грамота.—Загадки библейскаго происхожденія.

108. *Богъ и мѣсто.*

Что всего древнѣе на свѣтѣ и что всего пространнѣе? Ib. 257.

109. *Душа.*

Ты—во мнѣ, а я—въ тебѣ.
Ib. 255.

110. *Нечистый.*

Безъ рукъ, безъ ногъ, безъ языка, никто его не видитъ, ничего не говоритъ, но каждаго страшитъ.
Ib. 257.

111. *Будни, воскресенье, пасха.*

Триста орловъ, пятьдесятъ соколовъ, дерево сухое, верхъ — золотой.
Ib. 257.

112. *Великій постъ и пасха.*

Намощенъ мостъ на семь верстъ, по конецъ моста—красная гора.
Ib. 258.

113. *Три поста.*

Летѣли три ворона, кричали въ три голоса, — одинъ кричитъ: „Я Петръ!" другой кричитъ: „Я Филипъ!" третій кричитъ: „Я самъ великъ!"

114. *Купель.*

Озеро кругленько, берега узеньки; кто въ немъ искупается — къ царскимъ слугамъ причисляется.
Ib. 260.

115. *Крестины.*

На морѣ моринскомъ, на озерѣ озеринскомъ два орла орловались, однимъ яйцомъ подѣлялись.
Ib. 259.

116. *Жизнь и смерть.*

Кто бѣжитъ и кто гонитъ,—два борца борются? Ib. 251.

117. *Смерть.*

На горѣ горынской стоитъ дубъ сарацинской; никто его не обойдетъ: ни царь, ни царица, ни красна дѣвица. Ib. 251.

118. *Вѣкъ, гробъ, смерть, люди.*

Стоитъ дерево среди свѣта, на немъ птица немилостивая: она цвѣты срываетъ, въ яму бросаетъ, яма полна не бываетъ и цвѣтовъ не убываетъ. Ib. 253.

119. *Гробъ.*

Сработанъ кафтанъ не на себя, купленъ не про себя, а кѣмъ изношенъ, тѣмъ не виданъ.
Ib. 262.

120. *Похороны.*

Идутъ лѣсомъ, поютъ куролесомъ, несутъ деревянный пирогъ съ мясомъ. Ib. 261.

121. *Могила.*

Заѣдешь въ ухабъ, не выѣдешь никакъ. Ib. 263.

122. *Бумага.*

Объ уголъ не разобьешь, а объ воду разобьешь. Ib. 215.

123. *Перо.*

Срѣжу голову, выну сердечко, дамъ пить, станетъ говорить. Ib. 266.

124. *Письмо.*

а) Сѣмя сѣро, руками сѣютъ, ртомъ сымаютъ. Ib. 266.
б) За моремъ дубъ горитъ, оттуда —искорья. Ib. 267.

125. *Книга.*

Не кустъ, а листочками; не рубашка, а сшита; не человѣкъ, а разсказываетъ. Ib. 265.

---

126. *Адамъ и Ева.*

а) Не родился, а умеръ. Ib. 269.
б) Невѣстой не была, а замужъ вышла. Ib. 269.

127. *Ковчегъ, голубь, вѣтка, Ной.*

На вольномъ свѣтѣ стоялъ вольный городъ; къ этому городу нѣтъ ни пути, ни дороги, а отъ этого города идутъ пути и дороги. Въ этомъ городѣ цѣлый міръ толпится, а за ограду ступить боится; идетъ къ нему посолъ нѣмъ, несетъ грамоту неписану, даетъ читать царю неученому,—царь въ руки взялъ и все прочиталъ. Ib. 271.

128. *Лотова жена.*

Кто умеръ, да не истлѣлъ? Ib. 270.

129. *Море, жезлъ, Моисей, Фараонъ.*

Замокъ водяной, ключъ древяной, заяцъ убѣжалъ, ловецъ утонулъ. Ib. 270.

130. *Іона.*

Плыветъ гробъ по морю, а въ немъ мертвецъ „иже херувимы“ поетъ. Ib. 271.

131. *Илія пророкъ.*

Кто родился, да не умеръ? Ib. 271.

132. *Лазарь.*

Одинъ разъ родился, а дважды померъ. Ib. 272.

133. *Тѣло Христа.*

Подали двумъ старцамъ милостыню краше царства небеснаго. Ib. 272.

134. *Четыре Евангелиста.*

Четыре орла одно яйцо снесли, и весь міръ питается. Ib. 273.